

Министерство культуры Республики Бурятия
Государственный архив Республики Бурятия

Архивы в истории История в архивах

Иркутск
Отгиск
2018

УДК 94(57)
ББК 63.3(2Рос)
А 87

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Республики Бурятия в рамках
Государственной программы Республики Бурятия «Культура Бурятии»

Научный редактор
д.и.н. Б.Ц. Жалсанова

Редакционная коллегия:
к.и.н. Н.А. Ильина, В.Ю. Ткачёва

А 87 Архивы в истории. История в архивах: сб. науч. статей / науч. ред.
Б.Ц. Жалсанова. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – 352 с.: ил.

Сборник содержит статьи Всероссийской научно-практической конференции «Архивы в истории. История в архивах», посвященной 100-летию Государственной архивной службы России, 95-летию архивной службы Республики Бурятия и 140-летию В.П. Гирченко, историка, архивиста, организатора архивного дела в Бурятии (7 июня 2018 г., г. Улан-Удэ). Тематика статей охватывает исследования по истории становления архивного дела в России, социальной роли архивов и значения архивных документов в сохранении исторической памяти.

Адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей и современной жизнью региона.

ISBN 978-5-6041443-5-0

УДК 94(57)
ББК 63.3(2Рос)

© Министерство культуры РБ, 2018
© Государственный архив РБ, 2018
© Изд-во «Оттиск», 2018

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В 2018 году государственная архивная служба России празднует вековой юбилей. Создание в России единой государственной системы управления архивами – архивной службы связано с принятием 1 июня 1918 г. Декрета Совнаркома РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Подписание этого документа имело свои неоспоримые преимущества – это позволило сохранить документальный фонд страны в годы гражданской войны и в последующие годы.

В 2018 году также отмечается 95-летие архивной службы Республики Бурятия. Первое в истории Прибайкалья государственное архивное учреждение - Архивное бюро БМАССР при Управлении делами Бурревкома было создано в 1923 году.

95 лет – это долгий путь, на протяжении которого, благодаря усилиям нескольких поколений архивистов, был создан богатейший историко-документальный потенциал, который сегодня позволяет изучать историю становления и развития нашей республики, учреждений и общественных институтов, жизнь и судьбу многих поколений жителей Бурятии. На протяжении 95 лет эффективное управление в сфере архивного дела является гарантом сохранения документального наследия республики. Сегодня Государственный архив Бурятии и муниципальные архивы республики обеспечивают сохранность более 1,5 млн. дел.

Архивные документы создаются во всех сферах государственной, общественной и политической жизни общества, во всех отраслях, учреждениях и организациях. Всеобъемлющий характер архивной отрасли является его принципиальным отличием от других сфер деятельности.

Сегодня архивы – это не только собрания исторических источников, но и важнейший институт в системе государственного управления, в обеспечении стабильности и безопасности государства.

Материалы всероссийской научно-практической конференции «Архивы в истории. История в архивах», посвященной 100-летию государственной архивной службы России и 95-летию архивной службы Республики Бурятия, вносят позитивный вклад в познание и осмысление современных процессов в архивной сфере, обеспечение доступа к архивным документам. Безусловно, материалы конференции будут востребованы историками, краеведами, архивными работниками и всеми, кто интересуется историей и культурой родного края.

*Министр культуры
Республики Бурятия С.Б. Дагаева*

Курас Леонид Владимирович
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Российская Федерация, Улан-Удэ
kuraslv@yandex.ru

Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
butit62@mail.ru

**ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЯЮЩЕГО ЦЕНТРАЛЬНЫМ
АРХИВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ БМАССР**

В.П. ГИРЧЕНКО*

В статье на основе документов Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) рассматривается профессиональная деятельность основателя и первого руководителя архивной службы Бурят-Монгольской АССР Владимира Петровича Гирченко в деле архивного строительства: создание архивной службы и ее кадровое обеспечение, сохранность архивных документов, формирование фондов, сотрудничество с архивными управлениями центра и регионов, обработка поступающих документов, работа с пользователями и научная публикация источников и исследовательская работа.

Ключевые слова: Владимир Петрович Гирченко, Государственный архив Республики Бурятия, архивное строительство, Бурят-Монгольская АССР.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-4-18

Kuras Leonid Vladimirovich
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
Russian Federation, Ulan-Ude

Zhalsanova Butit Tsydipmunkuevna
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

---

* Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4. «XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4).

THE DOCUMENTS FROM THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA ABOUT THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF THE HEAD OF ARCHIVE DEPARTMENT OF THE BMASSR GIRCHENKO V.P.

Based on the documents of the State Archive of the Republic of Buryatia (SARB), the article examines the professional activities of the founder and the 1st head of archival service in the Buryat-Mongol ASSR (BMASSR) Girchenko Vladimir Petrovich in terms of the archival development: the establishment of the archival services and its staff assistance, the conservation of the archival documents, the formation of archives, the cooperation with central and regional archival administrations, the data handling, the user management and the scientific publications of the sources and research work.

Key words: Girchenko Vladimir Petrovich, the State Archive of the Republic of Buryatia, archival development, the Buryat-Mongol ASSR.

Республике Бурятии повезло несказанно: целое десятилетие после гражданской войны Верхнеудинск, Прибайкалье, а затем и Бурят-Монгольская АССР были неразрывно связаны с именем Владимира Петровича Гирченко.

В любом очерке или научной статье об архивном ведомстве, музейном деле, исторической науке Бурятии мы обязательно находим информацию о том, что В.П. Гирченко, внук декабриста В.А. Бечаснова, представитель революционно-демократической интеллигенции России, краевед, архивист, историк, публицист, педагог, пропагандист, общественный деятель. И все эти характеристики реально отождествлялись с именем этого незаурядного человека. Он, действительно, стоял у истоков и был создателем Прибайкальского народного университета и, будучи первым профессиональным историком в Сибири, сделал очень многое для постановки систематического исторического образования и исторической науки в регионе [4]. А будучи председателем общества изучения Прибайкалья, В.П. Гирченко положил начало музейному делу в Бурятии. Достаточно вспомнить, что в 1925 г. в Бюллетене «Бурятияведение» он опубликовал программу «Об учете памятников искусства и старины в Буреспублике», в которой дал рекомендации, инструкции и методику регистрации памятников истории и разработал класси-

фикацию памятников искусства. По сути, это одно из первых методических пособий по охране памятников культуры в СССР. И потому наличие личного фонда В.П. Гирченко в Музее истории Бурятии явление не случайное [3].

Имя В.П. Гирченко включено в биобиблиографический указатель первых историков Октября и гражданской войны в Сибири [7], которые заложили основы изучения истории Октября, гражданской войны и иностранной военной интервенции в крае. Но главная заслуга Владимира Петровича состоит в том, что он создал и возглавил архивную службу в республике, заложив не только организационную, но и нормативно-правовую основу деятельности Архивного управления Бурят-Монгольской АССР.

Российская историография уделяет значительное внимание истории архивного строительства в Бурятии во главе с В.П. Гирченко [5; 6] и особенно научно-поисковой деятельности В.П. Гирченко, подчеркивая широту диапазона его научных интересов: проблемы социально-экономической истории Забайкалья XVII-XVIII вв., движение декабристов, история первой революции в России, Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции. В поле зрения В.П. Гирченко находились вопросы истории и этнографии семейских, бурят и эвенков, библиография истории рабочего движения и социал-демократической печати, роль российских ученых и иностранных путешественников в изучении Прибайкалья [4]. Причем, его работы не потеряли актуальности и в настоящее время.

Но объектом нашего научного интереса стала непосредственно профессиональная деятельность В.П. Гирченко в качестве руководителя Центрального архивного управления Бурят-Монгольской АССР, нашедшая отражение в самих документах, возглавляемого им учреждения. Так, история архивного дела в Бурятии сосредоточена в трех фондах Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ):

– фонд ФР. 273 «Комитет по делам архивов РБ» – 2954 единиц хранения за 1917-2008 гг.;

– фонд ФР.2194 «Управление по делам архивов РБ» – 215 единиц хранения за 1974-2015 гг.;

– фонд ФР.2192 «Государственный архив РБ» – 218 единиц хранения за 2007-2013 гг.

При этом фонд ФР.273 ГАРБ содержит существенный сегмент документов, посвященных непосредственной работе Владимира Петровича в деле руководства архивным строительством в республике.

Начать описание деятельности В.П. Гирченко как архивиста хотелось бы с презентации трех документов, находящихся на хранении в ГАРБ: автобиография В.П. Гирченко [1, Д. 649, Л. 32-34], анкета служащего Центрального Архивного управления БМАССР В.П. Гирченко [1, Д. 649, Л. 24-25] и заявление В.П. Гирченко в Секретариат Прибайкальского губревкома о своем образовательном цензе и опыте работы в области архивного дела и краеведения [1, Д. 649, Л. 7], ставшее по сути «объективкой» для приема на работу.

Автобиография состоит из нескольких рубрик: «Социальное положение», «Партийная принадлежность», «Участие в общественной жизни до Февральской революции», «Работа после Февральской революции». Но самая замечательная рубрика была озаглавлена «Интеллектуальное развитие и образование» и включала в себя следующее содержание: «В 1897 г. я окончил курс Читинской мужской гимназии, а в 1904 г. окончил курс Московского университета по историко-филологическому факультету с дипломом 1-й степени. В связи с прохождением университетского курса мною была написана работа «Сибирь как колония Московского государства», и я вообще занимался изучением истории Сибири и Забайкалья в частности, а также изучением вопросов экономики». Здесь мы видим невероятную скромность, помноженную на достоинство. И еще одна рубрика автобиографии, которая вызывает искреннее уважение – «Партийная принадлежность». Читаем: «В апреле 1917 г. я вступил в Верхнеудинскую организацию партии с[оциал]-д[емократов] интернационалистов. Эта партия в то время наиболее отвечала марксистскому мировоззрению, которое сложилось у меня в результате анализа событий и хода революции 1905-1906 гг. В Верхнеудинской организации партии я работал с В.М. Серовым, Е.А. Петровым и многими другими товарищами, входившими в ту же организацию. В организации я состоял до ее распада в конце 1917 г. на отдельные группы. После этого, я ни к какой другой партии не принадлежал. Будучи беспартийным, я в тоже время разделяю программу РКП». Одного упоминания своего имени рядом с именем В.М. Серова – депутата Государственной думы второго

созыва, делегата V (Лондонского) съезда РСДРП, политкаторжанина, ссыльного, первого председателя Верхнеудинского Совета, погибшего от рук белогвардейцев [9] – было вполне достаточно, чтобы рассчитывать на руководящую должность в органах Советской власти. А еще вопрос из анкеты служащего Центрального Архивного управления БМАССР от 12 января 1925 г.: «Подвергались ли репрессиям за политическую деятельность, каким, когда, за что, где и от какой власти, указать подробно». И ответ на поставленный вопрос: «За участие в сходке студентов Московского университета 9 февраля 1902 г., провозгласившей лозунг политической борьбы с самодержавием, был подвергнут по распоряжению царского министра внутренних дел в административном порядке тюремному заключению» [1, Д. 649, Л. 24-25].

Но ему нужна была не власть, а история, краеведение и архивное дело. В этой связи несомненный интерес представляет заявление В.П. Гирченко в Секретариат Прибайкальского губревкома о своем образовательном цензе и опыте работы в области архивного дела и краеведения от 31 мая 1923 г.: «Представляю нижеследующие сведения о моем образовательном цензе и работе в области архивного дела и краеведения.

Окончил курс Московского университета по историко-филологическому факультету. В течение десяти последних лет занимался изучением архивов Прибайкалья. Извлеченные из архивов материалы обработал и частью издал в местных периодических изданиях («Известия кафедры Прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете», «Прибайкальский край» и «Прибайкальская правда») и отдельно («Прибайкалье. Исторический очерк», «Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских»).

В 1921 и 1922 гг. занимал должность декана кафедры Прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете и состоял уполномоченным бывшего Министерства народного просвещения Дальневосточной республики по охране архивов Прибайкалья».

Заявлению В.П. Гирченко предшествовало постановление Бурят-Монгольского революционного комитета «Об учете и охране документальных материалов учреждений, находящихся на территории Бурят-Монгольской автономной области РСФСР» от 24 июня 1922 г. за подписью председателя Революционного комитета Бурятской автономной области М. Ербанова [1, Д. 3, Л. 1-2]. При-

нятие этого документа было вызвано «уничтожением находящихся в пределах Бур[ятской] авто[номной] области архивов, представляющих из себя не только для исторической и экономической науки, но и для текущего советского строительства», «продажей и использованием для текущих нужд канцелярий архивной бумаги», осуществлявшихся в ходе пресловутых «макулатурных кампаний» [8; 2], нанесших невосполнимую утрату ценных для потомков документов, безвозвратно утерянных в ходе этих кампаний. Неслучайно первым документом, находящимся на хранении в ГАРБ после создания 1 июня 1923 г. приказом Прибайкальского губревкома Архивного бюро и назначения В.П. Гирченко его заведующим [1, Д. 562, Л. 5], становится донесение от 10 ноября 1923 г. заведующего Архивным бюро В.П. Гирченко в Управление делами Бурревкома об использовании архивных документов для упаковки товаров в магазинах г. Верхнеудинска [1, Д. 14, Л. 5] и Справка заведующего Архивным бюро БМАССР В.П. Гирченко, написанная редактору газеты «Бурят-Монгольская правда» в ответ на опубликованную заметку об использовании архивных документов для упаковки товаров [1, Д. 14, Л. 67]. Следует отметить, что и в последующие годы рецидивы по использованию архивных документов в качестве подручных средств неоднократно повторялись. Так, 22 марта 1927 г. за подписью В.П. Гирченко было направлено письмо Центрального Архивного управления БМАССР в Центральный исправительный трудовой дом о недопустимости использования архивных документов для изготовления конвертов [1, Д. 50, Л. 23-23об.].

Правовое решение вопроса об организации архивного дела в республике было принято 29 декабря 1923 г. постановлением ЦИК и Совнаркома БМАССР за подписью председателя ЦИК М.И. Амагаева и председателя Совнаркома республики М.Н. Ербанова [1, Д. 393, Л. 46].

Основной же корпус документов ГАРБ, связанный непосредственно с профессиональной деятельностью В.П. Гирченко, посвящен вопросам архивного строительства. Так, с первых дней своей работы В.П. Гирченко стремится наладить работу со своими коллегами из других регионов с целью обеспечения сохранности архивных документов и создания единого информационного поля. В фонде 273 мы находим письмо заведующего Архивным бюро БМАССР В.П. Гирченко в Московское отделение Центрального бюро крае-

ведения при Государственной академии наук о наличии дел и документов об истории пребывания декабристов в Сибири [1, Д. 14, Л. 15-15 об.], отношение заведующего Архивным бюро БМАССР В.П. Гирченко Приморскому губернскому архивному бюро г. Владивостока о сотрудничестве в области архивного дела [1, Д. 14, Л. 17-17 об.], письмо заведующего Архивным бюро БМАССР В.П. Гирченко в Центральный архив РСФСР об имеющихся документах по истории интервенции и партизанского движения на Дальнем Востоке [1, Д. 14, Л. 77-77 об.], отношение заведующего Центральным архивным управлением БМАССР В.П. Гирченко в Иркутское губернское архивное бюро о необходимости сотрудничества для обеспечения сохранности архивных документов [1, Д. 14, Л. 78-78 об.].

Но главное направление деятельности В.П. Гирченко – это формирование фондов Архивного бюро БМАССР и их наполнение. Для решения этой задачи он 15 января 1924 г. направляет письмо в Управление делами Совнаркома БМАССР о передаче документов подведомственных учреждений в Архивное бюро БМАССР, которое, на наш взгляд, является эталоном деловой переписки: «В целях собирания и сохранения материалов, характеризующих революционный период и эпоху революционного строительства, Архивное бюро просит предложить всем Наркоматам и другим, подведомственным Бурсовнаркому учреждениям, передавать в ведение Архивного бюро по два или, по крайней мере, по одному экземпляру всех печатных материалов, находящихся в их распоряжении, или имеющих поступать в них в будущем, как-то циркуляров, проектов докладов, протоколов съездов, плакатов, воззваний, листовки, агитационную литературу, а также фотографические снимки» [1, Д. 14, Л. 19]. В этом же фонде имеется докладная записка заведующего Архивным бюро В.П. Гирченко в Управление делами Совнаркома БМАССР о передаче архива Центрокассы Бурнаркомфина на хранение [1, Д. 14, Л. 60-60 об.], отношение заведующего Архивным бюро БМАССР В.П. Гирченко Наркомпросу Бурреспублики о передаче им книг и журналов Верхнеудинской коммунальной библиотеки [1, Д. 14, Л.65-65 об.], постановление Совнаркома БМАССР о сосредоточении в Центральном Архивном управлении архивов частных, общественных и государственно-хозяйственных предприятий от 28 января 1925 г. [1, Д. 3, Л. 8] и множество других

документов, связанных с наполнением фондов архива. В этой связи в фонде имеется интересный факт, связанный с упорядочением административной границы БМАССР и Иркутской губернии, в связи с чем от него последовало предписание в Кабанский райисполком о передаче архивных материалов для перевозки в г. Верхнеудинск [1, Д. 25, Л. 44-44 об].

Эти спонтанные действия, благодаря В.П. Гирченко, удалось упорядочить и 4 ноября 1925 г. за подписью председателя Совнаркома республики М.Н. Ербанова было принято постановление Совнаркома БМАССР об утверждении «Правил постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных, кооперативных учреждениях и предприятиях БМАССР» [1, Д. 3, Л. 4-8 об.], что позволило упорядочить наполнение фондов и придать этому процессу статус государственного задания. А через полгода, 17 апреля 1926 г., было принято постановление Совнаркома БМАССР об учете и сдаче в Центральное Архивное управление документальных материалов за 1917-1921 гг. [1, Д. 3, Л. 10-11]. 10 дней спустя, 28 апреля 1926 г., было принято постановление Совнаркома БМАССР о предоставлении сведений организациями и учреждениями республики Центральному Архивному управлению об имеющихся у них фото и кинодокументах [1, Д. 3, Л. 15-15 об].

На первый взгляд может показаться, что В.П. Гирченко работал по принципу пылесоса, стремясь сосредоточить у себя всю текущую документацию, книжный и газетный фонды республики. Но, во-первых, это был системный сбор текущей документации, о чем свидетельствует постановление Совнаркома БМАССР 4 ноября 1925 г. об утверждении «Правил постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных, кооперативных учреждениях и предприятиях БМАССР» [1, Д. 3, Л. 9]. А главное заключалось в том, что постановка архивной части была осознанной, ибо в пору «макулатурных кампаний», которые словно смерч прошли по всем архивам и библиотекам страны, это была реальная возможность спасти историю республики. То есть, речь идет о систематическом собирании, охране, постановке на учет и обработке архивных материалов. Именно эта деятельность на посту руководителя архивной службы республики представляется нам самой важной в многогранной деятельности В.П. Гирченко. Так, в докладной записке от 16 ноября 1924 г. в Управление Цен-

трального архива РСФСР о состоянии архивного дела в республике В.П. Гирченко подчеркивает: «Архивное дело, в смысле систематического собирания, охраны и разработки архивных материалов, в Прибайкалье, как и вообще в Сибири и на Дальнем Востоке до периода революции почти не существовало. Научные организации, работавшие здесь над изучением края – отделы Русского Географического общества и Общества изучения Сибири, сравнительно мало интересовались историей края и архивным делом, и если занимались этой отраслью науки, то лишь частично, поскольку это было необходимо для освещения некоторых частных вопросов этнографии, обычного права, экономики края и т. п.

Результатом такого положения было то, что значительная часть архивов Сибири, в особенности – Восточной, погибла. Архивы истреблялись пожарами (известный пожар г. Иркутска в 1879 г., когда сгорели почти все архивы этого административного центра всей В[осточной] Сибири), расхищались вследствие небрежного хранения, продавались на обертки и т[ому] п[рочее]». И далее отмечается, что «несмотря на это, благодаря каким-то счастливым случаям в некоторых местах Прибайкалья сохранились значительные архивные фонды, восходящие к 60-м годам XVIII века. Таковы, напр[имер], архивы: Верхнеудинского магистрата (с 1759 г.), быв[шего] Верхнеудинского полицейского управления (с 1760-х гг.), архив бывшего Тарбагатайского волостного правления (с 1770-х гг.) и др.» [1, Д. 7, Л. 4-8 об.]. Особенно это касалось архивов дацанов, подвергшихся расхищению в годы гражданской войны [1, Д. 93, Л. 5, 7].

По ходу архивного строительства В.П. Гирченко осуществлял и кадровую политику, стремясь закрепить уполномоченных по архивному делу в аймаках. Так, фонд ФР.273 ГАРБ располагает распоряжениями В.П. Гирченко заведующему аймстатбюро Аларского аймака И.А. Татаренко о наделении его полномочиями по архивному делу в аймаке [1, Д. 562, Л. 50], уполномоченному по охране архивов Эхирит-Булагатского аймака Мытнику об организации временного хранения документов [1, Д. 562, Л. 58-58 об.], распоряжение заведующего Центральным Архивным управлением БМАС-СР В.П. Гирченко председателю Баунтовского туземного районного ревкома о приведении в порядок архивов [1, Д. 50, Л. 4] и др. Причем, В.П. Гирченко удалось придать этому процессу системность

путем выработки и принятия «Положения об Аймачных (уездных) архивах на территории БМАССР» от 18 ноября 1926 г., которое определяла статус Аймачного (уездного) архива, ответственность и задачи, стоявшие перед ним [1, Д. 3, Л. 16-18]. При этом он предъявлял высокие требования к сотрудникам Архивного управления, о чем свидетельствует разработанная им в 1930 г. «Характеристика обязанностей сотрудников Архивного управления» для инструктора и архивариуса. Так, обязанности инструктора включали:

«1. Знание архивного законодательства, Правил и инструкций, относящихся к кругу порученных работ.

2. Знание истории учреждений.

3. Составление обзоров и характеристика фондов, которые поручены ведению данного научного сотрудника.

4. Составление описей архивного материала (так называемых научных описаний).

5. Регистрация архивных фондов, описей, реестров (фондовая книга и прочее).

6. Наведение научно-исторических справок по архивным материалам.

7. Инструктирование сотрудников учреждений по вопросам архивного дела.

8. Умение самостоятельно пользоваться литературно-историческими списками, справочниками и другими пособиями при выполнении порученных работ» [1, Д. 95, Л. 103-103 об.]

О трудностях периода становления архивного дела в республике красноречиво говорят материалы годового отчета Центрального архивного управления БМАССР за 1923-1924 гг. Так, В.П. Гирченко подчеркивает, что штаты Архивного управления выросли с одной единицы до трех. Но «если сопоставить эти цифры со штатами губернских Архивных бюро (от 6 до 11 сотрудников), то следует признать штат Архивного бюро БМАССР недостаточным, особенно если принять во внимание, что он должен обслуживать всю республику».

Кроме малочисленности штата, другим неблагоприятным условием работы Архивного бюро (Управления) Буреспублики в течение всего отчетного года было «неимение прочно закрепленного помещения». И далее, «архивные фонды пришлось держать в кладовых, приносить из кладовых в помещение Архивного бюро не-

значительное количество архивных материалов для разборки и описи, затем уносить в кладовую, принося взамен другие материалы, тоже в незначительном количестве. В этих условиях работа велась «кустарным способом» до конца...». При этом «в течение отчетного года взято на учет и внесено в картотеку Архивного управления 35 архивных фондов. Из указанного числа принято фактически в актохранилища Архивного управления 28 фондов, и оставалось на местах в ведении местных административных органов – 7 фондов. Из числа архивных фондов наиболее старинными являются: Селенгинской ратуши (1720-1840 гг.), Верхнеудинского городского магистрата (с 1789 г.), Тарбагатайского волостного правления (с 1770-х гг.)». Анализ состояния работы архивов на местах выявили наличие некоторых архивных фондов, очень ценных дел для истории Бурятии (архивы бывших Степных дум – Баргузинской, Балаганской, Селенгинской, Кударинской и др.) каковые, на основании анкетных сведений, были взяты на учет Архивного управления».

Далее отмечается, что «обследования архивов на местах путем командировок сотрудников в отчетном году не производились как за малочисленностью штата, так и за неимением у Архивного управления средств для указанной цели». Кроме того, «Архивным управлением был принят ряд мер в целях борьбы с уничтожением и тратой архивных материалов. Архивное управление при каждом отдельном случае, замеченной им продажи или траты архивных материалов в лавках и магазинах г. Верхнеудинска входило в Управление делами СНК об изъятии означенных материалов из торговых заведений, что и выполнялось Гормилицией. В этом порядке в ведение Архивного управления поступил архивный фонд Кяхтинской городской ратуши» [1, Д. 7, Л. 25-27].

Но уже отчет Центрального Архивного управления БМАССР за 1924-1925 гг., представленный В.П. Гирченко в январе 1926 г. в Центрархив РСФСР, полон оптимизма и наполнен реальными достижениями [1, Д. 13, Л. 74-74 об.], среди которых:

– выявление и обследование архивных фондов и взятие их на учет, когда в течение отчетного года было внесено в картотеку 87 фондов;

– охрана и концентрация архивных фондов, когда в архивохранилище поступило 70 фондов из аймачных и хошунных архивов;

– разборка и систематизация по программам и инструкциям Центрархива РСФСР архивных материалов состоящих в ведении Архивного управления, в результате чего было разобрано и описано 47 фондов и частично разобрано 26 фондов;

– осуществлялась научная работа, вылившаяся в ряд научных докладов, а сам В.П. Гирченко за 5 лет опубликовал 22 статьи по разным направлениям истории Бурятии [1, Д. 649, Л. 29-29 об.];

– внешнее обслуживание государственных учреждений, научных, профессиональных и других организаций, а также частных лиц;

– работа библиотеки Архивного управления, в фонде которой насчитывалось более 10000 томов книг и газеты 100 наименований.

Следует отметить, что постановление Совнаркома БМАССР о деятельности Центрального Архивного управления за 1925 г. и первое полугодие 1926 г. от 28 мая 1926 г. является ярким свидетельством понимания со стороны руководства республики необходимости наполнения архивохранилища документами и материалами «...б) при составлении и утверждении сметы Архивного управления на 1926-1927 г. учесть необходимость обеспечения такового достаточными операционными средствами для проведения концентрации архивных материалов Буреспублики и др. отраслей архивной работы; в) предложить Архивному управлению принять меры к розыску архивов бывших Бурятских Народных дум в Иркутске и Чите и получении их в Центрархив БМАССР; г) предложить Архивному управлению войти в соглашение с Иркутским и Читинским архивами о выделении архивных фондов, относящихся к Буреспублике в распоряжение Центрархива последней» [1, Д. 13, Л. 125-125 об.].

При этом все недостатки начального этапа работы архива остались прежними. В этой связи 21 мая 1926 г. В.П. Гирченко направил докладную записку в Президиум Совнаркома БМАССР о предоставлении Архивному управлению помещений, необходимых для хранения архивов и научной работы с фондами [1, Д. 44, Л. 10-11 об.; Д. 30, Л. 33-39].

Однако В.П. Гирченко и дело его жизни ожидало еще большее испытание. 1 июля 1927 г. было принято «Постановление ЦИК и СНК БМАССР о реорганизации государственного аппарата и сокращении расходов на его содержание», в результате чего, были

упразднены многие ведомства. В этом же постановлении было указано: «Упразднить Архивное управление, возложив обязанности по архивному делу на Управление делами ЦИК и СНК, образовав в составе Управления делами Архивную часть» [1, Д. 62, Л. 17-17 об.]. Это решение крайне негативно повлияло на систему архивных учреждений, техническую постановку архивного дела и весь процесс архивного строительства в республике. Особенно плачевно дело обстояло в аймаках. Так 16 июня 1928 г. старший инструктор Архивной части В.П. Гирченко пишет докладную записку о состоянии архивного дела в республике, подготовленную на заседание Президиума ЦИК БМАССР, из которой следовало: «При отсутствии местных архивных органов эти архивы во многих случаях остаются без всякого призора в деревянных, опасных в пожарном отношении, помещениях – амбарах, чуланах и т. п. и в этих условиях расхищаются и истребляются, о чем неоднократно докладывалось высшим органам Республики при возбуждении ходатайств об учреждении архивных органов на местах» [1, д. 78, л. 5-9]. И, наконец, 25 августа 1928 г., благодаря настойчивости В.П. Гирченко, было принято постановление заседания Президиума ЦИК БМАССР об улучшении архивного дела, в котором было записано: «4. а) во исполнение циркуляра ВЦИК поручить НКФ и НКТ учесть директивы по улучшению и поднятию архивного дела в республике при составлении бюджета на 1928-1929 гг.; б) РКИ разработать вопрос о выделении Архивной части из состава Управления делами ЦИК и СНК в самостоятельный орган, а также штатах этого органа; в) считая, что в связи с постройкой Дома Советов вопрос о помещениях для хранения архивных материалов разрешится в ближайшие годы в положительном смысле, поручить аппарату ЦИК разработать ряд мер по организации надлежащего хранения архивных материалов, обеспечивающих их полную сохранность и неприкосновенность до перехода в специально отстроенные помещения Дома Советов; г) обратить внимание всех центральных правительственных, хозяйственных, кооперативных и общественных организаций и учреждений БМАССР на внимательное и бережное хранение архивных материалов; д) в отношении аймаков разработать ряд мероприятий по улучшению хранения архивных материалов и организации архивного дела»; е) поручить Административному управлению и Народному комиссариату юстиции выявлять виновных в небреж-

ном хранении архивов и привлекать к ответственности» [1, Д. 78, Л. 10]. А 19 ноября 1928 г. был подписан приказ ЦИК БМАССР о восстановлении Архивного управления при ЦИК и назначении его заведующим Гирченко Владимира Петровича [1, Д. 293, Л. 27-28].

К сожалению, «Характеристика обязанностей сотрудников Архивного управления» от 1930 г. стала последним документом, находящимся на хранении в ГАРБ и характеризующим профессиональную деятельность В.П. Гирченко на посту руководителя Архивного управления БМАССР. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в стране уже дули иные «политические ветры». Первостепенную роль в кадровой политике Советского государства стали играть классовое происхождение и членство в партии большевиков.

24 ноября 1931 г. по докладу заведующего Архивным управлением БМАССР В.П. Гирченко было принято постановление Президиума ЦИК БМАССР об архивном деле в республике, в соответствии с которым проделанная Архивным управлением работа была признана неудовлетворительной. В постановляющей части Постановления, среди прочих пунктов, было указано:

«1. Перестроить формы и методы работы архивного управления, исправить и увязать с планами советских хозяйственных учреждений и вообще со всем социалистическим строительством.

2. Учредить связь с широкими рабочими и колхозными массами, привлекая общественность к активному участию в архивном строительстве, с такой целью создать институт архивных корреспондентов.

3. Учитывая состояние архива в действующих на территории Бурреспублики учреждениях, создать институт архивариусов и вменить в обязанность одного на членов РИКа, иметь постоянное наблюдение и нести ответственность за состояние районного архива и работу архивариуса, поручив последнему вести отчетность перед Архивным управлением БМАССР по всем учреждениям, совхозам, предприятиям и районам» [1, Д. 95, Л. 4-5]».

Как видно из содержания постановления, оно слабо увязывается с основными принципами архивного дела и архивного строительства. Архивное управление республики возглавил Армянников Иван Михайлович, заведующий Политической секцией Центрального Архивного управления БМАССР, член партии с апреля 1917

г., из рабочих, образование – двухклассное сельское училище [1, Д. 40, Л. 57-57 об.].

В 1932-1939 гг. Владимир Петрович по заданию Государственного института языка, литературы и истории (ГИЯЛИ) БМАССР находился в Москве, где изучал материалы по истории Бурятии. В 1939-1941 гг. он переходит на работу в Институт истории АН СССР по направлению истории Сибири XIX- XX вв. С сентября 1941 г. по 1943 г. работает в Государственном историческом архиве НКВД СССР, сначала в должности сотрудника архива дореволюционных фондов, а затем в должности начальника отдела военных фондов.

Владимир Петрович Гирченко умер в сентябре 1953 г. в Москве и похоронен в Москве на Пятницком кладбище на участке декабристов.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР. 273. Оп. 1.
2. Боброва В.С. Макулатурные кампании 1920-1930-х гг. в Сибири /В.С. Боброва // Отечественные архивы. 2001. № 5. – С. 11-24.
3. Курас Л.В. Личный фонд В.П. Гирченко в Музее истории Бурятии / Л.В. Курас, И.М. Дашинамаева // Проблемы истории Сибири (XVIII-XX века). Межвузовский научный сборник (к 75-летию доктора исторических наук, профессора Б.Б. Батуева). – Улан-Удэ: ИПКВСТАКИ, 2000. – С. 116-142.
4. Курас Л.В. Потому что у нас был Гирченко... / Л.В. Курас // Региональные архивы: история и современность, посвященной 90-летию образования Архивной службы Республики Бурятия и 135-летию со дня рождения В. П. Гирченко, историка, архивиста, организатора архивного дела в Бурятии [Текст] / Упр. по делам архивов Респ. Бурятия, Гос. архив Респ. Бурятия, Бурятское респ. отд-ние общероссийской общественной орг. «Российское о-во историков-архивистов». – Улан-Удэ: Упр. по делам архивов Респ. Бурятия : Гос. архив Респ. Бурятия, 2013. 208 с. – С. 15-19.
5. Лыскокова В.Ц. Архивное дело в Бурятии: история организации и развития (60-е XX-1991 г.). Улан-Удэ: ИПК ВСТАКИ, 2001. 219 с.
6. Лыскокова В.Ц. Архивное дело в Байкальском регионе: становление и развитие (вторая половина XIX в. – 1938 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. 257 с.
7. Первые историки Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири : Биобиблиографический указатель / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; / сост. И.В. Павлова, В.С. Познанский / отв. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1988. – 104 с.
8. Савин В.А. «Хранить нельзя уничтожить»: Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР-СССР, 1918-1950-е годы / В.А. Савин. – М.: РГГУ, 2000. – 223 с.
9. Чашин В. Памяти В.М. Серова // «Красная Голгофа». Сборник, посвященный памяти товарищей, погибших за рабоче-крестьянское дело / под ред. И. Жуковского и З. Мокина. Благовещенск: Типогр. «Благовещенск», 1920. С. 84-89.

Лыскокова Вера Цэдашиевна
Бурятский научный центр СО РАН
Российская Федерация, Улан-Удэ
lverased@yandex.ru

ПЕРВЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА (1920–1930-Е ГГ.)

Статья посвящена деятельности первых архивистов Байкальского региона, которые стояли у истоков становления и развития архивного дела в Байкальском регионе.

Ключевые слова: архивное бюро, управление, архивист, архивное дело, документы, фонды, формирование, комплектование, наука, Иркутск, Бурятия, Верхнеудинск, Чита.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-19-27

Lyksokova Vera Tsedashievna
Buryat Science Center of SB RAS
Russian Federation, Ulan-Ude

FIRST HEADS OF THE ARCHIVAL SERVICE OF THE BAIKAL REGION (1920-1930-IES.)

The article examines activities of the first archivists in the Baikal region, the founders of the archival service in the Baikal region.

Keywords: archival bureau, administration, archivist, archiving, documents, funds, formation, acquisition, science, Irkutsk, Buryatia, Verkhneudinsk, Chita.

Архивы на каждом новом витке общественного и государственного развития формировались людьми в соответствии с их собственными представлениями об архивно-учрежденческих функциях. В этой связи представляется актуальным воссоздать и обобщить целостный «портрет» тех архивистов, которые создавали и развивали архивное дело Байкальского региона сквозь все трудности и невзгоды, отдавая свои силы для сохранения бесценного документального богатства России. Хотелось бы перечислить всех и каждо-

го поименно, однако в рамках одной статьи это невозможно, поэтому остановимся на некоторых.

Руководителем первого архивного учреждения Иркутской губернии – Центрального архива Восточной Сибири был Владимир Иванович Огородников, профессор, первый декан историко-филологического факультета Иркутского государственного университета. Он внес большой вклад в становление архивного дела в Иркутской губернии, создал основу комплектования архивных фондов региона.

В.И. Огородников родился в 1886 г. в семье сельского учителя в Вятской губернии. Закончив историческое отделение историко-филологического факультета Казанского университета, работал преподавателем русской истории на Казанских высших женских курсах. В 1912–1916 гг. работал в архивах Общества архивной истории и этнографии, Министерства юстиции и Министерства иностранных дел. В 1917 г. становится доцентом историко-филологического факультета, позже, выдержав магистерские экзамены, становится профессором Казанского университета [2, С. 13].

В 1918 г. В.И. Огородников приехал в Иркутск по приглашению с целью организации первого в Восточной Сибири университета. Когда в нем был образован историко-филологический факультет, его избрали деканом как одного из видных представителей нового поколения университетских ученых. По рекомендации Главного управления архивным делом (ГУАД) об образовании в Сибири и на Дальнем Востоке краевых центральных архивов, он предлагал образовать в г. Иркутске Центральный архив Восточной Сибири (Центрархив) куда, по его замыслу должны быть собраны фонды не только из Иркутска, но и Красноярска, Верхнеудинска, Читы и Якутска. 15 марта 1920 г. был создан Центрархив, руководителем которого был назначен В.И. Огородников.

Примечательно, что для реализации намеченных планов, он привлекал высокообразованных людей того времени: М.П. Овчинников – известный краевед, археолог и архивист, который в свое время возглавлял Губернскую ученую архивную комиссию; Б.Г. Кубалов – преподаватель губернской мужской гимназии, преподаватель университета; Г.А. Ряжский – единственный специалист – архивист с двадцатитрехлетним стажем в архиве Министерства юстиции в Москве; А.Н. Турунов – юрист,

окончивший юридический факультет Томского университета; К.Е. Логутов – юрист, окончивший Казанский университет. На основании обращения В.И. Огородникова в Губревком, им были выданы удостоверения на право обследования архивов, выявления фондов в учреждениях и т.д. [4, Л. 6].

Он активно решал вопросы выделения помещений под архивохранилище, заботился о материальном положении сотрудников вплоть до приобретения для них одежды и обуви, о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Иркутской области. В.И. Огородников правильно замечал, что работа по приведению архивов в порядок надо начинать с провинциальных и местных архивов. Поэтому он организовывал летние архивные экспедиции по уездам для выявления существующих архивов и сбора документов. Отрадно, что помимо проведения мероприятий по сохранению фондов губернии, он заботился и о том, чтобы документы не вывозились за пределы Восточной Сибири. По этому поводу в апреле 1920 г. он обратился в Сибархив о приостановке высылки в Омск архивных дел центральных учреждений бывшего правительства Колчака [5, Л. 18].

В 1921 г. Центрархив прекратил свое существование согласно положению ГУАД о создании губернских архивных фондов на местах и был реорганизован в Иркутское губернское архивное управление. В этом же году В.И. Огородников уезжает из Иркутска. Далее, по имеющимся скудным данным, известно, что в 1923 г. по решению Дальревкома он был назначен ректором Государственного Дальневосточного университета. В 1933 г., будучи заместителем директора Арктического института в Петропавловске-Камчатском, он был арестован по делу «Автономная Камчатка», осужден на 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере, отправлен в дальневосточный концлагерь. В 1938 г. он был этапирован из «Дальлага» в «Совжелдорлаг» Архангельской области, где жизнь ученого историка, архивиста, автора многих научных трудов по истории народов Сибири и Дальнего Востока оборвалась в сентябре 1938 г. В 1956 г. дело В.И. Огородникова было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления [2, С. 14].

В 1921 г. заведующим Иркутского губернского архивного управления был назначен архивариус К.И. Логутов, окончивший

юридический факультет Иркутского госуниверситета и Археологический институт, имевший к этому времени стаж работы в архивном деле 7 лет. Кроме него в штате Губархива состояли 4 сотрудника, имевшие высшее образование и достаточно большой стаж в области архивного дела. Среди них работал Г.А. Ряжский, окончивший Московский государственный университет, со стажем 24 года в Московском архиве, два сотрудника имели 10-летний опыт работы в архивах [2, С. 24].

В 1923 г. Иркутское губернское архивное управление, созданное в 1922 г., было расформировано и организовано Архивное бюро Иркутского губисполкома [4, Л. 44]. Заведующим стал Борис Георгиевич Кубалов, назначенный заведующим еще в 1922 г.

Б.Г. Кубалов пришел в архивы исследователем. В Центрархиве Восточной Сибири работал по совместительству научным сотрудником. Он организовывал первоначальную работу по сбору, сохранению фондов губернии, разборке сотни тысяч неописанных документов. При этом, как хороший организатор, он привлекал студентов-практикантов Иркутского государственного университета, что позволило ему частично решить кадровый вопрос. Постепенно, наиболее талантливых из них, он привлекал на постоянную работу в архив, умело использовал материалы при исполнении запросов учреждений и организаций.

В период процесса «политизации архивов», когда кадры назначались по «партийным требованиям», заведующей Иркутским архивным бюро становится А. Казакова – первая женщина руководитель архивного дела в Восточной Сибири [2, С. 31]. В 1926 г. беспартийный Б.Г. Кубалов, имеющий высшее историческое образование, подает в отставку. С отъездом Б.Г. Кубалова из Иркутска архивная работа была свернута, а кадры, подготовленные им, уволены.

В 1926 г. Б.Г. Кубалов был приглашен в Москву для работы в Центрархив РСФСР. Он являлся одним из ответственных работников Центрахива РСФСР по наблюдению за ходом «макулатурной кампании», начавшейся в 1928 г. по постановлению Совета труда и обороны СССР для снабжения бумажной промышленности материалами, не подлежащими хранению.

Архивисты, хотя и сопротивлялись массовому уничтожению документов в ходе кампании, их усилия вернуть комплектование

ГАФ в нормальное русло оказались напрасными. Б.Г. Кубалов в 1930 г. вынужден был уйти из ЦАУ, сменив архивную работу на должность старшего инженера треста «Союзвзрывпром».

Следует отметить, что в 1920-1930-е гг. образовательный уровень руководителей, в т. ч. рядовых архивистов, Иркутской губернии намного превосходил уровень соседних регионов.

Забайкальское губернское Архивное бюро, созданное в 1923 г., возглавлял А.Ф. Матросов – рабочий, с низким образованием, окончивший марксистско-ленинские курсы секретарей [9. С. 9]. Его трудовая деятельность началась в 1917 г. на Сормовском заводе. В 1918 г. он переехал на станцию Хилок Забайкальской железной дороги и поступил ремонтным рабочим на железную дорогу. В 1919-1920 гг. – политрук Инженерного батальона Иркутской дивизии, а после демобилизации работал в органах госстраха [1, С. 36]. Время назначения А.Ф. Матросова заведующим Читинским окружным архивным бюро не установлено. Позднее он был назначен заведующим Политической секцией Дальневосточного окружного архивного бюро. Он в единственном числе начинал упорядочивать архивные документы в первые дни существования бюро. Ему принадлежит большая заслуга в проведении первого совещания архивных работников, состоявшегося в 1926 г., которое имело историческое значение и явилось важным мероприятием, определившим дальнейший ход организации архивного дела в Забайкалье.

Большая заслуга в деле создания и охраны архивов в Бурят-Монгольской АССР принадлежит одному из зачинателей исторической науки в Бурятии Владимиру Петровичу Гирченко. Он по праву считается первым архивистом в истории республики. Начиная с 1910 г. в порядке частной инициативы он начал заниматься обследованием местных архивов, стал принимать меры по их охране.

В.П. Гирченко родился в 1878 г. в г. Верхнеудинске в семье купца 2-й гильдии. В основу плодотворных занятий наукой и архивом легло историческое образование, которое он получил в МГУ в 1906 г.

В период 1906–1919 гг. В.П. Гирченко работал преподавателем истории в Читинской женской гимназии и принимал деятельное участие в работе Читинского отделения РГО, являлся редактором газеты «Известия исполкома общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов г. Верхнеудинска», заведующим статистическим отделом Прибайкальского союза кооперативов. Он

возглавлял Общество изучения Прибайкалья, являясь его председателем.

В марте 1922 г. В.П. Гирченко перед Прибайкальским губернским ревкомом поставил вопрос об учреждении специального органа – Архивного бюро со своим штатом. Заведующим Архивным бюро Прибайкальской губернии, созданным в 1923 г. был назначен В.П. Гирченко. Под его руководством проделана огромная работа не только по сохранению, концентрации и приведению в порядок архивных материалов республики, а также ему удалось обучать сотрудников азам архивно-технической работы, организовать справочную работу в архиве, установить творческие взаимоотношения с организациями, научными учреждениями не только БМАССР, но и Восточной Сибири в целом.

В октябре 1931 г. В.П. Гирченко перешел на работу в Государственный институт языка, литературы и истории (позже Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики), где занимал должность заведующего сектором истории и национального вопроса.

Он проводил большую работу по выявлению документов по истории Бурятии в архивах и библиотеках Москвы. Эти материалы легли в основу его известной книги о русских и иностранных путешественниках в Бурятии [3, С. 90]

В 1939 г. В.П. Гирченко переехал в Москву, где работал в Институте истории АН СССР, а позже – в Московском государственном историческом архиве. Умер он в 1953 г. в Москве и похоронен на Пятницком кладбище на участке декабристов, поскольку по материнской линии он был внуком декабриста В.А. Бечасного, члена тайного Общества соединенных славян [10, С. 114-120].

В 1920–1930-е гг., наравне с организацией архивного дела, В.П. Гирченко занимался научно-исследовательской деятельностью. Им написан и опубликован целый ряд интересных и содержательных работ по истории и этнографии народов Бурятии, о декабристах, революционном движении, основанные на архивных источниках. В 1926 г. под редакцией В.П. Гирченко вышел «Сборник материалов Бурятии XVIII в. и I половины XIX в., выпуск 1». Это было первое научное издание в истории Центрального Государственного архива (ЦГА) БМАССР.

В целом, научно-творческое наследие Владимира Петровича Гирченко составляет более 30 научных трудов, многие из которых не потеряли своей актуальности и поныне.

Далее необходимо рассказать о деятельности известного историка-архивиста Федора Александровича Кудрявцева, с именем которого связано архивное строительство с середины 1920-х гг. – начала 1940-х гг. в Байкальском регионе. Он является одним из тех, кто стоял у истоков становления и развития архивного дела в Восточной Сибири.

Ф.А. Кудрявцев приехал в Бурятию в 1929 г. после окончания Иркутского государственного университета и работал по совместительству инструктором Архивного управления БМАССР [6, Л. 26]. В течение трех лет он изучал фонды архива, попутно приводил их в порядок и составлял на документы тематические карточки.

18 апреля 1931 г. он был принят на должность научного работника Восточно-Сибирского краевого архивного управления (Край-архив). Свыше 20 лет жизни он посвятил архивной службе, совмещая ее с научной и преподавательской деятельностью. Сам Федор Александрович свою основную профессию называл так: «историк-архивист» или «преподаватель-архивный работник» [7, С. 19].

С самого начала работы в архивных органах, им ведется интенсивная работа по выявлению документов и их использованию. Его научная деятельность тесно была связана с развитием исторической науки в Бурятии. Достаточно сказать, что им велась научно-исследовательская работа по 32 темам [7, С. 20]. Это вопросы колонизации Сибири, землеустройства, транспорта, разведка полезных ископаемых, история политической ссылки декабристов, революции 1905–1907 гг., классовой борьбы и рабочего движения в Бурятии, также проблемы социально-экономического развития Юго-Восточной Сибири XVIII – первой половины XIX вв. Вопросы культуры и просвещения в дореволюционной Бурятии широко и научно разработаны в отечественной историографии впервые в его трудах, опубликованных в 1926–1927 гг. [8, № 4-6]. Он принимал активное участие в работе над двухтомником «История Бурят-Монгольской АССР».

Кроме исследовательской работы, Ф.А. Кудрявцев много времени отдает практической деятельности архивиста. Он читает

лекции на курсах архивных работников, участвует в работе экспертно-проверочной комиссии при Крайархиве, сотрудничает с журналом «Архивное дело», выезжает в командировки для помощи архивистам края и отдельным архивам региона. Например, в 1931 г. он был направлен в Читу для обработки материалов Нерчинского горного округа.

30 апреля 1936 г. «За усердную непрерывную 5-летнюю работу в Восточно-Сибирском архивном управлении» Ф.А. Кудрявцев премируется именными ручными часами и библиографической редкостью «Чертежной книгой Сибири» [7, С. 21]. За заслуги в области исторической науки в Бурятии ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Бурятии».

Таким образом, оценивая роль Ф.А. Кудрявцева как историографа Восточной Сибири, в частности Бурятии, следует сказать, что глубокое знание источников, совершенное владение средствами архивного поиска и научного исследования позволили ему внести огромный вклад в развитие региональной науки.

В организацию архивного дела в республике определенный вклад внес известный историк, краевед Федор Михайлович Шулунов. В течение 1932–1937 гг. он работал в Архивном управлении БМАССР. С 1935–1937 гг. Ф.М. Шулунов являлся заведующим Архивным управлением. За эти годы он занимался обработкой архивных фондов и использованием материалов в научных целях. Итогом творческой деятельности Ф.М. Шулунова являются его труды, написанные на основе архивных источников.

Следует также подчеркнуть большой вклад заведующих Истпартов Байкальского региона И.М. Армянинова, Т.А. Ширмана, М.М. Кузьменко и других в формирование архивного фонда региона.

На период их руководства выпало наиболее сложное и тяжелое время в организации и развитии архивного дела. Благодаря их инициативе и энергии, энтузиазму, большой ответственности и преданности делу, при минимальном финансировании и неуккомплектованности штатов удалось обеспечить сохранность документов и создать архивный фонд Байкальского региона.

Список источников и литературы

1. Бардакова В.В. Из истории Забайкальской архивной службы // Чит. Арх. вестн. 2000. № 1. С. 36.

2. Бедулина И.П. Становление и развитие государственной архивной службы в Иркутской области в 1920-1938 годах. Иркутск, 2005. С. 13, 14, 24, 31.
3. Гирченко В.П. Русские и иностранные путешественники XVII–XVIII и 1 половины XIX в. о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939, 90 с.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 624. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; Д. 12. Л. 44.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.
6. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-273. Оп. 1. Д. 84. Л. 26.
7. Душкина Т.М. Ф.А. Кудрявцев – историк-архивист // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Иркутск, 1994. Ч. 1. С. 19, 20, 21.
8. Кудрявцев Ф.А. Из истории народного образования в Прибайкалье в первой четверти XIX в. // Жизнь Бурятии. 1926. № 4-6.
9. Моисеев В.В. История архивов Сибири. От Сибархива до научно-методического совета архивных учреждений Сибирского Федерального округа // Архивы Сибири: история и современность. Новосибирск, 2005. С. 9.
10. Семина Г.М. В.П. Гирченко был внуком декабриста // Отчий край. Улан-Удэ, 1995. №. 2. С. 114-120.

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Российская Федерация, Улан-Удэ
zhambalovas@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ ОЛЬХОНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ О ТОРГОВЛЕ, ЗАЧАТКАХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ВИНОКУРЕНИ И КОРЧЕМСТВЕ У БУРЯТ XIX В.

На архивных материалах Ольхонской степной думы ГАРБ исследуются факты, свидетельствующие о включенности бурят в общие модернизационные процессы Российской империи. Выявляется постоянное внедрение инноваций в профанную сферу жизни. Торговля рассмотрена на материалах о работе Ольхонской ярмарки и продаже шерсти на Тельминскую суконную фабрику. О зачатках промышленности свидетельствуют промышленная добыча соды и кварцевого камня для стеклоплавительных заводов, а также других минералов. Бурятам, имевшим официальное разрешение на винокурение из молока, было запрещено корчемство, тайная торговля русским спиртными напитками, составлявшими монополию государства.

Ключевые слова: Буряты, XIX век, Ольхонская степная дума, торговля, зачатки промышленности, винокурение, корчемство.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-28-36

Zhambalova Sesegma Gendenovna
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
Russian Federation, Ulan-Ude

MATERIALS OF THE OLBHONIAN STEPPE DUMA ABOUT TRADE, INDUSTRY COVERAGE, COTTON AND CORRESPONDENCE IN BURYAT XIX V.

On the archival materials of the Olkhon steppe Duma, GARB, facts are being studied that testify to the inclusion of Buryats in the general modernization processes of the Russian Empire. There is a constant

introduction of innovations into the profane sphere of life. Trade is reviewed on the materials about the work of the Olkhon fair and the sale of wool to the Telminsky cloth factory. Indications of industrial development are the industrial extraction of soda and quartz stone for glass melting plants, as well as other minerals. Buryat, who had an official permit for alcoholic beverages from milk, was forbidden to forage, secret trade in Russian spirits, which constituted the monopoly of the state.

Key words: Buryat, XIX century, Olkhon steppe дума, trade, rudiments of industry, distilling, Korchemism.

Статья базируется на архивных материалах фонда Ольхонской степной думы, хранящихся в ГАРБ. Делопроизводство данной думы велось на русском языке через переводчиков-толмачей в отличие от многих забайкальских, записанных на старомонгольском. Они частично опубликованы в моей монографии «Профанный и сакральный миры ольхонский бурят (XIX – XX вв.)» [3], изданной в 2000 г. Прошло уже 18 лет, книга давно разошлась, поэтому считаю возможным обратиться к некоторым документальным сведениям из ее Приложения № 1, в котором сведения скомпонованы по темам. Из огромного количества дел в статье приводятся данные из следующих 7 дел Ольхонской степной думы: Дело о запрещении винокурения. 12 сент. 1824 г. – 13 дек. 1829 г. [8]; Дело о продаже в Иркутский приказ общественного призрения овечьей шерсти по заключенному контакту. 9 февр. 1831 г. – 27 июня 1837 г. [9]; Книга учета денег, собираемых с неводом, лавок, балаганов в пользу общества Ольхонского ведомства за 1877 г. [10]; Сведения о взыскании калыма, долгов и жалобы о нанесении побоев и оскорблений за 1873 г. [11]; Сведения о ценах на овечью шерсть. 10 февр. – 17 ноября 1844 г. [12]; Сведения о чуме рогатого скота и количестве скота за 1844 г. [13]; Сведения об изучении обычаев бурят Иркутским статистическим комитетом за 1867 г. [14]. Так как эти материалы введены в широкий научный оборот в указанной монографии, ссылки в статье по существующим правилам будут делаться на нее.

Исследование торговли, зачатков промышленности, винокурения и корчемства у бурят XIX в. актуально. Несмотря на большую дистанцию, они выявляют аналогии с фактами современной жизни. Многое из того, что происходило в обществе тогда, имеет место и сегодня, особенно начиная с 1990-х гг. Буряты, ведущие традици-

онный образ жизни кочевника-скотовода, были включены в общие модернизационные процессы Российской империи. Анализ документов Ольхонской степной думы выявляет заметное и постоянное внедрение инноваций в профанную, или повседневную сферу жизни. И это естественно. Ю.В. Бромлей заметил, что “этнические общности – динамические системы и их изменения составляют суть этнической истории человечества” [2, С. 233].

Благодаря архивным материалам фонда Ольхонской степной думы ГАРБ в 1-й главе монографии «Ольхонское инородческое ведомство в XIX в.» создан исторический фон, соотносимый с общим руслом истории Российского государства. XIX в. имел колоссальное цивилизационное значение, он характеризуется нарастанием товарно-денежных, капиталистических отношений в области экономики, сосуществованием и взаимодействием традиционной культуры бурят с русской народной культурой и индустриально-городской. Глубокие и сложные процессы демографического, этносоциального и этнокультурного развития бурят, заложенные в XVII–XVIII вв., приобретают в XIX в. “... всеобъемлющий характер, который приводит к глубинной трансформации бурятского общества, определяя качественный скачок в его историческом развитии” [7, С. 13]. Но в то же время по большому счету этносы и культуры в XIX в. продолжают развиваться параллельно друг другу. Обособленность, сохранявшаяся до поры, была официально закреплена внутренним обустройством страны.

Перемены, происходившие в бурятском обществе после присоединения к России, поэтапно рассмотрены Е.М. Залкиндом. Исторические материалы, приведенные им, показывают динамику хозяйственного и общественного развития Бурятии в XVII, XVIII и первой половине XIX в. [4, 5]. В этих же хронологических рамках рассматривается история бурятского народа Ф.А. Кудрявцевым [6]. Социально-экономическое развитие края во второй половине XIX в. исследовано И.А. Асалхановым [1].

В 3-х приложениях монографии опубликованы наиболее информативные избранные материалы, они разделены по темам и представлены в хронологическом порядке. Они взяты из той группы документов, которые, по мнению Е.М. Залкинда, по самому своему характеру не вызывают никаких сомнений: это имущественные

сделки, соглашения о калыме, отдельные судебные приговоры и многое другое [4, С. 15].

О развитии торговли у ольхонских бурят в XIX в. в Фонде Ольхонской степной думы ГАРБ представлено достаточное количество материалов. Они свидетельствуют о номенклатуре ассортимента товаров, а также о выручаемых денежных средствах. Безусловно, эти данные могут быть не совсем точными, но дают общее представление о том, чем и в каком объеме торговали ольхонские буряты для зарабатывания наличных денег, а также о том, как поступали на Ольхон товары повседневного спроса. Например, в 1840 г. в продажу у инородцев вышло скота конного до 10 на 140 руб. серебром, рогатого до 201 на 2010 руб., овец до 350 на 600 руб., разного рода рыбы свежей, соленой и сухой на 776 руб., упромышленной белки за кортом на 60 руб., деревянной, берестяной посуды на 42 руб., сырых скотинных кож на 156 рублей, выделанных на сыромять на 40 руб., овечьей шерсти до 900 пудов на 2160 руб., овчин на 25 руб., от извозничества 50 руб. Всего продано товаров на 6169 руб. [3, С. 308].

В 1830-е гг. наибольшее экономическое значение для населения имела продажа шерсти для Тельминской суконной фабрики, осуществляемая по государственному заказу. Буряты охотно откликались в то время на требование продавать шерсть из-за ее высокой закупочной цены. В ту пору согласно контракту и наличному расчету они ежегодно должны были сдавать по трехлетнему контракту по 700 пудов овечьей шерсти по 9 руб. 10 коп., всего 2100 пудов за 12 110 руб. Заработанные наличные деньги служили важным подспорьем в семейном бюджете. В блок документов о торговле шерсти кроме переписки вошли контракты о поставке сырья и регистры о выдаче денег за шерсть, а также материалы ревизии Шерсть со всего ведомства доставлялась в улус Курлутский на берегу Байкала, ее получал и отгружал представитель Иркутского ремесленного дома и фабрики в специально нанятые суда [3, С. 331].

Привлекает внимание высокий уровень организации работы, взаимное уважение к пожеланиям и просьбам партнера и быстрое реагирование на них, выплата денег сразу по получению сырья. Наиболее полно эта картина предстает в следующих достоверных архивных материалах. Представитель Кривогорницын 13 июля 1832 г. заявляет Ольхонской степной думе, что “он прибыл 8 июля,

но шерсть доставлена не была и доставляется очень медленно. 15 июля, согласно расписке, он получил от ольхонцев “рунной шерсти весом 70 пудов и выплатил деньги по 9 руб. 20 коп., всего 6370 руб. выдал сполна”. 15 июля 1832 г. получены деньги за остальные 400 пудов, при этом 1-й Чернорудский род сдал 225 пудов и получил через старосту Булгадая Онхонова 2047 руб. За 2-й Чернорудский род, который сдал 85 пудов на 773 руб. 50 коп., деньги получил сполна староста Боюхон Холхонов. В 1836 г. Ольхонской степной думе пишут, чтоб необходимые по контракту 600 пудов шерсти доставили с острова Ольхона на берег Байкала моря к магазейнам не позже 12 июля. 3 октября 1836 г. дума получает письмо о том, что заключен контракт, по которому ольхонские инородцы согласились на продажу в 1837 г. шерсти 600 пудов по 9 руб. 50 коп. В 1837 г. просят, чтоб шерсть была готова и вывезена к берегу Байкала к магазейнам 15 июля. В 1844 г. цена на шерсть падает и один пуд овечьей рунной шерсти стоит уже 2 руб. 80 коп. Ольхонским бурятам предлагается доставить до места приема 100 пудов шерсти водным или сухим путем [3, С. 332–333].

О качестве ведения бухгалтерских дел интересной представляется ревизия. Проверка расчета с Петром Шигаевым за шерсть 280 п. 37 ф. по 2 руб. 42³/₄ коп. показала, что расчеты проведены правильно. В ходе ревизии производится перевешивание всей привезенной из Ольхона шерсти (частично уже вымытой) “как следовавшей по заключенному в прошедшем году контракту, так и купленной там в нынешнем году наличной”. Оказалось, что в 1844 г. представителем Софьиным куплено у ольхонских бурят 1320 п. 38 ф. овечьей шерсти [3, С. 333].

Материалы об Ольхонской ярмарке, ставшей ежегодной с 1876 г., показывают формы реализации товарно-денежных отношений во второй половине XIX в. На Ольхоне они связаны с рыболовством и торговлей рыбой. Архивные данные показывают, как буряты, на деньги, вырученные за реализацию добытой свежей и засоленной за дополнительную плату прямо на ярмарке рыбной продукции, имеют возможность покупать товары повседневного спроса. Ольхонская ярмарка проводилась с 15 июня по 15 июля. В это время в Малое море Байкала приходит рыба и начинается путина. Для участия в ярмарке участвовали торговцы рыбой и товарами повседневного спроса. С одной стороны это были ольхонские буряты, а с другой

приезжие торговцы. Все они сдавали денежный сбор в пользу ведомства с каждой бочки посоленной рыбы по 30 коп., за места для торговли на лавках по 3 руб., за места в балаганах – 1 руб. 50 коп., с хозяев каждого невода по 5 руб., за взвешивание на весах степной думы, за табак, коноплю и жир по 2 коп., а за прочие предметы по 1 коп. с каждого пуда. Сбор проводил тайша с записью в специальную книгу на ярмарке. Он также следил за порядком. На ярмарке должны соблюдать тишину и спокойствие. Запрещалась торговля без свидетельств, продажа вина, организация беспорядков. Виновные должны были подвергнуться законной ответственности. Обязанности базарного старосты были возложены на инородца старосту б Чернорудского рода Ертагу Бужунаева с добровольного согласия, как человека честного, трезвого, хорошего поведения. Согласно Книге учета денег сумма, полученная в пользу общества от работы ярмарки 349 руб. 30 коп. Расходов на 18 руб. 50 коп. [3, С. 335].

Согласно данных Книги учета денег, собираемых с неводов, лавок, балаганов в пользу общества Ольхонского ведомства за 1877 г. число засоленных во время ярмарки бочек рыбы – 383. Сумма, полученная в пользу общества 349 руб. 30 коп. Расходов на 18 руб. 50 коп. Об объеме торговли свидетельствуют следующие данные. Например, 17 июня увезли крестьянин Михаил Литвинов – 6 бочек, Григорий Соколов – 3 бочки, инородец Ярты Темеев – 3 бочки, а всего за день 32 бочки по 30 коп. 18 июня увезли 24 бочки омуля. 19 июня – 31 бочку. 27 июня – инородец Имехен Илбыков – 3 бочки, крестьянин Петров – 23 бочки, всего за день 26 бочек. 11 июля получены за посоленные на берегу ярмарки бочки с рыбой с купца Александра Крычковского 9 руб., с крестьян 8 руб. 30 коп. и с купца Бориса Фурмана за 6 бочек 1 руб. 80 коп. 13 июля на приход поставлены деньги, полученные “с рыбопромышленников здешнего ведомства инородцев”, всего значится 43 фамилии владельцев неводов, которые за производство ими в течение ярмарки рыбопромышленности заплатили с каждого невода по 5 руб. Всего 215 руб. [3, с. 336]. Необходимо отметить, что закупленная на ярмарке рыба подлежала последующей продаже в регионах, удаленных от Байкала, по более высокой цене.

В 1877 г. на ярмарку приехало всего 17 человек с красным и мелочным товаром на сумму 24445 руб. Сумма колебалась от 15 до 6600 руб. Все они заехали и зарегистрировались 15 июня. Ими про-

дано товаров на сумму 13 426 руб. Среди торгующих были Филипп Федоров Коршунов с красным товаром, свидетельство из Иркутского губернского казначейства от 23 апреля за № 2014, товаров привез на 6000 руб., продал на 3500 руб. Доверенный купца Рычкова Савинский с мануфактурным и китайским товаром на 2600 руб. Прогдал товаров на 1500 руб. Верховленская 2 гильдии купеческая дочь Павла Васильева Зеленихина с красным товаром по свидетельству Иркутского губернского казначейства от 13 декабря за № 17 на 2000 руб., а выручила 1000 руб. Доверенный пермской мещанки Екатерины Михайловой Александр Крычковский по свидетельству Иркутского губернского казначейства от декабря за № 194 привез товаров на 600 руб., а расторгвал на 196 руб. Доверенный от иркутского купца Казарина Исая Барасиков с красным товаром на 3000 руб. Выручил 1500 руб. и др. [3, С. 337].

Имеются интересные материалы о зачатках промышленности. На озере Дабагатуй в Тажиранской степи по предписанию Иркутского начальства добывали соду (хужир) и кварцевый камень для стеклоплавительных заводов, в том числе для Тельминской казенной фабрики. Добыча разрешалась по “предварительному платежу акциза (налога) по 10 коп. с каждого пуда”. Хужир должен быть без всяких посторонних примесей, а кварцевый камень совершенно белый, неокрашенный и годный для стекловарения. Питейно-соляное отделение Казенной платы удовлетворяет просьбу думы о производстве работ с января месяца, а не с апреля, как было раньше, потому что “выработка хужи́ра в теплое время затруднительна”. Добытые соль и камень доставляли на берег Байкала в губу Ая. При сдаче товара на судно обязательно присутствие члена думы. Расходов для организации добычи дума не несла, Казенная палата на свои средства огородила озеро кругом [3, С. 334].

О развитии бизнеса свидетельствуют следующие сведения. На общественной земле оседлый инородец Михаил Рыков устроил 2 завода, стеклоплавительный и мыльный. Вскоре они захирели и перестали работать. Первый остановлен по случаю развалившейся печи, а второй – по отсутствию из-за повышения цен необходимого количества сала. На устройство стеклоплавительного завода с прочими пристройками Рыков потратил 4 тыс. руб. серебром. Он приносил доход ведомству – за землю, отведенную под завод по контракту 1862 г. на 25 лет. После 25 лет должен был сдать завод с

постройками обществу, кроме жилых домов. По контракту общество получало доход от Рыкова 1 руб. 30 коп., а заводчик Рыков получал доход на 800 руб. серебром. Мыльный завод дохода казне и обществу не приносил, так как находился при доме Рыкова [3, С. 334].

В 1873 г. тот же Михаил Рыков имеет «Оброчное свидетельство на залежей разных пород, как-то: мрамору, кварцу, жернового камня, огнеупорного камня». Он уведомляет Ольхонскую думу о том, что есть случаи, когда «Инородцы одной с ним деревни наломали несколько пудов камня и отправили в г. Иркутск сухим путем, остальной уже приготовленный также намереваются отправить». Есть факты завоза предметов для торговли. Например, Попов обещал к 10 ноября 1870 г. доставить тому же Михайле Рыкову 3500 шт. ирлинских (?) точильных брусьев по 31 руб. за каждую тысячу и должен получить наличными деньгами 108 руб. 50 коп.» [3, С. 335]. Как видно, в думе наиболее активно развивал бизнес пока только 1 человек – Михаил Рыков.

В фонде Ольхонской степной думы много материалов о винокурении и корчемстве. Бурятам разрешалось летом выкуривать молочную водку для консервации молочных продуктов на зиму [8, Л. 25]. Однако были нарушения, буряты занимались корчемством, тайно перегоняли самогон для русских и продавали им молочную водку. Было известно, что буряты продавали тарасун в русские селения, а некоторые за хлеб перегоняли горячее хлебное вино русским, у которых самогонование было под полным запретом, потому что оно подрывало казенные питейные сборы. Поэтому приказано на зимнее время, когда молока у бурят мало, посуду для винокурения запечатать и хранить при степных конторах до мая месяца [3, С. 323-324].

Ольхонская степная дума не соглашается с этим – у некоторых коровы доятся и зимой, посуду запечатывать не могут из-за того, что при выкурке тарасуна получают важную часть бурятской пищи арса. В 1833 г. получен указ о штрафовании людей за корчемство по 200 руб., годные по возрасту и здоровью будут отданы в солдаты, а старше 35 лет сошлются на поселение, а женский пол от 15 лет будет отдаваться в работу по казенным фабрикам. Если они не смогут уплатить штраф, то взыскать с родовичей. А шуленги и улусные старосты будут наказаны по всей законной строгости». Материалы

1834 г., 1836 г. показывают, что репрессий по отношению к бурятам из-за винокурения не было, так как они соблюдали правила [3, С. 324–325].

Приведенные материалы свидетельствуют о модернизационных процессах, происходивших в традиционном обществе бурят.

Список источников и литературы

1. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 493 с.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 411 с.
3. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонский бурят (XIX – XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
4. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М.: Наука, 1970. 399 с.
5. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 318 с.
6. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в. Очерки. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 240 с.
7. Павлинская Л.Р. Буряты // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). М.; Улан-Удэ, 1995. Вып. 1. С. 5-50.
8. Дело о запрещении винокурения. 12 сент. 1824 г. – 13 дек. 1829 г. // ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. 65 л.
9. Дело о продаже в Иркутский приказ общественного призрения овечьей шерсти по заключенному контакту. 9 февр. 1831 г. – 27 июня 1837 г. // ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 19. 55 л.
10. Книга учета денег, собираемых с неводом, лавок, балаганов в пользу общества Ольхонского ведомства за 1877 г. // ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1052. 12 л.
11. Сведения о взыскании калыма, долгов и жалобы о нанесении побоев и оскорблений за 1873 г. // ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1139. 51 л.
12. Сведения о ценах на овечью шерсть. 10 февр. – 17 ноября 1844 г. // ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 60. 10 л.
13. Сведения о чуме рогатого скота и количестве скота за 1844 г. // Д. 40. – 39 л.
14. Сведения об изучении обычаев бурят Иркутским статистическим комитетом за 1867 г. // ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 193. 134 л.

Васильева Светлана Владимировна
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
sv_vasilieva@mail.ru

АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Статья посвящена процессу прибытия и расселения старообрядцев в Забайкалье, в результате которого стало возможно формирование архивного комплекса документов освещающих хозяйственно-экономическую деятельности этноконфессиональной группы на территории Забайкалья. Особое внимание уделено документам Государственного архива Республики Бурятия дореволюционного, советского, современного периодов. Анализ сохранности и содержание архивных документов позволил автору выделить особенности происхождения и функциональную направленность источников.

Ключевые слова: старообрядчество, расселение, Забайкалье, государственные архивы, архивные комплексы, видовая классификация и систематизация.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-37-44

Vasilyeva Svetlana Vladimirovna
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

ARCHIVAL HERITAGE OF OLD BELIEVERS OF TRANSBAIKALIA

The article is devoted to the process of arrival and resettlement of Old Believers in Transbaikalia, which lead to formation of archive of documents covering economic activities of the ethno-confessional group in Transbaikalia. Special attention is paid to the documents of pre-revolutionary, Soviet and modern periods found at the State Archives of the Republic of Buryatia. Analysis of preservation and content of the

archival documents allowed the author to identify the origin and the functional orientation of the sources.

Key words: Old Believers, settlement, Transbaikalia, State Archives, archival complex, species classification and systematization.

Обеспечивая русское присутствие на азиатских окраинах, государство способствовало, в первую очередь, заселению стратегически важных территорий, комплектованию штата административных учреждений и пополнению военных гарнизонов. В отличие от приверженцев официальной церкви, старообрядцы на местах водворения создавали чрезвычайно прочную неформальную общность, которая являлась основой традиционных институтов самоуправления. Именно это обстоятельство, наряду с более рациональной системой хозяйственных ценностей, способствовало тому, что старообрядцы стихийно закладывали основу российской государственности на окраинах империи. Именно это обстоятельство делало старообрядцев весьма подходящей категорией населения для исполнения роли пионеров фронта.

Исследователи выделяют три потока появления староверов в Забайкалье. К первому потоку относились представители русского населения Забайкалья, которые на момент раскола проживали в крае, не участвовали в принятии реформ церкви и остались «при старой вере», это так называемый местный или «явный и тайный раскол» [5, С. 96]. Ко второму потоку относились староверы, которые самовольно бежали в Сибирь, считая, что контроль государства здесь был более слабым. К третьему принадлежали ссыльные старообрядцы, которых приводили в регион, как по одиночке, так и большими группами. К такой группе можно отнести «водворение» на территорию Забайкалья в 1860-е гг. старообрядцев-семейских, которые в силу своей многочисленности, сплоченности и яркой культуры в дальнейшем составили компактный ареал старообрядцев Байкальского региона.

История появления первых староверов в Сибири тесно связана с пребыванием в ссылке Аввакума Петрова (1655) [4, С. 31], которого направили с отрядом воеводы Пашкова в Даурию (Забайкалье). Здесь его пребывание продолжалось до лета 1662 г., после чего ему разрешили вернуться в Россию.

В 1699 г. в Нерчинск было направлено еще 9 семей стрельцов-староверов. В 1735 г. первая партия представителей старообрядческого духовенства прибыла в Иркутск, их было 20 человек: 12 монахинь и 8 монахов. За два года (1735-1737 гг.) в Иркутскую епархию было сослано 60 староверов. Им запрещалось распространять свою веру и предписывалось находиться «в монастырских трудах и молитвах» [3, С. 263].

Однако, в целом число староверов в Байкальском регионе и его сопредельных территориях было невелико: в конце XVII в. в Прибайкалье и Забайкалье их насчитывалось чуть более 50 [2, С. 131]. Течения и согласия староверов только начали оформляться, поэтому в религиозном плане старообрядчество в крае выглядело аморфно.

На территории современной Бурятии старообрядцы, в основном крестьяне, появились в середине XVIII в. Данная группа здесь получила этноним «семейские». Архивные документы подтверждают, что большинство староверов, переселенных из Польши в Забайкалье, принадлежало к поповскому направлению и лишь незначительная часть к беспоповскому [2, С. 63].

К концу 1760-х гг. относится первое упоминание о вновь образованных селах Бичура, Хароуз, Никольск, населенных староверами. Были образованы старообрядческие села Хандагай (1768), Пестерево (1768), Тарбагатай (1776), Убукун (1780), Барская деревня (1780), Урлук (1780), Малый Заган (1782), Шаралдай, Подлопатинская деревня (1782) [1, С. 86].

Государственно-правовое регулирование положения старообрядцев было определено формулировкой во времена церковных Соборов в 1666-1667 гг. Официально старообрядцы не преследовались за их «мнение о вере», формальное право исповедать древнее православие признавалось, но запрещалось привлекать кого-либо в свое вероисповедание и демонстрировать публично обрядовую сторону веры. Подобные действия приравнивались к преступлению. Официальная церковь закрепила за старообрядцами ярлык еретиков, а правительство разработало систему репрессивных мер против «раскольников». Наиболее благоприятный период в истории старообрядчества наступил только после принятия Николаем II Манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.), провозглашавшего свободу вероисповедания.

В первой половине двадцатого столетия старообрядцев коснулись практически все кампании репрессий: были закрыты монастыри, ликвидирован единственный старообрядческий духовный институт, прекратилась издательская деятельность, перестали существовать иконописные мастерские, благотворительные заведения. За период с 1917 г. по начало 1980-х гг. старообрядческие сообщества лишились основных институтов Древлеправославной церкви.

Послевоенное развитие забайкальского старообрядчества связано с нарастающей интеграцией в советское общество и попытками сохранить «старую веру» в этих условиях. Тем не менее, постепенный уход традиционного общества вёл к вымыванию традиционной старообрядческой культуры и религиозный её компонент в большей мере оказывался востребован людьми старшего возраста. Позиция власти и новое культурное строительство предполагало сохранение только народных элементов семейской культуры, воспроизводившихся на этнографических и советских праздниках. В связи с этим мощнейшая песенная народная традиция семейских приобрела эстрадные формы и дошла до наших дней, а религиозная традиция сохранилась в меньшей степени.

В конце XX в., несмотря на противоречивость правовых основ вероисповедной политики государства и трудности ее реализации, произошло серьезное изменение положения древлеправославной церкви в постсоветской России и Бурятии, в частности. Возобновлена традиционная структура управления (восстановлено патриаршество), возрождена система научно-богословских и духовно-учебных заведений, расширена издательская деятельность; упорядочена система налогообложения организаций, духовенство и старообрядческие общества получили права юридических лиц и возможность официально защищать свои интересы.

Особенностью старообрядчества в Бурятии является то, что оно функционирует в условиях поли – и этноконфессиональности. Возрождение древлеправославия нашей республики приходится на самые кризисные годы – 1993-2001 гг. Этот период характеризуется ростом числа верующих, наибольшей активностью прихожан. Либерализация всех сторон жизни привела к ренессансу религиозной традиции. В 1990-е гг. во многих семейских селах отстроены и открыты церкви, появились священники, религиозная жизнь замет-

но активизировалась. На качественно новый уровень вышла фольклорная деятельность, в рамках которой развиваются семейские ансамбли и хоры, проводятся этнографические праздники. Может быть, впервые в истории перед старообрядцами открылись такие большие возможности сохранения и развития всего культурного комплекса «старой веры».

Надо отметить и тот факт, что в начале XXI в. старообрядцы-семейские стали заметным явлением общественной жизни Республики Бурятия, представляя собой не только культурно-исторический феномен, но и пример активного сотрудничества с органами государственной власти. Примером этого можно считать проведение I съезда семейских (1993 г.), где были сформулированы основные концептуальные подходы, приняты основополагающие документы, избран на демократической основе руководящий орган – вече. В 2001 г. Правительством Республики Бурятия была разработана и утверждена республиканская целевая программа «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских (2001-2006 гг.)».

Сегодня, в республике проведена большая работа по изучению и сохранению традиционной культуры семейских в дошкольных, школьных и высших учебных заведениях. Впервые была создана определенная система по изданию и распространению учебно-методического комплекта, сформировано образовательное пространство, систематизированы усилия педагогов республики по вопросам изучения и сохранения традиционной культуры семейских. Достигнутые результаты в этой области позволили создать в Бурятии объективные предпосылки для проведения международных форумов. Нам в Бурятии есть что показать гостям, мы можем поделиться с ними нашим богатым опытом, с успехом позиционируя как религиозную, так и светскую стороны старообрядческой культуры.

В государственных хранилищах Иркутской области (ГАИО), Республики Бурятия (ГАРБ) и Забайкальского края (ГАЗК) хранится комплекс архивных источников и документов по истории старообрядчества Забайкалья.

В ГАРБ ценные документы по истории старообрядцев отложились в фонде № 207 «Тарбагатайское волостное правление», включающем 2397 дел за 1736-1922 гг. Основную массу материалов фонда составляют делопроизводственные документы Тарбагатайского

волостного правления – органа местного самоуправления крестьян, которые дают представление о сборе налогов и оброка, надзоре за выполнением крестьянских повинностей, составлении статистических сведений о количестве скота, посевах, сенокосениях, урожае хлеба, раскладке денежных сборов, распределении повинностей и оклада податей, учете прихода и расхода запасов хлеба, ведении учета населения, решении вопросов землепользования, рассмотрении дел о домовых взысканиях, потравах посевов, мелких кражах и т.д.

Особую ценность представляет дело № 1616 «Росписи Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви прихожанам разных селений», в котором имеются документальные сведения о выведенных из Польши и поселенных в пяти тарбагатайских селениях старообрядцах. Дело впервые было выявлено и введено в научный оборот Ф.Ф. Болоневым. Безусловно, ценным является фонд 337 «Верхнеудинское окружное полицейское управление Забайкальской области» (1866-1918 гг.), в документах которого отражена борьба официальной церкви со старообрядческой, вовлечение староверов в единоверие, подробные отчеты священников о миссионерской деятельности. Интерес представляет переписка Верхнеудинского окружного полицейского управления с Забайкальским областным управлением, статистические документы, ведомости, сведения о старообрядцах и др.

Комплекс документов по истории прибытия старообрядцев в Забайкалье отложились в фонде 88 Управления Верхнеудинского коменданта (750 дел за 1764-1883 гг.). Много документов из этого фонда о прибытии «семейщиков» в Удинск и отправлении их дальше в Акшинскую крепость, Урлук, Хилок и т.д. было выявлено и введено в научный оборот В.М. Пыкиным. Фонд представлен перепиской удинского коменданта Ивана Мертвцова по устройству переселенцев, о подготовке земельного инвентаря, теплой одежды для переселенцев и т.д. Интерес представляют фонд 11 Верхнеудинской городской управы (8444 дел за 1784-1875 гг.), фонд 352 Статистического отдела Забайкальского переселенческого района (1009 дел за 1906-1923 гг.) и др.

В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) сведения по истории забайкальских старообрядцев содержатся в документах фонда 50 Иркутской духовной консистории за 1725-1919 гг. Из

12602 дел фонда по данной проблеме насчитывается не более 70 (со второй половины 1830-х гг. до конца 1850-х гг.) В этих документах отражена борьба официальной церкви с «расколом», вовлечение староверов в единоверие, возвращение их снова к старообрядчеству. Имеются весьма подробные отчеты священников об их миссионерской деятельности, где описываются быт и вероисповедание староверов Куналейской, Мухоршибирской и Тарбагатайской волостей. Отчеты содержат статистические данные о числе «раскольников» по деревням и слободам, сведения о времени постройки, оснащении старообрядческих церквей и молельных домов, наиболее известным является дело о просьбе старообрядцев Верхнеудинского округа о постройке своей церкви и богослужения в ней по старопечатным книгам. Материалы этого дела дают ответ на целый ряд вопросов относительно обстоятельств и времени поселения, мест расселения «выведенных из Польши» крестьян-старообрядцев в Забайкалье.

Значительный комплекс документов по истории старообрядцев Забайкалья хранится в фондах Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Так, в фонде Нерчинского горного правления из 8274 дел за 1721-1913 гг. имеются сведения о старообрядцах, проживавших при заводах, рудниках и селениях Нерчинского округа в начале XIX в. Несомненный интерес представляют Ревизские сказки за 1782 г. посельщиков Доронинской округи, выведенных из Польши и поселенных в 1764 г. Научная ценность документов очевидна, так как материалов данной переписи по Верхнеудинскому округу в местных архивах пока не найдено.

В документах фонда Забайкальского областного управления имеются ревизские списки крестьян Тарбагатайской волости по переписи 1834 г., материалы переписей 1851 г. и 1858 г. по Куналейской, Мухоршибирской, Тарбагатайской волостям, документы I Всеобщей переписи населения 1897 г., стенограмма, список делегатов II Всероссийского старообрядческого съезда 1909 г., статистические сведения о старообрядцах различных сект и толков за разные годы, рапорты священников в Забайкальскую духовную консисторию о количестве «раскольников».

Итак, представленные фонды разнородны по происхождению, функциональной направленности, уровню объективности и имеют ряд особенностей. Во-первых – часть из них находятся в «смешан-

ных комплексах» вместе с документами иных раскольнических и сектантских течений. Во-вторых, нечеткость формулировок, вызывает довольно широкое толкование одного и того же текста и требует скрупулезного сравнительного сопоставления. В-третьих, разная сохранность документов. Многие дела до 1840-х гг. отличаются большим количеством листов, все документы рукописные, при этом листы и чернила выцветшие, плохо читаются. Чтение также затрудняется наличием орфографических ошибок, особенно в написании фамилий.

Помимо документальных источников старообрядцы сохранили до наших дней множество вещественных источников: архитектурные памятники (храмы, часовни), иконы, своеобразный традиционный костюм, домашнюю утварь, росписи жилища, которые являются ценным материалом для изучения, достоянием музеев и с полным правом могут служить объектом самостоятельных специальных исследований.

Список источников и литературы

1. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья/Ф.Ф. Болонев. – Новосибирск, 1994. – 186 с.
2. Васильева С.В. Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII-начало XX в.) /С.В. Васильева. – Улан-Удэ, 2007. – 131 с.
3. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири/А.В. Дулов, А.П.Санников. – Иркутск, 2006. – 263 с.
4. Житие протопопа Аввакума. – Иркутск, 1979. – 31 с.
5. Костров А.В. Старообрядчество Байкальской Сибири в переходный период отечественной истории (1905–1930-е гг.) /А.В. Костров. – Иркутск, 2010. – 96 с.

Ворошилова Анна Сергеевна
Государственный архив Томской области
Российская Федерация, Томск
annet1010552@mail.ru

**ЦЕРКОВНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ
КАК ИСТОЧНИК ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ЛИЧНОСТНЫХ
КАЧЕСТВ ДУХОВЕНСТВА СИБИРИ НАЧАЛА XX В.
(НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ
В.Н. ИЛЬИНСКОГО)**

Автор реконструирует жизнь и работу православного священника Василия Николаевича Ильинского с помощью историко-биографического метода. Он в своей работе ищет ответ на вопрос: «Можно ли составить персональный портрет изучаемого лица при отсутствии источников личного происхождения?».

Ключевые слова: благочинный, духовенство, священник, Василий Николаевич, Ильинский, история церкви, Томская епархия.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-45-53

Voroshilova Anna Sergeevna
State Archives of the Tomsk Region
Russian Federation, Tomsk

**CHURCH-PRODUCTION DOCUMENTATION AS A SOURCE
FOR IDENTIFICATION OF THE PERSONAL QUALITIES OF
THE SPIRITUALITY OF SIBERIA BY THE BEGINNING OF
THE XX. V. (ON THE EXAMPLE OF THE STUDY OF THE
BIOGRAPHY OF V.N. ILYINSKY)**

The author reconstructs the life and work of the Orthodox priest Vasily Nikolaevich Il'inskiy with the help of the historical-biographical method. He in the work is looking for the answer to the question: "Is it possible to compile a personal portrait of the person under study in the absence of sources of personal origin?" The source is the church-production documentation.

Keywords: dean, clergy, priest, Vasiliy Nikolayevich, Ilyinsky, church history, Tomsk diocese.

Историко-биографический метод является одним из основополагающих методов исторической науки, который традиционно предполагает изучение преимущественно источников личного происхождения (мемуаров, писем, автобиографий, дневников). Это связано с характером итогового исследовательского материала, включающего в себя не только анализ исторических фактов через призму жизни отдельного человека, пережившего те или иные события, но и стремление раскрыть личные качества, мотивы и стремления изучаемой персоны. Личные документы успешно справляются с этой задачей, но не всегда историки располагают данным видом источников при изучении биографии обычных, но выдающихся и, безусловно, талантливых людей. Возможно ли, в условиях отсутствия источников личного происхождения реконструировать личностные качества и характеристики исследуемой персоны?

Попробуем это выяснить, изучив биографию простого сельского священника и благочинного Василия Николаевича Ильинского.

В.Н. Ильинский родился в глухом сибирском селе Мариинского уезда Томской губернии – Зырянском в 1878 году, где его отец Николай Михайлович Ильинский (сын священника Михаила Павловича Ильинского) проходил службу псаломщиком при местной Николаевской церкви [1, Л. 57 об]. В 22 года он прослушал курс в Томской духовной семинарии и был рукоположен в сан диакона и священника одновременно. Стоит отметить, что из всей многочисленной семьи священнослужителей Ильинских (у Михаила Павловича было 4 сына – Стефан, Константин, Николай, Павел – священники, у Николая Михайловича – отца Василия Николаевича – 6 детей, из которых сыновья – Василий, Иаков, Константин и Михаил тоже стали служителями культа [Там же]) Василий один из немногих, кто получил полное семинарское образование, даже его отец Михаил не окончил курса духовного училища.

После окончания семинарии Епархиальное начальство назначает Василия Николаевича священником в Богородице-Рождественскую церковь с. Ново-Рождественского, где он становится законоучителем местной церковно-приходской школы, а также

председателем приходского совета и приходского попечительства [2, Л. 4 об]. Подобное совмещение нескольких духовных должностей было характерно для Российской империи в целом, но не типично для Сибирского региона, поскольку образовательный ценз духовного сословия здесь был слишком низок, и не каждый мог бы справиться с этой нагрузкой [3, С. 98-99].

С 1903 года священник Ильинский состоял членом кассы взаимопомощи, а в 1905 г. духовенство Томской епархии избирает его в благочиннический совет. Всего через год он становится сначала помощником, а затем временно исполняющим обязанности благочинного 3-го округа. В это же время духовенство благочиния избирает его следователем во вверенном ему 3-м округе [2, Л. 4 об.]. Нетрудно заметить, что к 33 годам Василий Николаевич Ильинский в течение непродолжительного времени смог сделать успешную карьеру в качестве видного представителя духовного сословия, о чем свидетельствует внушительный список наград и благодарностей, которые он успел получить к 1911 году: за школьное дело преподаано архипастырское благословение в 1903 году, за исполнение пастырских обязанностей награжден набедренником в 1904 году, а за «отлично усердное» пастырское служение скуфьей в 1909 году [Там же].

В Государственном архиве Томской области в фонде Томской духовной консистории сохранились отчеты благочинных Томской епархии за разные годы. Отчет благочинного представлял собой результат двух ежегодных ревизий церковью благочиния и отправлялся в консисторию для составления ежегодного епархиального отчета в Святейший Синод. На данный момент этот вид источника недооценен исследователями и слабо введен в научный оборот, несмотря на наличие высокого уровня информационного потенциала. Для нашего «исследовательского эксперимента» благочиннические отчеты имели большое значение, поскольку именно они позволили выявить некоторые личностные характеристики их автора – благочинного. Важно отметить и сложившийся в связи с этим парадокс – с одной стороны отчет благочинного является кладезем исторической информации различного вида и дает возможность составить личностный портрет автора, с другой стороны – это утверждение применимо не ко всем отчетам, а лишь в случаях, когда автор максимально проявлял свои писательские навыки. Ярким примером

проявления подобных навыков служит преамбула к одному из отчетов благочинного В.Н. Ильинского за 1908 г.: «Долг имею при сем почтительнейше представить на благоустроение Вашего Высокопреосвященства отчет о состоянии вверенного мне благочиния за 1908 г. и низжайше дерзаю ходатайствовать пред Милостивейшим Архипастырем и Отцом о снисхождении к неясному где изложению отчета и мрачным окраскам фактов, но здесь сказано только то, что желаю, о чем просило духовенство благочиния и что это по мнению моему – как живо интересующемуся благочинием про желании именно делать и делать – сущая правда» [4, Л. 35].

Ревностное и неравнодушное отношение Василия Николаевича к своим обязанностям благочинного проявлялось в полноте, глубине и детальном подходе в описании приходской жизни его благочиния. Необходимо отметить и то, что высылаемые в консисторию отчеты благочинного В.Н. Ильинского всегда датировались январем следующего за отчетным года, в то время как около 2/3 остальных благочинных составляли свои отчеты в феврале, а иногда и в апреле. Это подтверждается отчетами за 1906 и 1908 гг., которые оказались в нашем распоряжении. Помимо этого, мы подтвердили свои выводы путем сравнения отчетов В.Н. Ильинского за 1906 г. и его предшественника – благочинного 3-го округа Ф.И. Смиренского за 1905 г. Так, например, Василий Николаевич подробно описывает сложившиеся проблемы в организации приходской структуры 3-го благочиния и предлагает пути их решения:

«Упразднить какую-либо церковь пока не предвидится нужды, хотя некоторые церкви очень ветхи... В селе же Данковском более ничего нельзя сделать, как только приписать ее к приходу Улановскому, который в настоящее время беден, а сам Данковский по малочисленности еще беднее, два же вместе могут обогреть и приютить у себя более старательного пастыря в которых их храмы особенно нуждаются. Нужно тут же заметить, что распределение в некоторых приходах благочиния неудобное деревень – прихожане чрез чужой приход в свой храм ездят, как в Ишимском и Ново-Куковском приходах. В Ишимском две деревни – Емельяновская с населением почти все малоканской секты и Никольская отстоят от Ишима или чрез Ново-Рождественский приход или Улановский. Им нужно бы приписаться в Ново-Рождественский, от которого

никакими реками не отделены, а в Улановский приход переписать деревни Рождественского прихода» [5, Л. 34-34 об.].

Не оставляет без внимания он и свой собственный Ново-Рождественский приход, в котором «больших стоит трудов причту склонить к необходимому ремонту храма» [Там же, Л. 34 об.].

Ф.И. Смиренский же в соответствующем пункте своего отчета ограничивается несколькими «сухими» формальными предложениями о том, что часть храмов просторны, часть имеют недостаточную вместимость, а для расширения храмов архитектором приняты необходимые меры [6, Л. 2 об.]. Примечательно, что в его же отчете за 1900 г. в данном пункте помещена идентичная информация, по-видимому, переписанная в 1905 г. практически «слово в слово» [7, Л. 121-121 об.].

Важной частью отчетов является раздел о духовенстве, в который благочинные, в соответствии с инструкцией, должны были помещать данные о числе священнослужителей благочиния, уровне их образования, нравственности, характере отношений друг с другом и прочие подобные сведения [8, С. 84-85]. Содержательность и способ изложения этой информации в отчетах Ф. Смиренского и В. Ильинского разительно отличаются. «Причты в общем живут между собою дружелюбно и относятся друг к другу доброжелательно» [6, Л. 4] – пишет Ф.И. Смиренский. В.Н. Ильинский же не ограничивается формальными оценками о доброжелательности и добавляет, что «среди же соседей причтов вражды хотя нет – но и дружбы мало. Наиболее царит какая-то зависть, отдаление, а особенно – недоверие, вообще отношения, натянуты, формальные – что весьма печально в настоящее время. Я всеми силами стараюсь соединить, сблизить их, во время ревизии церковей беру с собой священника – конечно по его согласию – к соседу, чтобы братское отношение завести – что к сожалению плохо удается» [5, Л. 36]. Прилагаемые Василием Ильинским усилия по укреплению отношений внутри духовенства благочиния в итоге принесли свои плоды. В 1911 г. благочиннический съезд 3-го округа в лице 26 представителей клира из всех 20 приходов 3-го благочиния возбудил ходатайство перед епархиальным начальством о разрешении им преподнести подарок Василию Николаевичу Ильинскому за его «многоплодную деятельность» – адрес с приложением иллюстрированной «Библии» [9, Л. 54]. Из сопроводительного к подарку письменного обращения,

адресованному непосредственно благочинному В.Н. Ильинскому, мы можем охарактеризовать отношения, сложившиеся между «начальником» – благочинным и «подчиненными» – священниками, которые проливают свет и на личность самого Василия Николаевича: «Прежде всего не можем не отметить Вашего братского с нами единения, парализующего, так неприятные в духовном мире судебные процессы...при Вашем разумном водителстве не место среди нас лицу, имеющему сутяжный характер» [Там же, Л.55]. Благочиние 3-го округа считалось самым бедным в Томской епархии, но местное духовенство достаточно спокойно к этому относилось, в частности и благодаря прямому влиянию благочинного Василия Ильинского: «мертвый формализм, отсутствующий в Вас, Отец Благочинный, дает нам полную возможность “право править слово Господней истины”», «Ваше, Отец Благочинный, религиозно-нравственное воздействие на нас имеет благотворное влияние», «всегда находим в лице Вас крепкую поддержку», «не делая нам послаблений в наших недостатках, Вы в тоже время сумели расположить себя к нам настолько, что мы с нелицемерною радостью встречали Вас в полугодичные и годичные ревизии и с такой же радостью посещали съезды, которые устраивались всегда в Вашем приходе, здесь мы объединялись, смело высказывали свои недоумения, сообща решали очередные вопросы и всегда с обновленными силами и со спокойной душой возвращались в свои приходы на дальнейшее делание» [Там же].

Для более глубокого раскрытия личности изучаемой персоны необходимо обязательное сопоставление имеющихся биографических сведений с внешними объективными факторами, в нашем случае таковыми стали: размер благочиния и количество приходов, специфика переселенческого региона и бытовые условия. Василию Николаевичу Ильинскому 2 раза в год необходимо было посетить с проверкой около 20 приходов, что суммарно составляло 520 верст, а в период активной столыпинской переселенческой политики число прихожан в приходах резко возросло, национальный и религиозный состав которых стал максимально неоднороден. Кроме того, в епархиальных отчетах Томской духовной консистории неоднократно указывается факт активного переселения староверов в Сибирь и именно на таежные территории Томской епархии [10, 11], а 3-е благочиние было именно таким. Это подтверждается и отчетами

самых благочинных 3-го округа, в которых перечисляются точные территории переселения различных старообрядческих согласий – с. Ишимское, Пышкинское, Александровское, Ново-Кусковское [5, Л. 41]. Нетрудно догадаться, что исполнять свои прямые обязанности духовного наставника в настолько разнородных приходах требовалось в разы усерднее, а материальная обеспеченность местного духовенства и условия проживания никак не компенсировали тяжелые условия труда. Даже сам благочинный в условиях суровой сибирской зимы жил в холодном доме на протяжении всего времени нахождения в этой должности [2, Л. 2]. Тем не менее, в журналах заседаний Томской духовной консистории за 1906-1914 гг. не отложилось жалоб на благочинного со стороны местного духовенства, в то время как из соседнего 9-го благочиния, за которым следил родной дядя В.Н. Ильинского Павел Михайлович Ильинский, в течение 1907-1908 гг. в консисторию поступило как минимум 4 жалобы на благочинного и 2 на приходских священников [12, 13]. Совокупно, все эти неблагоприятные факторы и обстоятельства не повлияли на служение В. Ильинского на посту благочинного и священника Ново-Рождественского села. Он успешно справлялся со всеми трудностями, почему и вызывал восхищение и уважение у священнослужителей вверенного ему благочиния.

В 1914 г. по распоряжению епископа Томского и Алтайского Мефодия Василий Николаевич был переведен на священническую должность в Знаменскую церковь г. Томска [14, Л.6 об.]. Достоверно известно, что он находился на этом месте как минимум до 1930 г. [15, Л. 1-3]. Клировая ведомость Знаменской церкви за 1915 г. содержит информацию о детях В.Н. Ильинского, которые также получили духовное образование и должны были пойти по стопам отца [14, Л. 7]. После революции семинарское образование и сама принадлежность к духовному сословию стали не востребованы государством и обществом, поэтому старший сын Александр поступил на медицинский факультет ТГУ, а из-за нехватки денег параллельно работал чернорабочим. Вынужденная служба в красной армии во время учебы стала причиной отчисления из университета в 1921-1922 гг. [16, Л. 5]. Младший сын Дмитрий был простым грузчиком и, чтобы не лишиться избирательных прав, ему пришлось прервать все возможные связи с отцом и почти забыть о своем происхождении [17, Л. 2]. Не обошли стороной семью потомственных свя-

ценнослужителей Ильинских и трагедии 1937 г. Родной брат Василия Константин Николаевич Ильинский, на тот момент бывший священник Николаевской церкви с. Зырянского, был расстрелян за наличие кулацкого хозяйства и принадлежность к служителям религиозного культа [18, Л. 31].

Отечественная историография не изобилует материалами о благочинных. Те исследователи, которые все-таки обращаются к этой теме отмечают, что благочинные зачастую были деспотичны и использовали свои властные полномочия по максимуму [19, С. 181; 20, С. 39; 21, С. 33]. Представленные нами архивные материалы говорят об обратном. В исследованиях подобной тематики необходимо использовать микроисторический подход и рассматривать индивидуально не только сам объект исследования, но и некоторые источники, невзирая на их кажущуюся однотипность. Данный подход в изучении церковной документации позволил нам рассмотреть представителя духовенства не только как часть определенного социального слоя, но и выявить его личностные качества на уровне персоналий.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 3386.
2. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4207.
3. Устьянцева О.Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX века.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. – 259 с.
4. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3380.
5. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3297.
6. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3278.
7. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2902.
8. Права и обязанности благочинного приходских церквей: По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям епархиального начальства. – Москва: Унив. тип., 1900. – VIII, 200 с. // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/438729> свободный (дата обращения 30.05.2018).
9. ГАТО. Ф. 170. Оп. 8. Д. 103.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2305.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2316.
12. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4550.
13. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1446.
14. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4613.
15. ГАТО. ФР. 430, Оп. 3. Д. 2066.

16. ГАТО. ФР. 815. Оп. 2. Д. 1867.
17. ГАТО. ФР. 430. Оп. 3. Д. 638.
18. ГАТО. ФР.1509. Оп. 2. Д. 6.
19. Скутнев А.В. «Институт благочинного в системе управления русской православной церкви в пореформенную эпоху». // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7): в 3-х ч. Ч. II. С. 180-182.
20. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX века. М., 2002. – 253 с.
21. Корнилова И.В. «Статусная фигура» провинциальной жизни XIX века: благочинный С. Ф. Кудрявцев // Мир современной науки. 2011. № 3. С. 30-33.

Полянская Оксана Николаевна
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
PolGrab@mail.ru

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
МОНГОЛОВЕДЕНИЯ В АРХИВАХ РОССИИ:
ФОНДЫ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
О.М. КОВАЛЕВСКОГО, В.П. ВАСИЛЬЕВА***

Статья посвящена обзору главных архивохранилищ страны с точки зрения истории становления и развития научной школы монголоведения в России. Рассматривая которые, автор статьи, акцентирует внимание на основных вехах этого непростого процесса становления научного знания о Востоке в России. Особый интерес представляю личные фонды ученых-монголоведов, содержащие как научное, так и дневниковое и эпистолярное наследие, которые, в свою очередь, являются богатейшим источником по истории монголоведения и одновременно содержат сведения по истории, культуре, этнографии монгольских народов. Материалы статьи об архивохранилищах, содержащих документы по истории монголоведения, подобраны в связи с юбилейными датами, которые отмечаются в текущем 2018 году, не умоляя значимости других архивов, не представленных в данной публикации. Сведения об архивах России: Институт восточных рукописей РАН, Государственный архив республики Татарстан, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, научные библиотеки Казанского и Санкт-Петербургского университетов, фонды которых содержат материалы о деятельности ведущих востоковедов О.М. Ковалевского и В.П. Васильева, представленные в статье, свидетельствуют об их богатом разнообразии, таящем в себе еще много неизведанного, что могло пролить свет на малоизученные страницы научной школы монголоведения.

Ключевые слова: научная школа монголоведения, О.М. Ковалевский, В.П. Васильев, архивы, Институт восточных рукописей РАН, Государственный архив республики Татарстан, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Казанский и Санкт-Петербургский университеты.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-54-62

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев»).

Polyanskaya Oksana Nikolaevna
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

**RUSSIAN ARCHIVE MATERIALS ON THE HISTORY
OF MONGOLIAN STUDIES: FUNDS ABOUT O.M.
KOVALEVSKY AND V.P. VASILYEV'S SCIENTIFIC
ACTIVITIES**

The article presents a review of materials on the history of establishment and development of Mongolian studies school in the main Russian archives. We focus attention on the major milestones of the complex process of forming scientific knowledge about the East in Russia. The funds of specialists in Mongolian studies, which contain scientific, diary and epistolary heritage are of particular interest. They are the richest source on Mongolian studies in Russia and contain information on the history, culture, ethnography of the Mongolic peoples. The article to a greater extent concerns the archival documents on the history of Mongolian studies in connection with the anniversary dates that are celebrated in the current 2018 year without belittling the significance of archives not submitted in this publication. Information from the Russian archives — Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences, the State Archive of the Republic of Tatarstan, St. Petersburg Branch of the RAS Archive, the scientific libraries of Kazan and St. Petersburg universities — contain materials on the activities of leading Orientalists O. M. Kovalevsky and V. P. Vasilyev. The materials presented in the article give evidence of the enhanced diversity of these archives, which could shed light on the poorly studied pages of the history of Mongolian studies.

Keywords: scientific school of Mongolian studies; O. M. Kovalevsky, V. P. Vasilyev; archives; Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences; the State Archives of the Republic of Tatarstan; St. Petersburg Branch of the RAS Archive, Kazan and St. Petersburg universities.

2018 год – юбилейный в истории российского востоковедения, 200 лет назад, в 1818 г., был учрежден Азиатский музей ныне Ин-

ститут восточных рукописей РАН, ставший главным архивохранилищем страны, в котором концентрировались рукописи на восточных языках, привозимые востоковедами-исследователями из далеких стран. Таковым Институт остается и сегодня. Большой интерес для истории востоковедной науки представляет его Архив востоковедов. В настоящее время Архив востоковедов насчитывает более 100 личных фондов. Часть фондов, принадлежащих действительным членам или членам-корреспондентам Академии наук были переданы в Ленинградское отделение Архива АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПБФ АРАН)). Первыми личными фондами, составившими основу архива Азиатского музея, стали материалы исследователей Г.Ф. Миллера, П.П. Палласа, И.Э. Фишера, путешественников по Сибири, одними из первых собравших богатые сведения о бурятах среди прочих народов, населяющих сибирские просторы. Кроме того, Герхард Фридрих Миллер (1705–1783), – ученый (в 2018 г. – 235 лет со дня смерти), стоявший у истоков первого научного архива России. В январе 1728 года по указу императора студента академической гимназии Миллера определили к академическому архиву, что стало началом истории Архива РАН. Отдавая дань памяти этому сподвижнику науки, СПБФ АРАН проводит научную конференцию, ставшую традиционной, которая, в свою очередь, является важной площадкой сотрудничества историков и архивистов. СПБФ АРАН является архивохранилищем не только с богатой собственной историей, но и хранит уникальные документы как личного, так и научного характера – ценные для создания объективной картины по истории отечественного монголоведения, да и востоковедения в целом.

Зародившись, российское монголоведение постоянно развивалось, проходя различные этапы становления, сопровождаемые успехами, повышенным вниманием со стороны правительства или, наоборот, спадом интереса последнего. Однако монголоведение развивалось во многом благодаря энтузиазму ученых, с именами которых связаны значительные достижения. Деятельность отдельно взятого ученого – это неотъемлемая составляющая истории российского монголоведения, которая и на сегодняшний день имеет много «белых пятен», дело в том, что о многих, кто посвятил свою жизнь изучению Востока, мы знаем мало, а другие просто забыты, а о третьих, казалось бы, известно многое, но можно с полной

уверенностью сказать, далеко не все. И в этом деле могут помочь личные архивы наиболее известных ученых, профессоров, академиков, среди материалов которых можно встретить и забытые имена или неизвестные вовсе.

Осип Михайлович Ковалевский (1801-1878) и Василий Павлович Васильев (1818-1900) – два известных имени в истории русского востоковедения XIX века, каждый из них представляет собой авторитетного исследователя Востока, О.М. Ковалевский больше известен как монголовед, основатель научной школы монголоведения в России, а В.П. Васильев – синолог, автор первых в России историко-географических работы по истории, географии, языках, литературе Китая. Однако, следует отметить, что востоковедов отличал широкий диапазон исследований, не только в рамках изучения какого-либо одного народа или государства, но и в целом в исследованиях восточных народов. О.М. Ковалевский, занимаясь изучением монгольского языка истории, культуры монгольских народов, немало внимания уделял рассмотрению вопросов, связанных с Китаем, значителен его вклад в изучение буддизма, санскрита, китаистики и маньчжуристики. В.П. Васильев же всю жизнь посвятивший постижению Китая, немало сделал для изучения монгольских народов, на основе собственных наблюдений и исследований и тщательного изучения китайских источников подготовил работы по истории и философии буддизма: «Буддизм, его догматы, история и литература» (1837-1869), сделал полное обозрение китайского собрания буддийских книг, терминологический буддийский лексикон, в 1857 г. вышел его первый том «Буддизм» – «классический до сих пор в лучшем смысле» [5].

Василий Васильев был одним из выдающихся учеников О.М. Ковалевского по Казанскому университету. О.М. Ковалевский известен как педагог и наставник, его учениками были: такие выдающиеся востоковеды, как Доржи Банзаров, Галсан Гомбоев, Алексей Бобровников, Константин Голстунский, Василий Васильев, считали себя учениками монголоведа и всемирно известные ученые А.М. Позднеев, и В.Л. Котвич, учились уже только по его трудам [5].

ИВР РАН хранит небольшой фонд № 29 О.М. Ковалевского [2]. Здесь интересно дело № 22 – «Бумаги о войсковой бурятской школе», основателем которой считается О.М. Ковалевский, составивший проект Устава школы, разрешающий детям казаков обучаться

в ней. Одним из первых выпускников стал Доржи Банзаров – первый бурятский ученый, получивший европейское образование. В последствие юноша обучался в Казанской гимназии и Казанском университете под непосредственным началом ученого. С точки зрения научного наследия монголоведа, особый интерес представляет рукопись «История монголов» в двух томах, которая еще ждет своего исследователя и подготовки к публикации, а также дневники.

На сегодняшний день известно нахождение трех дневников монголоведа О.М. Ковалевского, в которых отражена его научная командировка в Восточную Сибирь, Забайкалье, Монголию и Китай (1828-1833). Они рассосредоточены по разным архивохранилищам Казани и Санкт-Петербурга, а также Вильнюса (Литва). Интересна судьба дневника ученого за 1830 г. На пути в Монголию (1830 г.), во время поездки в Пекин с Российской духовной миссией, О.М. Ковалевский сообщал М.Н. Мусину-Пушкину о начатом им дневнике: “донести... о цели моего дневника, который ныне по обилию предметов, встречающихся на пути, распространяясь, начинает принимать более разнообразия. Краткое описание дороги, по коей миссия следует в Пекин, собрание статистических и исторических сведений о стране столь любопытной...”. Дневник содержит подробные сведения об этих странах: географические, этнографические, исторические, много сведений о религии, обычаях, есть материал об архитектуре, сословиях монгольского и китайского общества, сравнительные характеристики этих народов, особенности менталитета каждого из них.

Вернулся Дневник в Россию спустя сто лет, как закончилась научная командировка О.М. Ковалевского в Восточную Сибирь, Монголию, Китай. В реестре поступлений в Российскую национальную библиотеку (Санкт-Петербург) [7] дневник значился как рукопись неизвестного, а дата поступления 1929 г. Можно предположить, что документ не стали ввозить в Россию из-за его содержания, он остался в Китае. Пересечение границы с таким материалом могло негативно сказаться как на российско-китайских отношениях, так и на судьбе самого ученого. Он приехал в Китай в качестве письмоводителя XI Российской духовной миссии, не афишируя свои исследовательские намерения. И только во время конфликта на КВЖД произвели срочную переправку в Россию всей документации, которая могла бы усугубить сложную ситуацию в этом регионе. Днев-

ник Осипа Ковалевского, датированный 1830 г. является достоверным источником по истории Монголии и Китая первой половины XIX века.

Хорошим дополнением к дневникам являются письма-отчеты Осипа Ковалевского этого времени, адресованные Попечителю Казанского учебного округа Михаилу Мусину-Пушкину и Ученому Совету Казанского университета. Они содержат богатые сведения о различных монголоязычных народах. Особенно интересно и многогранно описана общественно-политическая и религиозная жизнь забайкальских бурят. Из писем мы узнаем имена общественных и религиозных деятелей, представителей сибирской интеллигенции, которые оказывали содействие Осипу Ковалевскому и Александру Попову в собирании восточных рукописей, монгольского фольклора и изучении монгольского языка. Таким образом, «Дневник 1830» г. и письма-отчеты 1828-1833 гг., т.е. периода пребывания ученых в Забайкалье, из Архива Татарстана дают возможность объективно оценить деятельность научной экспедиции Осипа Ковалевского и осознать все сложности первых шагов научного монголоведения. Сегодня эти материалы (Дневник за 1830 г. и часть писем-отчетов) опубликованы [4].

Фонд 92 Государственного архива Республики Татарстан [1] – материалы канцелярии попечителя Казанского учебного округа, в которых находятся циркуляры и распоряжения попечителя, протоколы заседаний попечительского совета, годовые отчеты Казанского учебного округа, отчеты Казанского университета, дела о научных командировках и путешествиях ученых Университета. Дело № 2237 этого фонда – переписка О. М. Ковалевского с попечителем М.Н. Мусиным-Пушкиным, с Ученым Советом Казанского университета, отражающее различные аспекты командировки востоковеда: о занятиях монгольским языком в Иркутске под руководством А.В. Игумнова, освещающие многие аспекты жизни сибирского знатока монгольского языка, а также успехи казанских востоковедов О.М. Ковалевского и А.В. Попова в изучении языка. Письма О.М. Ковалевского из Сибири и Монголии в Казань представляют заслуженный интерес для изучения многих сторон жизни, быта и духовной культуры монголоязычных народов. В фонде 92 архива содержатся важные сведения по истории 11-й Российской духовной миссии в Пекине, участником которой был О.М. Ковалев-

ский. Здесь же находятся сведения о связях О.М. Ковалевского с английскими миссионерами в Сибири, среди бурят в начале XIX века. Данный фонд содержит материалы ученого о его работе над словарями, грамматикой и хрестоматией, о бурятах, судьба которых была связана с Казанским университетом и гимназией, а также его деятельности во главе кафедры монгольского языка Казанского университета с 1833 года. Разнообразные материалы, характеризующие многоплановую деятельность Казанского университета в период с 1805 по 1918 годы, представлены в фонде 977 – Совет университета [1]. В этом фонде находятся дела, дополняющие сведения о командировке О.М. Ковалевского в Восточную Сибирь. Переписка содержит сведения о монголоязычных народах, особенно интересно и многогранно в них представлены забайкальские буряты. Из писем мы узнаем имена общественных, религиозных деятелей из бурят, сибирской интеллигенции, которые оказывали всяческое содействие О. Ковалевскому в изучении монгольского языка, в собирании восточных рукописей, а также монгольского фольклора.

С Казанью и Казанским университетом Осипа Михайловича связывают долгие отношения, именно здесь он состоялся как ученый востоковед, здесь открыл первую в Европе кафедру монгольского языка, здесь создал фундаментальные работы по монгольскому языку, подготовил плеяду блестящих ученых по изучению Востока. Поэтому неслучайно, что именно в Казанском университете, пусть и с опозданием, в 2018 г. планируется провести Первые Ковалевские чтения, приуроченные к юбилеям значимых дат биографии монголоведа: 140 лет со дня смерти Осипа Михайловича (1878), 185 лет со дня основания кафедры монгольского языка (1833), 190 лет с начала его научной экспедиции в Восточную Сибирь, к забайкальским бурятам и А.В. Игумнову – иркутскому переводчику, с целью изучения монгольского языка (1828-1833).

В отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета находится еще одна часть архива О.М. Ковалевского, состоящая из двух папок. В одной – письма к Осипу Михайловичу российских и зарубежных востоковедов, друзей, знакомых, в другой – служебные материалы, относящиеся к его деятельности на посту директора Второй Казанской гимназии, благодарственные письма, деловые письма, характеризующие О.М. Ковалевского как педагога [3]. Значительную часть составляю

письма Василия Васильева к своему учителю О.М. Ковалевскому из Пекина и по дороге туда в составе XII Российской духовной миссией [3]. Письма являются свидетелем как нелегкого пути становления будущего ученого – востоковеда с мировым именем, известного синолога и буддолога Василия Павловича Васильева, так в целом научной школы востоковедения в России.

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПФ АРАН) хранит личный фонд академика В.П. Васильева (Ф. 775), в котором содержатся разные документы, связанные с его командировкой в Пекин. В первую очередь это объемные, подробные «Пекинские дневники» – дело № 212 и дело № 256, в них – подробные сведения о Монголии и Китае в разных аспектах; Василий Павлович пишет о своем непрестом положении при миссии, об отношениях с миссионерами, своих занятиях по изучению источников по буддизму на монгольском, китайском и тибетском языках. А также письма к О.М. Ковалевскому (Д. 257), в которых путешественник освещает весь путь следования, с момента выезда его из Казани: «По прибытии в Троицкосавск, я встретил обильную практику для монгольского языка в знакомстве с бурятами, которые беспрестанно расспрашивали меня о Казанской семинарии и гимназии. Одного ламу пригласил я себе в учителя тибетского языка. Учитель китайского языка г. Крымский начал мне с нами преподавать китайский язык» [6, Д. 257]. Все эти сведения важны для составления более полного биографического портрета монголоведа, а так же объективной картины становления самого ученого и буддологии в России. После завершения научной командировки в Пекин, в ходе которой Василий Павлович подготовил ряд работ по буддизму, он стал непревзойденным авторитетом в этой области: «... в Пекине он овладел буддийской литературой на китайском и тибетском языках в таком объеме, и настолько основательно, как о том не могли мечтать европейские буддологи...» [6, Д. 248]. В.П. Васильев собрал богатую коллекцию буддийской литературы [8], что значительно обогатило восточную библиотеку Казанского университета. Как повествуют документы его личного фонда, по возвращению из Китая В.П. Васильев планировал открыть кафедру тибетологии, однако ему поручили в 1851 г. возглавить кафедру китайского языка, а в 1854 г. восточный разряд Казанского университета был переведен в Санкт-Петербургский университет, а вместе с ним и ряд преподавателей, среди которых

был и В.П. Васильев. С этого момента начинается новый период его жизни, связанный с преподаванием на восточном факультете Санкт-Петербургского университета.

В целом фонды названных архивохранилищ, на примере только двух фондообразователей – выдающихся ученых О.М. Ковалевского и В.П. Васильева, можно с уверенностью говорить что они (фонды) могут способствовать созданию более целостной картины развития научного монголоведения в России.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 92; Ф. 977.
2. Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН). Архив востоковедов. Ф.29 О.М. Ковалевского. Д. 22 – «Бумаги о войсковой бурятской школе».
3. Отдел редких книг Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета. Архив О.М. Ковалевского. Папки 1 – дело 567; папка 2 – дело 568.
4. Полянская О.Н. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828-1833 гг.), Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008.
5. Полянская О.Н. Переписка востоковедов О.М. Ковалевского и В.П. Васильева как источник по истории монголоведения // Вестник Бурятского государственного университета. – Вып. История. – 7/2015. – С. 130-137.
6. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 775. Оп.1. Д. 257. Л. 1 об.; Д. 248.
7. Собрание отдельных поступлений РНБ. Автограф 76 л. Ф. 1000, оп. 2, № 612 – Дневник, веденый во время путешествия с XI Российской духовной Миссией в Китай 9 октября-11 декабря 1830 г. Описание виденных мест и китайских обычаев.
8. Тубянский М., Ольденбург С., Щербатской Ф. О рукописном наследии В.П. Васильева // СПФ АРАН Ф. 775. Оп. 1. Д. 2566. Л. 77.

Дугаров Владимир Доржиевич
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
dugarovbgu@mail.ru

**ИССЛЕДОВАНИЯ «АССОЦИАЦИИ МОЛОДЫХ
ИСТОРИКОВ» И ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА
«СИБИРЬ» В АРХИВЕ КГБ/ ФСК/ ФСБ (ФЕДЕРАЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ПО РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ) В 1990-Е ГГ.**

С вхождением образованием государственных органов на территории России и Бурят-Монголии в XVII в., происходил синхронный процесс формирования органов государственно-архивной службы и спецслужб России. Местное население активно привлекались к административной деятельности в составе бурятских и тунгусского казачьих полков, в органах местного самоуправления, руководстве администрациями буддийской конфессии, с которых начинается процесс бурятского делопроизводства и архивного дела. В то же время, на небольшой период реформирования деятельности архива КГБ/ФСБ в 90-е годы XX века в Бурятии, в рамках юбилейных мероприятий хотелось бы обратить внимание в своем сообщении.

Ключевые слова: архив, делопроизводство, бурят-монголы, КГБ/ФСБ, спецслужбы, репрессии, реабилитация, архивист, секретный.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-63-76

Dugarov Vladimir Dorzhievich
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

**STUDIES OF THE «ASSOCIATION OF YOUNG HISTORIANS»
AND THE SOCIAL AND SCIENTIFIC CENTER «SIBERIA»
IN THE ARCHIVES OF THE KGB/ FSK/ FSB (FEDERAL
SECURITY SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR
THE REPUBLIC OF BURYATIA) IN THE 1990-S**

With the entry of the formation of state bodies on the territory of Russia and Buryat-Mongolia in the XVII century, there was a synchronous

process of formation of the bodies of the state archival service and special services of Russia. The local population was actively involved in administrative activities as part of the Buryat and Tungu Cossack regiments, in local self-government bodies, in the administration of the administrations of the Buddhist faith, from which the process of Buryat record-keeping and archival business begins. At the same time, during a short period of reforming the activities of the KGB / FSB archive in the 90s of the 20th century in Buryatia, I would like to draw attention to my message in the framework of the jubilee events.

Keywords: archive, office work, Buryat-Mongols, KGB/ FSB, special services, repression, rehabilitation, archivist, secret.

С вхождением инородческих сибирских племен в состав Российского государства и образования государственных органов на территории Сибири, происходил синхронный процесс формирования органов государственно-архивной службы и спецслужб в нашем регионе. Что касается местного автохтонного населения, то оно активно привлекалось к административной деятельности. Применительно к народам края «Устав об управлении инородцев» М.М. Сперанского, стал одним из важнейших памятников законодательной деятельности империи в Сибири, разработанный на основе учета геополитических, этнических и иных особенностей азиатской России. Законодательная деятельность активно развивалась в бурятских и тунгусском казачьих полках. Широким было представительство бурят в органах местного самоуправления, руководстве администрациями буддийской конфессии на всех уровнях, с этой государственной деятельности начинается процесс формирования бурятского делопроизводства и архивного дела. Подводя определенный итог административно-государственной деятельности бурят и тунгусов в романовское время, Б.В. Базаров академик РАН, директор Института монголоведения, буддологи, тибетологии СО РАН отмечает: «На наш взгляд, история трехступенчатой системы органов местного самоуправления (Степная Дума – инородная управа – родовое управление), учрежденной по «Уставу об управлении инородцев 1822 г.» занимает достойное место в 350-летней истории бурятского народа в составе Российского государства и требует глубокого и всестороннего исследования» [5, С. 3].

Проблема формирования документальных фондов в Бурят-Монголии в историографии бурятской гуманитарной науки широко представлена изданиями по истории органов местного самоуправления подготовленных директором Государственного архива Республики Бурятия, доктором исторических наук Жалсановой Бутит Цыдыпмункуевной, совместно с главным научным сотрудником Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Леонидом Владимировичем Курасом, коллегами А.А. Елаевым, О.И. Прокопьевой, А.Т. Дадаевой, Л.А. Шапхоевой, другими авторами, научным редактором многочисленных сборников является академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН Б.В. Базаров. Вышеперечисленными авторами издан цикл важнейших документов по истории органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. [4]. Эти документы: отписки, прошения, рапорты, постановления, приказы, предписания, именные списки и прочие, при кропотливом прочтении дают огромный пласт обширной, но мало известной истории работе архивистов, служителей спецслужб дома Романовых.

В свою очередь, система государственно-партийных органов и спецслужб Советского Союза, исходя из рода деятельности этих секретных государственных органов, всегда представляла собой определенную завесу молчания. В то же время, на небольшой период реформирования деятельности архива КГБ/ФСБ в 90-е годы XX века в Бурятии, в рамках юбилейных мероприятий хотелось бы обратить внимание в своем сообщении.

Социально-политические перемены на территории нашей Отчины в конце 80-х- нач. 90-х гг., «разброд и шатание» в работе государственных органов, ослабление государственного надзора за делопроизводством и фондохранением, привели, важно отметить, к определенному несанкционированному массовому открытию архивных фондов различных ведомств и служб, а кое-где, и к разбазариванию архивных фондов, том числе, и фондохранилищ Государственных архивов РФ и РБ. Как известно из истории Советского Союза, по настоянию секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, курировавшего идеологический сектор в стране, после «оттепели» 60-х гг. XX в., «открытости» ранее секретных материалов, произошла «консервация» архивных и иных документов в период пресловутого «застоя». В этот период были вновь засекречены до-

кументы, относящиеся к истории Октябрьской революции, гражданской войны, «большого террора», внутривластной жизни и пр. В период 80-90-е гг. качественные примеры работы с ранее закрытыми спецархивами, спецфондами, спецматериалами, особенно по реабилитации ранее осужденных граждан СССР и других стран, продемонстрировали спецслужбы БурАССР и Республики Бурятия (КГБ, МВД, Прокуратура) и пр.

Исходя из административных правил РФ, на архивные фонды спецслужб России и Бурятии, распространяются Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах; в соответствии с Федеральным законом от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», к которым мы можем отнести и ведомственный архив Федеральной службы безопасности по Республике Бурятия.

В своем сообщении, мне бы хотелось остановиться, на этапе реформирования архива КГБ/ФСБ, личными участниками которого, мы были в 90-е годы XX века. В рамках получивших тогда широкую тенденцию к новому видению в изучении и трактовке истории СССР и бурят-монгольского этномира, на базе исторического факультета БГПИ имени Доржи Банзарова в 1989 г. была образована «Ассоциация молодых историков», которая вскоре перешагнет свои научно-исследовательские границы, и в 1991 г. реформируется в Общественно – научный центр «Сибирь», организаторами и членами которого, по мере пополнения, были: Б.В. Базаров, В.Ц. Ганжуров, В.Д. Дугаров, Ю.П. Шагдуров, И.Н. Шагдунова, Л.В. Курас, О.Д. Базаров, Д.Д. Хутапкеев, Л.А. Зайцева, Л.Б. Жабеева, Д.Л. Доржиев, А.В. Дамдинов, Л.В. Дамбаев, отдельные члены исторического факультета БГПИ им. Д. Банзарова, другие заинтересованные исследователи, которые начали исследовательскую деятельность в реформирующемся архиве ФСБ.

В архиве ФСБ меня, в первую очередь, привлекла история военного дела бурят и, особенно, Бурятской краснознаменной кавалерийской бригады и поэтому, для исследования мне были представлены документы по истории и репрессиям в Бурквбригаде, частично, совсекретной закордонной работе нашей внешней разведки, многие другие проблемы военной, гражданской, теологиче-

ской истории, другие документальные материалы, которые начали рассекречивать. Отдельной строкой шли реабилитационные дела осужденных в 1948 г. советских военнослужащих попавшим в немецкий плен, освобожденных Красной армией и армиями союзников, отбывшим сроки в советских концлагерях и вновь осужденных в 1948 г. в период второй волны гонений начатых И.В. Сталиным. В архиве было более двухсот дел, которые затем были переданы в государственный архив РБ. Мною был напечатан материал о преподавателе БГПИ имени Д. Банзарова Степане Алексеевиче Дуринове, ярком представителем династии Дуриновых, составляющих целый пласт истории Бурятского педагогического института и университета, который прошел все ужасы фашистских лагерей в Германии и Польше, бежавшем из плена, бывшим комиссаром партизанского отряда, отсидевшим в советских лагерях, и осужденным в период второй волны репрессий в 1948 г.

Работая в архиве я, да и мы все вместе, активные участники «Ассоциации...» накопили большой материал, особенно по репрессиям в Буркавбригаде, которые затрагивали все слои гражданского общества Бурят-Монголии, часть которого еще рано обнаружить (это материалы допросов, очных ставок, личных характеристик и пр.). Первые публикации из архивов ФСБ мною были опубликованы по необычной истории такой героической личности, как Герой Советского Союза, генерал-майор Илья Васильевич Балдынов. Мною были представлены архивные документы, как несмотря на жесточайшие допросы и мучения, он не донес ни на одного человека, не оговорил на перекрестных допросах своих сослуживцев (этот материал еще не опубликован, живы потомки людей, которые не выдержали пыток и оговаривали себя и своих сослуживцев) [3].

В ходе работы в архиве мы сотрудничали с активно начинающим работать с документами ФСБ ветераном Великой Отечественной войны Хандажаповым Содномом Банзаракцаевичем, который был кадровым военным, назначенным в годы войны военным комиссаром миномётной батареи 9-ого гвардейского кавалерийского полка, 3-й Гвардейской Кавалерийской дивизии генерала Л.М. Доватора. В бою 8 марта 1943 года он был ранен в ногу, но продолжал руководить боем. Второе ранение, уже тяжёлое (контузия и потеря левой руки). После войны Содном Банзаракцаевич продолжил исследовательскую боевую историю своих однополчан. Он активно занимал

ся поиском однополчан, розыском неизвестных героев, возвращением о них памяти родным, землякам через газетные журнальные публикации, писал книги. Он автор книг «Сабельный поход», «Мои однополчане», «Кавалеристы в боях за Родину. С.Б. Хандажапов писал и о героях Халкин-гола, необоснованно репрессированных героях Красной армии. Он писал очень много и был принят в Союз журналистов СССР. Хандажапов С.Б. был награждён медалями «За оборону Москвы», «За отвагу», Орденом Красного Знамени и Орденом Красной Звезды. Умер он 6 декабря 1991 года, прожив 73 года, так мало проработав архиве ФСБ, а это был превосходный рассказчик и информатор о истории и героях Буркавбригады.

Другим активным исследователем, был доктор филологических наук, профессор Бурятского госуниверситета Дондуков Улзы-Жаргал Шойбонович (1923-2008), который ушел на фронт после 10 класса. Будущий профессор У-Ж.Ш. Дондуков с боями прошел Москву, Берлин, Эльбу, был командиром противотанковых орудий. В конце войны комсорг полка, воевал в составе Второго гвардейского кавалерийского корпуса генерала Л.М. Доватора, где служили многие конноармейцы из Буркавбригады, награжден двумя ордена Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, Славы III степени, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Был момент, когда старший сержант Дондуков был представлен к ордену Боевого Красного Знамени, однако из-за бюрократических проволочек был удостоен только ордена Славы. Был четырежды ранен. Первый раз под городом Карачевым Московской области, когда в жестоком бою сумел подбить три фашистских танка. (Всего за годы войны Дондуковым было уничтожено одиннадцать танков). Второе ранение он получил в боях на реке Десне Брянской области. Им была издана книга воспоминаний «От Москвы до Берлина на боевом коне», изданная в Улан-Удэ в 1995 году, множество статей. Многого он не успел дописать, а его память на события, исследуемые в архиве, особенно по воинам и событиям в Буркавбригаде была превосходной. [2, С. 94].

Обращаясь к истории архивного дела в нашем регионе, отметим, что в феврале 1939 г. Архивное управление БМАССР переходит в ведение НКВД и было переименовано в Архивный отдел НКВД БМАССР. Начинается сложный период в развитии архивного дела

Бурятия, который на два десятилетия привел к закрытию архивов от общества. В 1941 г. Архивный отдел НКВД БМАССР был переименован в Отдел государственных архивов НКВД БМАССР. В этом же году был образован Центральный государственный архив БМАССР, в котором хранилось более 750 фондов, около 235 тыс. ед. хр. В архиве хранятся документы, содержащие сведения о деятельности органов юстиции, судебных органов, прокуратуры [10].

Уже с середины 1980-х гг. архивы России оказались особенно востребованными по политическим и идеологическим мотивам, в частности, в реабилитационных процессах. Общественная жизнь России второй половины 1980-х гг. – первой половины 1990-х гг. XX в. в значительной степени определялась требованиями расширения доступа к архивам, включая архивы КПСС, как неперемкнутого условия постижения «правды истории». Во второй половине 1980-х гг. были сняты ограничения на доступ к сотням тысяч дел. В начале 1990-х гг. процесс рассекречивания архивных документов активизировался еще больше, затронув, в первую очередь, национализированные архивы КПСС, в том числе ее высшего звена [9, С.2].

3 декабря 1991 года Президент СССР М.С. Горбачёв подписал закон «О реорганизации органов государственной безопасности». КГБ СССР был упразднён и на переходный период на его базе созданы Межреспубликанская служба безопасности и Центральная служба разведки СССР (в настоящее время — Служба внешней разведки РФ). После упразднения КГБ процесс создания новых органов госбезопасности занял порядка трёх лет. В течение этого времени отделы расформированного комитета переходили из одного ведомства в другое. 21 декабря 1993 года Б.Н. Ельцин подписал указ о создании Федеральной службы контрразведки РФ (ФСК), переименованная в апреле 1995 г. Федеральную службу безопасности Российской Федерации (ФСБ Российской Федерации). Именно в этот период «Ассоциация молодых историков» начала активную работу в архиве ФСБ. Следует отметить, что параллельную работу по реабилитации жертв политических репрессий с 1991 г. проводили органы прокуратуры и МВД Республики Бурятия.

Важнейшей и актуальнейшей задачей поставленной перед реформированным КГБ/ ФСБ согласно Закону РФ от 18.10.1991 N 1761-1 (ред. от 07.03.2018) «О реабилитации жертв политических

репрессий» стала реабилитационная деятельность ФСБ. Эта важнейшая социально-политическая работа была успешно проведена Управлением ФСБ РФ по Республике Бурятия во главе с генерал-майором Валерием Иннокентьевичем Халановым. На первом этапе работой по реабилитации жертв политических репрессий занимался майор Александр Михайлович Ростовцев, который, был первым представителем КГБ/ФСБ в новой работе в условиях перестройки и реформирования. К сожалению, нам с ним пришлось поработать в архиве не долго. В будущем А.М. Ростовцев станет одним из организаторов и директором музея истории Управления ФСБ России по Республике Бурятия.

В начавшейся кропотливой работе, в ранее закрытом для нас для работы в годы обучения в аспирантуре архиве КГБ, большую организационную и информационную помощь организовали старшие офицеры ФСБ, служившие в «Группе общественных связей» ФСБ по РБ. Этот период был организационным, и все было непонятным, вплоть до того, будет ли вообще существовать служба. Тем не менее, процесс открытости ранее секретной службы начался.

В этом новом, необычном процессе, большую практическую и личную помощь, заинтересованность проявил подполковник Владимир Дмитриевич Гуранчеев, который непосредственно стал выдавать для изучения и научного анализа документы, носившие ранее гриф «Совершенно секретно». Эти документы в новых исторических условиях стали, первоначально доступны узкому кругу исследователей, а затем, широкой массе репрессированных лиц и их родственникам. Владимир Дмитриевич, был первым, кто показал, правда, не всю, на схеме и расстоянии расположение архива, номенклатуру дел ВЧК/КГБ/, согласно которой мы могли уже заказывать исследовательские материалы. Большой срок, более 4-5 лет работе в архивах посвятил подполковник Владимир Гаврилович Антонов, который также активно участвовал в рассекречивании архивных документов. Особенно заметна в этой работе деятельность подполковника Николая Александровича Бадеева. Научно-исследовательская, кураторская роль Николай Александровича Бадеева была наиболее широкой и плодотворной. Он становится наиболее компетентным и быстро ориентирующемся в «совсекретных материалах» специалистом. Николай Александрович отлично знал всю номенклатуру дел и его компетентные советы помогали разобрать-

ся в хитросплетениях архивных дел по всей стране. Следует отметить, что заинтересованные органы ФСБ от Магадана, Красноярска, Москвы, Ленинграда, Калининграда, других провинциальных городов России быстро находили запрашиваемые дела и оперативно доставляли исследователям.

В ходе работы в архивах ФСБ нас заранее предупреждали, что в материалах и сведениях изучаемых нами, незримо присутствует человеческий фактор, что могут быть живы те люди, которые писали доносы или вынуждены были оговаривать себя, своих знакомых, что живы их дети и внуки, которые очень щепетильно относятся, к такого рода, публикациям. В этот период были живы и непосредственные доносчики, и так называемые комментаторы, после рецензий и доносов которых, была прямая дорога репрессированного человека по 58 статье, а то и ВМН.

Мы «вживую» видели легендарную Гелю Маркизову, дочь А.А. Маркизова, второго секретаря Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б), которая долго просила и добивалась познакомиться с делом ее отца. Ее пытались отговорить, но она была настойчива. В детстве Энгельсина Ардановна Маркизова (Энгельсина Сергеевна Чешкова) получила большую известность после встречи 27 января 1936 года в Москве в Кремле. Она преподнесла букет Секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину, громко провозгласив: «Это дарят вам дети Бурят-Монголии!» Сталин поднял её на руки и поцеловал, что было запечатлено на фотографиях, широко использовавшихся в советской пропаганде как символ благодарности «за счастливое детство». После знакомства с делом А.А. Маркизова, она сказала: «Лучше бы, вы его не показывали». В целом, ранее засекреченные дела были по своей форме и содержанию ужасными.

1990-е гг. становятся периодом публикаций ранее недоступных, совершенно секретных материалов, часть которых в период «оттепели» 1960-х годов «приоткрыли» для реабилитации жертв репрессий конца 1930- начала 40-х годов, а затем вновь закрыли. «Группа общественных связей» во главе с начальником ФСБ по Республике Бурятии генерал-майором В.И. Халановым и «Ассоциация молодых историков», провели первую в истории Российской Федерации конференцию по 80-летию образования ВЧК – ФСБ. По результатам работы конференции был издан сборник «Из истории спецслужб Бурятии: к 80-летию ВЧК-ФСБ», раскрывший многие ранее

совершенно секретные материалы о деятельности этого надзорного органа за время его работы в стране и за рубежом. Опубликованный юбилейный сборник, целиком основанный на материалах архива ФСБ, был представлен статьями: В.И. Халанова «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Бурятия»; Л.В. Кураса «Харбинская белая эмиграция в освещении спецслужб СССР (конец 20-х- начало 30-х годов), Базарова Б.В., Шагдурова Ю.П. «О судьбах чекистов Бурятии в 30-е годы», О.Д. Базарова «Роль НКГБ БМАСССР в восстановлении буддийской конфессии в годы Великой Отечественной войны», В.Д. Дугарова «Деятельность народного комиссариата внутренних дел Бурят-Монгольской АССР накануне и в период второй мировой войны»; С.В. Евдокимовой «Из истории спецслужб России XVI – начало XX веков», Д.Л. Доржиева «Формирование Прибайкальского областного отдела Госполитохраны ДВР (ноябрь 1920г. – ноябрь 1921 г.) – этап истории органов госбезопасности Бурятии», московских и других товарищей [10, С. 102]. Исследователь Л.В. Курас опубликовал на основе этих и других материалов квалифицированный сборник на 201 страницу «Очерки истории органов государственной безопасности Республики Бурятия», изданный в 1998 году в Иркутске – Улан-Удэ.

Для работы в архивах ФСБ, каждый из исследователей, выбирал и подбирал соответствующие документы по направлению своего исследования. Полем исследования Б.В. Базарова была история и культура монгольских народов, межнациональные отношения, национально-государственное строительство, биографии отдельных выдающихся личностей из бурят-монголов занимавшихся наукой, буддизмом, просветительством и др. Опираясь на архивные данные ФСБ и другие источники им были подготовлены серии монографий, сборников научных конференций по истории монгольского этномира. Приведем лишь краткий список изданной им. научной литературы созданной на материалах архива ФСБ [11].

Существенный вклад развитие архивного дела в Республике Бурятия, архивы ФСБ и Монголии, вносит доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН, почетный доктор исторических наук Института истории Академии Наук Монголии Леонид Владимирович Курас, который опубликовал 581 издание по истории Октябрьской революции в Сибири и в нашем

крае, монгольской революции, гражданской войне, бурятских, монгольских, калмыцких революционерах, атамане Г.М. Семенове, Р.Ф. Унгерне, истории закордонной белой эмиграции, историографии и источниковедению истории России, силовых структурах и обществе, национально-государственном строительстве, органах местного самоуправления в XIX – начале XX вв., русской эмиграции на Дальнем Востоке, истории Монголии XX – XXI вв. [8].

Большой поток краеведческой информации из ранее секретных материалов был опубликован в широкой печати, спецборниках, материалах всевозможных конференций, цикле материалов «История Бурятии в вопросах и ответах». Это была отдельная работа по сбору и кодификации обнаруженного научного материала, были изданы отдельные библиографические сборники и пр. В краткий период времени, ценой большого энтузиазма и осознания необходимости донести до широкого читателя, краеведа, учителя в первую очередь, формирующееся новое видение истории, документальные материалы были нами изданы не все [6].

Это были проблемно-исторические сборники с краткими квалифицированными ответами на интересующими тогда историческое сообщество, простых людей исторические проблемы, на которые мы предлагали дать, и давали новое информационное видение исторической картины в выступлениях наших коллег – специалистов по проблемам. И этот результат оправдался. Вышеназванные серии как говорится, «пошли в народ», возникла оправданная необходимость получения людьми нового прочтения истории региона, своей малой родины, родословной и т.д. Поэтому, мы с гордостью можем отметить, что нареканий или замечаний по качеству и квалифицированной подаче полученной совсекретной информации с нашей стороны не было. Не было и жалоб на необъективность, предвзятость, на неточность информации, чему мы и рады и в настоящее время.

Этот период работы в совсекретных архивах ФСБ, отчасти прокуратуры РБ, был насыщен и плодотворен, но все же, эти материалы были дозированы, в каталоге и описи дело значилось, а могло быть и уничтоженным во время определенных чисток. Этот блок работы «Ассоциации...», а затем «ОНЦ Сибирь» внес огромную пользу в удалении всевозможных пятен в истории нашей страны, региона, народов населяющих Байкальский регион, монголоязыч-

ных народов. Это была большая научно-исследовательская работа многих авторов, из-за ограниченности формата статьи, я и так перебираю листаж, остались вне поле зрения этой статьи остались другие материалы. В статье была осуществлена попытка опубликовать качественный библиографический материал по истории архивного дела одного ведомственного архива или ФСБ по РБ.

Список источников и литературы

1. Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920-1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 193 с.; 2) Базаров Б. В. Генерал-лейтенант Маньжюу-Го Уржин Гармаев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 37 с.; 3) Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 67 с.; 4) Базаров Б. В. Национальное формирование Красной Армии в Бурятии в 1920-30-х годах / Б. В. Базаров, Д. Д. Намнанов. – Улан-Удэ: Изд. полигр. комплекс ВСГАКИ, 2002. – 145 с.; 5) Базаров Б. В. Дело Максима Шулушкина или очерк политической борьбы в послевоенные годы. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 84 с.; 6) Базаров Б. В. Ждановский дискурс в национальных регионах России послевоенных лет. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 124 с.; 7) Базаров Б. В. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабоева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 376 с. и многие другие.

2. Дондуков У-Ж.Ш. От Москвы до Берлина на боевом коне. Улан-Удэ-Муроршибирь: 1995. – 94 с.

3. Дугаров В.Д. Дело генерала И.В. Балдынова / Неизвестные страницы истории Бурятии: сб. ст.: Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 1994. С. 18-24; 2) *Дугаров В.Д.* Некоторые вопросы истории Джидинского вольфрамомолибденового комбината (1941-1945 гг.) // Восточная Сибирь в перспективе веков: сб. ст. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997.С. 28-36; 3) *Дугаров В.Д.* Кавалерийская школа младших командиров Буркавбригады, как базовый источник формирования национальных кадров Бурятии// Высшее образование в Бурятии: история, современность, перспективы: сборник статей. – Улан-Удэ: Изд-во Бэлиг, 1996. С. 87-96; 4) *Дугаров В.Д.* Деятельность Народного Комиссариата внутренних дел Бурят-Монгольской АССР накануне и в годы второй мировой войны. Из истории спецслужб Бурятии./ Мат.науч. практ. конф.: к 80-летию ВЧК-ФСБ. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 1997. С. 69-74; 5) *Дугаров В.Д.* НКВД Бурят-Монголии в борьбе с японской и германскими разведками (1941-1945 гг.)// Мат. к 80-летию органов безопасности// – М.: Центр общественных связей ФСБ РФ, 1998. С. 64-71; 6) *Дугаров В.Д.* Борьба с ламством в Бурятии и Монголии в 30-х годах (по материалам архива ФСБ РБ) / Буддизм на переломе веков: мат. межд.науч. конф. –Улан-Удэ: Изд-во ИМБИТ, 2009. С. 72-84; 7) *Дугаров В.Д.* Репрессивная политика ВКП (б) и МНРП по отношению к буддизму в области образовательной политики в первой половине XX в. (вопросы историографии). // Монголия в XX

веке: от восстановления национальной независимости до международного признания: мат. межд. науч. конф. – Иркутск: Изд-во ВПО ВСГАО, 2011. С. 76-83; 8) *Дугаров В.Д.* Политические репрессии в Бурятии 30-40 гг. XX в. в современной бурятской историографии.// Судьба человека в тоталитарном государстве. Мат. III-IV науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. С. 61-70; 9) *Дугаров В.Д.* Экономические методы борьбы Советского государства с инакомыслием в 1920-1930-х гг. в Бурят-Монголии и МНР.// Судьба человека в тоталитарном государстве. Мат. III-IV науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, -2013. С. 61-70; 10) *Дугаров В.Д.* Отдельная Бурят-Монгольская Краснознаменная кавалерийская бригада (Буркавбригада) (к 90-летию Отдельной Бурят-Монгольской Краснознаменной кавалерийской бригаде) / Мат.межд.науч. конф. альбом. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. 48 с.

4. Б.Ц. Жалсанова. Инородные управы как органы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 239 с.; 2). Календарь знаменательных и памятных дат истории Бурятии на 2010 г. / составители Б.Ц. Жалсанова, Л.А. Шапхоева / науч. ред. А.А. Елаев – Улан-Удэ: Изд-во Новапринт, 2009. – 80 с.; 3) История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия / автор-составитель Б.Ц. Жалсанова. – Улан-Удэ: Изд-во «Новапринт», 2010. – 248 с.; 4. История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия / составители Б.Ц. Жалсанова, О.И. Прокопьева, А.Т. Дадаева. – Улан-Удэ: Изд-во «Новапринт», 2010. – 120 с.; 5) Б.Ц. Жалсанова. Л.В. Курас. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. – Иркутск: Отгиск, 2012. – 352 с.; 6) Б.Ц. Жалсанова. Л.В. Курас. Место Баргузинской Степной думы в истории местного самоуправления бурят (XIX – начало XX в.): [монография] Иркутск: Отгиск, 2013. – 160 с.; 7) Б.Ц. Жалсанова. Л.В. Курас. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск: Отгиск, 2015. – 352 с.; 8) Б.Ц. Жалсанова. Л.В. Курас. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825-1904 гг.): сб. документов, перечень документов. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2016. – 592 с. и другими архивными сборниками.

5. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. – Иркутск: Отгиск, 2012.

6. История Бурятии в вопросах и ответах (учебно-методическое пособие). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1992, . Вып. I. 3,5. п.л. / 0,2 Базаров Б.В., Дугаров В.Д., Шагдуров Ю.П. и др.; История Бурятии в вопросах и ответах (учебно-методическое пособие). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. Вып. II. Базаров Б.В., Дугаров В.Д., Шагдуров Ю.П. и др.; История Бурятии в вопросах и ответах. (учебно-методическое пособие). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 10 п.л. / 0,3 п.л. 1993. Вып. III.; Базаров Б.В., Дугаров В.Д., Шагдуров Ю.П., Курас Л.В. и др.; История Бурятии – XX век. Учебник для средней школы. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1993. Базаров Б.В., Дугаров В.Д., Шагдуров Ю.П., Курас Л.В. и др;

История Бурятии – XX век. Учебник для средней школы. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1993. 10 п.л. /0,3п.л. и другие

7. Из истории спецслужб Бурятии: к 80- летию ВЧК-ФСБ. Улан-Удэ: 1997. Изд-во ВСГАКИ, 1997. – 102 с.

8. Л.В. Курас 1) Очерки истории органов государственной безопасности Республики Бурятия / Курас Л.В [Монография]. Улан-Удэ-Иркутск: Облмашинформ, 1998. – 201 с. 12,5 п.л.; 2) История уголовного розыска БМАССР (1923-начало 30-х годов). / Л.В.Курас, И.И.Калашников, С.В.Батуев [Монография]. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2003. 10,0 п.л.; 3) История пенитенциарной системы в Бурятии /Л.В.Курас, С.П. Суш, Т.О. Гусарова и др. [Коллект. монография]. Улан-Удэ: НовоПринт, 2007, 9,3 п.л.; 4) Октябрьская революция и гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения / Л.В. Курас, Т.А. Немчинова, И.В. Наумов, П.А. Новиков [Коллектив. моногр.]. Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – 202 с. 12,7 п.л.; 5) Уголовно-исполнительная система Бурятии (1923-1991 гг.) / Л.В.Курас, С.П. Суш, Т.О. Гусарова [Монография]. Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. – 263 с. 18,6 п.л.; 6) История Органов местного самоуправления бурят в XIX-начале XX в. / Л.В. Курас, Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова [монография] Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 503 с. 31,5 п.л.; 7) История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824-1889 гг.). К 190-летию образования Аларской Степной думы – органа местного самоуправления аларских бурят / Курас Л.В., Жалсанова Б.Ц. Иркутск: Оттиск, 2015.- 352 с. 10,0 п.л.; 8) Хоринская степная дума в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825-1904 гг.) / Л.В. Курас, Б.Ц. Жалсанова [сб. док., перечень док.] / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. – 592 с. 34,6 п.л.; 9) Государственная и квазигосударственная природа государства Маньчжоу-Го: Исторические очерки [коллект. монография] / П.Н. Дудин, В.В. Досовицкая, Л.В. Курас и др. / Иркутск: Оттиск, 2016. – 254 с. 14,8 п.л.; 10) Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. [монография] / Л.В. Курас / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. – 252 с. 12,1 п.л.; 11) Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века [монография] / Курас Л.В. Иркутск: Оттиск, 2017. – 188 с. *и др.*

9. Лыскокова В.Ц. История становления и развития архивного дела в Байкальском регионе (вторая половина XIX в. – 1938 г): Улан-Удэ, 2010. – С. 2

10. Шаповал Е.Ю. Из истории образования и деятельности Государственного архива Республики Бурятия. ГАУК РБ «Государственный архив Республики Бурятия».

Митыпова Гунсема Сандаковна
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
gunsema53@mail.ru

СТУДЕНЧЕСКАЯ АРХИВНАЯ ПРАКТИКА: ПРИБОЩЕНИЕ К НАУЧНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Статья посвящена практической реализации Договора о сотрудничестве Бурятского государственного университета и Государственного архива Республики Бурятия по организации производственной практики студентов исторического факультета.

Ключевые слова: договор, сотрудничество, университет, архив, документ, практика, история, источниковедение.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-77-82

Mitypova Gunsema Sandakovna
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

STUDENT ARCHIVE PRACTICE: CONNECTION TO SCIENTIFIC RESEARCH

The article is devoted to the practical implementation of the Treaty on Cooperation between the Buryat State University and the State Archives of the Republic of Buryatia on the organization of industrial practice for students of the Faculty of History.

Key words: contract, cooperation, university, archive, document, practice, history, source study.

За последние годы во многом благодаря договору о сотрудничестве между Бурятским государственным университетом и Государственным архивом Республики Бурятия, студенческая архивная практика становится неотъемлемой частью учебного процесса. Организация студенческой архивной практики направлений подготовки гуманитарного цикла в высшей школе, имеет свою специфику.

Практическая реализация настоящего договора, в частности, осуществляется в рамках учебных планов исторического факультета университета. Это в первую очередь, проведение установочной конференции «Архивы России и Бурятии». Проводится обзор по сайтам крупнейших архивов России, таких как центральные государственные архивы России: РГАДА (Российский государственный архив древних актов), РГИА (Российский государственный исторический архив), АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи) и др., а также региональные архивы – ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края, ГАИО (Государственный архив Иркутской области, ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия) – их местоположение и состав фондов. Целью практики является ознакомление студентов с основами источниковедения, закрепление и углубление этих знаний при работе с документами в государственных, частных, конфессиональных архивах и приобретение практических навыков работы по использованию документальных источников при написании курсовых работ, проведении исторических исследований. К основным задачам практики относятся освоение теоретических и методических сведений, даваемых руководителями на занятиях и в ходе оценки работы практиканта;

- ознакомить студентов с принципами распределения основных комплексов исторических источников по архивохранилищам страны, составом и содержанием документов федеральных государственных архивов, центров хранения документации в конфессиональных структурах, отделов рукописей крупнейших музеев и библиотек;

- выработать у студентов основные навыки работы с научно-справочным аппаратом архивов и историческими источниками на базе различных фондов – изучение нормативных документов и методических пособий (положений, правил, инструкций, методических разработок и т. п. по поиску документов);

- ознакомление с организацией работы в подразделениях, методикой и содержанием конкретных работ непосредственно на месте;- практическое выполнение конкретных заданий.

- фиксирование в конспектах и дневниках получаемых сведений и выполняемой работы;

- обобщение полученных знаний и практических навыков в отчете.

Содержание практики: сбор, анализ, классификация и систематизация научной информации по теме исследования; подготовка информационных сообщений, докладов и тезисов; подготовка научных обзоров, аннотаций, составление рефератов и библиографических указателей по тематике проводимых исследований; участие в работе семинаров, научно-практических конференций, симпозиумов.

Следующим шагом является определение задания для обучающихся на период практики – выяснить задачи архивной службы в Российской Федерации; уяснить систему архивных учреждений в Российской Федерации; определить признаки классификации документов Архивного фонда Российской Федерации; определить режим и способы хранения архивных документов, порядок выдачи дел; определить систему поиска, составить логическую схему, определить основные параметры фиксации найденного фотодокументального материала; изучение номенклатуры дел архивов, порядок использования и хранения; использование различных поисковых систем по архивам страны, изучение документальных материалов в региональных архивах, критический анализ документов, присущих той или иной эпохе.

На самостоятельную работу отводятся, например, 12 ч. В 2016 г. было намечена подготовка докладов и сообщений по архивам церквей и их состав, изучить клировые ведомости, метрические книги, исповедные росписи, рассмотреть дацанские архивы, выявить особенности формирования дацанских архивов этнической Бурятии, их состав. Важным становилось выявление структуры дацанского архива: документы о основании дацана, устав дацана «Виная», положение о ламайском духовенстве 1853 г., список штатных лам, переписка с государственными и общественными учреждениями, с вышестоящими организациями, документальная фиксация прихожан дацана, географии прихода, наградные дела. Работа в государственном архиве – поиск документов по ликвидации церквей, дацанов в начале XX в., фонды личного происхождения.

По рабочей программе прохождения архивной практики проходит промежуточная проверка выписок, правильность оформления выписок, просмотр и поиска документов.

Итоговые конференции наглядно показывают уровень внедрения в документальные данные, например, тематика докладов: «Кирилловская Православная Община. Село Кирилловка». Сту-

дентом приведены материалы заседания президиума Кяхтинского Аймачного исполнительного Комитета 21 мая 1931г., где слушали: о ликвидации в селе Кирилловка Усть-Кяхтинского сельсовета молитвенного дома «Св. Мефодия» /Докл. Михайлов/ Приводится постановление: Принимая во внимание, что Мефодиевский молитвенный дом в селе Кирилловка с 1931 года самоликвидировался, молитвенное здание с того же года используется под школу, общество верующих распалось. В деле имеется ходатайство Цаган-Уссунского сельсовета о ликвидации этого молитвенного здания и передачи его под культурные нужды, а так же имеется ходатайство о ликвидации этого дома с общего собрания верующих и граждан-колхозников. Поэтому на основании вышеизложенного просим возбудить ходатайство перед БурЦИКом о ликвидации молитвенного здания в селе Кирилловка и передачи его сельсовету для использования под культурные нужды. Выписка верна: Зав. Общим Отделом АИКа: /Шишмарёва/ Данные материалы основаны на документах ГАРБ: ФР. 248, опись 3, дело 164, листы 5, 6. С этим докладом студентка выступила на «Кирилло-Мефодиевских чтениях».

Другой студент развернул поисковую работу по теме «О православных церквях по старомосковскому тракту: Западное Забайкалье», где им выявлено, что храмы, которые были обустроены и располагались по старомосковскому тракту, какие документы отражают данную тематику. Вывод личностного плана, который «вынесли» из архивной практики, что хотят работать после окончания вуза в архиве, что «там очень много интересного».

По завершении практики наряду с научно-исследовательскими проектами, предлагаются темы докладов и сообщений:

1. Архивоведение как комплексная научная дисциплина.
2. Архивное дело – отрасль деятельности человека, общества.
3. Вопросы организации, хранения и использования документов.
4. Теоретические, методические и практические основы архивного дела.
5. Взаимосвязь документоведения и архивоведения.
6. Документ как исторический источник.
7. Принципы и технология отбора документов, подлежащих хранению.

8. Археография и архивоведение: взаимосвязь научных дисциплин.

9. Архивное право.

10. Архивное терминоведение.

11. Архивная статистика.

12. Основы экономики и организацию труда в архивах.

13. Объекты изучения архивоведения.

14. Документированные системы в архивоведении.

15. Научные методы архивоведения.

16. Системный подход комплексного изучения документа.

Особо стоит отметить дипломные проекты наших выпускников и их тематику, например, Галсанова Арюна Ринчиндоржиевна «Атаган-Дырестуйский дацан. История становления и развития (XVIII-XXI вв.)», Михайлов Павел Иванович «История формирования и развития полицейского управления по Транссибирской магистрали. (на материалах Забайкальской железной дороги конца XIX – начала XX вв.)», Секретарев Дмитрий Андреевич «Историческая реконструкция: Александровский централ в системе каторги и ссылки в Сибирь», Данилова Кристина Геннадьевна «История развития женского православного монашества в Бурятии начала XX в.» и др. Тематика разнообразна, вместе с тем, студенты получают навыки работы с документальными источниками, вводят в научный оборот новые исторические материалы, раскрывающие ту или иную тематику, расширяют свой кругозор и получают соответствующий диплом, подтверждающий их квалификацию. Действительно, формируются компетенции в результате освоения дисциплины, способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции, знает объективную картину развития хозяйственной деятельности и общественных отношений, особенности развития культуры, умеет анализировать процессы развития региона во взаимосвязи с общемировыми и общероссийскими процессами и, наконец, владеет навыками освещения истории.

И в заключении необходимо отметить, что во всем этом велика роль архивов в учебном процессе вузов, Государственного архива Республики Бурятия, где аккумулированы фотодокументы практически всех ведомств и организаций, хронологические рамки которых «идут» с века семнадцатого и по настоящее время.

Список источников и литературы

1. Договор о производственной практике от 10 мая 2016 г. ГАУК РБ «Государственный архив Республики Бурятия» Директор Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна и ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» Ректор Николай Ильич Мошкин.

2. Архивоведение: учеб. Пособие /Булюлина Е.В., Волгогр. гос. ун-т ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. – 212 с.

3. Биликтуева Г. Д. Делопроизводство и архивное дело в органах государственной власти и местного самоуправления: методическое пособие: [в 2 ч.]/ [Г.Д. Биликтуева, О. П. Кучумова]; М-во образования и науки Респ. Бурятия, АОУ ДПО Респ. Бурятия «Респ. ин-т кадров управления и образования», Каф. гос. и муницип. управления. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012 Ч. 1. – 2012. – 295 с.

4. Соколов А. Р. Российский государственный исторический архив.: путеводитель : в 4 т./Федер. архив. агентство, Рос. гос. ист. архив; [под ред. А. Р. Соколова, Д. И. Раскина ; сост.: Д. И. Раскин (отв. сост.) [и др.]. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, Т. 2: Фонды центральных государственных учреждений, 2009. – 690 с.

5. Путеводитель по фондам Национального архива Республики Бурятия, 1917-2006 гг./Упр. по делам архивов Респ. Бурятия, Гос. учреждение «Нац. архив Респ. Бурятия»; отв. ред. Л.Я. Баранникова [и др.]; редкол.: М.Г. Бухаева, Н.В. Зангеева, В.Ц. Лыскокова; сост.: А.Т. Дадаева [и др.]. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. – 557 с.

Санжиева Татьяна Ефремовна
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
sanj_te@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БУРНАЦКОМА В АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ

В статье рассмотрено содержание фонда Р-483, хранящегося в Государственном архиве Республика Бурятия. Фонд сформирован материалами делопроизводства Бурятского национального комитета и его Иркутского отдела – первым легитимным органом управления бурятского народа. Материалы, относящиеся к Бурнацкому 1917-1919 г., периоду его деятельности, отражают сложную и тяжелую борьбу лидеров национального движения по защите интересов бурят. В статье поднято три вопроса: введение аймачного управления, разрешение земельного конфликта и отношение к власти: Временному правительству, советской власти, белому движению.

Ключевые слова: архивное хранение, фонд Бурнацкома, деятельность Бурнацкома, деятельность Иркутского отдела Бурнацкома.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-83-90

Sanzhieva Tatyana Efremovna
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

ACTIVITIES BURNATSKOM IN THE ARCHIVES

The article considers the content of the Fund P-483, stored in the state archive of the Republic of Buryatia. The Fund is formed by the materials of the records management of the Buryat national Committee and its Irkutsk Department – the first legitimate governing body of the Buryat people. Materials related to the Burnatskom 1917-1919, the period of its activity, reflect the difficult and difficult struggle of the leaders of the national movement to protect the interests of the Buryats. The article raises three questions: the introduction of aimaks management, the resolution of the land conflict and the attitude to power: the Provisional government, the Soviet government, the white movement.

Keywords: archival storage, the Fund Burnatskom, activities Burnatskom, activities of the Irkutsk Department Burnatscom.

В истории России первая четверть XX в. – это целая эпоха, ибо именно в этот конкретно-исторический период произошли события самого масштабного и поворотного характера, определившие последующую историческую судьбу бурят и других народов страны. Самоотверженный труд лидеров М.Н. Богданова, Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано и др. организовал национальное движение начала XX в., дал концепцию национального устройства и в конечном итоге создал основу национальной государственности бурят.

Идея автономии сформировалась у лидеров национального движения в ходе съездов бурят Забайкальской области и Иркутской губернии в 1905-1906 гг. Февральская революция всколыхнула национальное движение и активизировала деятельность его лидеров.

В марте 1917 г. по инициативе М.Н. Богданова и Э.-Д. Ринчино был сформирован Национальный комитет – первый легитимный орган управления всего бурятского народа. Председателем Временного комитета был избран Михаил Николаевич Богданов, а секретарем Э.-Д. Ринчино. Центральный национальный бурятский комитет (Бурнацком) был образован на Первом национальном съезде бурят в апреле 1917 г., в августе вследствие дальности расстояния – Иркутский отдел.

Бурнацком в ходе своей деятельности оставил богатый делопроизводственный материал, который хранится в Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ) в фонде Р-438 – Центрального бурятского национального комитета (г. Чита) в 77 делах за 1917-1919 гг.

Кроме государственного хранения, ГАРБ проводит важную работу по популяризации архивных документов, например, выставочный проект к 100-летию съезда хоринских бурят, первого общенационального съезда бурят в г. Чита и Центрального Бурнацкома «Национальной автономии быть...» [2, С. 17-19]. Выставка представлена комплексом документов из разных фондов в оригинальном исполнении, раскрывающих сложный путь к автономии в протоколах общенациональных, аймачных съездов, заседаний Бурнацкома, письме Э.-Д. Ринчино и т.д.

Значительный вклад в приведение в известность источников внесли Б.Б. Батуев, Б.В. Базаров, Л.В. Курас и Ю.П. Шагдуров,

опубликовав их в сборнике документов «Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. Документы и материалы» [3]. В него вошли 216 документов: протоколы, постановления, циркуляры, деловая переписка Центрального Бурятского национального комитета, его Иркутского отдела, некоторых аймачных комитетов, Бурятской народной думы, материалы восточносибирских окружных, забайкальских областных, иркутских губернских органов власти, общественных организаций, различных съездов, конференций, совещаний, касающихся национального вопроса. Высказывания отдельных политических деятелей по этой проблеме [3, С. 5-6]. Протоколы общепурятских съездов, как пишет составитель Б.Б. Батуев, из-за большого объема не были включены. Издание материалов помогло исследователям в изучении столь актуальной и сложной проблемы как национальное движение бурят.

Центрнацком продолжил реализацию задач, поставленных национальным движением в 1905-1906 гг.: 1. выделить бурят в особые аймачные административно-хозяйственные единицы, применительно к территории прежних степных дум; 2. предоставить аймакам право распоряжения земельными угодьями на их территории...; 3. немедленного проведения в жизнь национализации школ, не исключая предоставления права открытия своих средних учебных заведений (учительской семинарии, политехникума и т.п., а также созыва всебурятского учительского съезда в целях разработки практических мер по национализации школ. Таким образом, выделены три важных вопроса: создание собственных органов управления, свободное пользование землей и создание бурятских школ. Кроме того в протоколах заседаний Бурнацкома и Иркутского отдела показано решение вопросов по текущему моменту. Например, отношение к Временному правительству, советской власти, белому движению.

В данной статье рассматривается вопрос о земле, который поднимался на всех общепурятских съездах. Основным докладчиком был М.Н. Богданов – специалист по землеустройству: в 1909-1913 гг. он состоял производителем работ в переселенческом управлении Енисейской губернии, занимался отводами земельных и лесных наделов хакасам. Постановлением Национального Совета хакасов в 1917 г. М.Н. Богданову была выражена признательность. В Забайкальской области он был главным уполномоченным по делам

землеустройства бурят в Цугольском волостном правлении. Вместе с Н.Н. Козьминым М.Н. Богданов сделал анализ экономического состояния хозяйства агинских бурят.

Вопрос о земле в связи с незавершенностью земельной реформы остро стоял, главным образом в связи с самовольными захватами земли бурят-скотоводов русскими крестьянами. «С другой стороны, Вам также великолепно известно, что земельный вопрос на нашей окраине благодаря преувеличенному и неверному представлению о наших земельных излишках со стороны крестьянства и целому ряду исторических условий приобрел весьма обостренный характер, что поэтому-то к разрешению данного вопроса необходимо подходить с большой осторожностью, что наша земельная программа должна основываться главным образом не на соображениях правового или исторического характера, а на соображениях экономической целесообразности и справедливости. Не допустить земельных захватов ни с чьей стороны, как действия влекущие за собой анархию, и подчиниться по земельному вопросу решению Учредительного собрания... Товарищи! Несмотря на все указанное выше 3-й губернский съезд Иркутских монголо-бурят, созданный вами в первых числах ноября, постановил ввести аймачные земства явочным путем и о категорической необходимости возврата всех земель фактического пользования монголо-бурят, изъятых под переселение и в казну» [3, С. 87-88].

Вопрос о земле был тесно связан с аймачным управлением. Предлагалось ввести аймачные земства и уравнивать их в правах с уездным и волостным управлением. Введение аймачного управления не вызывало сомнений, но по поводу формы возникали разногласия – явочным или добровольным порядком. Первый общенациональный съезд постановил ввести аймаки явочным порядком. Бурнацком провел работу по разделению территории, населенной бурятами на аймаки, хошуны и сомоны/булуки.

На октябрьском Верхнеудинском общенациональном съезде было постановлено не вводить по аймакам уездные земства в явочном порядке, а апеллировать к Временному правительству через особую делегацию и ко всей революционной демократии Сибири. Бурнацком пишет Иркутскому отделу 18 ноября 1917 г. № 572: «Вы прекрасно знали и знаете побудительные мотивы этого решения съезда. Это именно наше общее стремление сохранить по возмож-

ности лояльное отношение к новому демократическому строю России, русскому народу и революционной демократии» [3, С. 87].

В Обращении Бурнацком рекомендует вводить аймачные земства «где это будет возможно путем осведомления и соглашения с местной революционно-демократической властью и демократическими организациями» и критикует Иркутский отдел за несогласованность с решениями общенациональных съездов. Протокол № 7 заседания Иркутского отдела от 22 ноября 1917 г. освещает обсуждение этого вопроса. По итогам прений было принято следующее постановление: «Центральный национальный комитет не может обвинять членов отдела старого состава в том, что они не приняли никаких мер к согласованию постановлений губернского съезда с таковыми общенациональных съездов – большинство членов отдела было против явочного введения аймаков. Исходя из постановления последнего общенационального съезда по данному вопросу, строго памятуя, что всякое постановление общенационального съезда есть закон для всех бурят и не надлежит пересмотру и изменению [1, Д. 55, Л. 19].

О том, почему не было принято решение явочным или другим порядком введение аймачного управления видно из следующего документа. На заседании Иркутского отдела Бурнацкома с докладом о декабрьском общебурятском съезде выступил И.И. Тунуханов. Несмотря на то, что специально выбранная комиссия вынесла резолюцию против явочного введения аймаков, съезд «вынес совершенно противоположную резолюцию за явочное введение аймачного земства» [1, Д. 55, Л. 20].

Вопрос о земле был основным вопросом после государственного устройства на Учредительном собрании России. М.Н. Богданов, избранный его членом от бурят Иркутской губернии и Забайкальской области из 4 кандидатов: М.Н. Богданов, г. Чита, Уссурийская ул., дом Бронштейна; Э.-Д. Ринчино, г. Чита, Ингодинская ул., дом Клеймана; С. Цыбыктаров, г. Троицкосавск; Ц. Жамцарано, с. Агинское Забайкальской области [1, Д. 49, Л. 12]. В фонде Бурнацкома хранится письмо М.Н. Богданова, отправленное им из Петрограда, куда он прибыл 15 декабря 1917 г. для участия в Учредительном собрании [1, Д. 49, Л. 5-8 об.]. М.Н. Богданов пишет, что он записался в две комиссии – земельную и по национальному вопросу, и принял участие в обсуждении основных положений земельного закона.

«Озабочен тем, что в рассматриваемом проекте недостаточно учтены сибирские особенности. Вследствие позднего прибытия (опоздал на 4 с половиной суток – Т.Е. Санжиева), я не имел возможности предварительно ознакомиться с проектом. Но я рассчитываю совместно с С.П. Шведовым, известным экономистом и знатоком сибирского землепользования, выступить со своими предложениями при обсуждении проекта во фракции. Сегодня организовалась сибирская группа эсеров. Я вошел в бюро группы» [1, Д. 49, Л. 6-6 об.].

Документы фонда Р-483 показывают сложность политической ситуации в России в течение 1917-1919 гг., когда Бурнацкому пришлось лавировать между меняющейся властью. Временное правительство было принято Бурнацкомом

Политическая ситуация, сложившаяся в Иркутской губернии, кардинально отличалась от Забайкальской области, поскольку большевики выбрали пролетарский Иркутск для распространения советской власти в Забайкалье. В сложном положении оказался Бурнацком и его Иркутский отдел в связи с установлением советской власти в Иркутской губернии, в то время когда в Забайкальской области советская власть не была признана. Отдел Бурнацкома должен был выстроить отношения с советскими органами власти. 7 января 1918 г. на заседании, заслушав доклад подпоручика Н.М. Махочкеева, было принято постановление: «1. Не принимать активного участия в тактике политической борьбы русской демократии, проводить в жизнь бурятского народа принципы, провозглашенной русской революцией «без аннексии и контрибуции»... на основах широкого самоопределения народов. 2. Что касается специально самообороны, то бурятская нация, ведя исключительно правовую борьбу и не принимая никакого активного участия вооруженного выступления в политической борьбе и обращая внимание на запросы с мест о вооружении в ввиду участвовавших вооруженных грабежей за последнее время, постановило: организовать самооборону... просить Махочкеева содействовать в получении от революционных организаций ружей в количестве 5 % на все число бурятского населения губернии» [3, С. 95-96]. На следующем заседании 10 января был поставлен вопрос о представительстве в советских организациях Восточной Сибири. Сначала Иркутский отдел, затем

Центральный комитет признали советскую власть и делегировали в ее органы управления своих представителей.

В начале 1918 г. в Иркутске возникло два национальных центра: Иркутский отдел Бурятского национального комитета и Бурятская секция при Иркутском губкоме РКП(б). Бурнацком пытался взаимодействовать с Бурсекцией, но они отказались. Некоторые члены Бурнацкома перешли в Бурсекцию, в их числе М.Н. Ербанов.

Следует отметить, что октябрьская революция в документах Бурнацкома и его отдела не упоминается, обе революции считали переворотом.

В период гражданской войны перед Бурнацкомом вновь встала задача защиты интересов бурят. Так, на заседании членов Центрального бурятского национального комитета от 28 октября 1918 г. было принято следующее постановление: «В целях сохранения единства национального строительства и национальных организаций обратиться по телеграфу к командиру 5-го Приамурского корпуса полковнику Семенову с ходатайством о выделении бурятского населения, казаков и не казаков четырех аймаков: Агинского, Хоринского, Селенгинского и Баргузинского в особый седьмой военный район Забайкальской области с исключением бурятского населения из ведения существующих шести военных районов, а также с передачею всей полноты гражданской власти Центральному бурятскому национальному комитету» [1, Д. 18, Л. 62].

Народная дума бурят-монголов Восточной Сибири 6 декабря 1918 г. обратилась к командиру Четвертого Сибирского корпуса с защитой национально-земских учреждений: аймачных дум и хошунных управ Иркутской области. Штаб 4 корпуса взял их под подозрение «как организации, возникшие во время Советской власти». В газете «Свободный край» от 28 ноября 1918 г. было написано, что производятся аресты общественных работников, например, комиссара Эхирит-Булагатского аймака Цокто Алсаханова. «Между тем, только благодаря выше названным учреждениям и деятельности лиц, стоявших во главе их, бурят-монгольское население Иркутской губернии в отличие от прочих групп населения губернии и даже всей Сибири, стояло в стороне от большевизма в резкой оппозиции к последнему» [1, Д. 44, Л. 132].

В течение 1917-1918 гг. Национальный комитет и его Иркутский отдел считал, что «нейтральное положение бурятского народа в по-

литической борьбе двух течений в русской демократии имеет чисто тактическое и практическое значение...» [1, Д. 55, Л. 22]. Бурнацком поддержал Временное правительство, но к советской власти отнесся настороженно. Каждое изменение политической ситуации и выбранная тактика Бурнацкома обосновывалась в Воззваниях к бурятскому народу.

Таким образом, в документах ГАРБ показано противоречивое и сложное время в истории России, когда резко обострились общественные отношения, вследствие чего сильного подъема достигло национальное движение. Цель Бурнацкома – добиться автономии для бурятского народа была достигнута в начале 1920-х гг. с помощью советской власти.

Благодаря Государственному архиву Республики Бурятия, осуществляющему государственное хранение фонда Бурнацкома, возможно объективное исследование национального движения бурят начала XX вв.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР. 483 – Центральный бурятский национальный комитет (г. Чита). Оп. 1.
2. Жалсанова Б. Ц. Национальной автономии быть... / Республике Бурятия – 95 лет: сб. науч. ст. / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 17-19.
3. Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. Документы и материалы. – Улан-Удэ: Издательство ОНЦ «Сибирь», 1994. – 198 с.

Пыкин Василий Митрофанович
Российское общество историков-архивистов
Российская Федерация, Улан-Удэ

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ БРО ООО «РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ»

В статье обобщается опыт работы Бурятского республиканского отделения ООО «Российское общество историков-архивистов» за 2011-2017 гг.

Ключевые слова: Бурятское региональное отделение ООО «Российское общество историков-архивистов», опыт работы, состав правления, наиболее значимые даты.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-91-94

Pykin Vasily Mitrofanovich
The Russian Society of Archivist Historians
Russian Federation, Ulan-Ude

FROM THE WORK EXPERIENCE BRO LLC “RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS-ARCHIVISTS”

The article summarizes the work experience of the Buryat Republican branch of LLC “Russian Society of Historians-Archivists” for 2011-2017.

Key words: Buryat regional branch of LLC “Russian Society of Historians-Archivists”, work experience, board composition, most significant dates.

В начале 2011 года потребовалась значительная активизация работы Бурятского регионального отделения «Российское общество историков-архивистов» с этой целью 1 марта 2011 года была организована и проведена конференция архивистов, краеведов, историков Республики Бурятия.

Конференция избрала новый состав правления БРО, в которое вошли: Пыкин В.М. – председатель, Елаев А.А. – зампредседателя. Члены правления: Абагаева Д.С., Бологова Т.Д., Васильева О.С., Дашиева А.Б., Митыпов В.Г., Мясников В.Ю., Петров С.П., Лумбунова Т.Г. в последующем в состав правления были кооптирова-

ны: Жалсанова Б.Ц., Зайцева Л.А., Семенов Е.В., Балданов М.Н. Конференция наметила основные направления деятельности БРО. Была определена основная цель: координация деятельности краеведов, историков, архивистов, общественных организаций, в тесном сотрудничестве и взаимодействии с государственными органами.

Вся работа правления строилась в соответствии с директивными документами Центрального Совета РОИА и перспективных и годовых планов, которые рассматривались и утверждались на заседаниях краеведения.

В перспективном плане были обозначены наиболее значимые даты, каждого года:

2011 г. – 350-летие добровольного вхождения бурят в состав Российского государства;

2012 г. – Год российской истории;

2013 г. – 90-летие образования архивной службы Республики Бурятия;

– 90 лет ВЛКСМ;

2014 г. – 100-летие начала I Мировой войны;

2015г. – 250-летия прибытия первых семейских в Забайкалье;

2016 г. – 350-летие города Улан-Удэ;

2017 г. – Год российских революций;

2018 г. – 95-летие образования Бурят-Монгольской АССР (Год Республики).

По каждой из этих дат были намечены конкретные тематические планы мероприятий, выполнение которых рассматривалось на заседаниях правления.

Все эти даты отмечены научными конференциями, заседаниями «Круглого стола», публикациями сборников статей, книг, их презентациями.

Особо хочется отметить заседание «Круглого стола», посвященного 100-летию Первой Мировой войны. Участники: историки, краеведы, архивисты государственных архивов Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия всесторонне рассмотрели проблему «Первая мировая война в истории Байкальского региона». Это мероприятие стало чуть ли не единственным в Российской Федерации.

По материалам «Круглого стола» был подготовлен и опубликован сборник научных статей. Он получил высокую оценку, извест-

ность и стал хорошо востребован. Информация об этом была опубликована в федеральном журнале «Архивы РФ».

Известно, что в 2018 году наша республика впервые отметила «День Республики Бурятия». Сегодня мало кто знает, что инициатива учреждения этого праздника принадлежит БРО РОИА. В 2016 году на выездном, расширенном заседании правления БРО был рассмотрен этот вопрос. Заслушав и обсудив доклад доктора исторических наук А.А. Елаева об истории и обстоятельствах принятия 30 мая 1923 года исторического постановления об образовании Бурят-Монгольской автономной советской социалистической республики, правление единогласно приняло резолюцию с обращением к руководству Республики Бурятия поддержать это предложение. Надо сказать, что не без проволочек и бюрократических барьеров в 2017 году было принято правительственное постановление об учреждении праздника «День Республики Бурятия 30 мая».

Жаль, что в трех докладах пленарного заседания и в 135-ти докладах семи секций Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию Республики Бурятия, об этом сказать не нашлось места.

Организационная работа правления БРО РОИА включала:

- регулярные, ежеквартальные заседания правления;
- прием в члены РОИА;
- формирование районных организаций РОИА, оказанием им постоянной методической помощи;
- издание и распространение опыта работы местных организаций, с этой целью проведены выездные расширенные заседания правления, «круглые столы» в Прибайкальском (2014 г.), Баргузинском (2015 г.) районах, в БГУ (2016 г.);
- участие во всероссийском конкурсе молодых архивистов;
- публикация в журнале «Архивы России» ряд статей о деятельности БРО;
- участие в ежегодных итоговых совещаниях архивистов Республики Бурятия;
- представление к награждению и чествование активистов и ветеранов;
- вручение знака «Почетный архивист России» Семеной Г.М. и Голубеву Е.А.

Активное участие в подготовке к публикации, презентации следующих книг и сборников:

– Энциклопедического словаря «Старообрядцы (семейские) Бурятии», 2015;

– Историко-культурный энциклопедический справочник, Улан-Удэ, 2015;

– «Верхнеудинск: вехи истории», апрель 2014;

– «Удинск-Верхнеудинск-Улан-Удэ страницы истории», Улан-Удэ, 2016;

– «Комсомол Бурятии», библиографический указатель, Улан-Удэ, 2014;

– «Они были первыми», 2013;

– Сборник статей по материалам «круглого стола» «» Первая мировая война в истории Байкальского региона», 2014;

– «История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766-1917 гг.)» Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016;

– «Семейские-староверы Забайкалья: история, культура, современность», Улан-Удэ, 2013;

– Региональные архивы: история и современность, Улан-Удэ, 2013 г.

Презентации личных фондов Семиной Г.М., Калашникова И.К., Нижниковой Г.С.

Правление БРО получило постоянную помощь и поддержку Правительства РБ (Носков П.Л., Харитонов М.А.), руководителей ГАРБ (Елаев А.А., Жалсанова Б.Ц.), Министерства культуры РБ.

Правление плодотворно сотрудничало и взаимодействовало с руководством высших учебных и научных заведений, библиотек, музеев, общественных организаций:

– Общество русской культуры (президент Совета Кулеев А.Т.);

– Ветераны комсомола Бурятии (Будожапов С.);

– Общество культуры семейских (Петров С.Н.);

– Общество жертв политических репрессий;

– Общество охраны памятников культуры.

Накопленный опыт работы БРО РОИА в 2011-2017 гг., на наш взгляд, послужит дальнейшему улучшению работы историков, архивистов, краеведов.

Зайцева Любовь Алексеевна
Бурятская государственная
сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова
Российская Федерация, Улан-Удэ
klio1976@mail.ru

Дамбаев Дмитрий Николаевич
Бурятская государственная
сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова
Российская Федерация, Улан-Удэ
dima.dambaev92@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО ВУЗА БУРЯТИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В статье рассматривается история подготовки и создания сельскохозяйственного института. Дана характеристика профессорско-преподавательского состава вуза, приведены сведения о формировании студенческого коллектива, раскрыты причины возникших трудностей в создании материальной базы института. Показана роль первого директора двух вузов М.П. Хабаева. В фонде 474 Государственного архива РБ сосредоточен основной материал по истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, что позволило подробно изучить историю создания и становления первого вуза Бурятии.

Ключевые слова: агропединститут, подготовка кадров, наркомат земледелия СССР, зоотехник, агроном, ветеринарный врач, институт, студент, преподаватель, кафедра, директор, Бурят-Монголия.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-95-104

Zaitseva Lyubov Alekseevna
Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Philippov
Russian Federation, Ulan-Ude

Dambaev Dmitry Nikolaevich
Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Philippov
Russian Federation, Ulan-Ude

FROM THE HISTORY OF CREATION OF THE FIRST HIGH SCHOOL OF BURYATIA ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article considers the history of the preparation and establishment of an agricultural institute. The characteristics of the teaching staff of the university are given, information is given on the formation of the student collective, the reasons for the difficulties encountered in creating the material base of the institute are disclosed. The role of the first director of two universities M.P. Khabaev. The Fund 474 of the State Archive of the Republic of Belarus concentrates the main material on the history of the Buryat State Agricultural Academy. V.R. Filippov, which allowed to study in detail the history of the creation and formation of the first university of Buryatia.

Key words: agropedinstitute, personnel training, USSR agriculture commissariat, zootechnician, agronomist, veterinarian, institute, student, teacher, department, director, Buryat-Mongolia.

В 1920-1930-е годы республика остро нуждалась в квалифицированных специалистах, лозунг «Кадры решают все» был актуален и для Бурят-Монголии. Особенно был заметен дефицит сельскохозяйственных кадров, в том числе с высшим образованием. Так, в 1923 г. в республике из 44 специалистов сельского хозяйства с высшим образованием было всего 7 человек, в 1928 г. из 155 – 24 чел., в 1932 г. из 416 – 82 чел. [Подсчитано по: 1, С. 65]. Решить проблему дефицита кадров руководство республики пыталось несколькими путями, основными из которых являлись – практика отправки молодёжи с предоставлением стипендии в высшие учебные заведения других городов страны, а также приглашение высококвалифицированных кадров на постоянную работу в Бурят-Монголию. Однако, проведенные мероприятия не могли полностью решить данную проблему, вследствие чего был поднят вопрос о необходимости создания собственного высшего учебного заведения по подготовки сельскохозяйственных кадров высшего звена.

В июле 1930 г. уполномоченный Бурят – Монгольской республики по культурным и студенческим делам в г. Иркутске Морхоз Петрович Хабаев подготовил записку в Бурят – Монгольский обком ВКП (б), где поставил вопрос о необходимости открытия агропе-

дагогического института в Бурятии [2, С. 20]. 16 октября 1930 года Бурят-Монгольский обком ВКП (б) принимает постановление «Об организации в Верхнеудинске Бурят-Монгольского вуза», в котором отмечалось, что вуз должен быть агропедагогическим институтом, незамедлительно поставить вопрос перед соответствующими органами центра на предмет практического размещения и санкционирования [3, Л. 296]. С января по май 1931 года на различных уровнях двух Наркоматов – просвещения и земледелия – идет обсуждение вопроса об открытии высшего учебного заведения. Два наркомата почти одновременно вынесли решения на своих коллегиях о необходимости организации агропедвуза в Верхнеудинске (Наркомпрос РСФСР – в июле, Наркомзем СССР – в августе 1931 г.).

Коллегия Наркомзема СССР постановила организовать агропединститут с объявлением набора студентов с 1 сентября 1931 г. по 1 января 1932 г. [4, Л. 47]. В связи с принятым постановлением НКЗ СССР ОК ВКП (б) принимает решение 10 октября 1931 г. об организации двух вузов – агропединститута по линии Наркомзема СССР и агропединститута по линии Наркомпроса РСФСР [11]. Директором агропединститута НКЗ СССР обком своим решением назначил 25 октября 1931 года Хабаева М.П. по совместительству [5, Л. 493].

С этого времени начинается работа по созданию материальной базы вузов, организация и набор подготовительных курсов, комплектование административно-хозяйственных, преподавательских составов. 10 октября 1931 г. решением бюро ОК ВКП (б) были выделены помещения под вузы: помещение, занимаемое бурятским педтехникумом передавалось агропединституту Наркомпроса РСФСР, для агропединститута Наркомзема СССР – здание русского педтехникума [6, Л. 460]. Оба вуза фактически находились под одной крышей в одних и тех же помещениях. Общим было общежитие, работали почти одни и те же преподаватели, один был директор.

Агропединститут Наркомзема СССР начал функционировать раньше, в декабре 1931 года был профинансирован и организован прием студентов [7, С. 11-14]. В первые годы вуз переживал большие трудности организационно-хозяйственного порядка. В то время приобрести в Верхнеудинске что-либо из оборудования для кабинетов и лабораторий или мебель для учебного корпуса и

общежития было практически невозможно, так как не было соответствующих производственных предприятий и магазинов, поэтому приходилось привозить из других городов страны. В 1932-1933 учебном году Наркомзем СССР прислал коллективу института два вагона лабораторного оборудования стоимостью около 100 тыс. руб., которое, в связи с отсутствием помещений, лежало до осени 1934 года не смонтированным в ящиках и по кабинетам [8, Л.160]. Агропединститут Наркомпроса РСФСР был организован на основе перевода из города Иркутска бурят-монгольского отделения Иркутского пединститута. В конце января 1932 г. в Верхнеудинск были приведены первый и второй курсы, на которых обучались 60 студентов, и библиотека отделения с фондом в количестве около 3 тысяч книг. Свой первый прием агропединститут провел только в 1932 -1933 учебном году [9, С. 24; 10, С. 119].

Агропединститут Наркомзема СССР с момента официального образования (5 декабря 1931 г.) до 1935–1936 учебного года в своей специализации не имел четкой определенности. Сначала существовал как агропедагогический. Согласно постановлению СНК СССР от 25 декабря 1932 года, Бурят-Монгольский агропединститут был реорганизован в сельскохозяйственный институт с факультетами агрономическим и зоотехническим. Управление подготовки кадров НКЗ СССР в марте 1934 г. предложило реорганизовать Бурят-Монгольский агропедагогический институт в зоотехнический институт с тем, чтобы обеспечить обслуживание специалистами – зоотехниками все отрасли животноводства Бурят-Монголии [11, Л. 19]. Но в мае 1934 года набор был объявлен на агрономический и зоотехнический и подготовительные курсы. В июне 1934 года НКЗ СССР предложил агрономический факультет ликвидировать и открыть набор на ветеринарный факультет. 6 человек третьего курса агрофака были переведены в Омский сельскохозяйственный институт. В июле – августе были набраны две группы зоофака и одна ветфака. На зоофак приняли – 27 человек, ветфак – 14, подготовительные курсы – 22 чел. 15 сентября 1934 г. были получены постановление СНК СССР и распоряжение НКЗ СССР о закрытии ветеринарного факультета и о возобновлении работы агрономического факультета. Студентов, принятых на ветфак, направили в Иркутский СХИ, и объявили набор на агрономический и подготовительные курсы [12, а: Л. 13; б: Л. 4]. В июне 1935 г. по постановлению союзного пра-

вительства был вновь ликвидирован агрофак с передачей студентов Иркутскому СХИ. Институт был реорганизован в зоотехническо – ветеринарный (зооветинститут) с факультетами – зоотехнический и ветеринарный. Со сроками обучения на зоофаке – 4 года 6 месяцев, на ветеринарном – 3 года 10 месяцев [13, а: Л. 121 об; б: Л. 19; в: Л. 129; г: Л.28].

Постоянные реорганизации института, отсутствие учебного корпуса, дефицит преподавательских кадров, отсутствие своего учебного хозяйства, “даже ни одного кролика” – это только малая часть трудностей, которые были и которые необходимо было преодолеть [14, Л. 46].

Профессорско-преподавательский состав был укомплектован только к 1 апреля 1935 г. В 1931-1932 учебном году преподавательский состав сельхозинститута насчитывал 11 человек, в пединституте – 15 человек. У директора М.П. Хабаева было два помощника по учебной работе: в сельхозинституте – Королев А.В., в пединституте – Кудрявцев В.Д. [15, Л. 4, 5, 34]. На 1 октября 1934 года в штате института было 9 преподавателей штатных и 7 совместителей. К 1 июля 1935 года уже работали в институте 15 преподавателей и 9 совместителей [16, Л. 14].

В начале 30-х годов в сельскохозяйственном институте работали М.П. Хабаев (был директором двух вузов), М.В. Широковский (доцент политэкономии), И.И. Дамберг (и.о. профессора, зав. каф. кормодобывания и ботаники), В.Н. Ворончихин (и.о. профессора, зав. каф. агрохимии), М.Г. Бакутин (ассистент зоологии), В.В. Сердитых (доцент, зав. каф. ботаники), А.В. Королев, В.А. Фаландышев (доцент, зав. каф. земледелия), А.П. Фалк (военрук), Н.А. Уткина (преподаватель немецкого языка), И.С. Шангаев (ассистент бурят-монгольского языка), И. Галактионов (ассистент кормопроизводства), А.И. Житомирская (ассистент химии), В.М. Кузнецов (и.о. доцента, зав. каф. кормодобывания), И.А. Кисилев (ассистент математики), В.Г. Лазарев (зав. каф. животноводства), В.П. Акулов (ассистент по механизации), В.Д. Григоренко (зав. каф. химии), П.Г. Шеретов (зав. каф. математики и физики) и др. В 1931- 1933 годах в 2-х вузах работали 31 преподаватель из них 15 – в пединституте, 10 – в сельхозинституте, 6 – на рабфаке, многие совмещали работу в вузах с работой наркоматах. Такие кафедры, как ботаники, математики и физики, химии, социально – экономических наук, были

общими для двух вузов [17, а: Л. 4, 5, 6, 59, 60, 67, 71; б: Л. 1; в: Л. 122 об; 18, Л. 1-4].

На первых этапах становления института наблюдалось сложное положение с учебным оборудованием, необходимое для лабораторий и кафедр. Из имеющихся 18 кабинетов – комнат учебным оборудованием было оснащено 8 кабинетов, общая сумма которого выражалась в 113837 руб. 30 коп. Большая сумма в денежном выражении на учебное оборудование была затрачена для кабинета кормодобывания и ботаники – 18541 руб. 08 коп., а наименьшая для кабинета агрохимии – 2300 руб. 64 коп. [19, Л. 34].

Контингент студентов до 1936 года формировался по классовому принципу. В 1932 г. ЦИК СССР в постановлении «Об учебной программе и режиме в высшей школе и техникуме» ввел вступительные испытания для всех желающих поступить в вуз, в том числе и для рабфаковцев, по математике, физике, химии, родному языку и обществоведению [20, С. 7]. Но эти испытания не являлись конкурсными экзаменами, они имели цель проверить степень подготовки абитуриентов к успешной учебе в вузе. Из выдержавших испытания в вуз зачислялись, прежде всего, рабочие, дети рабочих, колхозники, дети колхозников, затем дети трудовой интеллигенции, служащие и остальные слои населения.

Контингент студентов выглядел следующим образом: в 1932-1933 учебном году – 59 человек, 1933-1934 – 65, 1934-1935 – 100. В 1934 г. на отделении кормопроизводства на II курсе обучались 10 человек, на отделении животноводства на I и II курсах – 57 человек, на подготовительном отделении – 32 [21, а: Л. 133; б: Л. 4; в: Л. 4]. В 1935 г. на ветфаке было монгольское отделение, где обучалось 7 монголов [22, Л. 60].

Новый набор был основной заботой руководства и коллектива института. Большинство молодых рабочих и крестьян не имело достигнутой общеобразовательной подготовки для учебы в вузе, их зачисляли в вуз без экзаменов после окончания специально созданных при вузе подготовительных курсов – (рабфака). Однако продолжать учебу в институте после окончания курсов многие не могли, так как им не хватало хорошей общеобразовательной подготовки.

Другая причина, осложняющая своевременный и качественный набор студентов на I курс, заключалась в классовом отборе студентов. Зеленую улицу для поступления в вуз имели дети рабоче-кре-

стьянского происхождения и командированные на учебу партийными, комсомольскими организациями. Кроме того, чтобы поступить в институт, от абитуриентов требовались следующие документы: личное заявление на имя директора, командированное удостоверение организации, справка о трудовом стаже абитуриента или его родителей, справка о социальном положении и происхождении поступающего, опросный лист, который включал около 18-19 вопросов не только о биографических данных поступающего, но и такие, как п. 8. «Сколько месяцев, в качестве кого, где и на каком производстве или учреждении работал ... а) до войны (до 1914 г.); б) в период февраля – ноября 1917 г.; в) после Октябрьской революции 1917 г.; г) в настоящее время ...»; п.11. «Участие в гражданской войне (если участвовал, указать где, сколько времени и в качестве кого?)»; п.17. «В каких политических партиях состоял прежде ...». Приемная комиссия, рассмотрев все документы, полученные все ответы на опросный лист, принимала решение о приеме или отказе [23]. В этих условиях основным источником комплектования студенческого коллектива явилось подготовительное отделение.

Учитывая такое положение, ОК ВКП (б) обязал Наркомзем и Наркомпрос республики организовать с сентября 1931 года рабфак за счет бюджета республики. С конца 1931 года Наркомзем СССР стал отпускать средства на работу подготовительного отделения, предусматривая 100% обеспечение учащихся стипендией. Размер стипендии на подготовительном отделении колебался от 50 руб. до 70 руб. С 1932 г. стипендии студентам назначались с учетом успеваемости, а их размеры устанавливались в зависимости от профиля вуза, факультета и курса. В сельскохозяйственном институте в 1933 г. обычная стипендия была 100 руб., высшая – 120 руб. В 1934 – 1935 учебном году размер стипендии зависел не только от успеваемости, но и от курса обучения [24, Л. 126-127; 25, Л. 4, 65-67, 5].

Вуз испытывал большие трудности. Нехватка преподавателей, невыполнение плана набора студентов, отсутствие программ обучения, учебников, литературы, лабораторного оборудования затягивали процесс подготовки специалистов сельского хозяйства. В течение 1932-1933 годов шел процесс формирования и становления первого вуза – сельскохозяйственного института.

Оба института размещались в 3-х этажном кирпичном здании на углу улиц Ленина и Рабочей (ныне ул. Сухэ-Батора). В июле 1934 г.

бюро ОК ВКП (б) в своем постановлении подчеркивает: «Ввиду абсолютной невозможности существования в дальнейшем двух институтов (педагогического и зооветеринарного) в одном здании..., что нарушает нормальный ход занятий и развертывание кабинетов и лабораторий, отвести под учебное здание зооветинститута весь корпус центрального Дома крестьянина со всей 1 усадьбой и надворными постройками по ул. Юных Коммунаров, 22, а также 2 – этажное красное каменное здание по ул. Центросоюзной, занимаемое ПВРЗ» [26, а: Л. 56; б: Л. 81; в: Л. 160]. 29 декабря 1934 г. постановлением ЦИК и СНК БМАССР было отведено помещение под сельхозинститут – красное 2 – этажное каменное здание по Центросоюзной улице (ныне ул. Каландаришвили, 13) со всей усадьбой и надворными постройками. Директора ПВРЗ Иванова обязали освободить помещение к 5.01.1935 г. с тем, чтобы предоставить институту возможность отремонтировать и привести в порядок под учебное помещение во время предстоящих зимних каникул в январе 1935 г. [27, а: Л.96; б: Л. 20].

В сентябре 1934 г. Наркомзем БМАССР передал зооветинституту все строения, находящиеся на усадьбе под № 16 по Рабочей улице – дом деревянный с надстройкой мезонина, дом деревянный на каменном фундаменте, амбар, прочие мелкие строения, а в обмен институт передавал Наркомзему дом на 4 квартиры и заводню по ул. Рагузинской № 7 [28, Л. 54].

Понимая значимость наличие учебного хозяйства для качественной подготовки специалистов, в 1932-1933 учебном году в институте был обсужден проект организации учхоза. А пока практиковалась посылка студентов «на организационно – хозяйственное укрепление колхозов» [29, а: Л. 54; б: Л. 111].

Вместе со студентами материальные трудности испытывали и преподаватели. Правительство старалось заботиться об ученых, научнопедагогических кадрах, специалистах, старалось создать хорошие условия для их творческого труда. Но полностью удовлетворить нужды ученых не могло. Эта проблема особенно остро стояла в Сибири, где прожиточный минимум значительно превышал текущую зарплату преподавателей.

Должности декана в то время в институтах не было. Отделения находились в непосредственном подчинении дирекции и учебной части. Заместителем М.П. Хабаева в сельхозинституте был М.В. Широковский, впоследствии ставший директором БМЗВИ.

М.П. Хабаев в течение 1932-1935 гг. неоднократно обращается в различные в вышестоящие органы управления с просьбой об освобождении его от директорства сельскохозяйственного института. В заявлении на имя М.Н. Ербанова 14 апреля 1935 г. он пишет: “Еще раз категорически настаиваю на скорейшем разрешении вопроса об освобождении меня от директорства сельскохозяйственного института «...» Далее совмещать я физически не в состоянии «...» прошу учесть, что я четвертый год работаю без отпуска «...» до 1-01.36 г. должен представить и защитить диссертационную работу...” [30, Л. 68 а, 68а об.].

16 апреля 1935 г. решением бюро ОК ВКП (б) директором сельскохозяйственного института был утвержден Карп Халбаевич Шантанов. М.П. Хабаеву было предложено передать ему дела сельхозинститута, директором пединститута оставлен М.П. Хабаев [31, Л. 416].

После открытия ветеринарного факультета постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) 16 июня 1935 года Бурят-Монгольский сельскохозяйственный институт реорганизован в зооветеринарный [32, Л. 10; 33, а: Л. 4, 110; б: Л. 152]. В условиях начавшейся войны на основании распоряжения Главвуза Наркомзема СССР от 27 сентября 1941 г. Бурят-Монгольский зооветинститут был временно закрыт. Студентов всех курсов ветеринарного факультета перевели в Омский ветеринарный институт, студентов зоотехнического факультета – в Омский сельскохозяйственный институт. Часть преподавателей, студентов была призвана в армию, оставшиеся преподаватели перешли на другие места работы [33, Л. 2, 13, 1, 1 об.].

Второе рождение института связано с Постановлением СНК СССР № 53 от 16 марта 1944 года в соответствии с которым был восстановлен Бурят-Монгольский зооветинститут [34, Л. 1].

21 марта 1960 года Бурят-Монгольский зооветинститут был переименован в Бурятский сельскохозяйственный институт, а в 1995 году – в Бурятскую государственную сельскохозяйственную академию, имя Василия Родионовича Филиппова было присвоено в 1998 году [7, С. 15-16].

Список источников и литературы

1. БМАССР за 10 лет (материалы к докладу правительства БМАССР на 5-й юбилейной сессии ЦИК БМАССР о советском, хозяйственном, социально-культурном строительстве за 1923-1933 гг.). М.; Иркутск, 1933. 136 с.

2. Хабаев М.П. Очерки истории формирования высшего педагогического образования в Бурятии. Улан-Удэ, 1983. 88 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.1. Оп.1. Д.1520 “а”.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.7486. Оп.19.Д.84.
5. ГАРБ. Ф.1. Оп.1. Д.1630.
6. ГАРБ. Ф.1. Оп.1. Д.1758.
7. Зайцева Л.А., Попов А.П. Ректоры первого вуза Бурятии. Очерки истории БГСХА. Вып.1. Улан-Удэ: изд-во БГСХА, 2001. 260 с.
8. ГАРБ. Ф.1. Оп.1. Д.2475. Л.160.
9. Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет. (1923-1932 гг.). Верхнеудинск, 1933. 184 с.
10. ГАРБ. Ф. 474. Оп.1. Д. 2.
11. ГАРБ. Ф. 474. Оп.1.: а: Д. 3; б: Д. 25.
12. ГАРБ. Ф.474. Оп.1.: а: Д.13; б: Д.2; в: Д.129; г: Д.7.
13. ГАРБ. Ф.474. Оп.1. Д.5.
14. ГАРБ. Ф.474. Оп.1. Д.1.
15. ГАРБ. Ф.474. Оп.1. Д.12.
16. ГАРБ. Ф.474: а: Оп.1. Д.1; б: Оп.3. Д.1; в: Оп.1. Д.13.
17. Архив Бурятской государственной сельскохозяйственной академии (БГСХА). Ф.474. Оп.1. Д.3.
18. ГАРБ. Ф.474. Оп.1. Д.5.
19. Директивы. ВКП (б) и постановления советского правительства о народном образовании. Сб. док. 1917 – 1947. М.; Л., 1947.
20. ГАРБ. Ф.474. Оп.1.: а: Д.3; б: Д.7; в: Д.25.
21. ГАРБ. Ф.474. Оп.1. Д.129.
22. Архив БГСХА. Ф.474. Оп.1. Д.635,673,42,675.
23. ГАРБ. Ф.474. Оп.1. Д.5.
24. Архив БГСХА. Ф.474. Оп.1. Д.5.
25. ГАРБ. Ф.1. Оп.1.: а: Д.2350; б: Д.2347; в: Д.2475.
26. ГАРБ. а: Ф.474. Оп.1. Д.5; б: Ф.1. Оп.1. Д.2475.
27. ГАРБ. Ф.474. Оп.3. Д.1.
28. ГАРБ. а: Ф.474. Оп.3. Д.1; б: Ф.1. Оп.1, Д.1904.
29. ГАРБ. Ф.1. Оп.1. Д.2486.
30. ГАРБ. Ф.1. Оп.1. Д.2486.
31. РГАЭ. Ф.7486. Оп.17. Д.15.
32. ГАРБ. а: Ф.1. Оп.1. Д.2343; б: Ф. 474. Оп.1. Д.13.
33. ГАРБ. Ф.474. Оп.1. Д.155.
34. ГАРБ. Ф.474. Оп.1. Д.189

Семёнов Евгений Владимирович
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Российская Федерация, Улан-Удэ
sew11@mail.ru

**ИЗУЧЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
АРХИВОВ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
И ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ
О ПРЕБЫВАНИИ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ССЫЛЬНЫХ В XIX В.**

В статье автор представил современное состояние изученности темы истории польской политической ссылки в Забайкалье в XIX в. Автор остановился на характеристике основных фондов Государственного архива Забайкальского края и Государственного архива Республики Бурятия, содержащих документы о деятельности польских политических ссыльных в Забайкалье. Автор также дает краткий историографический обзор работ российских и польских исследователей, занимавшихся изучением фондов вышеуказанных архивов.

Ключевые слова: Государственный архив Забайкальского края, Государственный архив Республики Бурятия, польские политические ссыльные, Забайкалье, каторжные работы.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-105-113

Semenov Evgeniy Vladimirovich
East-Siberian State Institute of Culture
Russian Federation, Ulan-Ude

**STUDY OF DOCUMENTS OF STATE ARCHIVES OF THE
REPUBLIC OF BURYATIA AND THE TRANS-BAIKAL
TERRITORY ABOUT THE STAY OF THE POLISH
POLITICAL EXILES IN THE XIX CENTURY**

In the article the author presented a modern state of study of the topic of the history of the Polish political exile in Transbaikalia in the 19th century. The author dwelled on the characteristics of the main funds of the State Archives of the Trans-Baikal Territory and the State Archives

of the Republic of Buryatia, containing documents on the activities of Polish political exiles in Transbaikalia. The author also gives a brief historiographical overview of the work of Russian and Polish researchers who were studying the funds of the above archives.

Key words: The State Archives of the Trans-Baikal Territory, the State Archives of the Republic of Buryatia, Polish political exiles, Transbaikalia, hard labor

На территории Забайкалья располагается два крупных архивохранилища в составе фондов которых имеется значительное количество документов, отражающих историю польской политической ссылки. Формирование основного документного комплекса, связанного с пребыванием польских ссыльных, приходится на XIX в., когда на территории Забайкалья в каторжных работах и на поселении оказались участники польского национально-освободительного движения.

Основными центрами размещения польских ссыльных стали рудники и горные заводы Нерчинского горного округа, сформированного в XVIII в. и охватившего значительную территорию на юго-востоке Забайкалья. Вопросами ведения устройства политических ссыльных, распределения их на работы, облегчения условия отбывания каторжных работ занималось Нерчинское горное правление, расположенное в Большом (Главном) Нерчинском Заводе.

После создания Забайкальской области и размещения органов управления областью в Чите функции по контролю за польскими политическими ссыльными были возложены на Забайкальское областное правление.

Государственный архив Забайкальского края, созданный в 1923 г. [4, С. 131], является одним из крупнейших архивохранилищ региона и содержит в своем составе 1359652 ед. хр. Особое место в составе документов занимают архивные материалы о пребывании польских политических ссыльных в каторжных работах и на поселении на территории Забайкалья.

Документы, отражающие историю польской ссылки в Забайкалье, содержатся в фондах Нерчинского горного правления (Ф. 31), Забайкальского областного правления (Ф. 1), Читинского окружного полицейское управление (Ф. 23) и др.

Фонд Нерчинского горного правления содержит информацию об условиях отбывания каторжных работ, условиях выхода на поселение и обустройства польских политических ссыльных в Забайкалье в первой половине XIX в., вплоть до 1856 г. Амнистия вступившего на престол императора Александра II освобождала основную часть польских ссыльных, которые поспешили покинуть Забайкалье и выехать в Польшу.

В фондах Забайкальского областного правления, сосредоточены документы, отражающие основные аспекты каторжных работ и поселения ссыльных поляков на территории Забайкалья в 60-80-е гг. XIX в. В указанный период в Забайкалье в каторжных работах и на поселении находились ссыльные участники польского национально-освободительного восстания 1863-1864 гг.

Фонд Читинского окружного полицейского управления содержит документы, отражающие условия поселения польских политических ссыльных после выхода их из каторжных работ. Именно на полицейские управления возлагался первичный низовой контроль за поведением и образом жизни польских ссыльных на местах. В связи с чем в документах Читинского окружного полицейского управления содержится информация о занятиях польских политических ссыльных на местах, их перемещении в пределах округа, а также за его пределы в целях поиска достойного заработка.

В составе вышеуказанных фондов содержатся документы, включающие основную информацию о пребывании польских политических ссыльных в каторжных работах на рудниках Нерчинского горного округа.

Ключевым документом, содержащим наиболее полную информацию о ссыльном и представляющим наибольший интерес для исследователей истории политической ссылки, является статейный список. В статейном списке фиксировалась имя, отчество и фамилия ссыльного (в случае с польскими ссыльными как правило записывались только имя и фамилия), возраст, его сословная принадлежность, вероисповедание, приметы, совершенное преступление и наказание.

Статьейный список позволяет реконструировать степень участия ссыльного в национально-освободительном движении, его социальное положение.

При формировании партий политических ссыльных, направляемых в каторжные работы в Сибирь, на основе статейных списков каждого ссыльного, формировались партионные списки. Партионный список содержал информацию об общем количестве ссыльных в партии и общую информацию о каждом ссыльном партии.

Исследование вовлеченности польских ссыльных в хозяйственную деятельность после окончания срока каторжных работ и выхода на поселение базируется на изучении увольнительных билетов, выдаваемых ссыльным местной администрацией для поиска работы вне места поселения. Польские ссыльные, направленные на поселение в русские села Забайкалья, в редких случаях оставались на месте и занимались сельским хозяйством. Большая часть из них старалась найти заработок в более крупных населенных пунктах, а также на золотых приисках местных купцов. Сельская администрация охотно выдавала увольнительные билеты, что позволяло ей избавиться от хлопотного и слабо приспособленного к сибирским условиям поселенца.

Увольнительный билет содержал следующую информацию: имя и фамилию ссыльного, его приметы, место причисления или населенный пункт, в котором был выдан документ, срок действия, который как правило был ограничен одним годом, после истечения которого ссыльный должен был озаботиться получением нового билета.

Важную информацию об условиях поселения польских ссыльных в Забайкалье содержат предписания Главного управления Восточной Сибири (Иркутск) Забайкальскому областному управлению (Чита) по различным вопросам регулирования польской политической ссылки в Сибири.

Практически во всех фондах Государственного архива Забайкальского края содержатся прошения самих польских политических ссыльных, касающиеся различных вопросов организации их жизни и деятельности как в условиях каторги, так и на поселении. Прощения содержат информацию о материальных и бытовых условиях ссыльного, способах заработка.

Изучением документов Государственного архива Забайкальского края о пребывании в каторжных работах и на поселении польских политических ссыльных в XIX в. занимался ряд отечественных и польских исследователей.

Одним из первых исследователей, обратившихся к материалам, посвященным пребыванию в Забайкалье польских политических ссыльных, явилась Тимофеева Марина Юлиановна (1912-1990), которая на протяжении долгого времени занималась изучением политической ссылки в Забайкалье. Именно она установила полные списки отправленных в каторжные работы в Нерчинском горном округе солдат участников восстания декабристов. Несмотря на то, что вопросы польской политической ссылки рассматривались исследовательницей фрагментарно и не представлены в каких-либо серьезных научных статьях, несомненной ее заслугой является собранный и систематизированный биографический материал ссыльных поляков первой половины XIX в. [8, 9]. Результатом ее трудов стал подготовленный к изданию биобиблиографический словарь польских политических ссыльных, но вышедший уже после смерти исследовательницы [10].

Патронова Александра Григорьевна (1924) в своих исследованиях основное внимание уделяла истории политической ссылки 60-90-х гг. XX в. Подготовила к изданию биобиблиографический справочник «Государственные преступники» на Нерчинской каторге. Среди героев исследования А.Г. Патроновой числятся поляки участники революционного движения России конца XIX – начала XX вв. [5].

В 70-е гг. XX в. в Читу приехала Дора Борисовна Кацнельсон (1921-2003), занимавшаяся изучением истории польской литературы и общественной мысли, а также русско-польскими литературными связями XIX в. Исследователь особое внимание уделяла истории польского национально-освободительного движения 30-40-х гг. XIX в. в Польше. Участники польских национальных организаций как правило приговаривались к ссылке в Сибирь и попадали в горные заводы Нерчинского горного округа. Героем ее исследований явился Густав Эренберг [12.]. Все свои статьи Д. Кацнельсон опубликовала на польском языке в Польше [13, 14, 15].

В конце 80-х гг. XX в. российские архивы стали доступными и для польских исследователей. Одним из первых ученых из Польши, приехавших для работы в Государственном архиве Забайкальского края, был Франтишек Новинский из Гданьского университета (г. Гданьск, Республика Польша). В своих исследованиях автор сосредоточился на коротком, но очень значимом хронологическом

отрезке темы польской ссылки в Забайкалье, 30-50-е гг. XIX в. Именно в этот период в забайкальской ссылке находилась наиболее активная часть ссыльных поляков, сыгравших значительную роль в изучении края и распространении европейской культуры, среди местного населения.

По результатам своих исследований ученый опубликовал солидную монографию, основой документальной базы исследования стали документы сибирских и центральных российских архивов [17].

В конце 90-х – начале 2000-х гг. интерес к изучению темы польской политической ссылки проявляла Татьяна Владимировна Голосовская, опубликовавшая ряд статей, отражающих участие польских ссыльных в хозяйственной и экономической жизни Забайкалья [2, 11].

В начале 2000-х гг. исследованием материалов восточно-сибирских архивов начал заниматься польский ученый из Люблинского католического университета (г. Люблин, Республика Польша) Евгений Небельский. Основной темой исследования ученого является история ссылки католических священников – участников польского национально-освободительного восстания 1863-1864 гг. в Сибирь [16.].

Автор статьи также на протяжении долгого времени проводил исследования фондов Государственного архива Забайкальского края, занимаясь изучением хозяйственной и культурной деятельности польских политических ссыльных на территории Забайкалья в 40-80-е гг. XIX в. [1, 7].

Государственный архив Республики Бурятия, созданный в 1923 г., по своему объему уступает Государственному архиву Забайкальского края, но также содержит в своем составе уникальные документы, иллюстрирующие историю польской политической ссылки на территории Западного Забайкалья [4, С. 198].

Документы о пребывании польских политических ссыльных на территории Западного Забайкалья (современная Республика Бурятия) сосредоточены в фондах Верхнеудинской городской управы (Ф. 10), Верхнеудинского окружного полицейского управления (Ф. 337), Кяхтинского градоначальника (Ф. 92) и др.

Наиболее информативным является фонд Верхнеудинского окружного полицейского управления, поскольку именно в составе

этого фонда отложились основные документы, отражающие размещение на поселении на территории Западного Забайкалья польских политических ссыльных. На окружные полицейские управления возлагалась обязанность контроля за жизнью поселенцев, именно окружные полицейские исправники выдавали увольнительные билеты ссыльным в случае, если те планировали найти работу за пределами предназначенной им для поселения волости.

Вопросы пребывания польских ссыльных на поселении в г. Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ) освещены в документах Верхнеудинской городской управы. В данном фонде содержится информация о количестве польских ссыльных в Верхнеудинске, роде их занятий, поведения. Духовная сторона жизни поляков, являвшихся в большинстве случаев католиками, также находит свое отражение в документах рассматриваемого фонда. Вопросы окормления католиков, приезда священника, а в начале XX в. и вопросы строительства католического храма также могут быть раскрыты при помощи данного фонда.

Фонд Кяхтинского градоначальника включает в себя документы о жизни и деятельности на поселении в Кяхте и Троицкосавске польских ссыльных в 40-60-е гг. XIX в. Наиболее интересными являются документы о пребывании в Кяхте А.И. Деспот Зеновича, К. Савичевского, Г. Краевского и др.

Обобщением всех документов о пребывании польских политических ссыльных на территории Западного Забайкалья явился сборник документов Государственного архива Республики Бурятия, включающий в себя наиболее интересные материалы, отражающие историю польской политической ссылки на территории Бурятии. В результате работы над сборником в него было включено 300 документов [6.]. Сборник является совместным проектом Государственного архива Республики Бурятия и Национально-культурной автономии поляков г. Улан-Удэ «Надлежа». Работа над сборником документов велась с 2012 г. и только в 2016 г. удалось выиграть конкурс на его издание. Данный сборник является на настоящий момент единственным подобным сборником документов сибирских архивов по истории польской политической ссылки.

Подводя итог следует отметить, что интерес к истории польской ссылки в Сибири не ослабевает ни с российской, ни с польской стороны [3, С. 256]. В рамках статьи не представляется возможным

дать полный историографический обзор по представленной проблеме, которая еще требует своей детальной разработки.

Список источников и литературы

1. Гапоненко В.В., Семенов Е.В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в первой половине XIX века. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 239 с.

2. Голосовская Т.В. Сведения о представителях польской диаспоры – участниках революционного движения 1905-1907 гг. // Полония в Сибири : проблемы и перспективы развития : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. И.И. Осинский. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. С. 58-60.

3. Иванов А.А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. 275 с.

4. Лыскова В.Ц. Архивное дело в Байкальском регионе: становление и развитие (вторая половина XIX в. – 1938 г.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 258 с.

5. Патронова А.Г. «Государственные преступники» на Нерчинской каторге (1861-1895 гг.) : биобиблиографический справочник. Часть III (П-Я) : материалы к «Энциклопедии Забайкалья». Вып. 3. Чита, 1998. 433 с.

6. Польские политические ссыльные в Бурятии (1847-1919 гг.) : сборник документов Государственного архива Республики Бурятия. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. 415 с.

7. Семенов Е.В. Выявление и публикация документов Государственного архива Республики Бурятия о пребывании польских политических ссыльных в XIX в. на территории Западного Забайкалья // Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Документалистика. Документоведение. Архивоведение». № 4 (105). Москва, 2013. С. 90-93.

8. Тимофеева М.Ю. Политические ссыльные поляки в Восточном Забайкалье // Проблемы краеведения. Вып. 4. Чита, 1970. 49-52.

9. Тимофеева М.Ю. Политические ссыльные поляки в революционном движении Забайкалья // Проблемы краеведения. Вып. 6. Чита, 1972. С. 8-10.

10. Тимофеева М.Ю. Участники польского национально-освободительного движения в забайкальской ссылке (1830-1850 годы) : биобиблиографический справочник : материалы к «Энциклопедии Забайкалья». Вып. 8. Чита : Изд-во ЗаБГПУ, 2001. 150 с.

11. Batujewa I.B., Gołosowska T.W. Zajęcia polskiej diaspory na Zabajkale w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku // Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław, 2007. С. 263-279.

12. Kacnelson D. Kilka szczegółów z pobytu G. Ehrenberga na katordze nerczyńskiej // Pamiętnik literacki. 1969. z. 3. С. 243-249.

13. Kacnelson D. B. Polscy spiskowcy lat 1848-1849 na katordze nerczyńskiej (na podstawie materiałów Państwowego Archiwum Okręgu Czytyńskiego) // Wiosna Ludów w Królestwie Polskim. Organizacja 1848 roku. Wrocław. Warszawa. Kraków. 1994. С. 131-139.

14. Kacnelson D. „Świętokrzyżcy” na katordze nerczyńskiej (na podstawie materiałów Państwowego Archiwum Okręgu Czityńskiego) // Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i „świątokrzyżcy”. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. 1978. C. 155-161.

15. Kacnelson D. Uczestnicy wyprawy J. Zaliwskiego na katordze nerczyńskiej (na podstawie materiałów Państwowego Archiwum Okręgu Czityńskiego) // Społeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. Łódź, 1984. C. 160-171.

16. Niebelski E. Tunka. Syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku. Wrocław, 2011. 394 c.

17. Nowiński F. Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995. 434 c.

Кальмина Лилия Владимировна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Российская Федерация, Улан-Удэ
kalminal@gmail.com

**«...СЕЙЧАС ЯВЛЯЕТСЯ...ШИРОКИЙ ПРОСТОР
ДЛЯ ЧЕСТНОЙ И СВОБОДНОЙ МЫСЛИ»***

В данной статье анализируются предложения «обустройства края», высказанные жителями Верхнеудинска в 1886 г. в ответ на просьбу военного губернатора Забайкальской области предоставить сведения для улучшения отчета о состоянии Забайкальской области. Документы, обнаруженные в Государственном архиве Республики Бурятия, вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: губернаторский отчет, предложения, механизация, городское управление, выборы, избирательное право, винокурение, еврейская торговля.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-114-122

Kalmina Lilia Vladimirovna
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
Russian Federation, Ulan-Ude

**«...AND NOW... WIDE CHOICE FOR HONEST
AND FREE IDEAS»**

The given article presents ideas about arrangement of the territory expressed by Verkhneudinsk citizens in response to the request of the Military Governor of Transbaikal Region to display reports about the situation there in 1886. Documents found in the Republic of Buryatia's State Archive, introduced into scientific usage for the first time.

Key words: Governor's Report, ideas, mechanization, Town Council, elections, suffrage, distillation, Jewish trade.

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9).

Желание поделиться мыслями о настоящем и будущем своего края всегда было присуще представителям сибирской деловой общности. Особенно охотно они его высказывали, если к ним с этой просьбой обращалось руководство города или административного образования. Как писал в своих заметках житель Верхнеудинска П. Мордовской, «считаю нравственной обязанностью гражданина, насколько достаёт моих слабых понятий, не оставаться глухим в то дорогое для Забайкалья время, когда Высшая власть в крае искренно старается преобразовать аномалию и рутину и даровать благоденствие» [1, Л. 13].

Случай выполнить «нравственную обязанность гражданина» представился верхнеудинцам, когда городской голова Н.А. Шляпкин обратился к именитым горожанам с просьбой высказать свои взгляды хотя бы по некоторым вопросам, в которых они наиболее сведущи, и убеждал их не упустить такой возможности, когда «является самый широкий простор для честной и свободной мысли» [1, Л. 3 – 4].

Предложение поделиться своими соображениями на тему «обустройства Сибири» исходило от военного губернатора Забайкальской области Я.Ф. Барабаша, который в 1884 г. был назначен на гражданскую должность – до этого он командовал только воинскими соединениями. (Специфика управления приграничными областями определяла необходимость назначения на пост военного губернатора профессиональных военных, поскольку они сосредоточивали в своих руках всю полноту гражданской и военной власти) [2, С. 78]. Всеподданнейший отчет о состоянии дел в области он составлял впервые, и, по-видимому, какая-то доля сомнений, на тех ли вопросах он акцентировал внимание, присутствовала. Поэтому он решил выслушать мнение именитых горожан с тем, чтобы в отчете за 1885 г. все болевые для области вопросы были отражены. К тому же в год его вступления в должность Забайкальская область сменила подчинение, перейдя из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства в ведомство Приамурского. Идея была не самой удачной. Современники считали административный «передел» большой ошибкой, поскольку от центра генерал-губернаторства область теперь была отделена большими территориями с неразвитой транспортной инфраструктурой и два раза в год во время распутицы фактически вообще была от него отрезана, в то время как ее

тяготение к близко расположенному Иркутску было очевидным [3, № 20].

Предложения, высказанные верхнеудинцами в ответ на просьбу «главного начальника края», были и серьезными, и курьезными. Нижеприведенные документы, обнаруженные нами в Государственном архиве Республики Бурятия, иллюстрируют то и другое.

Одно из предложений, автором которого был неизвестный горожанин, касалось развития сельского хозяйства путем его механизации. Предложение достаточно смелое, если учесть, что и с техническим вооружением промышленности дело в области обстоит плачевно. Степень механизации предприятий, ставшая обязательной строкой уездных отчетов о развитии промышленности еще в 1880-е гг., как правило, определялась в них одной строкой: «Улучшений по фабрике в течение года не было». Из-за отсутствия «механических двигателей и машин или заводских и фабричных устройств» на промышленных предприятиях многие из них даже не включались в статистические обзоры [4, Л. 4]. Одной из причин слабой технической модернизации местного производства было отсутствие подготовленных людей, которые могли бы обслуживать внедряемые в производство механизмы. Если механика какого-либо предприятия командировали для освидетельствования новых паровых котлов на другом предприятии, сразу вставала проблема его замены: на собственном заводе, как правило, он был один, и другого специалиста, которому можно было передать управление технической частью, просто не имелось [5, Л. 111, 117]. Неизвестный автор предложений о техническом усовершенствовании сельского хозяйства, по-видимому, это хорошо понимал, поскольку указывал, что применение машин для обработки земли не даст желаемого результата без повышения образования крестьянина-земледельца, который сам будет понимать пользу механизации. Поэтому он предлагал действовать «в необходимой последовательности»: «прежде всего нужно привлечение за Байкал ученых специалистов рационального сельского хозяйства», которые «способствовали бы распространению в среде взрослого крестьянства полезных сведений и знаний» и готовили из молодежи области «свежие почвенные силы». Он предостерегал от попыток «административного способа» решения данной проблемы, поскольку это будет напрасной тратой казенных денег. В то же время он не предлагал вовсе от-

казаться от ввоза в область механизмов, полагая, что они станут образцами для изготовления их в домашних условиях, а в случае, если это будет слишком сложным, послужат «той цивилизующей силой, которая руководит народами – сдвигая их с ложного пути на истинный». Завершил неизвестный автор свои заметки предложением для начала выписать из России самые простые орудия, которые не доставят затруднений при использовании, но в то же время будут более совершенными по сравнению с теми, что имеет в своем распоряжении местное крестьянство. При покупке всего необходимого для посева он предупредил о необходимости учитывать местные природные условия во избежание поломок техники из-за «неровной поверхности обрабатываемых земель» и гибели семян из-за резких перепадов погоды [1, Л. 8-9].

П.А. Мордовской, оценив губернаторский отчет как составленный «правдиво и согласно с действительностью» и «заслуживающий поистине более и выше общественной признательности», заострил внимание на недостатках процесса управления и отсутствии возможности рядового горожанина ознакомиться с отчетами органов городского и сословного управления, а также городских училищ, гимназий, приюта арестантских детей – словом, всех учреждений, пользующихся городскими субсидиями. Это было правдой. Хотя обзоры о состоянии области и информация о городском бюджете печатались в «Забайкальских областных ведомостях» (в частности, отчет за 1884 г. был опубликован в начале 1886 г.), они были не всем доступны. Городской голова, раздраженный тем фактом, что Мордовской не знает сословного состава жителей города, хотя мог бы «заглянуть в статистику», в то же время признал, что отчеты «к общему сведению в Верхнеудинске не прививаются, в чем виновны и мы тоже Городское самоуправление». «Не зная о действительной цифре состояния Верхнеудинского городского капитала и о приращении его в последние 10 – 15 лет», Павел Мордовской усомнился в целесообразности расходов организаций, функционировавших при поддержке города. Незнание необходимых расходов на делопроизводство в Ратуше, «стоимости» окончившего курс в училище ученика или воспитанника приюта давало пищу для злоупотреблений. «Зная только, что доходы города за это время более чем утроились, – слышно, что также и расходы, – но благоденствуют ли обыватели города? Этого кажется не только не видно, но даже в

обратном смысле», – писал автор [1, Л. 10], хотя в данном случае он был не совсем справедлив к городской управе. В указанное время доля расходов Верхнеудинска на городское управление (11-16%) даже имела тенденцию к снижению, в то время как за три десятилетия после 1875 г. расходы только на содержание больницы, не считая затрат на санитарные, карантинные мероприятия и жалование городскому врачу, выросли вдвое, достигнув 27,8%, а расходы на образование, хотя в процентном отношении не превышали затрат на городское управление, выросли в девять раз [6, С. 12].

В своих пространственных заметках П. Мордовской подверг критике и систему выборов в Ратушу. (В соответствии с Городовым положением 1870 г. Ратуша как орган городского управления была заменена городской думой, но еще работала как судебное учреждение. – Л.К.). В 1886 г. сроки выборов членов Ратуши, которые проводились раз в три года, были пропущены, а потому, как указывал Мордовской, оставшиеся на своих постах судебские чиновники занимали их незаконно. О возможном принятии ими новой присяги никто не знал [1, Л. 11-12].

Ситуация действительно сложилась неординарная. Формирование новых судебных органов, предусмотренное судебной реформой 1864 г., в Забайкалье запаздывало. В 1885 г. предполагалось упразднение Ратуши, которое так и не состоялось, и, возможно, поэтому проводить выборы не сочли нужным. Впоследствии к этому вопросу вернулись, но явка была низкой. Мордовской сетовал, что два – три десятка избирателей, пришедших на выборы, – слишком малый процент, чтоб назвать это выборами от всего города, в котором живут более 200 полноправных избирателей. (Тут следует пояснить, что при избрании на должность в городском управлении правом выбора пользовался ограниченный круг горожан – владельцы недвижимости или уплачивающие сбор с купеческих, промысловых свидетельств, свидетельств на мелочный торг и т.д.). Причиной низкой активности выборщиков он считал тот факт, что им не присылают именных повесток и потому о выборах они даже не подозревают. Имеющие право голоса, действительно, не всегда им пользовались: в 1875 г. из обладающих правом выбора 495 жителей Верхнеудинска в избрании членов городской думы участвовали только 76 чел. (15 % всех избирателей) [7, С. 207]. Одной из причин был отъезд по торговым делам – коммерческая выгода обычно

ставилась выше общественных интересов. В этом контексте был определен резон в пожеланиях Мордовского преподавать в третьем или четвертом классе уездного училища краткого обзора законов, хотя бы касающихся Городового положения – с тем чтобы «будущие избиратели и гласные вероятно более сознательнее относились бы к призванному делу» [1, Л. 13]. А вот предложение о предоставлении отчетов всеми организациями – управленческими, банковскими, учебными, – которые и должны лечь в основу Обзора Забайкальской области, было «изобретением велосипеда»: губернаторский отчет именно по такому принципу и составлялся. Но соответствующие учреждения со своими отчетами частенько запаздывали, и губернатору приходилось неоднократно напоминать им о необходимости «без замедления представить... сведения к Всеподданнейшему отчету... не ожидая более напоминаний» [1, Л. 18, 19]. Подытоживая свои предложения, Мордовской выразил надежду, что его заметки удостоятся внимания и при «достаточном анализе» помогут в составлении Всеподданнейшего отчета за 1885 год.

Предложения горожанина И.И. Крюкова касались борьбы с пьянством – проблемой весьма актуальной, которая часто поднималась в печати. «...винокурение заставляет только беднеть пропивающихся жителей, – с тревогой писали «Забайкальские областные ведомости», – ... из забайкальского зерна курят водку, которая не кормя и не питая местное население, отравляет его, наталкивает на проступки и преступления и не дает ему возможности быстро и успешно развиваться даже в столь богато одаренной природой стране как Забайкалье. Особенно печально то, что русское население более всего страдает от водки: евреи, китайцы и буряты в своей среде имеют гораздо менее пьяниц» [8, Прибавление № 4]. «Много опытов сделано было в этом направлении (искоренении пьянства. – Л.К.) в Европейской России, – писал «Сибирский Вестник», – но одно закрытие кабаков, не сопровождаемое другими более действительными мерами... всегда давало отрицательный результат» [9, № 1]. Спустя столетие мы вновь имели случай в этом убедиться.

Увидев в предложениях губернатора строку об открытии в Забайкалье небольших винокуренных заводов, которые могли бы составить конкуренцию водочным гигантам, Иван Крюков категорически против этого возразил. Во-первых, по его мнению, по техническому оснащению они никогда не смогут соперничать с крупными про-

изводителями. Во – вторых, «вся выгода и польза от этих заводов будет осязательна только для заправителей «мирского спаивания», каковыми всегда будут «кулаки мироеды». Для окончательной победы над пагубной привычкой горожанин предлагал заменить винокурение... пивоваренным производством, которое развить на артельных началах. Он был искренне убежден, что производство пива не потребует больших затрат, а польза его потребления будет несомненной. Продукт, «известный своей питательностью», доказывал он, будет не только противостоять сильно опьяняющим спиртовым суррогатам, но и «благодетельно отзовется на здоровье народа, а со временем, быть может, мало-помалу отучит народ от пьянства и его последствий» [1, Л. 7]. Не говоря уже о том, что пиво вряд ли само по себе спасло бы сибиряков от спаивания, предложение его никогда бы не было принято. Винокурение в 1880-1890 – е гг. было наиболее прибыльной отраслью, успешно конкурирующей даже с золотодобычей, и его производство было одинаково выгодно как самим производителям, получавшим большие барыши, так и Казне, в свою очередь имеющей с этого немалый доход.

Пакет предложений был бы неполным, если бы в нем не прозвучал «еврейский вопрос». Инициативу в этом случае проявил все тот же Павел Мордовской. «В Обзоре подразделения жители Забайкальской области, – писал он, – кажется, не поставлено отдельной цифры евреев, проживающих в области; не было бы излишним занести в отдел обзора действительную численность проживающих евреев в Верхнеудинске и взять цифры для сравнения по этому лет 30 назад... наплыв евреев в Верхнеудинск окажется весьма значительный... Между тем Верхнеудинск, кажется, не включен в черту еврейской оседлости. Общая статистика всех вообще жителей Верхнеудинска покажет, что: торговля, промыслы, на лучших местах торговые лавки и дома в центре города переходят в руки евреев» [1. Л. 12]. Его настроения разделяла Верхнеудинская городская дума, пребывавшая в изрядной панике перед «прогрессивным наплывом в город Верхнеудинск евреев и китайцев, захвативших в свои руки мелочную торговлю» и «лишающих горожан необходимых заработков для платежа повинностей» [10, Л. 14].

Доля истины в замечаниях Мордовского содержалась. Во-первых, в «Обзоре Забайкальской области» за 1884 г. вообще не было конфессиональной характеристики населения, за исключением све-

дений о раскольниках [11, Лит. В]. В дальнейшем это стало обязательным элементом губернаторского отчета – хотя и не с подачи не в меру инициативного верхнеудинца, а в соответствии с обязательной структурой отчета, регламентированной официальным Петербургом. Во-вторых, евреи действительно были очень заметны в городской торговле. При явном преувеличении «разрушительной силы» еврейского торгового бизнеса для предпринимательства верхнеудинцев следует указать, что в 1889 г. каждая третья лавка в Верхнеудинске принадлежала евреям [12, Л. 13-43]. Однако их торговая активность шла городу только на пользу. Современники отмечали, что «еврейский элемент» отличался мобильностью и быстрой оборачиваемостью денег. «Не будь еврея, – излагал свои впечатления о Верхнеудинской ярмарке корреспондент «Восточного обозрения», – ярмарка была бы похожа на «спящее царство» [...], еврей импульсировал ярмарочную торговлю, и в этом отношении сибирский купец далеко отстал от него» [13, № 44]. Роль евреев в понижении цен на предметы первой необходимости путем создания конкурентной среды отмечалась даже высшим сибирским чиновничеством [14, С. 76].

«Изучение общественного мнения» Я.Ф. Барабаш ввел в постоянную практику. В том же году он обратился к деловым людям Забайкалья с предложением обсудить необходимость строительства узкоколейной железнодорожной ветки, соединяющей торгово-промышленный центр Сретенск с Байкалом – во избежание напрасных затрат при ее неполной загрузке. Обсуждавшие с восторгом приняли известие о проекте создания дороги. Наиболее дальновидные, оценив перспективы железнодорожного строительства в крае, предлагали сразу делать дорогу с широкой колесей и выходом за пределы обозначенного маршрута, поскольку она будет иметь мировое значение [15, Л. 24]. Тем самым они фактически предугадали траекторию и стратегическое значение будущей Транссибирской железнодорожной магистрали.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 518.
2. Кальмина Л.В., Малыгина О.А. Блюстители неприкосновенности: институт военного губернатора Забайкальской области. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. – 184 с.
3. Восточное обозрение. 1888.

4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 14942.
5. ГАЗК. Ф.1(о). Оп.1. Д.13295.
6. Кальмина Л.В. Бюджетная политика забайкальских городов в 1870-е – 1910-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2017. – № 3. – С. 7–14.
7. Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII – XIX вв. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2007. – 248 с.
8. Забайкальские областные ведомости. 1890.
9. Сибирский Вестник. 1885.
10. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 220.
11. Обзор Забайкальской области за 1884 год. – Чита: Тип. Заб. Обл. правления, 1885. – 64 с. [51 с. табл.]
12. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 658.
13. Восточное обозрение. 1894.
14. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГА-КИ, 2003. – 423 с.
15. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2257.

Батоцыренов Эдуард Аюрович
Байкальский институт природопользования СО РАН
Российская Федерация, Улан-Удэ
edikbat@gmail.com

Санданов Денис Викторович
Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН
Российская Федерация, Улан-Удэ
sdenis1178@mail.ru

ВКЛАД И.С. КОТОВА В ФЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БУРЯТИИ*

В статье раскрывается научно-исследовательская деятельность Иннокентия Сергеевича Котова (1907-1969) в Бурятии. Показан его вклад в краеведение и фенологические исследования Забайкалья.

Ключевые слова: Котов И.С., фенология, Бурятия, краеведение.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-123-131

Batotsyrenov Eduard Ayurovich
Baikal Institute of Nature Management SB RAS
Russian Federation, Ulan-Ude

Sandanov Denis Viktorovich
Institute of General and Experimental Biology SB RAS
Russian Federation, Ulan-Ude

CONTRIBUTION I.S. KOTOV IN PHENOLOGICAL RESEARCHES IN BURYATIA

The article reveals the research activities of Innokentiy Sergeevich Kotov (1907-1969) in Buryatia. His contribution to regional studies and phenological studies of Transbaikalia is shown.

Keywords: I.S. Kotov, phenology, Buryatia, local lore

---

* Работа выполнена в рамках государственного задания БИП СО РАН (проект № 0339-2016) и при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-05-01059 «Природно-климатические тренды Байкальского региона».

В фондах Государственного архива Республики Бурятия хранятся архивы краеведа Забайкалья, фенолога, руководителя фенологической комиссии Географического общества Иннокентия Сергеевича Котова [1] (рис. 1). Родился И.С. Котов 22 февраля 1907 г. в Кяхте. Окончив в 1926 г. там же среднюю школу, он трудился рабочим на складах. После службы в Советской Армии в звании лейтенанта возвращается в Бурятию и в 1931 г. оканчивает курсы инструкторов по защите растений. С тех пор и до конца жизни вся его трудовая деятельность связана с изучением, охраной и защитой природы. От рядового специалиста по защите растений до начальника отдела агрометеослужбы Наркомзема республики и старшего агрометеоролога Бурятского агрометеобюро – таков его трудовой путь. Он непрерывно совершенствует свои знания, учится в вечернем университете марксизма-ленинизма, а в 1964 г. заканчивает заочное отделение Бурятского сельскохозяйственного института и получает звание ученого агронома. В 1945 г. И.С. Котов награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а в 1953 г. ему было присвоено звание «Отличник гидрометслужбы СССР» [2].

Рис. 1. Котов И.С. 1 мая 1950 г., Медведчиковая падь, окрестности Улан-Удэ, у наледи. ФР-1338 1/97 № 34.

Котов с детства интересуется природой, вместе со своим братом Михаилом становится кружковцем – посещает занятия у известного краеведа и первого директора Кяхтинского краеведческого музея Петра Саввича Михно. Под его руководством он учится наблюдать природу, вести полевой дневник (чем будет заниматься всю жизнь), и делать зарисовки. Фенолог вел свои наблюдения в Троицкосавске-Кяхте с 1923 г., а в г. Верхнеудинске (Улан-Удэ) с 1930 г. до самой смерти (1969 г.).

Летом 1927 года Иннокентий Сергеевич принимает участие в Гусиноозерской экспедиции Кяхтинского краевого музея [3, С. 25], он отвечал за сбор птиц и наблюдал за ними. За месяц до поездки он поранил себе левое веко, и только во время экспедиции у него вышел кусочек медного пистона и с тех пор, лицо у него имело характерный изъяз. Юный натуралист интересовался и растениями и животными, но самой большей страстью (судя по его дневниковым записям) были для него птицы. Уже с юношеских лет благодаря наставнику П.С. Михно (впоследствии Котов и вывел его имя из небытия своими публикациям в прессе) сформировался вдумчивый и наблюдательный исследователь. Иннокентий Сергеевич по итогам экспедиции подготовил «Список птиц Гусино озера по наблюдениям летом 1927 года», где впервые дал описание авифауны озера (54 вида) и его окрестностей. К сожалению монографию (как он планировал) по птицам Гусино озера он так и не издал.

В рукописном ежемесячном журнале «Кяхтинский краевед» за 1928 г. появились первые статьи Иннокентия Сергеевича, написанные на основе полевых исследований. Для примера, приводим его краткую заметку (одну из первых) «Авиафауна Цаган-нора», опубликованной в № 5-6 рукописного журнала «Кяхтинский краевед» в 1928 г.

«Авиафауна Цаган-нора* не особенно богата. Литературных данных о ее составе нет совершенно. Фауна воздушная этого озера складывается из следующих видов: узкую полосу солончаков, заросшую густо блестящим ковылем (*Hasiagrostis splendens*) охватывающую озеро с востока и северо-востока, где кроме ковыля растет ирис обыкновенный, подорожник, серебристая лапчатка, осоки, пырей и полыни (*Potentilla anserinaet*, *Potentilla buxerea*) населяют коньки степные (*Anthus rishardi*) и полевые малые жаворонки; не

---

* Озеро Цаган-Нор находилось в 2,5 км южнее озера Гусиное сейчас практически полностью высохло. (Э.Б.)

смотря на июль месяц, по утрам, когда солнце начнет золотить Тамчинскую равнину, они сильно поют.

Затем идет узкий пояс грязи прибрежной, отмелей в полном смысле озер не имеет, тут тоже свои характерные обитатели: маленькие юркие подвижные кулички (*Fringa teninshi*), группами двести особи и в одиночку, все время перелетают со свистом, держатся в небольшом числе кулик перевозчик (*Actitis hypoleucos* (L)) и белохвостик фифи (*Tringa glareola*).

Кроме того, на небольшом, заболоченном еще не совсем, узком участке озера держалась стая пугалиц (21/VII) в травке, которые часто взлетали, кружили, оглашая воздух своим тоскливым криком (*Vanellus cristatus*). Озеро окаймлено временами густо заросшим тростником и камышом. Из его серой воды порою поднимаются густо заросшие зеленые островки. Тростники дают приют водоплавающим в довольно большом количестве. Здесь обитают следующие виды: особенно много лысух (*Fulica atra* Linn), местное название птицы «гагара». Затем гоголь (*Bucephala clangula*), утки (*Anas cornuta*) и ряд других; посещают озеро и турпаны (*Anas tadorna*). Кроме того, я несколько раз замечал бакланов, сидящих на изгороди вблизи озера, куда они прилетают очевидно, с Ахура, где они живут большой колонией.

В тростниках также гнездятся золотистые луни (*Circus spilonotus*) и серые цапли (*Ardea cinerea*), Дальше к западу и на юг располагается болотистый луг, где имеются более или менее сухие места, как и по закрайкам луга. Здесь имеет возможность расти колючая карагана (*Saragana spinosa*) и там стал встречаться пустынный сорокопут (*Lanius meridionalis*). Относительно этой птицы интересно то, что он, характерная представительница пустынной фауны, заходит так далеко на север в юго-западное Забайкалье. Правда, окрестности Гусиного озера, так же как и Цаган-нора, носят характер пустыни, на что много лет назад обращал внимание известный натуралист-исследователь В.И. Радде, который относительно Гусиного озера и его окрестностей говорит следующее: «Окрестности Гусиного озера и вообще верхнее течение Селенги уже напоминают о близости простирающейся к югу Гоби, всюду голые открытые холмы, лес отступает далеко». Для кормежки золотистые луга посещают степные курицы – дрофы (*Otis tarda dybowskii Taczanowski*), Еще интересно нахождение в тростниках Цаган-нора усатых синиц (*Panurus biarmicus*). О

нахождении этой красивой обитательницы юго-западном Забайкалье нет литературных данных. Экспедиция П.К. Козлова нашла ее в тростниках по р. Тола в северной Монголии*.

Обитателем сухой каменистой степи, главный растительный покров который образует типец (типчак) гребенчатый, является рогатый жаворонок (*Otocorys brandt*).

Было третье десятидневие июля, самцы рогольков оглашали своей простой несложной песней степь по утрам и вечерам. *Calandrella brachyudectia orientalia* хотя и является типичным обитателем солончаковых прибрежных участков озера, в данном случае наблюдался по закрайкам сухой каменистой степи. *Otis dybowski* обитает в небольшом числе в сухой степи. Возможно, что тростники Цаган-нора таят в себе более интересных обитателей.

Иннокентий Котов»

В Бурятском книжном издательстве издавались его труды: «Главнейшие вредители сельскохозяйственных растений Бурятской АССР и методы борьбы с ними» (1957 г.), «Вредители зерновых и кормовых культур и борьба с ними» (в соавторстве с В.В. Преображенским, 1963 г.) и ряд статей в сборниках. Перу И.С. Котова принадлежит 1-й раздел (Общие физико-географические условия) в «Агроклиматическом справочнике по Бурятской АССР», изданном в 1960 г. Статьи его помещались и в журнале «Природа» (№ 5 за 1959 г.) и частично публиковались в местной печати под рубрикой «Заметки фенолога».

Летом 1941 года (с 6 июля по 5 сентября) Центральным историко-краеведческим музеем (г. Улан-Удэ) была организована экспедиция на северо-восточный берег Байкала в составе 7 человек – начальника экспедиции Абашеевой Д.Д., Котова И.С., препаратора музея Пильмана Э.П. и юннатов Бакутина П., Зеленина Р., Глебовича Н. и Асеева А., студентов Улан-Удэнского зооветеринарного института. Во время экспедиции описано 82 вида птиц и несколько видов млекопитающих, а также собраны шкурки птиц для музея. Материалы представляют большой интерес, так как в 1941 г. сотрудники Баргузинского заповедника были призваны в армию, не успев обработать полевые данные и погибли на фронте (сообщение д.б.н. Ананина А.А.).

* Устное сообщение Е.В. Козловой.

В Бурятском книжном издательстве издавались его труды: «Главнейшие вредители сельскохозяйственных растений Бурятской АССР и методы борьбы с ними» (1957 г.), «Вредители зерновых и кормовых культур и борьба с ними» (в соавторстве с В.В. Преображенским, 1963 г.) и ряд статей в сборниках. Перу И.С. Котова принадлежит 1-й раздел (Общие физико-географические условия) в «Агроклиматическом справочнике по Бурятской АССР», изданном в 1960 г. «Сезонные явления в природе Бурятии», вышедшая вторым изданием в 1965 г. Статьи его помещались и в журнале «Природа» (№ 5 за 1959 г.) и частично публиковались в местной печати под рубрикой «Заметки фенолога» (всего более 230 кратких сообщений).

К сожалению, объемы статьи не позволяют нам привести полные выходные данные статей, приведем только характерные их названия и год публикации (б.г. – без года): «Как бороться с головней» (1934), «Еще раз о барбарисе» (1934), «Бакланы» (1935), «Тарана» (1936) «Стрижи» (1936), «Балобаны» (1936), «Вторичное цветение растений» (1936), «Цветение растений и температура» (1936), «Осень» (1936), «Пустынный сорокопут» (1936), «Корсак» (1936), «Прилетели галки» (1937), «Блокнот натуралиста» (1940), «Птицы в БМАССР» (1952), «Сильный снегопад в республике» (1955), «Погода и посевы» (1955), «Скворцы в Бурят-Монголии» (1955), «Сагай уларил тухай (Фенологий тэмдэглэл)» 1955, «Новые метеорологические станции» (1956), «В Бурят-Монгольском филиале Географического общества» (1956), «Ископаемый сибирский носорог» (1956), «Первенец весны» (1956), «Прошли дожди» (1956), «Плакат-газета «Кяхтинский краевед» (1956), «Манай республикын һонин. Тэмдэглүүлһэн шубууд» (1956), «Птицы зимой» (1956), «Из истории метеорологических наблюдений в Забайкалье» (1957), «Лес в феврале» (1957), «Кольцевание птиц» (1957), «Климатические особенности Бичурского аймака» (1959), «Мышь-малютка. Животный мир аймака. Уголок краеведа» (1960), «Забайкальская голубая сорока» (1962), «Птицы в городе» (1962), «Идет, гудёт зеленый шум» (1964), «Капризы июля» (1964), «Тигры Бурятии» (1969), «Карликовый орел (б.г.), «Перелеты куропаток» (б.г.), «От Баргузинского заповедника до Ушканьих островов». В мире книг» (б.г.)

Как мы видим, тематика у журналиста-природоведа была самая разнообразная: орнитология, зоология, фенология, краеведение, палеонтология, ботаника, история географических исследований и

прочее. После его публикаций в прессе и выступлений на радио увеличивалось число фенокорреспондентов в республике.

В качестве примера приведем одну его запись из дневника:

«Из блокнота натуралиста. 29.05.1941. Весна (Котов И.С., блокнот № 3, 1941 г.)

Весны в нашей местности можно разделить на ранние, средние и поздние. Ранние весны бывают как правило затяжные, а весны поздние наоборот замечательны тем, что они имеют ускоренный темп в росте тепла, а отсюда и быстрое, порою даже бурное развитие явлений в живой природе.

Весну текущего 1941 г. нельзя отнести ни к одному из вышеперечисленных типов, она составляет исключение. Поздняя по времени своего начала на всем своем протяжении носит затяжной характер. Наблюдались очень часто возвраты холодов, связанные с вторжением холодных волн из Арктики. Иногда думают и думают не правильно, что холодные весны обусловлены влиянием озера Байкал. Байкал не делает погоды, но оказывает некоторое пониженное влияние на понижение температуры воздуха на побережье.

В связи с затяжным характером весны, замечалось и медленное, более позднее развитие растительности. Так, зацветание первого весеннего цветка ургуя началось 27.04.1941, на 5 дней позже многолетнего срока. Багульник зацвел 19.04.1941, на 4 дня позже среднего срока. К 20.05.1941 начали зеленеть деревья и кустарники, появилась зеленая дымка.

Холодная погода сказалась и на прилете птиц. Особенно это заметно на водоплавающих птицах. Так гуси в конце апреля в первых числах мая в большом количестве скапливаются на берегах Байкала, в устьях р. Селенги, а в текущую весну они появились там значительно позже, чем в прошлые весны, и держались по более теплым долинам, на озерах и речках. Задержался прилет и мелких птиц, а также появление насекомых. Только с 20-х чисел мая, т.е. в 3 его декаду началось более заметное зеленение деревьев и кустарников. Началось цветение различных растений. 1-3 мая резкое похолодание, птицы на Байкал не летели».

Котов И.С. вел активную переписку с фенокорреспондентами. В архиве находится письмо Антона Александровича Московского И.С. Котову. Московский А.А. (1909-1995) – кяхтинский краевед, фенолог Антоне Александровиче, они вместе обучались в кружке

П.С. Михно, участвовали в Гусиноозерской (1927 г.) и Боргойской (1930 г.) экспедициях кяхтинского музея. Московский А.А. всю жизнь прожил в Кяхте и работал в Кяхтинском отделении Иркутского противочумного института.

«Дорогой Иннокентий Сергеевич!

Вот только сегодня я прибыл домой, был на охоте, застрял из-за транспортной проблемы, смотрю – твое письмо. Сердечно благодарю за поздравление. Не знаю, успеет ли это письмо к сроку, поэтому тороплюсь и буду краток. Сохранились 2 тетрадки весенних наблюдений за 1925 и 1926 года. Многое последующее утеряно, по ряду причин – с 1941 по 1946 – вообще было не до наблюдений. Последующие годы старался вести подробнее и обстоятельнее, наблюдения 4 сезона (май – сентябрь) 1947, 48, 49 (велись в Борзе) и т.д. С 1950 года – все в Кяхте, частично в дельте р. Селенги. Это тебе как справка, если нужно. Посылаю свои весенние, увы, очень и очень скудные наблюдения этого года (не удалось по настоящему сходить в лес), посмотри, может быть что и сгодится, совсем нет наблюдений над растениями и животными – все больше погода!

Ну, подробно напишу, в музее почти не бываю, и даже не хочу туда ходить, что там нам натуралистам делать? У них история – партизаны и т.д. и т.п.

Привет уважаемой Татьяне Даниловне, с удовольствием прочитал очерк о краеведческой работе. Если видишь Михаила Спектра, большой ему привет.

Ну, будь здоров,
твой А. Московский
г. Кяхта, 12 мая 1968 г.

P.S. Удалось съездить на 5 дней на р. Киран (заедает транспорт). Пожил в палатке, выпил невероятное количество чая. Расстрелял десять патронов, подышал настоящим воздухом, птиц нет.

Московский»

Иннокентий Сергеевич всегда активно участвовал в научно-общественной жизни. С момента основания филиала географического общества в Улан-Удэ он состоял его членом. Он бессменно нес обязанности члена бюро Биологического отделения, члена президиума филиала и члена редколлегии «Краеведческого сборника»

– органа Бурятского филиала Географического общества СССР. Особо следует подчеркнуть его роль в качестве руководителя фенологической комиссии.

В период расцвета работы фенологической комиссии Бурятского отделения число фенокорреспондентов достигало 84 (в 1967 г.), далее оно начало снижаться – 60 (1968), а после смерти И.С. Котова стало стремительно уменьшаться – 27 (1970) и 4 человек в 1971 г. Кроме того, в 1960-х гг. данные поступали от восьми Госсортучастков (Баргузинский, Бичурский, Закаменский, Кабанский, Селенгинский, Хоринский, Тункинский, Гундинский). Заполняли фенобланки и отправляли их школьники, сотрудники Баргузинского заповедника, учителя, пенсионеры, охотники, работники метеостанций и любители природы.

Котов И.С. совместно с супругой Камчатовой-Вороновой Татьяной Даниловной ежегодно с февраля по конец сентября в выходной день (воскресенье) совершал в среднем порядка 20 экскурсий в окрестностях г. Улан-Удэ – по островам р. Селенги, в Медведчиковой пади и в районе Тулунжи и Сотниково по горнолесным и лесостепным местностям.

Большая часть богатого научного наследия И.С. Котова не была опубликована при его жизни. Все его дневники, рабочие записи, переписка и другие ценные материалы хранятся в Государственном архиве Республики Бурятия. В фондах архива также находятся документальные материалы жены И.С. Котова Т.Д. Камчатовой-Вороновой, которая после смерти мужа продолжала вести фенологические наблюдения в окрестностях г. Улан-Удэ.

Список источников и литературы

1. Архив Котова И.С., ФР. 1738, 118 д., 1923-1970 гг. Государственный архив Республики Бурятия.
2. Памяти Иннокентия Сергеевича Котова // Известия Всесоюзного Географического общества. – 1971. – № 1.
3. Гусиноозерская экспедиция П.С. Михно 1927 г. (Динамика природных комплексов Гусиноозерской котловины и аспекты культурного наследия Селенинского среднегорья) / под ред. Э.А. Батоцыренова. – Улан-Удэ: ЭКОС, 2016. – 168 с.

Дамешек Лев Михайлович
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, Иркутск
levdameshek@gmail.ru

ЯСАЧНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В БУРЯТИИ ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

В статье дается анализ делопроизводственных источников Российского государственного исторического архива по истории ясачной политики самодержавия в Бурятии. Основное внимание уделяется характеристике материалов фондов Кабинета е.и.в, содержащих наиболее информативные материалы по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: Сибирь, Бурятия, самодержавие, ясак, политика, налоги.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-132-150

Dameshek Lev Mikhailovich
Irkutsk State University
Russian Federation, Irkutsk

THE SCIENTIFIC POLICY OF SELF-DEGENERATION IN BURYATIA ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE

The article analyzes the records of the Russian State Historical Archive on the history of the yasak policy of autocracy in Buryatia. The main attention is given to the description of the materials of the Health Cabinet, containing the most informative materials on the issue under study.

Keywords: Siberia, Buryatia, autocracy, yasak, politics, taxes.

Одной из характерных особенностей исторического развития России в период образования единого государства, а затем эпохи империи стал процесс расширения границ и складывания многонационального государства. На протяжении XV-XIX в. на огромных

и разнородных территориях Российского государства сложился ряд исторических общностей, отличавшихся своей индивидуальностью. Для этих общностей было характерно прежде всего наличие единого не только политико-административного, а прежде всего историко-географического пространства. Это были, выражаясь современной терминологией, регионы, в каждом из которых имперские процессы протекали по-своему. Последние определялись особенностями исторического развития территории, ее природно-климатическими особенностями, ландшафтом, этноконфессиональным составом населения, наконец, внешнеполитическими обстоятельствами. В этом смысле Прибайкалье и Забайкалье вполне могут быть охарактеризованы как несомненно важные регионы Российской империи, значение которых существенно возросло во второй половине XIX столетия в связи с активизацией азиатского вектора внешней политики России. С точки зрения географии речь идет о юго-восточной части этого обширного региона, одной из наиболее выдающихся достопримечательностей которой является оз. Байкал. Это замечательное озеро, которое сибиряки на протяжении многих поколений называют морем, делит огромную территорию на две весьма отличные друг от друга в климатическом, ландшафтном и иных отношениях части – Предбайкалье и Забайкалье. Однако в этническом смысле между этими двумя регионами есть немало общего. Это территория так называемой сегодня этнической Бурятии, коренным населением которой, наряду с эвенками, тофоларами, являются буряты – один из самых больших по численности народов Сибири. Этническую основу современных бурят составляли племена эхиритов, булагатов, хори-туматов, обитающие в долинах рек Лены, Ангары, Селенги, Баргузина. Бурятские территории «сформировались в результате сложных процессов смены мировых систем и центров». С появлением на этих землях русских в сложной политической ситуации наметились новые магистральные пути, определившие судьбы народов монгольского мира, значительно ускорились процессы консолидации монгольязычного населения [6, С. 15, 16, 18]. Сегодня буряты преимущественно проживают на территории трех субъектов Российской Федерации – Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края. В императорской России в границах середины XIX в. это была территория Иркутской губернии, в состав

которой наряду с Нижнеудинским, Киренским и другими входили и Верхнеудинский округ, коренное население которого в абсолютном большинстве и составляли буряты.

Поначалу продвижение русских отрядов в Восточную Сибирь носило довольно хаотичный и меркантильный характер. Опорными пунктами землепроходцев стали остроги Братский, Иркутский, Удинский, Селенгинский, Нерчинский и другие военные поселения, довольно скоро превратившиеся в административные центры. Процесс инкорпорации Сибири в Россию был довольно длительным и сложным, причем на протяжении XVII и значительной части XVIII в. в нем преобладали военно-административные методы. Власть здесь шла явно впереди экономики [19, С. 14]. Уже позже на смену военно-административным пришли политико-административные и экономические методы. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее истории. Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колониационном движении присутствовали и экономические мотивы. В Сибири в целом, на территории Бурятии в частности, таким «экономическим мотивом» был ясак – натуральная дань пушниной, которую платило все коренное население региона на протяжении довольно длительного времени в «государеву казну». Не вызывает сомнения факт, что изначально русские люди шли в Сибирь именно из-за пушнины. Это были своего рода военно-промышленные предприятия с вполне определенными целями [11, С. 82]. Вот почему властное освоение Сибири по времени предшествовало экономическим процессам интеграции и инкорпорации... Осознание стратегической важности региона как форпоста для продвижения России на восток, неисчерпаемого источника драгоценных металлов, сырья и т. д. пришло позже. Однако и в более поздние периоды сибирской истории – в XVIII, XIX и XX вв. – ясак всегда оставался в центре внимания государства и имперского Кабинета как верховных собственников земель Азиатской России. На протяжении всего рассматриваемого периода ясачная политика имперского правительства под влиянием процесса коммутации ясака и иных причин неоднократно менялась. Но и в начале XX в., как свидетельствуют

материалы настоящей публикации, судьбы ясачного режима в Сибири, в том числе и Бурятии, как ее неразрывной составной части, продолжали волновать петербургских Романовых. По сути ясачная политика оставалась составной частью, производной от политического курса самодержавия в регионе в целом.

Со времени прихода русских в Сибирь уплата туземцами ясака рассматривалась правительством как выражение даннических отношений аборигенов к русскому царю. По мере усиления интеграции народов Сибири в состав России, их адаптации к общерусским хозяйственным, культурно-бытовым, религиозным и иным традициям на них стали распространяться и иные податные обязанности. Тем не менее на протяжении XVII в., всего XIX в. и даже начала XX в. ясак продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от собственника земли.

Для изучения ясачной политики имеется значительный круг источников разных типов, отложившихся в бывших императорских архивах. В основном это архивные фонды Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге – РГИА, известного ранее под аббревиатурой ЦГИАЛ и ЦГИА. По преимуществу это фонды Первого и Второго Сибирского комитетов, Комитета сибирской железной дороги, Министерств финансов, государственных имуществ и других органов управления. Однако первостепенное значение для изучения судеб ясачного режима в Сибири имеют материалы фондов Министерства императорского двора и особенно императорского Кабинета. Последнее обстоятельство отмечено не случайно. Именно Кабинет е.и.в. являлся собственником сибирского ясака, а отнюдь не государственное казначейство. В связи с этим замечанием отметим следующее. Следствием известной сибирской ревизии М.М. Сперанского 1819 г. явился ряд законоположений, в том числе «Устав об управлении инородцев», утвержденный в июле 1822 г. [8, С. 21-46, С. 196-211]. В соответствии с Уставом коренное население Сибири делилось на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Подавляющее большинство коренных жителей Сибири, в том числе Бурятии, вело кочевой или полукочевой образ жизни, а наименьшую по численности категорию составляли «оседлые инородцы». Именным указом от 21 июня 1827 г. они освобождались от всех «ясачных и других сборов, коим ... подлежали по разным постановлениям до сего Устава» [16], а с «оставшихся в роде коче-

вых и бродячих» следовало «взимать впредь до переобложения их то, что за сим исключением следовать будет» [16]. Этим же указом предписывалось «подати, платимые сибирскими инородцами на основании правил о тех сословиях, в кои они вступили, отсылать в казенные палаты для перечисления в государственный доход, но из них сумму, причитающуюся в оброчную подать... передать, так и впредь ежегодно передавать в ... Кабинет взамен прежнего ясака». Передачу эту следовало произвести «со времени поступления сих инородцев в оседлые податные сословия» [16]. Приведенный документ, как представляется, достаточно четко фиксирует разницу между финансовыми интересами Кабинета – главного финансового органа коронной фамилии – и государственного казначейства и отражает споры между Казной и Кабинетом за право пользования рентой с народов Сибири. Впервые противоположность финансовых интересов Казны и Кабинета подметил известный исследователь истории Бурятии Е. М. Залкинд. Примерно через 20 лет Г. П. Жидков развил эту точку зрения, хотя и указал, что определение ясака как «личного дохода дома Романовых» является неверным [10, С. 243, 245, С.22]. Думается, однако, что и императорский Кабинет, и государственная казна имели свои собственные финансовые интересы и в Сибири как совладельцы местных земель. Что же касается ясака, то замечание Г. П. Жидкова более обоснованно. Ясачная рента являлась собственностью коронной фамилии, а не всего «дома Романовых», как это полагают некоторые исследователи. У правительства вопрос о принадлежности ясачной подати не вызывал никаких сомнений – оно рассматривало ее как собственность Кабинета. До 1763 г. собираемая в Сибири пушнина поступала в Сибирский приказ, «от коего по разбору высоких цен отсылалась в Кабинет» [15]. С упразднением в 1763 г. Сибирского приказа «мягкая рухлядь» стала поступать непосредственно в Кабинет. В 1782 г. последовал именной указ Екатерины II «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему» [15]. Второй Сибирский комитет в «Проекте общего и подробного плана всех работ, предстоящих комитету по устройству Сибири», рассматриваемом осенью 1852 г., также указал на принадлежность ясачного сбора императорскому Кабинету [1]. Именно поэтому большая часть материалов по исто-

рии ясачной политики самодержавия в Сибири отложилась в фондах императорского Кабинета.

Для характеристики ясачной политики первостепенное значение имеют делопроизводственные источники, отложившиеся в многочисленных фонда РГИА. Их можно подразделить на документы высших и центральных правительственных учреждений, сибирской губернской и уездной (окружной) администрации и исходящие от отдельных лиц. Делопроизводственные источники правительственных учреждений и исходящие от официальных лиц имеют особенный интерес. Абсолютное большинство их не предполагалось для публикации, поэтому обсуждение как текущих, так и прогнозируемых мероприятий в различных комитетах, комиссиях, иных инстанциях носило весьма откровенный характер. Это обстоятельство позволяет не только понять психологию авторов документа, проследить борьбу различных точек зрения по вопросам развития ясачной политики, но и выявить подчас завуалированные мотивы принятия того или иного решения. Анализ делопроизводственных документов неопровержимо свидетельствует о том, что в правительственных кругах не было единого мнения по вопросам развития налоговой политики. Этническое, конфессиональное и культурное многообразие империи порождало споры и дискуссии вокруг проблем концентрации и децентрации власти в центре и на местах, соотношения централизаторских и децентрализаторских тенденций, о месте Кабинета е.и.в. в налоговой политике, а в более широком плане – взаимоотношений «центра и периферии». Отмеченными особенностями определяется значимость делопроизводственных источников для изучения рассматриваемых в настоящем исследовании вопросов. Отметим также, что по своему происхождению делопроизводственные источники принадлежат как к опубликованным, так и неопубликованным, т. е. архивным. К последним прежде всего относятся отчеты и обозрения губернаторов и генерал-губернаторов по управлению краем, их «мнения» и «записки». Как отмечал Б. Г. Литвак, к началу XIX в. отчеты «главных начальников края» были в значительной степени формализованы и содержали стандартный набор сведений о народонаселении, сборе налогов, податей и др. [12]. Хотя традиционно губернаторские отчеты рассматриваются преимущественно как источник по социально-экономической истории, тем не менее в современном сибир-

реведении имеются удачные примеры использования такого рода документов и как источника изучения истории местного управления и чиновничества [13]. Автора публикации в данном случае интересуют в первую очередь сведения о состоянии хозяйства инородцев, их численности, размерах податных сборов и способах их уплаты, составе администрации, материалы об управлении краем, планируемых и осуществленных нововведениях и т. д. Наличие одних и тех же формальных граф в губернаторских отчетах делает их хорошо сопоставимыми, позволяет проследить развитие тех или иных тенденций в налоговой политике правительства. Обращаясь к этому источнику, автор имели в виду не выборочное, а систематическое его использование, чему в немалой степени способствовала хорошая сохранность губернаторских отчетов за весь исследуемый период.

Весьма значимыми для изучения означенной проблемы являются документы второй ясачной комиссии 1827–1835 гг. Наиболее ценные из них – «Отчеты комиссии о составлении дел инородцев окладных ясачных книг». Они составлялись членами комиссии после окончания работ в каждом отдельном округе и за подписью председателя отправлялись в Главные управления Восточной и Западной Сибири. На основании этих материалов формировались сводные губернские отчеты.

Отчеты содержат сведения о численности коренного населения, его составе и расселении по отдельным родам и улусам, материалы об источниках доходов и роде занятий нерусского населения, о хлебопашестве, скотоводстве, промыслах и торговле. Имеющиеся в отчетах сведения раскрывают картину раскладки сборов внутри «инородческого общества». Однако с точки зрения методики и техники составления отчеты оставляют желать лучшего. Нередко группы фактов суммировались без всякого разбора, и поэтому получить из них необходимые сведения очень сложно, а иногда практически невозможно. В одних и тех же отчетах встречаются разночтения. Отдельные стороны жизни коренного населения, в частности социальные отношения, не получили в них отражения.

Дополнением вышеуказанных материалов являются отчеты генерал-губернаторов по управлению краем, которые содержат важные подробности о действиях комиссий, в том числе в Верхнеусинском округе, дают характеристики ее членам. К губернским от-

четах примыкает деловая переписка членов комиссий, их рапорты, донесения и т. д. Эти документы дают возможность ближе познакомиться с исполнителями «воли монаршей», узнать их отношение к порученному делу, проверить добросовестность и компетентность. Важным источником для характеристики ясачной политики царизма являются окладные книги. Они составлялись отдельно по каждому роду, улусу, отделению. Окладные книги содержат подробные сведения о величине ясака, о соотношении его натуральной и денежной форм, о способах уплаты ясачной подати. В окладных книгах имеются оригиналы и копии общественных приговоров на утверждение сумм ясачной подати.

Значительную ценность для характеристики ясачной политики самодержавия представляют различные правительственные акты, отложившиеся в материалах ясачной комиссии. Небольшая по объему, но разнообразная по содержанию, эта группа документов состоит из постановлений Сибирского комитета по делам ясачной комиссии, рапортов, циркуляров и донесений министров императорского двора и финансов.

Для истории народов Бурятии первой половины XIX в. значительную ценность имеют материалы и документы ревизии государственных имуществ 1840–1841 гг. Из них наиболее важны «Обозрения округов и губерний». К сожалению, приложенные к ним статистические ведомости и таблицы сохранились только частично. В материалах ревизии отложились сведения о численности коренного населения, разделении его на оседлых, кочевых и бродячих, роде занятий аборигенов, доходах, способах уплаты ясака, его раскладки и взысканий. «Инструкция чиновнику, командированному от 5 отделения С. Е. И. В. Канцелярии для обревизования государственных имуществ» Сибири предписывала ревизорам сопоставить соразмерность ясака и других повинностей со «средствами существования» аборигенов, выявить «количество недоимок, способы их взыскания», особое внимание предписывалось уделить «правильному и необременительному» сбору ясака. Следует признать, что часть материалов ревизии уже введена в научный оборот, например М.М. Шмулевичем и А.С. Кузнецовым, однако возможности источника далеко не исчерпаны.

Важным источником для характеристики ясачной политики царизма 40–50-х гг. XIX в. являются дела и материалы сенаторской

ревизии И.Н. Толстого. Эта обширная группа документов содержит постановления, предложения Кабинета, правительственных чиновников по вопросам управления аборигенами края, предложения «Об улучшении ясачного сбора», деловую переписку членов ревизии и другие документы.

К числу наиболее интересных дел, характеризующих ясачную политику самодержавия в пореформенный период, относится группа дел фонда императорского Кабинета, объединенная под общим названием «Об улучшении ясачного сбора и о назначении в Восточную Сибирь чиновника от Кабинета для наблюдения и составления нового положения о ясаке». В хронологическом отношении они охватывают 40-летний отрезок времени примерно с 1850 по 1890 гг. Эти документы содержат сведения о разработанных центральной и местной администрацией проектах преобразования ясачного обложения в Сибири, материалы, иллюстрирующие состояние ясачного сбора в Сибири в 80–90-е гг. XIX в. В этой группе дел находим материалы о попытках замены ясачного сбора другими видами податного обложения, переложении ясака на землю и др.

Особый интерес Казны и Кабинета к сибирской «мягкой рухляди» наблюдается в 20–50-е гг. XIX столетия, т. е. в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Это объясняется прежде всего факторами экономическими. С одной стороны, блеск первых пудов сибирского золота заставил правительство по-новому взглянуть на зауральский край и возродил надежду на неисчерпаемость богатств Сибири, с другой – резкое сокращение поступления в яsak ценных сортов пушнины потребовало энергичных мер для приведения ясачного режима в соответствие с нуждами и потребностями императорского Кабинета.

Ясачные поступления натурой оказали положительное влияние на финансовый баланс Кабинета. Продажа этой пушнины с торгов и аукционов приносила Кабинету до 300 и более процентов прибыли [3, Л. 65-67]. Сами члены императорской фамилии постоянно испытывали потребность в дорогостоящих мехах, на что указывает обширная переписка, отложившаяся в фондах министерства императорского двора и Кабинета. Между тем на протяжении первой половины XIX в. ясачные платежи натурой неуклонно сокращались. В 30–40-х гг. XIX в. в Восточной Сибири – основном центре сбора ясака – они не превышали 9 % от совокупного размера ясачных

платежей [9, С. 195]. Аналогичное положение наблюдается и в Западной Сибири [14, С. 261]. Даже министр императорского двора князь П. М. Волконский в 1840 г. был вынужден признать, что «ясак, платимый сибирскими инородцами... с каждым годом видимо ослабевает. Ни количеством, ни качеством мехов не соответствует он ожиданиям правительства» [2, Л.18]. Не улучшились дела и после чрезвычайных мер, предпринятых в середине 40-х гг. сенатором-ревизором И. Н. Толстым. Весной 1850 г. Кабинет вновь докладывал Николаю I о постоянном упадке ясачного сбора натурой. В марте 1856 г. управляющий Кабинетом Е. И. В. обращал внимание генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева на то обстоятельство, что «Кабинет в последние годы получал соболей и лисиц не более десятой части противу оклада». Высокопоставленный чиновник с горечью констатировал, что нехватка мехов доходила до такой степени, что «Кабинет был вынужден покупать у здешних (петербургских. – Авт.) торговцев меха, требующиеся для особ высочайшей фамилии» [4, Л. 501]. В свете вышеизложенного вполне объяснимы причины, которые заставили правительство по-новому взглянуть на ясачную политику в Сибири в пореформенный период. Как бы подтверждая это, управляющий сбором ясака в Восточной Сибири Полонский в 1860 г. отмечал, что «увеличивающееся с каждым годом оскуднение ясака в последние годы сделалось столь заметным, что представляла необходимость в изыскании средств и принятии мер к восстановлению доходов Кабинета по ясачному делу рухлядью» [4, Л. 502 об.]. В марте 1859 г. последовал именной указ об определении в Восточную Сибирь чиновника для наблюдения за правильным сбором ясака [18, Л. 34250], издание которого было подготовлено всем ходом предшествующих событий.

Еще во время ревизии И. Н. Толстого Главные управления Восточной и Западной Сибири приступили к сбору сведений и составлению предложений, направленных на увеличение поступления в ясак пушнины. С этой целью были затребованы мнения всех губернских и областных начальников Сибири. Анализируя предложения местного чиновничества, нетрудно заметить, что сибирские должностные лица главной причиной сокращения ясака натурой считали свободную торговлю с аборигенами, провозглашенную Уставом 1822 г. и подтвержденную указом от 6 ноября 1831 г. [17, Л. 4918]. Поэтому местное начальство, как и прежде, продолжало

настаивать на отмене этого положения. Якутский губернатор внес также предложение об учреждении новой ясачной комиссии, которое, однако, под предлогом больших расходов было отклонено [3, Л. 1-9 об.].

С учетом мнения сибирской администрации Кабинетом были разработаны предложения «Об улучшении ясачного сбора». Проект Кабинета включает 78 пунктов, охватывающих важнейшие стороны ясачного режима. Прежде всего на себя обращает внимание жесткая регламентация форм и способов торговли с аборигенами. По вопросу о свободной торговле мнение Кабинета и сибирской администрации совпадали. Они отстаивали принцип запретительной торговли с коренными жителями, оставляя им право торговать только на ярмарках и сугланах, но и то по взносу ясака. «Инородческие» старосты обязывались собирать пушнину еще до отъезда родовичей на ярмарку и лично сдавать ее приемщикам ясака. Лишь после окончательного расчета разрешалось начинать торговлю. Пушнину, приобретенную купцами в обход этих правил, рекомендовалось конфисковывать. Половину ее следовало отправлять в Кабинет, а оставшуюся часть предлагалось передавать «поимщику».

В то же время проект Кабинета имел и определенные отличия от предложений местных властей. Так, например, Кабинет проектировал в недалеком будущем проведение нового «переобложения инородцев», при котором намечалось «ввести в ясак потребное для высочайшего двора шкуры черных, черно-бурых и красно-бурых лисиц и соболей первого сорта». Предусматривалась также передача в Кабинет той части пушнины, которая вносилась коренными жителями в счет земских сборов. За это предполагалось «удовлетворять» казну деньгами. Пока же, по мнению Кабинета, ясак следовало собирать «в том количестве и теми зверями, какие положены были второй ясачной комиссией».

Ряд статей проекта был посвящен вопросам контроля русской администрации за соблюдением новых правил. Проект требовал от земской полиции строго наблюдать «за исполнением предписываемого». В случае обнаружения «послаблений» предлагалось подвергать виновных «взысканиям... как за причинение ущерба казне». Однако, как выясняется, Кабинет перестал доверять и собственным чиновникам, благо и поводов для этого было более чем достаточно. Опасаясь возможных злоупотреблений, составители проекта

не только требовали запретить чиновникам какие-либо торговые сделки с аборигенами, но и «вообще не позволять им ни под каким предлогом посещать улусы и стойбища инородцев без разрешения губернского начальства». Этими же стремлениями было продиктовано требование «решительно воспретить» взнос денежного ясака вместо натурального. Хотя авторы проекта стремились объяснить свою позицию ссылками на то, что в случае «действительного неулова» зверей аборигены не имеют средств к получению денег, а «взносят их под сим предлогом потому, что шкуры продают частным торговцам», министр двора граф В.Ф. Адлерберг высказался на этот счет гораздо определеннее: «Подобное дозволение подавало повод к злоупотреблению... чиновников, собирающих ясак с инородцев, ибо бывали примеры, что они, получая оный шкурами, вносят от себя в казначейство деньгами», – писал он. В конечном итоге Кабинет как бы расписался в собственном бессилии, признав, что все эти меры не принесут никакой пользы, если за исполнением их «не будет наблюдаемо со стороны Кабинета», и предложил назначить в Восточную Сибирь – центр поступлений натурой – специального «управляющего сбором ясака и двух его помощников» [3, Л. 23, 29].

Вторая часть проекта Кабинета посвящена изложению обязанностей нового администратора. Предусматривалось, что это должен быть не ординарный, а особый, доверенный от Кабинета чиновник. Его назначение и увольнение зависело только от управляющего Кабинетом. Во время нахождения в Сибири он подчинялся «единственно генерал-губернатору». В иерархическом соподчинении должность управляющего сбором ясака приравнялась к пятому классу, т. е. по своему социальному положению этот человек должен был быть дворянином.

В обязанности управляющего прежде всего вменялось изучение вопроса о причинах ясачных недоимок и принятие мер к их предотвращению. Вновь назначаемый чиновник должен был систематически посещать ярмарки и сугланы с таким расчетом, чтобы ни один торг не остался «без посещения». На ярмарку управляющий обязывался прибывать за несколько дней до ее открытия и лично собирать ясак. Ценные шкуры следовало клеймить особыми печатями, а затем сдавать в уездное казначейство. Предложение это делалось с единственной целью – не допустить подмены сдавае-

мых в ясак ценных сортов пушнины низкосортными мехами чиновниками казначейства. В проекте делалось важное отступление от установившейся традиции принимать меха по заранее определенным ценам. Отныне сдаваемую в ясак пушнину предлагалось принимать по расценкам, существующим в частной торговле, а не «по тем, какие в окладных книгах показаны». Подобное новшество объясняется отнюдь не заботой Кабинета о благосостоянии аборигенов, а уже отмеченным нами стремлением предупредить утечку мехов на сторону.

Дело в том, что цены, существующие на высокосортную пушнину в частной торговле, были значительно выше приемных цен Кабинета. Поэтому промысловикам было гораздо выгоднее продавать пушнину частным торговцам, нежели сдавать ее в ясак. Предлагаемое новшество и имело целью ликвидацию материальной заинтересованности аборигенов в такого рода сделках. К недопущению последних было направлено и предложение о запрещении уплаты ясака деньгами. Управляющий сбором ясака должен был также наблюдать, чтобы на ярмарках и сугланах купцы не притесняли и не обманывали туземцев. Важной обязанностью вновь назначаемого чиновника являлось изучение вопроса о соответствии ясачного оклада уровню благосостояния аборигенов. С этой целью он должен был собирать сведения о количестве и качестве земель коренных жителей, о развитии у них хлебопашества, скотоводства и промыслов, о числе душ и т. д. Эти сведения должны были послужить основанием для нового переобложения аборигенов ясаком. В заключении проекта отмечалось, что его действие предполагается распространить только на Восточную Сибирь. В Западной Сибири сбор ясака следовало производить «на прежнем основании тамошними местными начальствами».

Ознакомившись с проектом Кабинета, генерал-губернатор Восточной Сибири нашел предложение об отправке в Сибирь особо доверенного чиновника «весьма полезным». Что же касается остальной части проекта, то в отзыве от 10 марта 1856 г. Н.Н. Муравьев осторожно намекнул на то, что хотя старые правила и не отвечают «справедливым пользам и требованиям Кабинета», однако и новые предложения не учитывают различные местные обстоятельства, особенно если «иметь в виду, чтобы не стеснить инородцев». Поэтому Н. Н. Муравьев предложил поручить управляющему сбором ясака под непосредственным

руководством генерал-губернатора «составить на месте проект новых правил для сбора ясака и вообще к лучшему устройству этой отрасли Кабинетских доходов» [3, Л. 31, 36, 39, 47].

Итак, рассмотренный проект Кабинета «Об улучшении ясачно-го сбора» содержал в себе те мнения и суждения, которые отразили общий взгляд правительства на народности Сибири в предреформенную эпоху как на потенциальных поставщиков пушнины. Такой взгляд был основан на прямом или косвенном признании бесправного положения этих народов в составе Российской империи. Их будущее прогнозировалось без учета тех серьезных изменений, которые происходили в социально-экономическом развитии аборигенов в первой половине XIX в.

В рассматриваемый период правительство еще не утратило надежды путем различных запретительных акций добиться резкого увеличения поступления в ясак пушнины. Это и предопределило в целом реакционный, а подчас и консервативный характер проекта императорского Кабинета. Что же касается предложений советов Главных управлений обеих частей Сибири, то их осуществление задержала не только намечавшаяся отправка в Сибирь специального чиновника. Предложения местной администрации встретили серьезное противодействие при рассмотрении их в марте 1858 г. министерством внутренних дел.

Необходимо отметить, что министерство отнюдь не возражало против стремления сибирской администрации и Кабинета добиться увеличения поступления ясачных платежей. Возражения сводились главным образом к вопросу о запрещении свободной торговли, что, по мысли министерства, могло повлечь за собой еще большие злоупотребления как частных торговцев, так и должностных лиц. Министерство признавало, что купцы, «торгуя по одиночке в селениях инородцев... могут в некоторых случаях обманывать их». Однако, резонно отмечали стражи порядка, такие обманы могут повториться и в тех случаях, «когда торговцы будут ездить по селениям партиями». Не было никакой гарантии, что чиновники, сопровождающие эти партии и призванные следить за соблюдением правил торговли, будут по-настоящему заботиться «об охране интересов туземцев». Особое опасение министерству внушало то обстоятельство, что деятельность самих чиновников из-за чрезвычайной отдаленности стойбищ аборигенов «не может подлежать наблюдению и контролю». Един-

ственный выход из создавшегося положения министерство видело в поощрении «правильной (свободной. – Авт.) торговли и возможном преследовании злоупотреблений в оной» [3, Л. 84-86]. Таково было окончательное мнение министра внутренних дел С. С. Ланского.

Поскольку речь шла об интересах «высочайшей фамилии», Ланской не решился представить свои соображения непосредственно в Сибирский комитет. Он счел за лучшее в предварительном порядке заручиться поддержкой председателя Кабинета. Ознакомившись с мнением министра, П. К. Мейендорф ответил, что вопрос о свободной торговле и сборе ясака с сибирских народов уже рассматривался Кабинетом. В Восточную Сибирь предполагается отправить специального чиновника, которому и поручить составление нового положения об ясаке. В феврале 1859 г. Ланской вновь просил сообщить ему окончательные результаты составления нового положения. Однако к тому времени подготовка материалов для доклада Александру II еще не была завершена и просьба министра осталась без ответа. Лишь в марте 1859 г. министр двора Адлерберг доложил императору о планах Кабинета, которые и получили высочайшее одобрение. 11 марта 1859 г. последовал именной указ о назначении в Сибирь управляющего сбором ясака.

Речь шла не о рядовом чиновнике, а о лице, облеченном «особенным доверием», поэтому Кабинет тщательно подбирал необходимую кандидатуру. Выбор Мейендорфа пал на медицинского советника Архангельского порта, статского советника Полонского. Последний характеризовался своим начальством «с самой лучшей стороны как весьма образованный и добронамеренный чиновник». Особое внимание было уделено изучению политической лояльности кандидата. С Полонского взяли расписку о том, что он не принадлежит «ни к каким масонским или тайным обществам внутри империи или вне ее существовать могущим и что впредь принадлежать к оным» не будет [3, Л. 216-222, 272]. В начале апреля 1859 г. последовало решение Кабинета о назначении Полонского в Сибирь для наблюдения «за правильным сбором ясака». После предварительного ознакомления с материалами по «ясачному делу» Полонский выехал в Иркутск, куда и прибыл 6 сентября 1859 г.

Таким образом, можно констатировать, что в конце 50-х гг. Кабинет предпринял еще одну попытку добиться увеличения ясачных поступлений натурой. Предложения Кабинета обрекали народы

Сибири на скитание по тайге в поисках «лучшего зверя», развитие товарно-денежных отношений в хозяйстве аборигенов игнорировалось и сдерживалось. Будущее народов Сибири прогнозировалось без учета реальных потребностей. Это была типичная политика консервации, рецидивы которой на протяжении XIX в. встречаются неоднократно, политика, внутреннее содержание которой определялось самой сущностью ясака как типичной феодальной ренты.

Принятие закона 19 января 1898 г. и замена подушных сборов и ясака оброчной и поземельной податями отнюдь не означали, что коронное ведомство отказалось от сбора ясака как такового. Ясак с кочевых народов Сибири взимался в пользу Кабинета вплоть до 1917 г. По сведениям Кабинета, его доход от сбора ясака в 1908 г. составил 127 162 руб., ясачный сбор «рухлядью» исчислялся в 280 руб. По мере проведения землеустройства народов Сибири ясак как бы «выкупался» у Кабинета министерством финансов. Ежегодный размер этих «выкупов» в первое десятилетие после опубликования закона о податной реформе составлял 125 152 руб. [5, Л. 2 об].

Для ясачной подати конца XIX столетия характерным явился процесс ее дальнейшей коммутации. Если применительно к 40–50-м гг. XIX в. можно говорить о «значительном развитии» денежных ясачных платежей [14, С.261], то уже в XX столетии сбор ясака осуществлялся почти исключительно деньгами. Ясачные поступления пушниной составляли совершенно незначительную часть общего размера ясачной ренты. В Томской губернии только в одном округе – Кузнецком – еще сохранились ясачные платежи натурой и то в очень небольших размерах – 564 руб. Аналогичная картина наблюдается и в других губерниях и областях Сибири. В Иркутской губернии аборигены платили ясак преимущественно деньгами и лишь иногда пушниной. Якутский губернатор в 1910 г. сообщал в Кабинет, что «кинородцы 20 лет, как не платят ясак рухлядью, вносят деньгами» [5, Л.10 об., 12]. По сведениям, собранным гражданскими губернаторами в 1910 г., незначительная практика сборов ясака пушниной продолжала существовать лишь в Западной Сибири. В августе 1910 г. Кабинет согласился получать весь ясак деньгами, а не пушниной [19, С. 218].

В то же время обращает на себя внимание довольно значительная численность аборигенов, уплачивающих не оброчную подать, а ясак. Это обстоятельство объясняется медленным введением по-

датной реформы, что явилось прямым следствием затянувшегося в Сибири землеустройства и консерватизма кабинетских чиновников. Неоднократные заявления представителей Кабинета в адрес депутатов Государственной думы в «скором времени» рассмотреть и решить вопрос о ясачном сборе [20, С. 22] являлись обычной ложью, направленной на сохранение этой самой архаичной формы податного обложения народов Сибири. В 1914 г. ясачный сбор с сибирских аборигенов составил 71 102 руб., в том числе в губерниях: Тобольской – 7 773 руб., Томской – 11 011 руб., Енисейской – 44 940 руб., Иркутской – 2 903 руб., в Забайкальской области – 44 940 руб. [20, С. 31]. В бюджетных ведомостях Кабинета ясачные поступления планировались вплоть до 1917 г.

В царской России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «инородцы» Сибири, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, кочевые «инородцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взыскания и т. д. сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин царской России, например кибиточной податью, взыскиваемой с народов Туркестана. Это свидетельствует о том, что аборигенное население окраин романовской империи наряду с национальным гнетом испытывало на себе самые архаичные формы податной эксплуатации [7, С. 143-144]. В то же время налоговая политика самодержавия в Сибири имела и свои особенности, обусловленные двойственным характером сибирской земельной собственности. В Сибири совместными собственниками земли выступали Казна и Кабинет. Последний, как совладелец земель, взимал в свою пользу ясак. Однако и Казна была совладельцем земель, находившихся в непосредственном распоряжении Кабинета. Казна взимала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчной податью. Кроме того, крестьяне и «инородцы» выступали и как арендаторы кабинетских земель, ибо выполняли государственные повинности.

Податная политика самодержавия в отношении народов Сибири определялась существующими экономическими условиями, когда совладельцами сибирских земель выступали Казна и Кабинет. Как

подданные государства, народы Сибири уплачивали определенные суммы на его содержание, участвовали в исполнении земских повинностей. Однако наиболее характерной формой эксплуатации народов Сибири был ясак. Хотя сибирские земли считались государственными, а коренные народы – подданными государства, ясак поступал в императорский Кабинет и составлял неотъемлемую собственность коронной фамилии. В конце XIX в. правительство отчасти осуществило замену ясачного сбора государственной оброчной податью. Однако и сам ясак как одна из форм податной зависимости народов Сибири от коронного ведомства существовал до 1917 г. Казна взимала в свою пользу разницу между среднегодовым окладом ясака и оброчной податью. Это указывает на известную противоположность финансовых интересов Казны и Кабинета, свидетельствует об устойчивости традиции паразитирования монархии за общегосударственный счет.

Ясак являлся одной из наиболее архаичных форм феодальной земельной ренты, выражавшей на практике не столько юридическую, сколько экономическую зависимость аборигенов от собственника земли. Всем своим существованием он был связан с коронной фамилией как одним из основных институтов самодержавия России. Ликвидация монархии в 1917 г. повлекла за собой и ликвидацию ясака как особой формы собственности.

В России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «инородцы» Сибири, кочевые «инородцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взимания сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин империи. Это свидетельствует о том, что аборигенное население азиатских окраин романовской империи испытывало на себе архаичные способы эксплуатации.

Список источников и литературы

1. ГАРФ. Ф. 109. 1 экз., 1852. Д. 135. Л. 51–52; ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 54.
2. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897.
3. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911.

4. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912.
5. РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325.
6. Базаров Б. В. Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв.: к 350-летию присоединения Бурятии к России // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. № 2. 2011. С. 14–19.
7. Буковецкий А. И. Финансово-налоговая политика царизма на колониальных окраинах России // История СССР. 1962. № 1.
8. Дамешек Л. М. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова // Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 21–46. См. так же: Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII–начало XX вв.). в Кн.: Дамешек Л. М. Избранное. Том I. Иркутск. Отгиск 2018. С. 196–211.
9. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII–начале XX веков. Иркутск. Издательство ИГУ, 2014. – 303 с.
10. Залкинд Е. М. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVII – первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма. Экономика, управление и культура Сибири XVII–XIX вв. Новосибирск, 1965. – С. 243, 245. Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917) : автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 1969. – С. 22.
11. Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. – С. 82.
12. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. 294 с.
13. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 2002. – 250 с.
14. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII– первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. – 308 с.
15. ПСЗ-I. Т. 21. № 15564.
16. ПСЗ-II. Т. 2. № 1197.
17. ПСЗ-II. Т. 6. Отд. 2. Л. 4918.
18. ПСЗ-II. Т. 34. Отд. 1. Л. 34250.
19. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
20. Стенографический отчет Государственной Думы. Доклады бюджетной комиссии 1913–1914 гг. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Доклад № 49. С. 22.

Козлов Федор Николаевич

Государственный исторический архив Чувашской Республики
Российская Федерация, Чебоксары
fedor1977@yandex.ru

ВСКРЫТИЕ МОЩЕЙ МОНАХА ВАССИАНА В Г. АЛАТЫРЬ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматривается история государственно-церковных отношений в первые годы советской власти. Фокус внимания сосредоточен на акции по вскрытию святых мощей. Акцент сделан на региональном опыте: попытке вскрытия в марте 1919 г. мощей схимонаха Вассиана в г. Алатырь Симбирской губернии.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Советская Россия, большевизм, вскрытие мощей, г. Алатырь, схимонах Вассиан.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-151-156

Kozlov Fedor Nikolaevich

State Historical Archive of the Chuvash Republic
Russian Federation, Cheboksary

OPENING OF RELICS OF THE MONK VASSIAN IN MYTHICAL STONE OF THE SIMBIRSK PROVINCE

In article history of the state and church relations in the first years of the Soviet power is considered. Focus of attention is concentrated on an action of opening of sacred relics. The emphasis is placed on regional experience: to attempt of opening in March, 1919 of relics of a skhimonakh of Vassian in. Mythical stone of the Simbirsk province.

Keywords: Russian Orthodox Church, Soviet Russia, Bolshevism, opening of relics. Mythical stone, skhimonah Vassian

Сто лет назад в нашей стране началась одна из первых масштабных антирелигиозных кампаний. По сути, она явилась одним из фундаментальных оснований будущей массовой атеистической пропаганды. Это потом раз за разом следовали различные богоборческие акции, но именно эта показала идеологический лик новой

власти и наиболее ярко вскрыла намерения лидеров страны Советов. Речь идет о кампании по вскрытию мощей. В борьбе с непримиримым врагом (а именно так относились В.И. Ленин и его сподвижники к Русской православной церкви) все средства хороши, а ударить по одному из ключевых звеньев – самое то. Акцент, по-своему, был поставлен удачно: разбей одну из основ веры – и пошатнется все здание. А что лучше укрепит твою власть и докажет правоту, если не падение авторитета оппонента?

Как отмечал профессор Московской духовной академии И.В. Попов в подготовленной в начале 1920-х гг. статье, словом «мощи» в славянском языке переведено греческое слово «липсана» и латинское «реликвия», что в буквальном переводе на русский язык означает «останки». Следовательно, этим словом обозначаются всякие останки умершего, все, что осталось от человеческого тела после его смерти. Если же обратим внимание на происхождение слова «мощи» от коренного «мощь» – сила, то станет очевидным, что словом «мощи» на славянском языке обозначаются не тела умерших, а именно только кости их, ибо сила, крепость человеческого тела, по общему убеждению, заключается именно в костях человека, а не в его теле (плоти) [подробнее см.: 1]. Но в России, как отмечает в своей дипломной работе выпускник Санкт-Петербургской духовной академии О. Губкин, широко было распространено мнение, что мощи должны быть обязательно нетленными [2]. Именно последнее обстоятельство сыграло роковую роль при проведении названной безбожной акции.

Большевики полагали, что почитание мощей это «один из способов одурачивания и обмана трудящихся масс», а потому этим самым «массам» нужно «своими собственными глазами и руками освидетельствовать мощи» и поклонение им само собой исчезнет. Несмотря на направленное Священным Синодом в марте 1919 г. в СНК РСФСР ходатайство о прекращении «освидетельствования» мощей [3, Д. 185, Л. 1–2], процесс набирал обороты: подводилась необходимая нормативная база в виде циркуляров и постановлений НКЮ РСФСР, ширилась география и росло количество вскрытых раков, проводилась фото- и киносъемка процедуры вскрытия (снятия с них покровов и облачений). Процесс должны были осуществлять священнослужители в присутствии представителей местных органов советской власти, ВЧК и медицинских экспертов. По итогам

вскрытия предписывалось составлять акт. Всего за 1918–1920 гг. было вскрыто по разным данным от 58 до 63 рак с мощами [4; 5; 6; 7; 8].

На территории современной Чувашии тоже не захотели остаться в стороне от общей тенденции и попытались провести показательное вскрытие мощей. Благо, был подходящий объект.

Город Алатырь с его величественными монастырями был давно известен как один из паломнических центров Среднего Поволжья. Слушатель Казанских миссионерских курсов Григорий Кокель в своем подготовленном в сентябре 1908 г. отчете о религиозном состоянии чувашей Буинского уезда Симбирской губернии констатировал, что чуваша-паломники «посещают Саров, Алатырь, Свяжск, Казань, Киев, Иерусалим и другие места» [9, С. 186]. Неудивительно, что именно здесь разыгрался один из актов общероссийской трагической акции. 17 марта 1919 г. на заседании Алатырского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов рассматривался вопрос о «мощах» местного преподобного Вассиана.

По данным исследователей, в 1748 г. по указу настоятеля Троицы-Сергиевской лавры в Алатыре начинает строиться первый в мужском монастыре каменный храм – в честь Живоначальной Троицы. 28 августа указанного года в ходе земляных работ по очистке места под будущее строительство нашли гроб, а в нем останки схимонаха Вассиана. Сведений о нем практически не имелось. Единственное, что знали алатырские старожилы: когда-то в Троицком монастыре жил и умер схимонах Вассиан. Был ли он настоятелем и строителем монастыря в 1697–1698 гг. или простым монахом – предание умалчивает. Целую неделю мощи простояли на открытом месте, а затем были перенесены в теплую церковь во имя преподобных Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, где оставались открытыми всю зиму. В мае 1749 г. мощи были освидетельствованы повторно; в полной сохранности оказались тело, одежда и гроб. Можно было даже ясно прочесть вышитые на схиме слова Священного писания. Над гробом постоянно служились панихиды, на поклонение мощам массами стекался народ, причем больные отламывали от гроба щепочки. Некоторые тут же получали исцеление. Но факты последнего тогда не записывались, и при вторичном опросе никто из жителей их достоверность не подтвердил. После

этого указом Синода епископу Нижегородскому и Алатырскому Вениамину (Пуцек-Григоровичу) было предписано предать тело земле [10, С. 178].

Несмотря на это, почитание не прекратилось. Схимник являлся страждущим и призывал отслужить панихиду на могиле, после чего больные исцелялись. 25 октября 1904 г. епископ Симбирский Гурий (Буртасовский) поручил благочинному 1-го округа Алатырского уезда протоиерею Николаю Диомидову проверить достоверность совершившихся при могиле Вассиана чудотворений, которые записывались в хранившуюся в монастыре особую книгу «Памятник». 8 октября 1905 г. был представлен отчет с подтверждением свидетельских показаний исцелившихся. Настоятель монастыря архимандрит Гавриил расширил усыпальницу схимонаха и устроил при ней церковь во имя свт. Димитрия Ростовского, которую 5 декабря 1905 г. освятил вышеупомянутый епископ Гурий. На гробнице Вассиана были положены железные вериги с крестом, которые нашли неподалеку в колодце. По преданию, подвижник носил вериги, но перед кончиной, избегая славы человеческой, попытался их скрыть [11].

В 1906 г. в Москве была издана книга «Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь и его подвижник схимонах Вассиан. С присовокуплением чудес, свершившихся при его могилке». Сбор сведений о чудесах и исцелениях по молитвам к схимонаху Вассиану продолжался и в последующие годы, однако революционные события 1917 года остановили прославление подвижника. С одной стороны, история не получила своего логического завершения, и Вассиан остался в числе тех многих, кто не был прославлен Православной церковью официально, а почитался лишь на уровне монастыря и приходской паствы. С другой стороны, именно этот факт сыграл решающую роль в том вердикте, который был принят представителями местной советской власти.

Итак, на заседании Алатырского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 17 марта 1919 г. был поднят вопрос о вскрытии местных «мошей» преподобного Вассиана, однако поскольку «останки схимонаха» не были канонизированы духовной властью и, соответственно, не могли оцениваться как «святые мощи», городской совет решил отказаться от намеченного мероприятия [12, Л. 12]. Решение местных властей, хотя и было

оно продиктовано чисто практическими соображениями, можно считать мудрым. Не погнавшись за результатом на фоне общей вакханалии в стране, они поднялись над сиюминутным интересом и ушли от обострения конфронтации со значительной частью населения. Хотя в других случаях действовали последовательно логике высших инстанций: был арестован и отправлен на Соловки настоятель монастыря архимандрит Даниил; существует предание, что последних насельников обители вывели прямо с литургии и расстреляли во дворе, а в культовых объектах и келиях расположились баянная фабрика и тюрьма НКВД. Дальнейшая судьба мошей во многом повторила судьбу многих других православных святынь. В 1920-е гг. иноки спрятали мощи на территории монастыря и до настоящего времени их местонахождение неизвестно [13].

Однако в памяти человеческой схимонах Вассиан остался, и поклонение ему обрело свое второе дыхание в 1990-е гг.: «пещерная» церковь Преподобного Серафима Саровского, где ранее находилась гробница схимонаха Вассиана, стала второй (после церкви в честь иконы Казанской Божией Матери) восстановленной церковью Свято-Троицкого мужского монастыря, был расчищен чудотворный родник на прежнем месте могилы угодника Божия, а в 2010 г. новый храм, возведенный рядом со зданием колокольни, был освящен в честь преподобного Вассиана Константинопольского.

Список источников и литературы

1. Попов И. В., проф. О почитании святых мошей // Журнал Московской патриархии. 1997. – № 1. – С. 74–79.
2. Губкин О. Русская православная церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы // Богослов: Научный богословский журнал: [электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/biblio/text/246503/index.html>.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 831. Оп. 1.
4. О ликвидации мошей: Постановление Народного комиссариата юстиции от 25 августа 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. – № 73. – Ст. 336.
5. Отчет VIII (ликвидационного) отдела Наркомата юстиции VIII Всероссийскому съезду Советов // Революция и Церковь. 1920. – № 9–12. – С. 72–82.
6. Рогозянский А. Б. Страсти по мощам: Из истории гонений на останки святых в советское время. СПб., 1998. – 160 с.
7. Серегина И. И. Кинодокументы РГАКФД: Антирелигиозная кампания Советского государства по вскрытию мошей православных святых в 1918–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2011. – № 3. – С. 151–161.
8. Циркуляр Наркомюста губисполкомам о ликвидации мошей // Революция и Церковь. 1919. – № 6–8. – С. 124–125.

9. Христианское просвещение чувашского народа в оценке духовных лиц: документы и материалы последней трети XIX – первых десятилетий XX вв. / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары, 2017. – 416 с.
10. Кочетков В. Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории города Алатыря и уезда в XVIII в. Чебоксары, 2015. – 412 с.
11. Вассиан Алатырский // Древо: открытая православная энциклопедия: [электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/21880.html>.
12. Государственный архив Ульяновской области. Ф. Р–200. Оп. 2. Д. 306.
13. Светлую память о подвижнике схимонахе Вассиане свято берегут в Алатыре // Православный благотворительный фонд «Алатырь»: [электронный ресурс]. URL: http://alatyrfond.org/index.php?option=com_content&view=article&id=177&Itemid=589

Малыгина Екатерина Евгеньевна
Национальный архив Республики Хакасия
Российская Федерация, Абакан
narh_19@mail.ru

**ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ХАКАСИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В
СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ И
ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАН**

В статье описаны направления и формы работы Национального архива Республики Хакасия по популяризации и использованию архивных документов в сфере социокультурного образования и гражданско-патриотического воспитания.

Ключевые слова: архивные документы, информационные мероприятия, социокультурное образование, патриотическое воспитание.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-157-161

Malygina Ekaterina Evgenevna
National Archives of the Republic of Khakassia
Russian Federation, Abakan

**DOCUMENTARY HERITAGE OF KHAKASSIA:
THE POSSIBILITY OF USING IN SOCIAL AND CULTURAL
EDUCATION AND PATRIOTIC EDUCATION OF CITIZENS**

The article describes the areas of work, activities of the National archive of the Republic of Khakassia on the promotion and use of archival documents in the field of socio-cultural education and patriotic education.

Keywords: archival documents, information events, socio-cultural education, patriotic education.

В настоящее время государственная политика нашей страны направлена на развитие целостной системы социокультурного развития и патриотического воспитания как внутренних мобилизующих ресурсов развития общества и нравственных основ жизнеспособности государства.

Архивные источники – это естественный и необходимый компонент ретроспективной информации, один из важнейших факторов полноценного понимания истории и культуры общества. Фиксируя ключевые аспекты становления и развития всех сфер общественной жизни, архивные документы являются важным информационным каналом, обеспечивают повышение общественного сознания, преемственность связей поколений и позволяют формировать у граждан высокую общую культуру, патриотические чувства и сознание на основе исторических ценностей России и родного края, воспитывать любовь к своей «малой» Родине.

Национальный архив Республики Хакасия, имея богатый состав Архивного фонда, является важной источниковой базой регионального значения для социокультурного образования с учетом этнокультурных аспектов, воспитания гражданственности, толерантности, сохранения и актуализации традиций, культур и религий.

Говоря о потенциале использования архивных источников в сфере социокультурного образования и развития гражданско-патриотического воспитания, на первый план выступает проблема доступности архивных источников, решение которой возможно через расширение форм использования и популяризации документов и издательскую деятельность.

В целях популяризации архивных документов Национальный архив Республики Хакасия использует разные формы работы. Такие как:

- информационное обеспечение пользователей в читальном зале;
- издание архивных документов в различных формах;
- использование документов в медиапространстве;
- экспонирование документов на выставках (стационарных, передвижных, электронных);
- проведение информационных мероприятий с использованием документов.

В аспекте решения обозначенной проблемы Национальный архив постоянно ведет работу по расширению форм использования и популяризации архивных документов, организуются:

- документальные выставки, в том числе электронные (специально для размещения электронных выставок на сайте Архива был создан раздел «Интернет-выставки». Архивные экспозиции, разме-

щенные на сайте, делают ретроспективную информацию доступной практически неограниченному количеству пользователей);

– проводятся информационные мероприятия, многие из которых стали уже традиционными.

Так с 2016 года в Национальном архиве Хакасии работают два больших республиканских культурно-образовательных проекта для школьников и студентов, направленных на воспитание патриотизма молодежи с учетом этнокультурной многонациональной специфики нашего региона: «Моя история – история России» и «Школа архивиста».

Проект «Моя история – история России», ориентированный на развитие исторического мышления ребят и воспитание гражданско-патриотической позиции, включает в себя такие мероприятия, как:

– цикл мероприятий «Великий май Великой Победы», посвященный участникам ВОВ из Хакасии, и подготовленный на основе документов, писем, фотографий и воспоминаний наших земляков – участников войны, хранящихся в фондах архива;

– цикл мероприятий «Во имя правды», посвященный Дню памяти жертв политических репрессий, подготовленный на основе официальных документов и воспоминаний местных жителей и представителей депортированных народов, чьи документы хранятся в архивных фондах;

– цикл мероприятий «В единстве наций – единство России», подготовленный по документам национальных общественных объединений, находящихся на государственном хранении;

– цикл мероприятий «Дела, давно минувших дней, хранят в себе архивы...», приуроченный ко Дню знаний и посвященный истории Хакасии.

Историко-культурный образовательный проект «Школа архивиста» направлен на обучение умению работать с архивными источниками в целях изучения истории своей семьи и родного края, и объединяет следующие мероприятия:

– дни открытых дверей «История в деталях», посвященные истории архивной службы и деятельности архивов;

– республиканский конкурс учебно-исследовательских работ учащихся Республики Хакасия «Юный архивист», организованный для учащихся 8-11 классов общеобразовательных учреждений Республики Хакасия, интересующихся историей родного края, с целью привлечения ребят к работе с архивными источниками;

– профориентационная площадка «Хранить, нельзя уничтожить». Данное мероприятие организовано в форме деловой игры, в ходе которой ребята пробуют себя в роли архивиста и узнают работу каждого отдела архива на своем личном опыте;

– площадка «Мой семейный архив», в рамках которой для каждой группы ребят проводятся два теоретико-практических занятия по изучению истории рода и оформлению родословной.

Специалисты архива рассказывают ребятам как искать информацию о родственниках в семейном архиве, как правильно хранить семейные документы и фотографии, проводят экскурсию в архивохранилище, учат работать с метрическими книгами и архивными документами в целом, рассказывают о других источниках, из которых можно почерпнуть информацию о своей семье, знакомят с видами оформления родословных. Каждый участник данной площадки получает памятку по составлению родословной, разработанную специалистами Национального архива, чтобы важная информация всегда была под рукой и позволила поэтапно и грамотно собирать материал для генеалогического исследования. На заключительном третьем занятии ребята представляют результаты своей работы в виде презентации своих генеалогий.

Говоря о социокультурном образовании и патриотическом воспитании граждан, прежде всего мы имеем в виду молодое поколение, но тем не менее, Национальный архив Республики Хакасия ведет также активную работу с людьми старшего поколения.

С 2011 года на базе Национального архива работает Историко-архивный клуб «Краевед Хакасии», который был создан с целью расширения доступности документальных архивных источников Национального архива. В работе Клуба принимают участие историки, ученые, преподаватели, студенты, но основную массу составляют именно пенсионеры, интересующиеся историей и краеведением. С 2015 года постоянные члены клуба принимают участие в мероприятиях Национального архива, организуемых для школьников и студентов. Студенты, в свою очередь, принимают активное участие в конференциях и архивных чтениях, организуемых Национальным архивом. Такое тесное взаимодействие представителей разных возрастных групп позволяет сохранить преемственность поколений и способствует трансляции социокультурных ценностей.

Уже не первый год Национальный архив Хакасии взаимодействует с Хакасским институтом развития образования и повыше-

ния квалификации. В рамках данного сотрудничества архивисты проводят семинары для учителей истории для их привлечения к активному взаимодействию в аспекте обсуждения общих важных вопросов воспитания гражданско-патриотической позиции молодежи и привлечения учащихся к архивным первоисточникам.

Не менее важным путем решения проблемы доступности архивных источников является издательская деятельность. Опубликованные сборники архивных документов, перечни фондов, путеводители, материалы конференций дают основу для написания научных, краеведческих работ, проведения генеалогического поиска, а также ориентируют в многообразии документов.

В 2015 году Национальный архив Республики Хакасия стал участником V Международного историко-культурного форума «Сибирь Ил», в ходе которого акцентировал внимание на проблемах доступности архивных источников и их профессионального использования. В аспекте решения этих проблем, нами были предложены возможные пути их решения, в том числе через издание сборников архивных документов в качестве приложений к учебным пособиям по региональной истории, отражающие, в том числе, и этнокультурное наследие региона.

В настоящее время ведется подготовка учебника по истории Хакасии, к которому по нашей инициативе будет подготовлено приложение в виде сборника архивных документов по истории Хакасии.

Таким образом, несмотря на то, что важнейшая задача архивов сохранять, Национальный архив Республики Хакасия своей приоритетной и перспективной целью видит использование документального наследия для наиболее полной социализации молодого поколения, развития гражданской ответственности, духовности, сохранения преемственности поколений на основе исторической памяти, примерах героического прошлого народа, приобщение к традициям и культуре нашего региона и страны в целом.

Реализация этой цели в полной мере возможна через расширение форм работы в рамках межведомственного взаимодействия с образовательными учреждениями всех уровней и совместное издание сборников архивных документов (в качестве приложений к учебным пособиям, учебникам по истории региона).

Голубцова Екатерина Валериевна
Национальный архив Республики Хакасия
Российская Федерация, г. Абакан
narh_19@mail.ru

**РОЛЬ ОТЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
В ИССЛЕДОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ХАКАСИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В данной статье проанализировано значение отчетной документации для исторических исследований. Актуальностью статьи стало использование количественного метода для наиболее эффективного извлечения информации из отчетов культурно – просветительных учреждений Хакасии в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: отчетная документация, количественный метод, культурно–просветительные учреждения Хакасии, Великая Отечественная война.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-162-167

Golubtsova Ekaterina Valerievna
National Archives of the Republic of Khakassia
Russian Federation, Abakan

**THE ROLE OF REPORTING DOCUMENTATION IN THE
ACTIVITY RESEARCH CULTURALLY – EDUCATIONAL
INSTITUTIONS OF KHAKASSIA IN THE YEARS OF GREAT
PATRIOTIC WAR**

In this article the value of reporting documentation for historical researches is analysed. Use of a quantitative method for the most effective extraction of information from reports culturally – educational institutions of Khakassia in days of the Great Patriotic War became relevance of article.

Keywords: reporting documentation, quantitative method, cultural and educational institutions of Khakassia, Great Patriotic War.

Великая Отечественная война занимает в истории нашей страны особое место. Для советского государства она явилась не только труднейшим испытанием, но в этот период проявилась сила, героизм и сплоченность всего советского народа. При всем многообразии научных трудов, посвящённых истории Великой Отечественной войны в целом, эта тема до настоящего времени остается малоизученной. В настоящее время актуальными становятся региональные исследования, посвященные трудовым будням тыла, для изучения которых необходим анализ архивных источников.

Для исследования деятельности культурно – просветительских учреждений Хакасии, таких как Хакасский областной музей, Драматический театр и кинотеатр «Победа» в годы Великой Отечественной войны, необходимо проанализировать официальные документы, которые являются самым многочисленным видом архивных источников.

Из всего комплекса документов наиболее показательными и отражающими деятельность учреждения являются отчеты о работе. Отчетная документация – это необходимая составная часть исследования, так как она содержит в себе не только итог за год, но и план, цели и задачи на будущий год.

Для наиболее эффективного извлечения информации из отчетной документации следует использовать разные методы источниковедческого анализа архивных источников. В современной исторической науке большое внимание уделяется не только качественной, но и количественной информации.

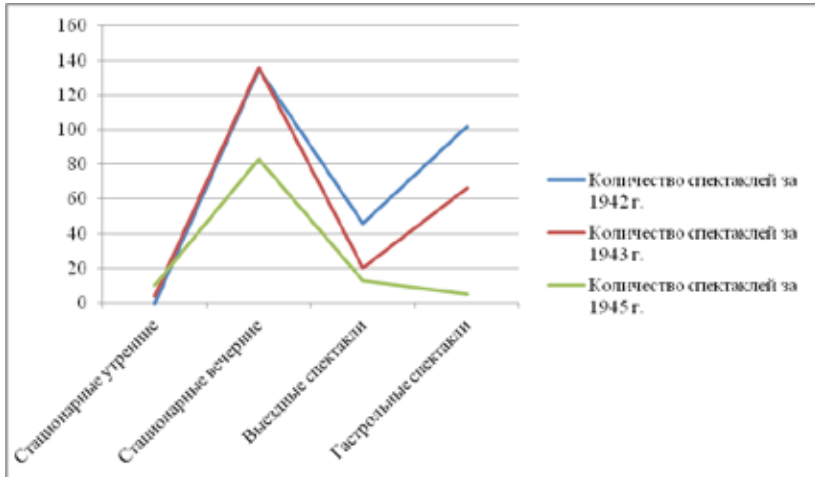
Применение выборочного метода исследования позволяет получить из комплекса документов сведения об изучаемом явлении или процессе с помощью отбора. В отчетах культурно-просветительных учреждений, с помощью данного метода, можно извлечь информацию о количестве мероприятий (спектаклей, экскурсий, киносеансов), предпочтения во времени предоставления услуг (утренних, дневных, вечерних), о возрастном контингенте посетителей (взрослые, дети), а также доходы, расходы и затраты учреждений. Количественный анализ содержания отчетных документов военного времени позволяет выявить устойчивые тенденции агитационного патриотического воспитания молодежи и поднятие боевого духа у тружеников тыла, а также новые направления деятельности учреждений культуры.

В изучении региональной истории Национальный архив Республики Хакасия является важнейшей источниковой базой. Так, например отчетная документация о деятельности музея находится на государственном хранении в архивном фонде Р-603 «Хакасский Областной краеведческий музей». Анализ отчетов краеведческого музея за годы Великой отечественной войны показал, что музей посетили более 23 тыс. чел., проведено более 200 стационарных экскурсий и около 18 тыс. выездных агитационных лекций, которые были направлены на патриотическое воспитание и поднятие боевого духа и способствовали тому, что помимо школьников области все чаще музей посещали группы призывников и красноармейцев [1, Л. 34]. Также сотрудники музея проводили большую работу с ранеными бойцами, находящимися на лечении в госпиталях города. Создавали выставки патриотических тематик, проводили агитационные беседы с тружениками тыла.

Изучая отчеты Хакасского областного краеведческого музея, можно узнать информацию о том, с какими проблемами столкнулся краеведческий музей, какие вопросы стояли на повестке дня в этот период, какие пути решения выдвигались. Исходя из данных, представленных в отчете можно узнать структуру музея, какие действовали отделы, какую проводили научно-исследовательскую работу, какие фонды музея удалось сохранить.

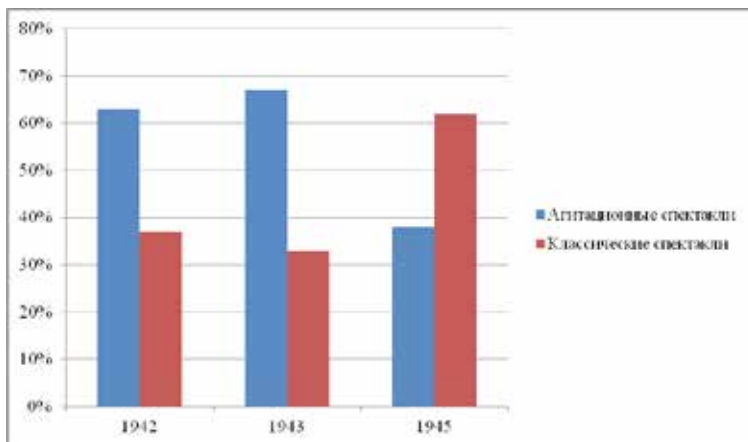
В Национальном архиве Республики Хакасия хранятся отчеты Драматического театра им. М.Ю. Лермонтова за 1942, 1943, 1945 гг. Анализ отчетов за годы Великой отечественной войны показал, что общая творческая линия и репертуар театра определялись темами и задачами, которые стояли перед всем советским народом, ведущим Великую Отечественную войну. Новым направлением работы театра стали выездные спектакли для тружеников тыла, которые были направлены на поднятие боевого духа [2, Л. 37].

Количество спектаклей за 1942,1943,1945 гг.

Анализ количества спектаклей за 1942, 1943, 1945 гг. показал, работа в военные годы проходила на одном уровне. С 1943 г. помимо вечерних стационарных спектаклей стали проводиться утренние стационарные спектакли [3].

Количество зрителей, посетивших театр за 1942,1943,1945 гг.
(в разрезе по тематике спектаклей)

Анализ данных о количестве зрителей, посетивших театр в 1942, 1943, 1945 гг. показал, что до 1943 г. преимущественно привлекали военные (агитационные) спектакли, к концу войны большим спросом пользовались именно классические постановки [4].

Проанализировав отчетные документы Драматического театра с помощью количественного метода, можно отследить выполняемость основных показателей театра: количество спектаклей, представленных за год (утренних, вечерних), число обслуженных зрителей и репертуар театра. Из анализа документов можно сделать вывод, что в годы Великой Отечественной войны коллектив Областного театра Русской драмы провел большую агитационную работу по перестройке репертуара на военный режим.

Предпоследний, 1944 военный год в Республики Хакасия знаменателен открытием кинотеатра «Победа». В архивном фонде «Хакасское областное управление кинофикации» на государственном хранении в ГКУ РХ «Национальный архив» имеется отчет о работе за 1945 год. Благодаря отчету кинотеатра «Победа» можно сделать вывод о том, что в соответствии с решением Хакасского областного совета народных депутатов трудящихся в конце декабря 1944 г. приступили к эксплуатации выстроенной части зрительного зала на 500 мест [5, Л. 32].

Большой интерес представляет раздел VII «Выполнение государственного плана по сеансам, посещению и валовому сбору, в котором говорится, что первыми фильмами, которые были показаны в кинотеатре стали: «Яков Свердлов», «Броненосец Потемкин», «Мы из Кронштадта», «Умей владеть ручным пулеметом», «Тайга» и др. [6, Л. 20].

Выполнение государственного плана по сеансам

План		Фактическое выполнение	
Сеансы	Зритель	Сеансы	Зритель
1440	488	1185	365481

Из таблицы следует, что первый год работы кинотеатр «Победа» план перевыполнял: сеансы на 82 %, зрителей в 748 раз [7, Л. 20]. В сложных условиях военного времени кино, глубоко связанное с

жизнью, развивалось и расцветало, помогало воспитанию советских людей, их духовному росту.

Исследование отчетной документации в целом позволяет выявить, что входило в полномочия культурно-просветительных учреждений. Отчетных документов по периоду Великой Отечественной войны в фондах ГКУ РХ «Национального архива» не очень много, поэтому каждый такой документ будет полезным для исследования деятельности культурно-просветительных учреждений.

Информационная ценность отчетных документов может зависеть от объема сведений, содержащихся в архивном источнике. В отчетах содержатся и удостоверяются разные сведения, события и факты. Информация, представленная в документах, считается официальной. Используя отчетную документацию, исследователь в своем труде может ссылаться на конкретные фамилии, конкретные количественные данные для подтверждения своей точки зрения по какому-либо вопросу. Кроме того, с помощью количественного анализа отчетов, могут быть представлены уникальные детали, которые могут сделать исследование более ценным. Таким образом, отчетная документация дает исследователю возможность объективно анализировать все стороны деятельности организации.

Список источников и литературы

1. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 603. Оп.1. Д. 4. Л. 34.
2. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 461. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.
3. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 461. Оп. 1. Д. 2, 4, 8.
4. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 461. Оп. 1. Д. 2, 4, 8.
5. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 336. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
6. Там же. Л. 20.
7. Там же. Л. 20.

Гусакова Татьяна Сергеевна
Национальный архив Республики Хакасия
Российская Федерация, Абакан
narh_19@mail.ru

**ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ ПО ПЕРИОДУ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЛИЧНОМ ФОНДЕ
Н.С. АБДИНА**

В статье дается характеристика документов Национального архива Республики Хакасия по периоду политических репрессий, отразившаяся в личном фонде Николая Степановича Абдина. Отмечается большая роль Н.С. Абдина в деле реабилитации пострадавших в ходе политических репрессий.

Ключевые слова: репрессии, реабилитация, Национальный архив Республики Хакасия, воспоминания, документы.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-168-171

Gusakova Tatiana Sergeevna
National Archives of the Republic of Khakassia
Russian Federation, Abakan

**DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE REPUBLIC
OF KHAKASSIA ON THE PERIOD OF POLITICAL
REPRESSION IN THE PERSONAL FUND N.S. ABDIN**

The article describes the documents of the National Archives of the Republic of Khakassia for the period of political repression, reflected in the personal fund of Nikolai Stepanovich Abdin. The great role of N.S. Abdin in the rehabilitation of victims in the course of political repressions is noted.

Keywords: repression, rehabilitation, the National Archives of the Republic of Khakassia, memoirs, documents.

Миллионы людей погибли и пострадали в ходе политических репрессий, точное количество пострадавших до сих пор неизвестно, ведь репрессиям подвергался не только тот человек, которому

было предъявлено обвинение, но и все члены его семьи. Эта трагическая страница истории нашей страны затронула судьбы многих наших земляков, разных социальных слоев, возрастов, национальностей. В Хакасии только по приблизительным данным за годы репрессивной политики были осуждены более 5000 человек, из них около 70% подверглись высшей мере наказания [1, С. 13]. В связи с этим изучение периода политических репрессий не перестает оставаться актуальным, по-прежнему на хранении имеются документы, не введенные в научный оборот и создающие базу для новых исследований.

Во многих архивных фондах, хронологические рамки документов которых захватывают 1920-1950 гг., в документах встречаются прямые или косвенные свидетельства о репрессиях. Такие документы в основном сохранились в фондах уездных и районных исполнительных органов власти.

Наравне с документами фондов учреждений, организаций и предприятий, материалы архивных фондов личного происхождения являются неотъемлемой частью документального составляющего Национального архива, а также являются ценнейшим источником в изучении истории, различных событий и фактов.

На хранении в Национальном архиве имеется личный фонд Р-911 Николая Степановича Абдина – первого председателя общества Хакасской общественной организации жертв политических репрессий «Мемориал».

В данном фонде находятся 47 единиц хранения, более половины фонда составляет раздел документов, о репрессиях и репрессированных гражданах Хакасии. Интерес для исследования представляют как собранные статьи различных авторов по данной тематике, так и научные труды самого Николая Степановича. Статьи, выступления, тезисы докладов, по вопросам репрессий отражают огромную работу, которая была проведена для восстановления честных имен наших земляков и соотечественников [2].

В личном фонде отложились документы, отражающие различные периоды репрессивной политики, так например, сохранились документы периода коллективизации, где наибольший интерес вызывают сведения о кулацких хозяйствах. В данных сведениях проводится анализ хозяйств по районам Хакасского округа, по национальному, половому, количественному признаку.

Большой интерес для исследователей представляют статистические материалы, где имеются количественные данные о высланных кулаках за пределы Хакасии [3].

Период «Большого террора» также нашел свое отражение в документах фонда. На хранении отложились списки репрессированных, сведения о количестве расстрелянных граждан по отдельным населенным пунктам, и в целом по Хакасии [4]. В данных списках отразились личные и биографические данные пострадавших, причины их ареста, а также статьи, по которым они были осуждены. Данные материалы впоследствии послужили источниками для издания Книги Памяти по Республике Хакасия. Также Николаем Степановичем были собраны официальные документы – постановления, приказы, циркуляры органов власти, НКВД, КГБ [5].

Помимо официальных документов интерес вызывают личные документы самих репрессированных: документы биографического характера, различные справки, копии архивных документов, заявления. Тяготы переносимых испытаний отразились в письмах, которые люди писали своим родным [6].

Интерес представляет и личная переписка. Большой массив писем из разных уголков нашего государства составляют просьбы родственников людей, которые подверглись репрессиям, о помощи в проведении их реабилитации [7].

Еще в довоенное и военное время одной из форм репрессий в отношении отдельных народов была депортация, которая в тот период времени объяснялась обеспечением безопасности страны. Так в Хакасию, как и во многие другие регионы, были депортированы такие народы как: немцы, поляки, финны, греки, калмыки и другие.

В личном фонде Николая Степановича сохранились сведения о наличии спецпоселенцев в Хакасии, личные документы депортированных людей, карточки, анкеты.

Особого внимания заслуживают воспоминания людей депортированных в Хакасию. Эти воспоминания, дополняют общую картину происходивших в нашей стране процессов.

С 1991 г. Николай Степанович вел активную работу по реабилитации пострадавших в ходе репрессий. Благодаря его усердному труду в Республике Хакасия не только активизировалась работа по реабилитации, но и было сделано всё для сохранения памяти о погибших и пострадавших людях.

С момента поступления в 2010 г. личного фонда Н.С. Абдина на государственное хранение он не перестает пользоваться интересом исследователей, а документы, содержащиеся в данном фонде, существенно дополняют официальную документацию.

Сохранившиеся документы в личном фонде Н.С. Абдина о периоде политических репрессий представляют научно-историческую ценность и служат основой для принятия решений по реабилитации репрессированных лиц и восстановлению их в гражданских и имущественных правах.

Несмотря на то, что пик реабилитации пострадавших в ходе политических репрессий состоялся в 1990-е гг., в связи с рассекречиванием новых документов эта работа по-прежнему не прекращается, а данная тематика продолжает оставаться актуальной и вызывает интерес у исследователей и родственников репрессированных, а также у всех тех, кто интересуется историей нашего государства.

Список источников и литературы

1. Абдин Н.С. Политические репрессии в Хакасии // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920-1950-е годы). Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, проходившей 20 декабря 2000 г. В г. Абакане./ Отв. Ред. А. П. Шекшеев. – Абакан: Журналист, 2001. – С. 13-20.
2. Государственное казенное учреждение «Национальный архив». ФР. 911. Оп. 1. Д. 4.
3. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 911. Оп. 1. Д. 13.
4. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 911. Оп. 1. Д. 14.
5. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 911. Оп. 1. Д. 20.
6. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 911. Оп. 1. Д. 11.
7. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 911. Оп. 1. Д. 7.
8. ГКУ РХ «Национальный архив». ФР. 911. Оп. 1. Д. 19.

Шаламова Светлана Александровна
Государственный архив Иркутской области
Российская Федерация, Иркутск
swetlana15x@ya.ru

КЛИРОВЫЕ ВЕДОМОСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИЧТА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО II ПОЛ. XIX В.

В данной статье автор характеризует Клировые ведомости как исторический источник по изучению православной церкви и штата церковнослужителей в Восточной Сибири во II половине XIX в. и выявляет специфику документа на примере Клировой ведомости Торейской Богоявленской церкви Селенгинского округа Забайкальской области Иркутской епархии.

Ключевые слова: клировые ведомости, исторический источник, православная церковь, штат церковнослужителей, священник, Иркутская епархия, Восточная Сибирь.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-172-178

Shalamova Svetlana Aleksandrovna
State Archives of the Irkutsk Region
Russian Federation, Irkutsk

KLIROVYE VEDOMOSTI AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE HISTORY OF THE ORTHODOX CHURCH AND THE PIER IN EASTERN SIBERIA IN THE II HALF OF THE XIX CENTURY

In this article the author characterizes the Klirovye Vedomosti as a historical source for the study of the Orthodox Church and the state of clerics in Eastern Siberia in the second half of the XIX century and reveals the specifics of the document on the example of the Klirovye Vedomosti of the Torey Church of the Epiphany of the Selenga district of the Trans-baikal region of the Irkutsk diocese.

Keywords: klirovye vedomosti, historical source, the Orthodox Church, the state of the clergy, priest, diocese of Irkutsk, Eastern Siberia.

В связи с возросшим интересом общества и государства к истории религии и церкви, особый интерес для исследователя представляют документы, характеризующие церковь, штат священно-церковнослужителей. В этой связи Клировые ведомости, составляющие базовую часть документов 50 фонда Иркутской духовной Консистории (1746–1918) Государственного архива Иркутской области являются важнейшим источником по истории церкви в Восточной Сибири. Следует отметить, что Клировые ведомости имели свою специфику и структуру.

Клировые ведомости представляли собой официальный документ о службе лиц духовного сословия. Впервые ведомости были введены 20 января 1769 года под названием «именных списков всем лицам духовного звания православного исповедания» [1, С. 235]. Это были важнейшие документы, на основе которых в консистории решались практически все вопросы, касающиеся приходов и церковнослужителей. В этом контексте Клировые ведомости являются уникальным источником для изучения родов церковнослужителей и церкви в целом.

Клировые ведомости составлялись в каждом храме для церковного руководства, в них была представлена подробная информация о его служителях и приходе. Форма ведомостей была установлена в 1829 году и уточнялась в 1876, 1909 гг. Клировые ведомости состояли из трех частей.

Первая часть содержала сведения о здании церкви, церковном имуществе и доходах, наличии школ и богаделен, удаленности от благочиния и консистории. Для исследователей церкви и потомков церковнослужителей наибольший интерес представляет вторая часть ведомостей, которая включала послужные списки причта. В них указывались: фамилия, имя, отчество, дата рождения (возраст указывался на основании метрических свидетельств), семейное положение, степень родства, сословие, образование, место службы, должность, награды, владение землей и недвижимостью, нахождение под судом лиц духовного звания. Кроме того, в них были внесены все дети членов причта, если даже они проживали отдельно от семьи. Дети указывались вне зависимости от возраста и занятия, если сын, или дочь состояли в браке, в ведомости сообщались сведения о супруге (фамилия, имя, возраст, занятие) [2, Л. 104].

В третьей части давались статистические данные по приходу, где перечислялись деревни и починки, относящиеся к данному приходу, с указанием числа дворов, душ мужского и женского пола, расстояния от населенного пункта до церкви. Обычно велось два экземпляра Клировых ведомостей, один из которых оставался в приходе, а второй подавался в консисторию. В настоящее время Клировые ведомости хранятся, как в федеральных, так и в региональных архивах. Клировые ведомости составляют значительную часть документов 50 фонда Государственного архива Иркутской области.

В ходе работы по выявлению особо ценных документов в 50 фонде Иркутской Духовной Консистории Государственного архива Иркутской области и анализа описи 1 дел постоянного хранения за 1875–1891 гг. выяснилось, что среди разного рода документов по истории церкви, Клировые ведомости занимают особое место. На основании Клировых ведомостей церковей можно судить о жизнедеятельности церковей и причта в Иркутской Епархии. Напомним, что Иркутская духовная Консистория была образована в 1746 году и являлась важным церковно-административным органом самостоятельной Иркутской епархии, учрежденной в 1727 году. Ее первым главой был Иннокентий (Кульчицкий), именовавшийся епископом Иркутским и Нерчинским.

В рассматриваемый период с 1873 по 1892 гг. епархию возглавлял архиепископ Вениамин III (Василий Благодравов), которому удалось восстановить единовластие в управлении епархией и ввести строгий контроль над финансовой деятельностью церковей [3, С. 8-17]. Границы епархии неоднократно менялись и пересматривались. В 1834 г. образовались Томская и Енисейская епархии и границы Иркутской епархии уменьшились. В 1840 году из восточной окраины Иркутской епархии были образованы: Камчатская, Курильская и Алеутская. В 1852 г. в состав епархии вошла территория Якутии [4, С. 35].

Таким образом, если в начале XIX века Иркутская епархия охватывала огромную территорию, включая всю Восточную Сибирь, Якутию, Дальний Восток, Аляску и Алеутские острова, то с выделением из ее состава самостоятельных Камчатской (1840) и Забайкальской (1894) Епархий, территория Иркутской Епархии значительно уменьшилась. К началу XX века границы Иркутской

Епархии практически полностью совпадали с границами Иркутской губернии.

Вся церковная документация, в т.ч. и Клировые ведомости по округам поступали в Иркутскую духовную консисторию, что позволяло духовному ведомству судить о положении дел на местах.

Специфику Клировых ведомостей, как исторического источника можно проследить на примере Клировой ведомости Торейской Богоявленской церкви Селенгинского округа Забайкальской области Иркутской Епархии за 1889 г. В первой части Клировой ведомости дана характеристика церкви. Отмечалось, что Торейская Богоявленская церковь была построена в 1876 году усилиями прихожан [2, Л. 103]. Новая церковь появилась на месте старой деревянной, которая сгорела от неизвестных причин 3 января 1871 г. со всем имуществом и церковной утварью [5, Л. 3]. Здание церкви было деревянным с колокольней на каменном фундаменте с одним престолом. Однако утварью и ризницей она была скудна. По штату церкви был положен один священник и псаломщик, а в мае вместо штатного дьякона был назначен второй псаломщик. Что касается земельной собственности, то усадебной и пахотной земли церкви не полагалось, за исключением сенокосной из 55 десятин для нужд причта. При этом плана и межевой книги на владение данной землей у церкви не было. Указывалось, что священник и псаломщик жили в неудобных квартирах. Как правило, из казны на содержание причта выделялось жалованье, священник получал 120 рублей, псаломщик 40 рублей. Кроме денежного довольствия церковные служители получали из казны хлеб, священник 140 пудов, а псаломщик 84 пуда в год. Отмечено, что Торейская Богоявленская церковь не отличалась высокими доходами, зданий принадлежащих церкви не было.

Церковь была значительно удалена от Иркутской духовной консистории (651 верста), от Читинского духовного правления (701 верста), от местного Благочинного (150 верст). Ближайший город Троицкосавск находился в 150 верстах от церкви, ближайшей церковью была Ильинская Нарынская. В документе указано, что приписных и домовых церквей у Торейской Богоявленской церкви не было [2, Л. 104]. Относительно церковного делопроизводства сказано, что приходно – расходные книги с 1887 г., копии с метрических книг с 1839 г., исповедальные росписи с 1872 г., обыскные

книги велись исправно и хранились в целостности и сохранности при церкви.

Наиболее интересной является вторая часть Клировой ведомости Торейской Богоявленской церкви, характеризующая штат её церковнослужителей. Из документа известно, что в 1889 году при Торейской Богоявленской церкви служил священник Дмитрий Андреевич Солдатов 41 года, выходец из крестьян Владимирской губернии. Обучение он прошел в Шадринском уездном училище и по окончании в феврале 1874 г. по Указу Иркутской духовной Консistorии был принят в епархиальное ведомство, а затем по резолюции преосвященного Архиепископа Иркутского и Нерчинского Вениамина был определен на вакансию псаломщика. По решению Преосвященного епископа Селенгинского Мартемьяна 1 октября 1874 года стал стихарем. 13 июля 1881 г. Преосвященным Мелетием епископом Селенгинским рукоположен дьяконом. 10 июля 1883 г. архиепископом Иркутским и Нерчинским Вениамином рукоположен священником Узколугской церкви. Указом Иркутской духовной Консistorии от 15 марта 1885 г. священник Дмитрий Солдатов был перемещен в Успенскую Троицкосавскую церковь. По резолюции архиепископа Вениамина в том же 1885 году, согласно прошению Дмитрий Солдатов был определен священником в Торейскую Богоявленскую церковь. За ревностное исполнение пастующих обязанностей и обучение детей в церковно-приходской школе 14 декабря 1885 г. был награжден набедренником, имел грамоту на сан священника [2, Л. 106]. Далее в документе характеризуется семейное положение священника, составленное на основании метрических свидетельств. В частности указывалось, что он был женат на Анне Александровой 38 лет и имел сына Андрея 17 лет, который до 4 класса обучался в Троицкосавском Алексеевском Реальном училище и был уволен по прошению. Также отмечалось, что недвижимого имущества за священником не числится. Относительно его профессиональных обязанностей и навыков отмечалось: знание катехизиса, богослужебных книг, указывались высокие способности к исполнению обязанностей в данной должности. В последней графе о поведении в документе, следовало очень важное заключение для всей последующей деятельности священника о том, что он благонадежен, отличается хорошим поведением, не судим, штрафован не был и к службе годен.

В документе также содержится характеристика псаломщика Торейской Богоявленской церкви Анемподиста Прокопьева Титова 37 лет, сына дьяка [2, Л. 107]. Отмечается, что обучение он прошел в Нерчинском духовном училище и 23 ноября 1870 г. был определен на должность псаломщика Николаевской Боянхосунской Николаевской церкви. 27 апреля 1874 г. Анемподист Титов был перемещен на службу в Торейскую Богоявленскую церковь. 19 июля 1881 г. Пресвященным Мелетием епископом Селенгинским определен стихарем, имеет грамоту псаломщика. Что касается характеристики его профессиональной деятельности и поведения, как церковнослужителя, то она отличалась следующими особенностями. Отмечалось, что катехизис псаломщик знает недостаточно, читает порядочно, поет хорошо, устав знает, но к пастовству мало способен [2, Л. 108]. В отношении поведения – честный, ведет себя хорошо, хотя временами выпивает, но по службе исправен и способен, в родстве со священниками не состоял, судим и оштрафован не был. Был женат на Афанасии Павловой 34 лет, недвижимого имущества не имел.

Таким образом, вторая часть документа позволяет получить сведения о церковном причте и послужном списке священников.

Наконец, третья часть Клировой ведомости Торейской Богоявленской церкви представляет ценность в статистическом отношении, т.к. содержит сведения по приходу. Согласно документу, по своему социальному составу прихожане Торейской Богоявленской церкви были выходцами из крестьян, казаков, мещан. В Торейском селении и в д. Шартыкей в 1889 году насчитывалось 259 дворов государственных крестьян, из них 786 душ (м.п.) и 689 душ (ж.п.), мещан 4 двора, из них 12 душ (м.п.) и 11 душ (ж.п.) [2, Л. 109]. Военные казачьего ведомства распределялись по караулам следующим образом. В караулах: Хулдатском насчитывалось 44 двора, 136 душ (м.п.) и 116 душ (ж.п.), Нарынгорохонском 24 двора, 66 душ (м.п.) и 54 душ (ж.п.), в Торейском насчитывалось 57 дворов, из них 179 душ (м.п.) и 169 душ (ж.п.), оседлые иноверцы в д. Ново-Александровской из 31 двора, 61 душ (м.п.) и 65 душ (ж.п.).

Таким образом, согласно третьей заключительной части документа приход Торейской Богоявленской церкви в 1889 году насчитывал 419 дворов, в которых проживало 2344 человек, из них 1240 составляли лица мужского пола, и 1104 лица женского пола.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что анализ Клировых ведомостей как исторического источника, позволяет получить не только ценную и интересную информацию по истории православной церкви в Восточной Сибири, но и целостно охарактеризовать штат церковнослужителей в изучаемый период.

Список источников и литературы

1. Сойкина П.П. Полный православный богословский энциклопедический словарь / П.П. Сойкина, П.П. Сойкин – СПб, 1913. – 263 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.50, Оп.1, Д. 6577.
3. Дулов А.В. Иркутская епархия в XVIII – начале XX века : учеб. пос. / А.В. Дулов, А.П. Санников. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 209 с.
4. История религиозных учреждений Восточной Сибири: Тематический путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области / Автор-сост. Е.А. Луговская. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. – 256 с.
5. ГАИО. Ф. 24. Оп. 5. Д. 158.

Байкалов Николай Сергеевич
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
baikalov@bsu.ru

ИСТОРИЯ БАМА В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ*

В изучении истории БАМа важное место занимают архивные документы. Они представлены в фондах строительных предприятий, отраслевых министерств и ведомств, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. В ГАРБ находятся на хранении фонды УС «БАМтоннельстрой», Дорпрофсожа забайкальских транспортных строителей, райкомов КПСС и ВЛКСМ районов, через которые прошла магистраль, парткомов и первичных парторганизаций предприятий и учреждений зоны БАМа. Документальный комплекс включает нормативно-правовые акты, делопроизводственные материалы, статистику, советскую печать, личные документы. Данные материалы позволяют реконструировать различные аспекты истории БАМа, в том числе строительство, социально-экономическое освоение прилегающих районов, формирование населения, социально-культурное развитие притрассовых городов и поселков, деятельность партийных и советских органов управления, комсомольское и профсоюзное движение.

Ключевые слова: архивный фонд, архивный документ, источниковедение, поздний социализм, БАМ, строительство, район нового освоения.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-179-187

Baikalov Nikolay Sergeevich
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект No18-49-030010 p_a «Байкало-Амурская магистраль и северные районы Бурятии: от модернизационного проекта развитого социализма к постсоветской (ре)индустриализации» и гранта на проведение инициативных научных исследований Бурятского государственного университета 2018 г. «Повседневная жизнь молодых индустриальных городов Сибири: опыт БАМа (1970-1990е гг.)» № 18-03-0502

BAM'S HISTORY IN DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Archival documents take an important place in studying the BAM history. They are represented in the funds of construction enterprises, branch ministries and departments, Communist Party, Komsomol and trade union organizations. There are funds of the US "BAMtonnelstroy", Trade Union Committee of Transbaikal transport builders (Dorprofsozh), district committees of the CPSU and Komsomol, primary party organizations of enterprises and institutions of the BAM zone in the State Archive of the Republic of Buryatia. The documentary complex consists of normative-legal acts, office materials, statistics, the Soviet press, personal documents. These sources allow us to reconstruct various aspects of the BAM history, including the construction, socio-economic development of adjacent areas, the formation of the population, the socio-cultural development of towns and villages along the coast, the activities of party and Soviet government, the Komsomol and trade union movement.

Keywords: archive fund, archive document, source study, late socialism, BAM, construction, area of new development.

Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и социально-экономическое развитие прилегающих к трассе территорий представляет одну из малоизученных страниц отечественной истории периода позднего социализма. Большая часть научных работ по истории БАМа была выпущена в советское время, когда исследования проводились преимущественно по текущим ведомственным архивам и публикациям в периодических изданиях. На современном этапе историки располагают богатой базой документов, отложившихся в центральных, региональных и местных архивах. В первую очередь она представлена архивными фондами строительных организаций.

Для сооружения магистрали в системе Минтрансстроя СССР было создано Главное управление – ГлавБАМстрой, при Министерстве путей сообщения – Дирекция строительства БАМ с группами заказчиков на каждом участке магистрали. В ведомстве ГлавБАМстроя находилось около двух десятков крупных строительных организаций включая тресты и управления строительства «Ангар-

строй», «ЛенаБАМстрой», «БАМтоннельстрой», «БАМтрансвзрывпром», «Нижнеангарсктрансстрой», «ЗапБАМстроймеханизация», «Мостострой-9», «Мостострой-10» и др. [1, С. 39] В задачи данных организаций входила отсыпка земполотна, укладка пути, сооружение мостов и проходка тоннелей, взрывные работы, возведение временных поселков строителей и т.д. Сооружением железнодорожных станций и постоянных поселков для железнодорожников занимались шефские организации, сформированные в 13 союзных республиках и 22 автономных административных единицах РСФСР, включая Москву и Ленинград [2, С. 49].

Большинство строительных организаций оставили свои фонды в муниципальных хранилищах, например, тресты «ЛенаБАМстрой», «ЗапБАМстроймеханизация» и «Мостострой-9» в г. Усть-Куте (Иркутская область), трест «Нижнеангарсктрансстрой» в п. Нижнеангарске (Бурятия). Некоторые организации передали в архив дела за отдельные годы, другие не осуществляли передачу документов на постоянное хранение вообще. В результате архивные фонды ряда шефских организаций союзных республик и субъектов РСФСР, например, ПМК «ЛенинградБАМстрой», оказались безвозвратно утрачены.

В Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ) находится на хранении фонд Р-1880 управления строительства (УС) «БАМтоннельстрой». Уникальность данного фонда состоит в том, что он единственный из фондов аналогичных трестов БАМа был передан в региональный архив субъекта РФ. В составе фонда хранится 1331 дело. Несмотря на то, что в путеводителе ГАРБ нижняя граница фонда определена созданием «БАМтоннельстроя» в 1975 г., первые дела датируются 1974 г., когда был организован первый коллектив тоннельщиков на БАМе – тоннельный отряд № 11 Главтоннельметростроя СССР. В архиве сохранились годовой отчет по работе с кадрами и прочие документы данного подразделения за 1974 г. [3]. Верхняя граница датируется 1993 г., в котором организация превращается в акционерное общество и перестает передавать свои дела в архив. Таким образом, материалы фонда охватывают весь период строительства БАМа с 1974 по 1989 гг. Исключение составляет период с 1984 по 1985 гг., за который передача дел не производилась.

Документация фонда систематизирована по структурно-хронологическому принципу. В состав «БАМТоннельстроя» входило восемь тоннельных отрядов, две автобазы, управление механизации, управление производственно-технологической комплектации и другие подразделения [4, С. 313-318]. Местом постоянной дислокации управления в период строительства БАМа был поселок Нижнеангарск Северо-Байкальского района Бурятской АССР. К середине 1980-х гг. организация являлась одной из крупнейших на БАМе, численность работников превышала семь тысяч человек.

В состав фонда УС «БАМТоннельстрой» входят документы по основной деятельности организации: постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по строительству БАМа, приказы Минтрансстроя и Главтоннельметростроя СССР, протоколы производственных и технических совещаний, годовые планы работ по производственной деятельности, статистические отчеты о выполнении планов ввода в действие мощностей и планов подрядных работ, титульные списки зданий и сооружений, сметы, бухгалтерские отчеты, штатные расписания подразделений управления и т.д. [5, С. 188]

Годовые доклады по работе с кадрами* содержат сведения о численности работающих, половозрастном и национальном составе, профессионально-квалификационной структуре, образовательном уровне, членстве в КПСС и ВЛКСМ [6]. По данным документам можно проследить основные траектории горизонтальной и вертикальной мобильности работников, причины и объемы текучести кадров, прямой и обратной миграции. В частности, анализ ежегодных докладов по работе с кадрами позволяет утверждать, что доминирующей формой набора рабочих на предприятие были местный наём и перевод с других строительных организаций, а не общественный призыв, как отмечалось в большинстве исследований о БАМе [7, С. 20]. В качестве основных причин увольнений в документах названы непредоставление работы по специальности, неудовлетворительные условия труда, неустроенность жилищно-бытовой сферы.

Много внимания в работе с кадрами уделялось вопросам подготовки строителей, о чем свидетельствуют годовые статистические отчеты о численности и составе специалистов, имеющих высшее

---

* В разные годы наименование, форма и содержание данного документа подвергались незначительным изменениям. В частности, встречаются названия «Годовой доклад по работе с кадрами», «Годовой комплексный доклад...», «Информационный доклад...» и др.

и среднее специальное образование, о подготовке, переподготовке и повышении квалификации рабочих, ИТР и служащих и т.д. [8]. При соотношении профессионально-квалификационного состава прибывающих на БАМ работников со структурой их занятости выявляются недостатки в наборе и распределении трудовых ресурсов. В первые годы строительства число прибывших рабочих высокой и средней квалификации несколько превышало потребности стройки в этой категории. Набор рабочих средней и низкой квалификации, наоборот, существенно отставал от производственных нужд. Такая ситуация приводила к перераспределению работников и их трудоустройству по новой профессии, чаще всего менее квалифицированной. Так, в течение 1974-1976 гг. тоннелестроители были заняты на рубке просек и сооружении временных поселков, и лишь два года спустя приступили непосредственно к проходке тоннелей [7, С. 34].

Производственная повседневность строителей реконструируется по таким документам, как годовые статистические отчеты о выполнении норм выработки и состоянии нормирования труда в строительстве, о внедрении научной организации труда в строительстве, результатах аттестации рабочих мест, пострадавших при несчастных случаях и по охране труда, трудовых спорах и т.д. [9].

Сведения по охране труда показывают, что основными причинами высокого травматизма на производстве были нарушения техники безопасности при проведении подземных работ как со стороны администрации, так и со стороны строителей. Несчастные случаи возникали и из-за перебоев в снабжении рабочих средствами индивидуальной защиты, спецодеждой и обувью, неисправности оборудования. В отчетах по охране труда описаны меры профилактики травматизма и нарушений трудовой дисциплины, которые предпринимались администрацией. Например, в фонде содержатся ежегодные отчеты о выполнении планов улучшения условий труда и санитарно-оздоровительных мероприятиях [10]. В сравнении с другими строительными организациями состояние охраны труда в подразделениях БАМтоннельстроя характеризуется большей стабильностью, менее высоким коэффициентами частоты, но более высоким коэффициентом тяжести несчастных случаев, что связано со спецификой тоннелестроения [7, С. 77-80].

Тоннельщики БАМа занимались не только сооружением тоннелей, но и возведением временных поселков строителей, жилого

фонда и социально-культурных учреждений. Поэтому в архивном фонде содержатся документы о строительстве жилья, детских дошкольных учреждений, домов культуры, столовых, магазинов, бань, прачечных и т. д. [11]. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о постоянном отставании в сооружении объектов производственной сферы от потребности населения в них и, как следствие, нарушении норм обеспеченности рабочих объектами социальной инфраструктуры.

В архивном фонде БАМтоннельстроя также хранятся наградные листы, списки по награждению орденами и медалями СССР, справки по итогам соцсоревнований, составу и работе комсомольско-молодежных бригад [5, С. 188].

В реконструкции истории БАМа важное место занимают документы региональных министерств и ведомств. Так, в фондах Министерства здравоохранения (ФР.665) находится документация по медицинскому обслуживанию населения БАМа, Министерства культуры (ФР.955) – сведения о развитии сети школ и учреждений дополнительного образования в районах БАМа, Буркоопсоюза (ФР.228) – информация об организации потребительской кооперации в районах БАМа и пр. В фонде комитета народного контроля Северо-Байкальского района и г. Северобайкальска (ФР.1851) содержатся сведения о работе комиссии народного контроля на объектах БАМа, описываются факты нарушений использования финансовых средств, невыполнения планов, приписок в отчетах и т. д.

Большой интерес представляет документация профсоюзных организаций. Под руководством ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта на БАМе было сформировано четыре дорожных профсоюзных комитета (дорпрофсожа) восточносибирских, забайкальских, дальневосточных и амурских транспортных строителей, в составе которых находилось 29 построечных комитетов (постройкомов) трестов и управлений строительства [12, С. 27]. Руководство Дорпрофсожа забайкальских транспортных строителей, объединившего профсоюзы Бурятского и Читинского участков БАМа, располагалось в п. Нижнеангарске, поэтому архивный фонд организации был передан на хранение в ГАРБ.

В фонде Р-2002 насчитывается 178 дел за 1975-1988 гг., среди которых отчеты, доклады, справки, протоколы профсоюзных собраний, заседаний партийно-хозяйственных активов и т. д. Наибо-

лее богатые и разносторонние сведения содержатся в протоколах дорожных профсоюзных конференций, которые проводились один раз в два-три года [13]. В отчетных докладах таких конференций можно найти информацию о строительстве временных и постоянных поселков, обеспеченности населения жильем и объектами соцкультбыта, мероприятиях по укреплению трудовой дисциплины, соцсоревнованиях, культмассовой и спортивной работе профсоюзных клубов, домов культуры, библиотек, социальном страховании, торговле и общепите, охране труда и производственном травматизме, здравоохранении и санаторно-курортном лечении.

Не менее интересны протоколы пленумов и заседаний президиума Дорпрофсожа, которые посвящались обсуждению отдельных вопросов, таких как готовность школ к новому учебному году, организация рабочего снабжения, итоги деятельности стройкомов определенных организаций и т. д. [14]. В целом, профсоюзы занимали умеренно критическую позицию в отношении с руководством строительных организаций и советскими органами власти. Судя по сохранившимся документам пик активности Дорпрофсожа приходится на конец 1970-х–начало 1980-х гг., с середины 1980-х гг. профсоюзное движение постепенно приходит в упадок.

Среди партийных архивов ГАРБ, освещающих историю БАМа, центральное место занимает фонд Северо-Байкальского райкома и горкома КПСС (ФП. 8). Протоколы бюро, пленумов и партконференций содержат подробные сведения о строительстве производственных и непроизводственных объектов, условиях труда и качественном составе трудовых коллективов, развитии ЖКХ, благоустройства и соцкультбыта населенных пунктов БАМа, правоохранительной деятельности, чрезвычайных ситуациях и др. Менее информативны фонды райкомов КПСС Баунтовского (ФП. 53) и Муйского районов (ФП. 3977). Общей особенностью партийной документации является директивный стиль текстов, отсутствие реальной дискуссии в стенограммах прений по докладам, односторонний взгляд на ситуацию, обобщенное описание вопросов.

К комплексу партийных документов, хранящихся в ГАРБ, при­мыкает большая группа фондов первичных партийных организаций (всего около 50 фондов). За исключением парткомов треста «Нижнеангарсктрансстрой» (ФП. 3899) и УС «БАМтоннельстрой» (ФП. 3882), фонды которых включают более 100 дел каждый, коли-

чество дел «первичек» составляет 10-20 единиц хранения [15]. В них содержится информация о социально-демографическом составе партийных ячеек отдельных предприятий и учреждений, о сборах партийных взносов, краткие отчеты по основной деятельности предприятий, характеристики коммунистов.

Строительство БАМа было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, поэтому большое значение в изучении истории магистрали имеют фонды комсомольских организаций, прежде всего, Бурятского обкома ВЛКСМ (ФП. 36), Северо-Байкальского райкома, горкома ВЛКСМ (ФП.19) и Школы комсомольского актива Бурятского и Читинского участков БАМа (ФП. 3957).

В фонде обкома находятся документы о шефстве над строительством Бурятского участка магистрали, работе строительного отряда «Комсомолец Бурятии» по сооружению п. Таксимо, отчеты студенческих стройотрядов на БАМе, о деятельности агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда», списки бойцов и документы слетов бойцов ударных комсомольских отрядов [16, С. 73].

На базе Северо-Байкальского райкома ВЛКСМ был организован Штаб ЦК ВЛКСМ по Бурятскому участку БАМа. В отчетно-плановой документации, представленной в протоколах районных пленумов и конференций, содержатся сведения о составе комсомольской организации района, о количестве комсомольцев среди работников бамовских предприятий, проведении соревнований, смотров, конкурсов среди комсомольско-молодежных бригад, деятельности студенческих стройотрядов. Отдельного внимания заслуживает подборка писем комсомольцев на БАМ и ответы штаба [17].

Школа комсомольского актива Бурятского и Читинского участков БАМа содержит 50 дел за период с 1980 по 1990 гг. (ФП. 3957). В фонде находятся методические материалы ЦК ВЛКСМ по вопросам работы комсомольской школы, протоколы экзаменационной комиссии школы, методических совещаний преподавателей и слушателей, заседаний методического совета школы, различные отчеты и справки о работе, приказы по личному составу, штатные расписания, сметы расходов и т.д. [16, С. 80-81].

Таким образом, документальный комплекс ГАРБ, относящийся к истории БАМа, отличается жанровым и видовым разнообразием. В него входят приказы, постановления, распоряжения, отчеты, планы, сметы, штатные расписания, инструкции, справки, харак-

теристики, автобиографии, письма, наградные листы, публикации в СМИ. На основе данных источников возможно освещение различных вопросов историографии БАМа, включая историю строительства и социально-экономического освоения региона, демографическое, социальное и культурное развитие населенных пунктов, партийное руководство стройкой, деятельность общественных организаций, повседневную жизнь и биографии строителей.

Список источников и литературы

1. Вербицкий Ю. С. Правда о БАМе. БАМ глазами участников его строительства / Ю. С. Вербицкий, В. Д. Пьянков, В.А. Сушевич. – М.: АСМО-пресс, 2010. – 288 с.
2. БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / отв. ред. И. В. Гордиенко. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 217 с.
3. ГАРБ. ФР. 1880. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-6.
4. Сквозь горы, сквозь годы. К 25-летию «БАМтоннельстрой» / ред.-сост. В. В. Островский. – Иркутск: Иркутский дом печати, 1999. – 320 с.
5. Путеводитель по фондам Национального архива Республики Бурятия 1917-2007 гг. / сост. А.Т. Дадаева, Б.Ц. Жалсанова, Т.М. Казанова, Г.С. Нижникова, О.И. Прокопьева, Л.П. Щапова. – Улан-Удэ: Комитет по делам архивов Республики Бурятия, 2008. – 565 с.
6. ГАРБ. ФР.1880. Оп.1. Д. 46, 47, 86, 87, 143, 209, 289, 374, 467, 567, 666, 942, 1027, 1104, 1181.
7. Байкалов Н.С. Формирование социальной инфраструктуры поселений Бурятского участка БАМа (1974-1989 гг.) / Н. С. Байкалов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – 198 с.
8. ГАРБ. ФР. 1880. Оп. 1. Д. 48, 145, 212, 289, 377, 378, 380, 472, 569, 669.
9. ГАРБ. ФР. 1880. Оп. 1. Д. 84, 203, 276, 137, 379, 90, 216, 386, 478, 577, 678, 275.
10. ГАРБ. ФР. 1880. Оп. 1. Д. 578, 679.
11. ГАРБ. ФР. 1880. Оп. 1. Д. 55, 733.
12. Старин Б. С. Социалистическое соревнование строителей БАМа 1974-1984 гг. / Б.С. Старин. – Новосибирск: Наука. СО, 1987. – 210 с.
13. ГАРБ. ФР. 2002. Оп. 1. Д. 6, 35, 56, 94, 121.
14. ГАРБ. ФР. 2002. Оп. 1. Д. 2, 7, 8, 17, 27, 37, 46, 58, 59, 72, 84, 96, 106, 123, 124, 135, 151.
15. ГАРБ. ФП. 3899. Оп. 1. Д. 1-110; ФП. 3882. Оп. 1. Д. 1-137; ФП. 3935. Оп.1. Д.1-14; ФР. 3930. Оп. 1. Д. 1-27; ФР. 3904. Оп. 1. Д.1-16; ФР. 3901. Оп. 1. Д.1-15 и др.
16. Справочник по партийным и комсомольским фондам Национального архива Республики Бурятия / сост. Г.С. Нижникова, А.В. Пластинин. – Улан-Удэ: Комитет по делам архивов Республики Бурятия, 1998. – 88 с.
17. ГАРБ. ФП. 19. Оп. 12 Д. 38. Л. 1-12.

Шойдонова Алтына Мункожаргаловна
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
shoyd89@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ В БУРЯТИИ (1920-1940-Е ГГ.)

В данной статье рассмотрен опыт обучения монгольских граждан в Бурятии в период с 1920-х по 1940-е гг. Проанализирована образовательная система в Монгольской Народной Республике к началу XX столетия. Выявлены цели и задачи, стоявшие перед монгольским обществом в 1920-е гг., когда монгольское государство встало на путь социалистического развития. Определены основные образовательные центры подготовки монгольских кадров в Советской России. Особое внимание уделено г. Верхнеудинску как главному учебному форпосту монгольских граждан. На основе проведенного исследования, автором была дана оценка адаптации студентов в чуждой социокультурной обстановке.

Ключевые слова: советско-монгольское сотрудничество, образование, международные контакты, социальная адаптация, студенческая мобильность, национальная интеллигенция, советский период, культурное строительство, советские идеалы, учебные заведения.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-188-193

Shoydonova Altyna Munkozhargalovna
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

TRAINING OF MONGOLIAN STUDENTS IN BURYATIA (1920-1940-IES)

This article examines the experience of teaching Mongolian citizens in Buryatia in the period from the 1920s to the 1940s. The educational system in the Mongolian People's Republic was analyzed by the beginning of the 20th century. The goals and tasks facing the Mongolian society in the 1920s were revealed when the Mongolian state

embarked on the path of socialist development. The main educational centers for the training of Mongolian cadres in Soviet Russia have been determined. Particular attention is paid to the city of Verkhneudinsk as the main educational outpost of Mongolian citizens. Based on the study, the author assessed the adaptation of students in an alien socio-cultural environment.

Key words: Soviet-Mongolian cooperation, education, international contacts, social adaptation, student mobility, national intelligentsia, the Soviet period, cultural construction, Soviet ideals, educational institutions.

Период 1920-1940-х гг. стал для Советского Союза и Монгольской Народной республики временем глобальных перемен во всех областях – политической организации, административном управлении, социально-экономическом устройстве. Перед Монголией встала необходимость в кратчайшие сроки создать национальную интеллигенцию, которая могла бы развивать страну и перестроить общество на «новые рельсы». К началу XX столетия в молодом монгольском государстве практически не существовало системы светского образования, в отличие от системы религиозно-духовного образования. Благодаря всесторонней поддержке цинской администрации в стране развернулось строительство дацанов и монастырей, создавались центры обучения буддийского духовенства.

По данным Л. Эльма, в 1918 году мужское население Монголии составляло 237 021 человек, из них 91 118 человек были представителями буддийского духовенства (ламами) [12, С. 24]. Некоторые исследователи отмечают и более внушительные цифры. Историк Е.П. Баврин считал, что количество лам превышало 100 000 человек, то есть более 40% населения [10, С. 16-17]. В «Очерках истории культуры Монгольской Народной Республики» указывается то, что «ламское сословие» составляло половину мужского населения – более 112 000 человек [11, С. 58]. Это была уникальная ситуация, когда треть или половина работоспособного населения относились к категории населения «попов и монахов», которая не была занята в производящем хозяйстве, не могла использоваться в качестве военной силы.

Таким образом, к 1921 г. страна крайне нуждалась в светских специалистах – педагогах, врачах, ветеринарах, инженерах, водите-

лях. Самостоятельно решить проблему подготовки национальной интеллигенции страна не могла, нужна была поддержка со стороны главного внешнеполитического партнера – Советской России. Осенью 1921 года состоялись советско-монгольские переговоры, которые завершились подписанием исключительно важного документа – Соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством МНР об установлении дружественных отношений [9]. Это соглашение стало первым равноправным договором монгольского правительства, подписанным с иностранным государством. Было принято решение о необходимости укрепления советско-монгольского сотрудничества, перехода на «социалистические рельсы», идеологической, культурной и экономической модернизации и трансформации монгольского общества.

К периоду 1920-1940-х гг. относится первый опыт массового обучения монгольской молодежи в учебных заведениях Советской России. Были созданы учебные заведения в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске, Верхнеудинске и Троицкосавске, которые принимали учащихся из Монголии. До 1930-х гг. советским государством полностью оплачивалось обучение монгольских граждан, позже правительство Монголии стало оплачивать половину расходов на обучение своих студентов в советских учебных заведениях. Изначально монгольские учащиеся находились в ведении Министерства народного просвещения МНР, но затем они перешли в ведение Народного комиссариата просвещения СССР. Это положительно сказалось на организации учебного и воспитательного процесса, контроле и руководстве над монгольскими студентами.

Одним из важнейших образовательных центров профессиональной подготовки монгольской молодежи стал г. Верхнеудинск. Что было связано с непосредственной географической, этнической и языковой близостью к Монголии, наличием материально-технической базы, городской инфраструктуры и компетентного преподавательского состава. Было принято решение, согласно которому город стал альма-матер для тысяч молодых монголов.

В первые годы советской власти, по всей стране, создается сеть советско-партийных школ, главной целью которых была подготовка кадров партийных и советских работников. Была создана советская партийная школа и в г. Верхнеудинске, в которую принимались общественно-политические активисты по рекомендации партий-

ных и молодежных организаций. В 1925 г. правительству Монголии было направлено письмо, информирующее о предоставлении пяти мест монгольским гражданам в Бурят-Монгольской советско-партийной школе [1]. Руководство школы, в лице директора Бурштейн Тойбе Моисеевны, вело оживленную переписку с монгольскими государственными органами. В частности с знаменитым народным просветителем монгольского народа – Эрдэни Батуханом [2]. Он курировал вопросы отбора студентов в школы, беспокоился о финансовом состоянии учащихся, об их удобном размещении и образовательном процессе в целом. Подготовка монгольских студентов в Бурят-Монгольской советской партийной школе продолжилась вплоть до начала 1930-х гг. и носила эпизодический характер.

В конце 1929 г. было решено создать Монгольский рабочий факультет, который находился под юрисдикцией Народного комитета Просвещения РСФСР [3]. Его главными задачами были обучение и подготовка монгольских граждан к поступлению в среднеспециальные, профессиональные и высшие учебные заведения Советского Союза. Первым заведующим был назначен Норбо Ринчинович Ринчино, чьи компетентность и профессионализм не вызывали сомнения у руководства. Он полностью осознавал ответственность своей работы: «этот рабфак... призван подготовить из батрачества и бедноты монгольского аратства калры для дружественной нам Монголии» [4]. 20 февраля 1930 г. учебное заведение начало свою деятельность [5]. Монголрабфак в административном и финансовом отношении подчинялся указаниям Народного комиссариата просвещения РСФСР. В организационном порядке он был прикреплен к Иркутскому государственному университету и Коммунистическому университету трудящихся Востока.

За короткий промежуток времени были подготовлены помещения для учебных занятий, общежития для студентов и библиотека. Был построен учебный корпус с 14 аудиториями и хорошо оборудованными кабинетами естествознания, физики, химии и математики. В библиотеке Монголрабфака находилось 34 000 книг на русском, монгольском и другом языках [6]. Студенты полностью обеспечивались всем необходимым. Содержание одного монгольского учащегося обходилось в 2,5 раза дороже, чем содержание любого студента центрального вуза.

Областной комитет партии, местные советские органы и общественные организации республики осуществляли максимальный контроль за подготовкой монгольских кадров в этом учебном заведении. Особенное внимание уделялось комплектованию Монголрабфака опытными педагогическими кадрами, созданию добротной материальной базы, учебному и воспитательному процессу, оздоровлению студентов и ряду других вопросов.

Так как Монгольский рабочий факультет являлся закрытым учебным заведением, правила приема были достаточно строгими. Принимались представители именно «трудового аратства», выходцы из богатых семей и бывшие ламы не принимались. Были установлены возрастные ограничения – от 15 до 25 лет, причем, предпочтение отдавалось более молодым монгольским гражданам. Число командированных женщин должно было составлять не менее 15 % [7]. В плане учебно-образовательной подготовки, командируемые должны были обладать знаниями в объеме начальной школы, то есть должны были уметь читать, писать и производить элементарные математические расчеты. Все поступающие подвергались медицинскому освидетельствованию: при наличии серьезных заболеваний претенденту отказывали в поступлении [8].

Особое внимание руководством Монголрабфака уделялось адаптации студентов среди местного населения. Организовывались вечера-встречи молодежи разных национальностей – монголов, русских, бурят, тувинцев. Устраивались спортивные соревнования, разучивались стихотворения, песни и танцы. Студентов вывозили на производственные экскурсии на фабрики и заводы, колхозы и коммуны. Так, монгольские студенты знакомились с бытовой жизнью советских граждан, что способствовало их адаптации и восприятию идеалов советского общества.

Многие исследователи в области образования Монголии рассматривают процесс подготовки монгольских кадров на территории Советского Союза, как слаженный, бесконфликтный процесс в русле становления межгосударственных дружественных отношений. Если рассматривать документальные материалы «без купюр», можно «подойти» к этому процессу как «ломке» всего уклада традиционного монгольского общества, а наличие учебных заведений для монгольских студентов на территории родственной им Бурятии, сглаживало процесс вхождения в другую культурную общ-

ность монгольской молодежи и во многом определило дальнейшее развитие монгольского государства на многие десятилетия.

Список источников и литературы

1. ГАРБ. ФР. 60. Оп. 1. Д. 121. Л. 5.
2. ГАРБ. ФР. 60. Оп. 1. Д. 121. Л. 9.
3. ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
4. ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.
5. ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.
6. ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
7. ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 36-36об.
8. ГАРБ. ФР. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
9. Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений от 5 ноября 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.pravo.ru/document/view/25226880/24832640/>
10. Баврин Е. П., Таксубаев А. И. Монгольская Народная Республика: Справочник / Е. П. Баврин, А. И. Таксубаев. – 3-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1987. – 111 с.
11. Очерки истории культуры МНР. / отв. ред. Д. Д. Лубсанов. – Улан-Удэ : издательство Бурятское книжное издательство, 1971. – 510 с.
12. Эльм Л. Наш сосед Монголия / Л. Эльм. – М.: Государственное издательство отдел военной литературы, 1928. – 72 с.

Боронова Маргарита Максимовна
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
mboronova@yandex.ru

**ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ БУРЯТИИ 1960–1980-Х ГГ.
В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

Автором рассмотрены основные документальные источники, содержащиеся в фондах Государственного архива Республики Бурятия по истории социально-экономического развития региона в последние тридцать лет советской истории. Отмечая значимость богатого информационного содержания архивных документов, автор обращает внимание на необходимость критического подхода к данным источникам, учитывая их идеологическую направленность.

Ключевые слова: поиск, материалы, фонд, информация, документы, история, источники, отчеты, статистика.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-194-197

Boronova Margarita Maksimovna
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

**HISTORY OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF BURYATIA 1960-1980-S IN THE DOCUMENTS OF THE
STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA**

The author considers the main documentary sources contained in the funds of the state archive of the Republic of Buryatia on the history of socio-economic development of the region in the last thirty years of Soviet history. Noting the importance of the rich information content of archival documents, the author draws attention to the need for a critical approach to these sources, given their ideological orientation.

Keywords: search, materials, Fund, information, documents, history, sources, reports, statistics.

1960-1980-е годы стали важным этапом социально-экономического развития Бурятии, как и всего сибирского края. Курс на освоение территории к востоку от Урала стимулировал общее хозяйственное развитие республики, ускорил ее интеграцию в единый народнохозяйственный комплекс страны. Поэтому в период так называемого «застоя» Бурятия оставалась одним из динамично развивавшихся районов Восточной Сибири. Именно за эти годы значительно возрос ее экономический, научно-технический и образовательный потенциал.

В то же время необходимо отметить, что в социально-экономическом облике республики как в капле воды отразились все те противоречивые тенденции, которые были характерны для общественного развития страны в целом в рассматриваемый период. Сегодня, несмотря на неоспоримый факт огромного хозяйственного и культурного прогресса, достигнутого в предшествующие десятилетия, Бурятия, как и большинство сибирских регионов, продолжает отставать от среднероссийских показателей по многим параметрам социального развития, определяющим уровень и качество жизни населения. Это значительно осложняет процесс адаптации региона к условиям формирующегося в стране рыночного хозяйства. Поэтому особую значимость сегодня приобретает комплексное исследование проблем социально-экономического развития республики в предшествующий период.

Значительный массив источников и документов для изучения данного периода хранится в фондах Государственного архива Республики Бурятия. Важнейшим источником по изучению экономической политики, тенденций социально-экономического развития региона являются документы Бурятского обкома КПСС (ПАБО – фонда П. 1). В материалах пленумов и бюро областной партийной организации, резолюциях партийных конференций, активов и совещаний, содержится обширная информация о ключевых вопросах народнохозяйственного развития республики: повышения эффективности производства, улучшения качества продукции, ускорения научно-технического прогресса, совершенствования управления экономикой.

Особую ценность для изучения динамики социально-экономического развития региона представляют материалы службы государственной статистики Республики Бурятия (Ф. 196). В них

содержатся сводные данные, характеризующие экономическое и социальное развитие региона, показана динамика подготовки квалифицированных кадров, отражены демографические тенденции, а также количественные и качественные сдвиги в составе работающего населения.

Богатый документальный материал содержат фонды, организаций, министерств и ведомств: Ф.1713 – Бурятского управления строительства; Ф. 831 – Министерства жилищно-коммунального хозяйства РБ; Ф.1387 – Производственного объединения «Буржелезобетон»; Ф. 691 – Министерства сельского хозяйства РБ и др. учреждений. В них представлены материалы, дающие информацию о численном составе рабочих и служащих, темпах роста объемов производства, сведения о текучести кадров и другой цифровой материал, позволяющий реально оценивать результаты хозяйственной деятельности предприятий и организаций республики в интересующий нас период.

Немало полезных данных содержат годовые статистические отчеты учебных и научных учреждений: (Ф.1751; 666; 474; 755). По их материалам можно исследовать динамику изменения численности студентов, количественные и качественные сдвиги в составе научно-педагогических кадров, получить представление о распределении учащихся по социальному и национальному составу, отраслевым группам учебных заведений, работе аспирантуры, распределении молодых специалистов. Анализ этих данных свидетельствует о быстром росте численности квалифицированных кадров в рассматриваемый период, раскрывает тенденцию выравнивания уровня образования мужского и женского населения Бурятии.

Вместе с тем следует отметить, что многие архивные материалы требуют к себе критического подхода. Дело в том, что значительная часть источников, относящихся к советскому периоду, несет на себе печать идеологического влияния КПСС. Авторитарно-бюрократическая система сформировала особый тип документальных материалов, большинство из которых односторонне отражают многообразные и противоречивые процессы общественного бытия. Это относится прежде всего к материалам партийных архивов, которые являлись продуктом партийного стиля работы того времени, когда главный акцент делался на констатацию достижений и успехов.

Статистические материалы также содержали немало «лукавых» цифр, призванных приукрасить советскую действительность. Нередко информация о развитии народного хозяйства республики была представлена цифровым материалом не в абсолютных показателях, а в процентах к предыдущим годам, данные о которых часто не указывались. В статистических отчетах встречалось немало разночтений, несовпадающих друг с другом цифр и данных. Все это, безусловно, затрудняет использование данных материалов и требует поиска дополнительной информации в других источниках.

Сыденова Римма Прокопьевна
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
rsydenova@mail.ru

ВОПРОСЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ БУРЯТ В АРХИВНЫХ ФОНДАХ (XIX В.)

В статье рассматриваются поземельные отношения в бурятской улусной общине XIX в. На основе материалов центральных и региональных архивов автор выявляет особенности хозяйственной практики в бурятском улусе, показывает актуальные проблемы землевладения и землепользования в улусной общине. В истории улусной общины XIX в. автор отмечает «ситуацию перехода», когда генеалогические и территориальные связи в тесном переплетении составили диалектическое единство, актуализируя родовое владельческое право даже в условиях капиталистического развития.

Ключевые слова: буряты, род, община, улус, суглан, землепользование, землевладение, родовое владельческое право, земля, генеалогическая общность.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-198-204

Sydenova Rimma Prokopievna
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

LAND OWNERSHIP OF BURYATS IN ARCHIVE COLLECTIONS (19-TH CENTURY)

The article deals with the land relations in Buryat ulus community in 19th century. On the basis of the materials of national and regional archives, the author reveals the features of economic practice in Buryat ulus and shows the actual problems of land ownership and land use in ulus community. The author also describes the “transition situation” in the history of the community when a close intertwining of genealogical and territorial ties constituted a dialectical unity and emphasized the patrimonial ownership right even in the conditions of capitalist development.

Key words: Buryats, clan, community, ulus, suglan, land use, land ownership, patrimonial ownership law, land, genealogical community.

Улусная община бурят в XIX в. являлась носителем многих социальных отношений, среди которых прочное место занимали родственно-генеалогические и общинно-территориальные связи. Родовая идеология, в социальном отношении выраженная в представлении об устойчивых связях и отношениях в рамках генеалогической общности (рода), в рассматриваемый период все еще продолжала влиять на хозяйственно-экономическую практику в бурятском улусе. Это влияние явственно проявлялось в том, что на исходе XIX в. наблюдалось родовое землевладельческое право, в известной степени определявшее порядки в улусном землепользовании. Улус же, в рассматриваемый период являвшийся скорее многогородовой общностью и представлявший собой общинный коллектив, и будучи таким образом субъектом собственности и владения землей, решал поземельные вопросы в общем собрании улусных людей. Именно это собрание определяло решение вопросов владения и пользования землей, устанавливая право собственности на землю и внутренний порядок в пользовании землей в общине. В архивных – центральных и региональных – фондах отложились эти исторические моменты из жизни улусной общины XIX в.

Экономическим условием и основой хозяйствования являлась земля с ее богатствами и общинными границами. Они в бурятской общине определяли не только физические просторы и возможности хозяйственного освоения пространства в условиях занятий скотоводством с его потребностями в больших пастбищах и занятий земледелием, связанным с уравнительным распределением общинных земель, а также ведением промысловой практики, прежде всего охоты, в пределах общинных лесных угодий. В бурятской общине эти границы имели еще охранительное значение в смысле идеологического представления «земля предков», что находило выражение в культовой сфере, проведении обрядов, а также нормах обычного права.

Обычноправовые воззрения улусных людей не в меньшей степени, чем в прежние времена, довлели над установившимися реалиями в социальном устройстве, которые можно определить как государственно-правовые. Эти устойчивые воззрения ориентировали

улусников на дальнейшую практику родового владельческого права, даже в обстановке тех масштабных изменений, которые были связаны с дальнейшим развитием капиталистических отношений в улусе.

В документах Сибирского комитета о законах и обычаях бурят Верхоленского ведомства в части об общественных доходах мы обнаруживаем активное состояние родового владельческого права. Оно не столько упоминается, сколько в форме долженствования рассматривается как способ, с помощью которого устанавливался основополагающий принцип пользования землей улусной общиной: «доходы, получаемые с общественных земель, озер, рек или чего другого, должны поступать в пользу того рода родовичей, коему принадлежит земля (выделено нами – Р.С.)» [4, Д. 307, Л. 12].

Анализ исторических документов, отражающих повседневную жизнь бурятского улуса XIX в. в аспекте землепользования и не только, позволяет сделать вывод о сохранении многих общественных (родовых) функций. Например, в вопросах происхождения права на землю и землепользования народная память «избирала» историю расселения родов и обустройства ими родовых территорий, и, исходя из такой актуализации, закрепляла за родами их преимущественное владельческое право на землю.

Архивные фонды степных дум содержат множество материалов (к какой бы части этнической Бурятии они ни относились), в которых отразились поземельные споры. Задokumentированные, они отражают в этом случае поземельную практику как объемный процесс, связанный с предъявлением претензий по землепользованию, обращением в вышестоящие органы, в котором буряты обосновывали свое право занимать эти земли, в том числе указывая на свои родовые владельческие права, а также с обсуждением спорных вопросов на сугланах и принятием решения по ним. Сугланы собирались «в общую инородную управу или родовую управу по повестке инородного начальника...» [4, Д. 307, Л. 11]. Члены общины были обязаны явиться на суглан, противное было наказуемо [2, С. 291]. Не только поземельные споры являлись предметом столь широкого обсуждения, на сугланах решали вопрос о денежных сборах и их раскладке внутри улусной общины. Общественные внутренние повинности раскладывались на поборные души – «живых и могущих оплачивать побор», платежи за умерших и неимущих община

раскладывала на зажиточных улусников, но это «зависело от воли всего целого общества, в одно сугланное место собравшегося» [Там же, С. 290].

Архивные материалы содержат описание ситуаций совместно пользования, например, выгонами, когда выгоны в общинах лежали в пределах родовых дач, но фактически находились в общем пользовании нескольких общин. В такой практике нередки были земельные споры. Часть из них завершалась составлением миролюбивых сделок, с указанием обязательств сторон не стеснять друг друга, по некоторым спорам процесс затягивался ввиду различных административных проволочек и волокиты.

Договорами о приеме новых членов в общину предусматривалось прежде всего наделение новоприбывших земельными участками. В них, приемных свидетельствах, заметно прослеживается владельческое право рода. Это видно в таких положениях приемного документа, как, например, «... имеем наделить землями из владеемых нами общественных (земель) надлежащим количеством, в том дав сие приемное за надлежащим родового начальства свидетельством» [1, Д. 2770, Л. 98]. На основе анализа поземельных жалобы отмечали, что буряты довольно часто упоминали про свое право на родовые земли, указывая на число поколений, занимавших эти земли [5, С. 66]. Скорее всего, это предпринималось в целях показать давность владения землями как основание для возникновения родового владельческого права на занимаемые территории.

В материалах Селенгинской степной думы также имеются документы, широко иллюстрирующие практику родового владельческого права. Так, например, голова 2-го табангутского рода Ленхоев и Гармаев, голова 3-го табангутского рода, сообщали властям о том, что подведомственные им буряты просят о воспреещении действий со стороны кяхтинских купцов, мещан и крестьян. Последние, как отмечено в документе, рубили лес в табангутских родовых дачах, лесных урочищах. В своей просьбе, адресованной властям, улусные люди требовали принятия воспретительно-распорядительных мер в отношении тех, «кто производил порубку сосновых и березовых лесов без дозволения тех, коим принадлежат дачи» [1, Д. 2721, Л. 10]. В деле о выселении ясачных харанутского рода из дачи бумольгутского рода также очевидно действие родового владельческого права [1, Д. 2646, Л. 3].

Имеющиеся архивные материалы о землепользовании бурят в XIX в. отражают «ситуацию перехода» в улусной общине, когда в ней родственно-генеалогические и общинно-территориальные структуры сочетались таким образом, что родовые институты все еще обладали механизмом воздействия на общественную, в том числе поземельную, практику, но действительным распорядительным органом в поземельных вопросах выступал территориальный союз.

Среди общинных забот было устройство городьбы пашенных и сенокосных участков. Материалы о хлебной и сенокосной поскотинах показывают важность наблюдения за ними, что отразилось в регламентации положений по их установке и содержанию. Всякий человек был обязан городить хлебную и сенокосную поскотину крепко и хорошо, «в каждом прясле (братъ) шесть жердей и загородить крепко, а где же мало удобного леса, то загораживать и толще – в 7 жердей ... и если скот сделает потраву, то принудить хозяина скота к оплате за ту потраву...», если скажет, что произошла потрава «по худобе или низкой городьбе, или вовсе по неимению таковой, то обязан платить за исправленное по оценке половинное количество хозяин скота за слабый присмотр, а хозяин потравленного хлеба или покоса лишается половинного взыскания за недостаточную огорожу» [4, Д. 308, Л. 23].

Уложение селенгинцев далее гласит о том, что «если по худобе поскотины или вовсе по неимению таковой, войдет скот в хлеб и от неумеренной еды сдохнет, то по освидетельствованию скота и хлеба почетными людьми хозяин обязан по худой огороже, буде в общей с прочими поскотине, своего участка заплатить половинное число сдохшего скота и хозяину хлеба потравленную половину хлебом, хозяин же скота лишается другой половины сдохшего скота за худое смотрение оною и обязан заплатить за уплатою первым остальную половинную часть потравленного хлеба» [Там же, Л. 23-24]. Положениями «О наблюдении хлебной и сенокосной поскотины» Степного уложения селенгинцев определялись конкретные сроки по установлению поскотины: «всякий обязан поскотину хлебную и сенокосную кончить обгораживанием мая ко 2 числу, а в весеннее время отворять поскотины с 15 сентября каждого года» [Там же, Л. 25]. Этим же уложением предписывался штраф за пренебрежение

положениями по содержанию поскотин: «если кто, выехав, не запрет ворота, тот подлежит к взысканию» [Там же, Л. 25].

Тункинцы в своих законах и обычаях также подробно расписывали распоряжения в отношении общинных работ и обязанностей каждого домохозяина в исправном несении трудовых повинностей [4, Д. 309].

Детальная проработка хозяйственных работ по огораживанию полей определялась необходимостью избежать погравы, в конечном счете – необходимостью получить хороший сбор зерновых и обеспечить заготовку сена.

Уложение хоринцев также вменяло общинникам в обязанность устройство крепкой городьбы к определенному сроку: «и если на означенный срок кто не соблюдет крепко городьбой, а скот разобьет или съест, то хлебов и сена хозяевам того искать не должны» [4, Д. 306, Л. 21].

Распоряжавшаяся вопросами землепользования как владелец земель, улусная община регулировала внутриобщинные поземельные отношения. В этой практике наряду с обыденными ситуациями, разрешавшимися привычными мерами, брались в расчет риски, которые могли возникнуть в землепользовании. Так, например, в одном из подробных описаний этих рисков показано, что община была на стороне тех, кто собственными трудами обработал пустые лежащие земли для хлебопашества и сенокоса, но если «по нерадению своему или пришествию к бедности городьбу свою разломает, а по оставлению оной кто-нибудь из посторонних вознамерится оное место огородить, и между тем выйдет ссора, то дать время прежнему хозяину на три года и, если за сим его сил не будет, то доносить о том родовому начальнику, дабы не могла та земля оставаться бесполезной, кто имеет нужду в сенокосении, позволяется обгородить и оными местами пользоваться, но за очищенные камни и прочего прежнего владельца по возможности наградить» [4, Д. 308, Л. 24]. Община, как известно, поддерживала улусников, которые своим трудом обработали земли для хозяйственных нужд, и учитывала это в практике переделов земли в общине: пашни, как правило, не подвергались переделам, и именно потому, что была произведена уборка участка, идущего под пашни, и затрачены усилия по хозяйственному освоению земельного участка [5, С. 68].

Степными положениями предписывалось не засорять сенокосные места, но если все же происходило их засорение, то занимавший эти угодья был обязан расчистить участки «от костей или камней», предостерегая тем самым поломку косы «от костей или камней» у нового держателя земли, ибо «в случае, если он изломает косу, то должно за оную (ему) платить» [4, Д. 308, Л. 24].

Архивные материалы изобилуют свидетельствами о хозяйственном содержании покосных угодий и возникавших в связи с этим обязанностях улусников. Вопрос, например, о подведении воды к покосным угодьям Селенгинское уложение решало так: если пустить воду по вырытым канавам в покос, то «не делать друг другу стеснения, а пускать по очереди» и что «если каналы были выкопаны в местах, где бывает проезд людей и переход скота, то делать мосты, если же нет мостов и учинится чему-либо вред, то в этом случае хозяева канав остаются виновными и подвергаются взысканию» [Там же]. Буряты, как утверждали землестроители, упорно и постоянно трудятся над улучшением покосных угодий и благодаря этому «... излишком даже снабжали рынок города Иркутск» [3, Д. 86, Л. 4].

Сообщения и свидетельства о поземельной практике в бурятском улусе, имеющиеся в государственных архивных фондах, представляют собой огромный источниковый материал для исследования такого института как улусная община и выявления в ее развитии экономических, социальных, правовых, культурных и идеологических связей в их сплетении и единстве.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 2. Оп. 1.
2. Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы) / Сост. и авт. коммент. В. В. Карлов. – М.: Старый сад, 1997. – 396 с.
3. Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 142. Оп. 2.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп.1.
5. Сыденова Р.П. Улусная община западных бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 130 с.

Батуева Альбина Бадмаевна
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
batuieva.albina95@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БУДДИСТОВ В 1960–1970-Х ГГ.

Статья посвящена международной деятельности Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ) в 1960-1970-х гг., которая сыграла большую роль в развитии дипломатических отношений СССР с буддийскими странами и организациями Азиатского континента.

Ключевые слова: Бодхисатва, Центральное духовное управление буддистов, Всемирное братство буддистов, Пандито Хамбо лама, Азиатская конференция по религии и миру.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-205-211

Batueva Albina Badmaevna
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

INTERNATIONAL ACTIVITY OF CENTRAL SPIRITUAL CONTROL OF BUDDHISTS IN 1960-1970-X YEARS

The article is devoted to the international activity of the Central Dispatch Control Bureau in the 1960s-1970s, which played an important role in the development of diplomatic relations between the USSR and Buddhist countries and organizations of the Asian continent.

Keywords: Bodhisattva, Central spiritual office of buddhists, world buddhist brotherhood, Pandido Hambo Lama, asian conference on religion and peace.

В 1960 – начале 1970-х гг., в условиях международного сотрудничества и возросшей взаимной ответственности народов за мирное сосуществование, советская власть подвергла пересмотру основные принципы своей внешней и внутренней политики. В международной

деятельности СССР не мог учитывать острейший вопрос современности – свободы совести. Поэтому советское правительство активно способствовало выходу Духовного управления буддистов на международную арену, а оно, в свою очередь, включилось в борьбу за мир, оказывая поддержку всем внешнеполитическим инициативам страны.

Согласно идеалу бодхисатвы, последователь буддийского учения не может достичь личного спасения от страдания до тех пор, пока есть еще живые существа, омраченные неведением и страданием. Отсюда следует фундаментальное положение буддийской сотерологии о том, что для достижения полного и окончательного освобождения от своих собственных заблуждений и страданий последователь учения Будды должен активно бороться за спасение всех других живых существ, а значит, и за их мир, спокойствие и безопасность. Это положение придает буддийскому пути к миру, спокойствию и безопасности всеобщий, универсальный характер и побуждает буддийских адептов активно служить делу мира во имя и на благо людей, независимо от их национальной или расовой принадлежности, социального положения или идеологических убеждений. Последователь буддизма не может предаваться пассивной бездеятельности и удовлетворяться своими личными достижениями в морально – психическом совершенствовании, если над другими живыми существами нависла угроза уничтожения [1, С. 63].

Принятое в 1969 г. «Положение о буддийском духовенстве СССР» содержало наряду с другими следующие пункты: 1) расширение контактов и поддержки взаимовыгодных связей с неправительственными и другими общественными организациями и движениями всех стран; 2) укрепление связей с главами и представителями других религий мира, выступающих за спасение священного дара от ядерной катастрофы....».

Международная деятельность Центрального духовного управления буддистов сыграла большую роль в развитии дипломатических отношений СССР с буддийскими странами азиатского континента. Власти разрешили ЦДУБ установить более тесные контакты с крупнейшими буддийскими организациями, такими как Всемирное братство буддистов (далее ВББ). Эта крупная международная организация была создана в 1950 г. в Коломбо (Шри-Ланка), затем ее центр был перенесен в Бангкок (Таиланд). Соединенные Штаты Америки приняли ряд мер, чтобы стать членами ВББ, пустив в ход «Фонд Азии» и «Фонд

Рокфеллера». Долгие годы ВББ характеризовалось своей прозападной ориентацией. Американские буддисты были представлены в нем тремя регионами, тогда как не каждая из действительно буддийских стран Востока получила право считаться правомочным регионом. В те годы даже весьма сдержанная со статьями, посвященными борьбе буддистов за мир и национальную независимость, неоднократно подвергал обоснованной критике деятельность ВББ. Первым вице – президентом ВББ стал американец Гард при президенте – тайландской принцессе Пун Писмай Дискул [7, С. 172].

Советские буддисты принимали активное участие практически во всех конференциях. Так, на Всемирной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (Москва, 6–10 июня 1977 г.) приняло участие около 60 буддистов из Вьетнама, Индии, Бангладеш, Лаоса, МНР, Непала, СССР, Шри-Ланки, Японии [3, Л. 2].

По политическим мотивам не прибыли делегации Малайзии, Сингапура, Кореи, хотя ранее было получено их согласие участвовать в данном форуме.

Ввиду того, что С.Д. Адель и Н.К. Кумбхаре из Индии, которые должны были возглавлять работу комиссий в течение нескольких дней находились в больнице, они были заменены другими лицами (Д.П. Баруа из Бангладеш, Т. Махахамтан из Лаоса). Последние удачно справились в возложенной на них задаче.

В целом такого рода Конференция была первой в мире по своим масштабам, охвату многих религий, континентов и стран (663 делегата из 107 стран, что было отмечено многими делегатами). Большим успехом конференции можно считать обстановку единодушия в принятии окончательных документов. Несмотря на самый широкий диапазон мнений в обстановке полной свободы, волеизъявления, участники конференции были единодушны в главном – в необходимости сохранения и упрочения мира, исключая войны из жизни человечества и создания справедливых условий для народов. В этом видится огромный опыт, умелая и гибкая организаторская работа устроителей конференции.

Одной из важных сторон Конференции было то, что многие из ее участников смогли убедиться собственными глазами, насколько гарантирована свобода совести в СССР, что идет вразрез буржуазной пропаганде, активно действующей во всех странах, представ-

ленных на Конференции. В этой связи большое значение имели поездки делегатов – буддистов в Киев, Ленинград, Улан-Удэ, где они имели возможность встречаться с верующими, посещать храмы, знакомиться с жизнью местного населения. Весьма полезным для углубления взаимопонимания было знакомство с жизнью советских людей в целом: отсутствие в стране безработицы, обеспечение всех бесплатным образованием, лечением, отсутствие инфляции и всех тех о буржуазного общества, с которыми сталкиваются все страны, не вставшие на путь социалистического развития. Полезным для буддистов из социалистических стран был опыт работы как религиозных организаций в СССР, так и координирования религиозной деятельности Советом по делам религий: представители Вьетнама, Лаоса, МНР имели возможность перенять некоторый опыт для своей дальнейшей деятельности.

С 23 января по 1 февраля 1977 г. была совершена поездка делегации буддистов СССР в Сингапур. В состав делегации входили: Хамбо лама Гомбоев – глава делегации, лама Дашидондоков, профессор С.Д. Дылыков, Д.Ш. Шагдарова и переводчик П.Ф. Толкачев.

Делегация была приглашена президентом регионального центра ВББ мисс Пит Чин Хуэй в ответ на посещение делегации буддистов Сингапура Советского Союза в сентябре 1976 г. Дата была определена хозяевами в соответствии с обстановкой, т.е. после конференции по религии и миру и до китайского нового года / 19 февраля 1976 г. /. Первоначальная дата отъезда 9 января была перенесена на 28 января в связи с задержкой въездной визы.

Цель поездки состояла в знакомстве с деятельностью буддистов Сингапура, налаживания контактов и изучения возможностей приглашения буддистов и мусульман в Москву для участия в конференции представителей разных религий в июне 1977 года, помимо этого делегацию интересовала проходившая в конце ноября 1976 года Азиатская Конференция по Религии и Миру, игравшая роль контрмеры против АБКМ.

Выводы и предложения:

1. Делегация буддистов посетила Сингапур в обстановке усилившегося нажима с стороны правящих кругов США на страны, входящие в АСЕАН, с целью превращения этой организации в военный блок, на подобие развалившегося в свое время СЕАТО. В этом направлении особое влияние на Сингапур в Малайзию ока-

зывает нынешний режим Тайланда. Отсюда заметна была настроенность представителей властей Сингапура к приезду буддийской делегации СССР и дальнейшим контактом буддистов обеих стран.

2. Делегация считает целесообразным срочно направить в Сингапур и Малайзию приглашения для участия в конференции представителей разных религий за мир через наши посольства в этих странах.

3. Учитывая сложившуюся обстановку в Сингапуре, делегация считает, что она выполнила возложенную на нее задачу.

Советские буддисты принимали активное участие практически во всех проводимых ВББ мероприятиях. Так, делегация Центрального духовного управления буддистов принимала участие в делегации буддистов СССР в Индию с 26 по 30 марта 1977 г. В состав делегации ЦДУБ входили: Пандито Хамбо лама Гомбоев – глава делегации, Цыдыпов Б.Ц. – переводчик [4, Л. 5].

По приглашению Генерального праздничного комитета и Общества «Маха боди Индии» делегация советских буддистов посетила Индию в конце марта и приняла участие в работе Международного семинара по буддизму, посвященного празднованию 2600-летия со дня рождения Будды.

Для участия в работе семинара приехали представители буддийских организаций из следующих стран: Японии, Гонконга, Непала, Шри-Ланки, ГДР, МНР (президент АБКМ – Хамбо лама Гомбожав, его генеральный секретарь профессор Жугдер), Англии, США, Бутана. Число иностранных делегатов составило 50 человек, а со стороны Индии – около 130 человек.

Открытие семинара состоялось 27 марта, на который прибыли исполняющий обязанности президента Индии Б.Д. Джатти, отдельные представители дипломатического корпуса, известные политические и религиозные деятели страны. В своем коротком выступлении Б.Д. Джатти коснулся исторической роли буддийской религии в жизни народов Индии и подчеркнул важность использования некоторых положений учений Будды в современной жизни.

Примечательно, что приветственные выступления на семинаре были открыты главой нашей делегации Пандито Хамбо ламой Гомбоевым. Он также выступал первым и на заключительной сессии семинара, 29 марта.

Общая тема семинара «Вклад буддизма в мировую культуру и цивилизацию» охватывала вопросы религии, философии, этики,

логики, психологии, медитации (созерцание), социологии, искусства, архитектуры и других аспектов буддизма.

Работа семинара проводилась в пяти последовательных сессиях, на которых выступило более 50 гостей и членов индийской делегации.

Центральное духовное управление буддистов, со своей стороны, приглашало буддистов из других стран. Так, в 1989 году по приглашению ЦДУБ прибыла в СССР делегация из правительства Далай-ламы. С 18 по 21 апреля в Улан–Удэ находилась делегация тибетцев во главе с министром иностранных дел правительства Далай – ламы Лоди Гяри с сопровождающим Агваном Рабжалом – политическим секретарем постоянного представительства тибетцев Дели.

Основной целью визита тибетцев было посещение Ленинградского дацана, оказание помощи по реставрации храма, о полной подготовке к открытию дацана в этом году [5, Л. 18].

Решением буддийских кругов азиатских стран была создана еще одна организация. В декабре 1969 г. В Улан-Баторе собрался подготовительный комитет организации. Он постановил созвать первую Азиатскую буддийскую мирную конференцию. Она состоялась 11–13 июня 1970 г. в г. Улан-Баторе. Конференция приняла «Обращение ко всем буддистам Азии» и резолюции «По Вьетнаму и Индокитаю» и «По развитию сотрудничества между буддистами в интересах мира». Она учредила Комитет содействия сотрудничеству буддистов Азии в борьбе за мир, которому было поручено установление связей с «международными организациями и силами, борющимися за национальную независимость и человеческие права» [2, С. 128].

Конференция избрала президентом Комитета главу Духовного совета буддистов МНР Хамбо ламу С. Гомбожава и вице-президентами Н. Джинаратану (Индия) и М. Суманатиссу (Шри–Ланка). Генеральным секретарем стал профессор Ч. Жугдэр. На третьей генеральной конференции первоначальное наименование организации было заменено новым. Она стала называться Азиатской буддийской конференцией за мир (АБКМ). Под этим названием и продолжается ее работа [6, С. 225-227].

В рамках празднования 250-летия буддизма в России прошла научная конференция, на которой выступили с докладами ученые республики – Р.Е. Пубаев, Г.Л. Санжиев, Ш.Б. Чимитдоржиев, К.М. Герасимова, Т.М. Михайлов и другие. Эта конференция, по существу, стала точкой отсчета новых подходов к исследованию

проблем буддизма. Сенсацией стало выступление В. Пупышева, рассказавшего вместо заявленного доклада по тибетской медицине о жизни и деятельности Б. Дандарона, репрессированного за «создание тантристской секты буддистов» в 1970–е гг. [8, С. 32-45].

Можно утверждать, что практически с середины 1950-х гг. ЦДУБ было переориентировано на деятельность за рубежом для поддержания версии властей о свободном и благополучном существовании буддийской церкви в социалистическом государстве. Международная деятельность Духовного Управления буддистов можно рассматривать как дань лояльности властям, в которой ярко проявилась зависимость церкви от атеистического советского режима, когда религиозное сознание уступало место выполнению государственных директив. Эта деятельность разворачивалась по двум главным направлениям: 1. Борьба за мир и защита интересов социалистического государства перед мировой общественностью; 2. Экуменическая деятельность.

Позиции буддийской церкви, которые формулировались делегациями ЦДУБ практически во всех докладах на крупных международных форумах и других мероприятиях, полностью отвечали задачам советской пропаганды.

Таким образом, международная деятельность Центрального духовного управления буддистов сыграла большую роль в развитии дипломатических отношений СССР с буддийскими странами Азиатского континента.

Список источников и литературы

1. Абаев Н., Митыпов В. Актуальные проблемы сегодняшнего дня и буддийский путь к миру / Н. Абаев, В. Митыпов // Буддийский мир. – 1988. – С. 63.
2. Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность: Мат-лы конф. 23-24 июня 2001 г., Тамчинский дацан / отв. ред. С.П. Нестеркин. – Улан-Удэ, 2002. – С. 128.
3. ГАРБ. ФР. 1857. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.
4. ГАРБ. ФР. 1857. Оп. 1. Д. 105. Л. 2.
5. ГАРБ. ФР. 1857. Оп. 1. Д. 252. Л. 18.
6. Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой половины XX века / Т.В. Ермакова. – СПб: Наука, 2011. – С. 225-227.
7. Корнев В.И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии / В.И. Корнев. – М., 1987. – С. 172.
8. Урбанаева И. С. Духовность как проблема интеллигенции или о путях внутреннего Будды / И.С. Урбанаева // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. Улан-Удэ. 2009. – С. 32-45.

Цыденов Олег Баирович
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
ts.ol@mail.ru

РОЛЬ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выработка и реализация действенной национальной модели молодежной политики всегда будет одной из актуальных задач правительств всех стран. Молодежный парламентаризм в России – это молодое явление. Как и новой российской государственности ей двадцать с небольшим лет. Подрастает поколение с высокой социальной ответственностью, которое воспитано на принципах гуманизма и демократии. Истина в том, что они будут той частью общества, которая в будущем будет определять его развитие. Парламентская культура остается ключевой для современного политического процесса. Видится, молодежный парламентаризм входит в фазу активной своей деятельности и будет влиятельным участником политической системы общества. В статье рассмотрена роль молодежного парламентаризма в России, его место в системе государственной власти. Так же рассмотрена деятельность молодежных парламентов за рубежом, и проведены параллели с российскими молодежными институтами власти. Рассмотрены некоторые проблемы, существующие сегодня в деятельности молодежных парламентов в Российской Федерации, и пути их разрешения.

Ключевые слова: парламентаризм, органы власти, законотворчество, консультативно – совещательная структура, молодежный парламент, молодежная палата, молодежная политика, координация, личность, патриотизм, гражданское общество.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-212-220

Tsydenov Oleg Bairovich
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

THE ROLE OF YOUTH PARLIAMENTARISM IN CONTEMPORARY RUSSIAN ACTIVITIES

The development and implementation of effective national model of youth policy will always be one of the urgent tasks of all governments. Youth parliamentarism in Russia – is a young phenomenon. As a new Russian statehood her twenties. The younger generation with a high level of social responsibility, which is brought up on the principles of humanism and democracy. The truth is that they are part of the society, which in the future will determine its development. Parliamentary culture remains central to modern political process. Sees, youth parliamentarism is included in the active phase of its activities and is an influential participant in the political system of society. The article considers the role of youth parliamentarism in Russia, its place in the system of state power. Also examined the activities of youth parliaments abroad, and the parallels with Russian youth institutions. Some problems that exist today in the activities of youth parliaments in the Russian Federation, and ways to resolve them.

Key words: parliamentarism, authorities, lawmaking, consultative – deliberative structure, Youth Parliament, Junior Chamber, youth policy, coordination, personality, patriotism, civil society.

Прежде чем говорить о роли молодежного парламентаризма в системе власти, необходимо понимать, что такое молодежный парламент и парламент вообще. В условиях глобализации и устойчивого развития мира, любое суверенное государство стремится идти в ногу со временем. Права человека, законодательство, система власти со всем этим немногим перечисленным мы сталкиваемся в обыденной жизни, потому как они характеризуют современное мироустройство и устройство политической жизни в отдельном государстве. К такой категории можно отнести и молодежный парламентаризм.

Во всех государствах, где реализуется принцип разделения властей, существует парламент. Парламент – это высший законодательный (представительный) орган в государстве, но молодежный парламент не является его прямым производным в целом. Прежде всего это совещательная структура, в котором представлены лидеры всех социальных и возрастных групп молодежи.

В мировой практике зачатки молодежного парламентаризма появились в начале XX века в США. С тех пор молодежные парламенты

существуют во многих странах мира. В Новой Зеландии молодежный парламент создается при органах законодательной власти, а в Египте при органах исполнительной власти. В некоторых странах молодежный парламентаризм существует, больше как социальное явление, нежели политическое. К примеру, в Австралии молодежный парламент – это социальная программа органов государственной власти и молодежных общественных объединений. На наш взгляд такое расхождение обусловлено разной эффективностью и спецификой реализации молодежных политических программ.

Активно идею создания молодежного парламентаризма подхватило европейское сообщество, где сегодня осуществляет свою деятельность Европейский молодежный парламент. Он создан в 1987 году молодежным фондом Фонтенбло (Оксфорд, Великобритания), как образовательный проект. Представляет собой конференцию, на которой молодые люди имеют возможность свободно выражать свои мысли без какой – либо политической подоплеки, способствуя таким образом развитию независимого мышления и личной инициативы.

После I Всероссийского семинара – совещания «Развитие молодежного парламентаризма в Российской Федерации» молодежному парламенту было дано определение, которое в дальнейшем закрепилося и вошло в оборот в России и за рубежом. Молодежный парламентаризм определен как «система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанная на создании и функционировании при органах власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно – совещательной структуры молодежи – молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства», а «молодежное парламентское движение – деятельность, направленная на формирование и развитие общественных консультативно – совещательных структур молодежи на различных уровнях государственного и муниципального управления, направленная на привлечение молодежи к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации им эффективной молодежной политики путем представления законных интересов молодых граждан и общественно – значимых идей» [1]. Тогда эти определения были даны, как некие цели, которые следует достигнуть сегодня. К сожалению, актуальной остается проблема занятости молодого поколения и как следствие миграция за пределы страны.

В начале прошлого года на встрече с отечественными бизнесменами В.В. Путин заявил: «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи кроме патриотизма». Именно патриотизм является национальной идеей России. Справедливо замечают авторы, что сегодня патриот – это еще и человек, знающий и уважающий национальное законодательство, соблюдающий права и обязанности человека и гражданина. Таким образом, определен вектор молодежной политики на современном этапе развития нашего общества – патриотическое и правовое воспитание молодежи [2]. В связи с этим, формирование правосознания личности через разные политические институты и общественные системы должно быть одним из приоритетных направлений деятельности государства.

Молодежное парламентское движение является одной из самых эффективных форм взаимодействия молодежи и органов власти [3]. Современный российский молодежный парламентаризм как институт власти, общественный институт призван представлять интересы молодежи и повышать эффективность участия молодежи в жизни страны, региона, города. Важным шагом в его развитии стало создание Молодежного парламента при Государственной Думе РФ, Молодежной парламентской Ассамблеи при Совете Федерации РФ. Это консультативно – совещательные структуры, оказывающие содействие в деятельности палат Федерального Собрания. Так же существует Молодежная Дума России, объединяющая представителей различных молодежных общественных и политических структур из регионов Российской Федерации. Среди задач развития молодежного парламентаризма можно выделить следующие: создание условий для консолидации молодежи (на уровне РФ, субъектов РФ) для участия в реализации государственной молодежной политики; создание условий для системного выявления социально активных молодых людей, потенциальных и уже состоявшихся лидеров, обеспечения их дальнейшего становления и роста; создание системы подготовки кадров молодежных парламентов и иных молодежных общественных консультативно — совещательных структур, направленной на формирование кадрового потенциала органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления [4].

Выделяются несколько форм молодежного парламентаризма, например молодежный парламент как общественная организация,

имеющая юридический статус; молодежный парламент, созданный при органе законодательной власти. Еще одна форма молодежного парламентаризма – объединение при органе исполнительной власти (Молодежное правительство). Правовой статус молодежных парламентов различен [5]. Стоит обратить внимание на то, что понятие «парламент» подразумевает организацию взаимодействия с органами законодательной власти (представительной) власти. Происходит некое искажение понятий, и даже его подмена, что недопустимо. «Молодость» данного явления, неоднозначность подходов к его развитию со стороны практиков, а так же отсутствие теоретических исследований создают широкое поле для полемики [6]. Необходимо понимать то, что дальнейшее развитие молодежного парламентаризма в России, невозможно без его правового регулирования. Формирование целостной нормативной правовой базы о молодежном парламентаризме послужило бы сегодня хорошей предпосылкой для последующей эффективной работы.

В большинстве своем, в России молодежный парламентаризм можно охарактеризовать как государственный проект, который не реализовался в полной мере. Голос молодежи звучит неубедительно и не столь ярко, чтобы его услышала общественность. Деятельность молодежного парламента сильно зависит от органа его учредившего. Региональные молодежные парламенты как самоорганизующиеся системы вырабатывают политику решения социальных проблем молодежи, опираясь в основном на собственные силы. Необходима активная координация со стороны федерального центра, посредством проведения форумов, круглых столов, где молодые законодатели со всех регионов смогут обменяться опытом, завязать тесное сотрудничество.

На сегодняшний день молодежные парламентские структуры созданы и действуют практически во всех регионах Российской Федерации (в 80 – ти субъектах). Хотелось бы наиболее подробно рассмотреть деятельность Молодежных палат в Республике Бурятия. Молодежная палата при Народном Хурале Республики Бурятия структурно состоит из председателя, его заместителей, ответственного секретаря, председателей комиссий и его членов [7]. Комиссии созданы по наиболее важным вопросам деятельности молодежи в Республике. Комиссия по труду, занятости и предпринимательству; комиссия по взаимодействию с органами местного самоуправления

и внешним связям; комиссия по культуре, образованию, экологии; комиссия по социальным вопросам, патриотическому воспитанию и спорту.

Так же на муниципальном уровне действует Молодежная палата при Улан-Удэнском городском совете депутатов [8]. Палата активно сотрудничает с Комитетом по молодежной политике Администрации г. Улан-Удэ по реализации молодежных проектов. Обе палаты образованы при органах законодательной власти и призваны оказывать содействие в их деятельности.

Палаты занимаются полезными делами, но не совсем в той сфере в какой следует. Не справедливо на Молодежные палаты возложили функции организаций социально – общественной направленности. Это характерно для большинства молодежных парламентов в российских регионах. Существует множество различных молодежных общественных организаций. Они используют разные механизмы воздействия на политические процессы, такие как демонстрации, шествия, митинги и др. Через эти мирные и законные акции молодая общественность может выразить свою активную гражданскую позицию и свое видение дел в обществе. Тогда, задача Молодежных палат услышать и принять во внимание предложения, для скорейшего их решения. Молодежный парламент – это прежде всего структура законодательного толка, и он должен заниматься исключительно законотворчеством. Таким образом через законотворческий процесс члены парламентов должны будут лоббировать интересы молодежи. На наш взгляд, в этом заключается вся сущность молодежного парламентаризма как консультативно – совещательной структуры. Если вернуться к корням, то молодежный парламент в начале прошлого столетия образовывался как орган, выступающий школой для будущего законодателя. Что касается форм деятельности молодежных парламентов, сегодня мы наблюдаем некую расплывчатость. Как отмечалось выше этот вопрос можно отрегулировать, путем создания единой нормативной базы, где будут разведены предметы ведения и сфера предполагаемой деятельности. В основу создания такого регулирования и преобразования молодежного парламентаризма в целом, должен быть взят успешный опыт всех мировых государств. К примеру родоначальник сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю, начал с того, что воспитал поколение образованных и уверенных в своем будущем

людей [9]. Молодежные парламенты должны стать площадкой для развития законодательных инициатив молодых депутатов.

В чем же все – таки предназначение молодежных парламентов? Чем должны заниматься Молодежные палаты в Республике Бурятия? Ответы на эти вопросы мы попытались найти у самих молодых людей. Надо отметить, они проявили активную заинтересованность в проведении такого опроса. И вот некоторые особо волнующие их темы.

Особняком стоит вопрос досуга. Вне зависимости от устройства общества такая группа, как активная молодежь всегда находило себе применение. Необходимы меры по занятости основной массы молодежи, которая в общем – то ведет пассивный образ жизни. Но это происходит далеко не от того, что они не знают чем заняться. Проблема глубже, и на нее влияет ряд факторов, которые тесно плетутся друг за другом.

Во-первых, экономическая нестабильность в регионе. Статус Республики, как депрессивного региона в значительной степени определяет жизненные возможности молодых людей. Создается ощущение бесперспективности личностного и карьерного роста. Нет иллюзий на тему того, что экономика может утроиться в раз хорошо. Это длительный, трудоемкий процесс. Но понятно и то, что молодой человек не будет дожидаться лучших времен, а поспешит в более благополучные регионы.

Во-вторых, недоверие со стороны взрослых. Их убежденность в том, что квалификация молодых людей не соответствует тем высоким параметрам, которого требует серьезная, осознанная работа.

В-третьих, бюрократические преграды на пути реализации задуманного и другое.

Наряду с досугом молодые люди обращают внимание на проблему трудоустройства после окончания вуза. Приходит понимание того, что конкуренция за вакантное место зашкаливает. На первый план выходит качество получаемого образования. Логично то, что студент может предъявить соответствующие требования к процессу своего обучения. Так же в связи с активным и нелегким процессом внедрения российской системы высшего образования в Европейское пространство, справедливо у молодежи возникают некоторые вопросы и по этому поводу тоже. Одним словом, на молодежи откладывается отпечаток самых разных общественных,

политических, экономических процессов. Государству необходимо задуматься над усилением активности роли работодателей в организации и проведении студенческих практик, как важной части освоения профессиональных компетенций и навыков студентов [10]. Потому как, образование является важнейшей точкой опоры для любого человека.

Резюмируя, проведенный опрос, можно отметить, что для большинства респондентов именно эти вопросы вызывают тревогу. Таким образом молодые люди обозначили наиболее острые проблемы, которыми следует заняться Молодежным палатам Бурятии.

Вместе с тем, на наш взгляд не меньшего внимания Молодежных палат заслуживают вопросы культуры, науки, спорта, предпринимательской деятельности. На последнем хотелось бы остановиться более подробно.

Бизнес – сообщество сегодня один из самых креативных и инновационных слоев российского общества. В связи с этим поддержка молодежного предпринимательства является ключевой. В Бурятии развитие малого и среднего предпринимательства обозначено принятием такого закона в 2008 году [11]. В том числе он предусматривает поддержку молодежного предпринимательства, где выделены виды такой поддержки. Это проведение форумов, съездов; обеспечение деятельности молодежных бизнес – инкубаторов и т. д. Но так же хотелось бы видеть активное участие крупных предприятий Республики в развитии молодежного предпринимательства. К примеру, организацией на базе своих предприятий деловых игр. Это должно работать следующим образом: Несколько предприятий набирает к себе в команду определенное количество старшеклассников школ и студентов, где по окончании обучения лучшие из них соберутся на форуме, где будут имитировать деятельность международного экономического сообщества. У них будут вполне серьезные и конкретные задачи. Цель участников – достигнуть максимально выгодных договоренностей, для предприятия, которое они представляют. Главным образом это поспособствует формированию класса молодых предпринимателей. Зная тонкости изнутри, они в дальнейшем смогут открыть собственный бизнес, тем самым создавая новые рабочие места.

В заключении хотелось бы отметить, что молодым парламентариям следует активнее взаимодействовать со всеми профильными

комитетами органа при котором они образуются, не ограничиваясь только молодежной темой. Тем самым, увеличивая спектр влияния и продвигая интересы молодежи в самых разных областях. При этом, осуществлять свою деятельность в рамках не только Основного закона страны, но и безусловно в рамках собственных региональных Конституций и Уставов.

Парламент любой страны представляет собой сложное, своеобразное взаимодействие политических, региональных, индивидуальных устремлений. Молодежные парламенты зарекомендовали себя как некий аккумулирующий орган между молодежью и государственной властью, как орган, который активизирует позицию молодежи в решении своих проблем. Молодежный парламент станет крепким институтом власти, если станет смело и творчески пропагандировать свои идеи.

Список источников и литературы

1. Молодежный парламентаризм в Российской Федерации : документы и материалы I Всероссийского семинара – совещания. Ч.1. – Рязань, 2003. – С. 8.
2. <https://rg.ru/2016/12/01/reg-sibfo/sovets-molodyh-iuristov-v-novosibirsk-reshiv-vostryvat-patriotov.html> Российская газета 24 ноября 2016 четверг № 266 (7134)
3. Зозуля Е. В. Деятельность молодежных парламентов в современной России как форма политического участия / Зозуля Е. В. // Власть. – 2012. – № 2. – С. 35–37.
4. Молодежные парламенты России. Рекомендации по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www/parlament.ru/documents/02.rar>
5. Зозуля Е. В. Деятельность молодежных парламентов в современной России как форма политического участия / Зозуля Е. В. // Власть. – 2012. – № 2. – С. 35–37.
6. Ратникова Г. А. Общая характеристика молодежного парламентаризма в России / Ратникова Г. А. // Современное право. – 2013. – №1. – С. 7–10.
7. Положение о Молодежной палате при Народном Хурале Республики Бурятия (в ред. постановлений Народного Хурала РБ от 18.11.2005 N 1398-III, от 28.02.2008 N 176-IV)
8. Положение о Молодежной палате при Улан-Удэнском городском совете депутатов (в ред. Решения Улан-Удэнского городского Совета депутатов от 29.10.2015 № 145-13)
9. Селезнев П. С. Сингапурская модернизация: инновационный опыт для России / Власть. – 2014. – № 7.- С. 165 – 172.
10. Шевелева Н. А, Лаврикова М. Ю. Некоторые проблемы нового этапа развития юридического образования / Н. А. Шевелева, М. Ю. Лаврикова. // Закон. – 2014. – № 1. – С. 41– 45.
11. Закон Республики Бурятия «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия» от 07 ноября 2008 года № 568 – IV

Дамшаева Людмила Кимовна
Бурятский государственный университет
Российская Федерация, Улан-Удэ
damshaevalk59@mail.ru

СОЙОТЫ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены изменения в экспортно-импортной политике РФ в связи с санкциями и ответным продовольственным эмбарго. Проанализирована политика импортозамещения. Выявлены изменения в списке внешних поставщиков. Сделаны предложения по изменению существующей государственной политике.

Ключевые слова: Бурятия, традиционное хозяйство, коренные малочисленные народы Севера, природопользование, социо-экономическая трансформация.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-221-225

Damshaeva Lyudmila Kimovna
Buryat State University
Russian Federation, Ulan-Ude

SOYOTHS. STATE SUPPORT AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT

The article considers the policy of the state towards the small peoples of the North. The history of relations with the authorities of soyotes in the Soviet and modern periods of existence is studied. The shortcomings of the modern legal system in the field of land use are revealed. The conclusions about the need to solve the existing problems as soon as possible are made.

Keyword: Buryatia, traditional economy, indigenous minorities of the North, nature use, alienation.

В пределах РФ проживает немногочисленная группа сойотов (3579 человек, что составляет от общего населения Республики Бурятия 0,37%), проживающих в Республике Бурятия в Тункинском и Окинском районах. В прошлом сойоты были частью тувинского

этноса, но затем, отколовшись от него, создали новую этническую общность [8, С. 95].

В СССР сойотам, как и иным этническим группам, предоставили статус малой народности Севера, однако безо всяких полагающихся к нему льгот. Большую часть нацлидеров репрессировали. Окончательно сойоты были оттерты от традиционного хозяйства (оленеводства), когда в 1963 году было ликвидировано оленеводство как непродуктивный вид хозяйства. Чуть позже в Окинском районе Бурятской АССР создали Госпромхоз, который забрал главные охотничьи угодья сойотов. Самоназвание народа перестало фигурировать в переписях уже после 1926 года. Но гордый маленький народ охотников и оленеводов сохранил культуру и язык до марта 2000 г., когда особое постановление № 255 вновь включило бурятских сойотов в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ [7, С. 63].

Сойоты полностью соответствуют условиям:

- проживают на территориях традиционного расселения предков;
- сохраняют традиционный образ жизни, промыслов и хозяйствования;
- их число менее 50 тыс. человек;
- сойоты воспринимают себя самостоятельными этническими общностями [10, С. 38].

Соответственно, народ сойотов получил государственную поддержку РФ, которая заключается в усилиях, направленных на сохранение самобытного этноса. Принят Закон Республики Бурятия «О поддержке национально-культурных автономий в Республике Бурятия» [3].

В этом отношении можно отметить положительные моменты государственной поддержки, например, начавшуюся в 2001 году разработку сойотского письма, что позволило специальные учебные методические пособия и сойотский букварь. В 2003 году был выпущен «Сойотско-русско-бурятский словарь». А с 2005 г. в отдельных школах Окинского района внедряется обучение школьников родному сойотскому языку. И сегодня национальный язык сойотов воссоздается лингвистами РФ, немало слов заимствуется из языков родственных народов Тувы и Алтая, некоторых монгольских диалектов [4, С. 87].

Также возрождены многие сойотские традиции, к примеру, праздник «Жогтаар» был переименован в «Улуг-Даг», во имя священной, покровительствующей всем сойотам, горы.

Следующий, очень важный аспект государственной поддержки: экономический, заключающийся в поддержке как обозначенных выше культурных проектов, так и распределении субсидий, направленных на поддержку малочисленных народов Севера [2].

И здесь появляется крайне проблемный момент. Национальные промыслы сойотов – собирательство, охота, оленеводство, рыбная ловля.

Однако власти Бурятии не могут гарантировать беспрепятственного доступа сойотам к своим исконным землям, что вызывает угрозу целостности и качеству их ареалов проживания. Стратегия российского законодательства, на первый взгляд, направлена на сохранение мест традиционной деятельности и проживания сойотов (как и иных малых народов), в центре ее – права и доступ на территории, связанные с носителями этногенетической памяти, традиционными культурными практиками, тем, что подкрепляет этническую идентичность сойотов. Однако, как часто случается в нашем государстве, позитивные намерения оборачиваются нарушениями, изменениями, которые полностью меняют правовой смысл. Сегодня изъяты целый ряд крайне важных норм из ФЗ о малых народах Севера в целом, и сойотам, в частности [10, С. 188].

Так называемый «правовой туман» способствовал проигрышу всех судебных дел об образовании федеральных территорий традиционного природопользования. Законодательная база по созданию данных территорий и улучшению условий жизни сойотов, таким образом, неполноценна. Вместо урегулирования и гармонизации жизни сойотов с помощью решения земельного вопроса ограничиваются их права на ресурсы и территорию проживания [8, С. 95].

Конечно, в основном, это связано с советским периодом: насильственная трансформация кочевого таежного природопользования, ориентация на оленеводство в формате «мясошкура» и перевод кочевников на оседлый образ жизни. В 90-е оленеводство было поставлено на грань исчезновения, а нынешняя нерешенность вопроса о земле еще больше углубляет системного кризиса национальных промыслов. Противоречия комплекса федеральных законов привели к правовому тупику [5, С. 191].

Как отмечает А.А. Сирина, «пока закон бездействовал, земли раздавались в аренду и продавались, а теперь сложилась ситуация, которая преподносится как изначальная проблема, что земли потенциальных территорий традиционного природопользования принадлежат разным субъектам природопользования. Продолжается отчуждение основы существования народов Севера – охотничьих, оленеводческих, рыболовных угодий под промышленные проекты» [9, С. 283].

И все же власти способны исправлять свои ошибки. В 2015 году правительство РФ приняло обновленный перечень малочисленных народов Севера, а также перечень районов проживания для установления социальной пенсии в связи со старостью. По какой-то причине туда не был включен Окинский район. Соответственно, был создан пробел в правовом регулировании, лишивший сойотов возможности получать соцпенсию по старости с уменьшением на 5 лет общеустановленного по стране пенсионного возраста.

Однако правительство Республики Бурятия обратилось в Верховный суд РФ с соответствующим административным иском о признании недействующим постановления правительства России. В августе прошлого года Верховный суд восстановил права сойотов [10, С. 109].

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня можно наблюдать зримый рост этнического самосознания сойотов. Государственная поддержка сойотам на современном этапе развития оказывается, но существует немало проблем в осуществлении данной поддержки, которые требуют незамедлительного решения.

Список источников и литературы

1. ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ (с изм. от 13.07.2015 N 256-ФЗ) // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/
2. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 N 1532 (ред. от 17.02.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/c4a88543ab403b53309a417061008c2a4d53e49b/
3. Закон Республики Бурятия от 13.10.2010 N 1624-IV «О поддержке национально-культурных автономий в Республике Бурятия» (принят Народным Хуралом РБ 29.09.2010) // КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW355&n=21327#08428853559884744>

4. Аюшеев Н. Сойоты Бурятии в духовной цивилизации саянидов Внутренней Азии // Вестник БГУ. – 2017. – №1. – С. 86-92.

5. Илтакова Н.В. Коренные малочисленные народы Республики Бурятия: правовой аспект // Успехи современной науки и образования // 2017. – №8. – С. 190-193.

6. Кряжков В.А. Органы публичной власти и северные народы: конституционно-правовые проблемы отношений в сфере соуправления. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/102100720/>

7. Монгуш М.В. Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. – 2012. – №2(14). – С. 62-78.

8. Рагулина М.В. Тенденции развития традиционного природопользования коренных малочисленных народов Сибири // Науковедение. – 2013. – № 5(18). – С. 95.

9. Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. – М.: Восточная литература, 2012. – 318 с.

10. Тория Р.А. Правовое регулирование финансового обеспечения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: дисс. ... д.ю.н.: 12.00.04. – М.: ФГБОУ ВО МГИОУ им. О.Е. Кутафина, 2017. – 389 с.

Ихенова Любовь Робертовна

Бурятская государственная
сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова
Российская Федерация, Улан-Удэ
zlobert.03@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ВЕТЕРИНАРНЫХ ЛАБОРАТОРИЙ И ОПЫТНЫХ СТАНЦИЙ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР (1920–1950-Е ГГ.)

В статье рассматривается работа первых ветеринарных лабораторий и опытных станций в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1950 гг., трудности организационного характера, связанная с нехваткой квалифицированных специалистов – агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, землеустроителей и т. д. Отсутствие высшего учебного заведения также усугубляло сложившееся положение в регионе. Все эти факторы неблагоприятным образом сказывались в целом на животноводстве республики.

Ключевые слова: лаборатория, опытные станции, Бурятия, Бурят-Монгольский зооветеринарный институт, племенная работа, сельское хозяйство, животноводство, научно-исследовательская работа, ветеринарная наука.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-226-231

Ikhenova Lyubov Robertovna

Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Philippov
Russian Federation, Ulan-Ude

THE DEVELOPMENT OF VETERINARY LABORATORIES AND EXPERIMENTAL STATIONS TO BURYAT-MONGOLIAN ASSR (1920–1950 YEARS)

The article deals with the work of the first veterinary laboratories and experimental stations in the Buryat-Mongolian ASSR in 1920–1950, organizational difficulties associated with the lack of qualified specialists – agronomists, livestock specialists, veterinarians, land surveyors and so on. Absence of higher education institutions also aggravated the

situation in the region. All these factors adversely affected the livestock industry of the Republic as a whole.

Keywords: laboratory studies, experimental stations, Buryatia, Buryat-Mongolian veterinary Institute, breeding work, agriculture, animal husbandry, research work, veterinary science

Создание опытных учреждений в Бурят-Монгольской АССР были предприняты в 1920-е гг. XX в. Формирующаяся сеть опытного дела в отличие от других районов страны, была крайне малочисленна и представлена низовой ячейкой – главным образом животноводческих предприятий, ветеринарных учреждений. До первой половины 1930-х гг. в республике отсутствовали сельскохозяйственные научные учреждения, районные опытные организации, лаборатории при высших учебных заведениях [1, С. 140].

На практическое решение проблем ветеринарии была направлена работа по созданию сети опытных сельскохозяйственных учреждений, станций, ветлабораторий. Начало этому процессу положила организация Бурят-Монгольской опытной станции по животноводству «ИРО» Селенгинского аймака в 1924 году. Основное направление ее деятельности сводилось к производству племенных животных, приспособленных к местным природно-климатическим условиям, к производству репродукторов для массового распространения, к проведению селекционно-опытнической работы среди местного и породистого скота. В 1925 году из хозяйства было реализовано 10 бычков Селенгинскому и Кяхтинскому крестьянским комитетам и 16 бычков – Иволгинскому земельному отделу для распределения среди населения [2, С. 48].

Одной из главных проблем в развитии сельскохозяйственного производства была острая нехватка квалифицированных специалистов. В 1923 году в республике было всего 44 специалиста сельского хозяйства – агрономов, зоотехников, ветврачей и фельдшеров, землестроителей и гидротехников, из них только 7 с высшим образованием [3, С. 36].

В 1931 году начали работу Тамчинский сельскохозяйственный техникум Селенгинского аймака и Аларский ветеринарно-животноводческий [4, Л. 10]. В 1931 году, во всех предприятиях и учреждениях сельскохозяйственного значения республики по штату имели животноводов – 39, из них высшей квалификации – 16, средней – 23;

ветеринаров – 72, высшей – 26 и средней – 46, должно было быть в 1932 году на 1 января – 128 животноводов и 146 ветеринаров. Отсюда недостаток данных специалистов составлял соответственно по отраслям: в животноводстве – 30% и ветеринарии – 49% [5, Л. 33].

Данная ситуация во многом усугублялась отсутствием высших учебных заведений в республике. Первое высшее учебное заведение Агропединститут в системе НКЗ СССР был организован в декабре 1931 года [6, С. 134]. Бурят-Монгольский Зооветеринарный институт первый выпуск специалистов зоотехников высшей квалификации произвел в декабре 1936 года – январе 1937 года. Кадровая проблема была существенным препятствием в успешном развитии научно-зоотехнической работы по племенному делу в деятельности опытной станции по животноводству «ИРО».

На станции осуществлялась селекционная работа по улучшению породного состава овец путем скрещивания грубошерстной аборигенной овцы с баранами мериносовой тонкорунной породы «Рамбулье» [7, С. 11].

В 1939 году удельный вес породных овец в республике составил 37%. Изменился видовой состав шерсти. К 1940 году было заготовлено 6% тонкой, 13,7% полутонкой и 42,5% полугрубой шерсти. За счет улучшения породности, условий кормления и содержания значительно увеличилась продуктивность крупного рогатого скота и овец. Средний удой молока в колхозах и совхозах повысился с 364 кг в 1940 году и 451 кг в 1950 году, средний настриг с одной овцы соответственно – с 1,6 до 1,7 кг. [8, Л. 23].

Организация опытных сельскохозяйственных учреждений в 1920-1930-е гг. способствовала оформлению научно-исследовательской работы в сельском хозяйстве. Крайне неблагоприятная эпизоотическая обстановка в БМАССР обусловила необходимость значительного оживления научных исследований в области ветеринарии. В указанный период в республике были распространены такие заболевания как сибирская язва, чума, повальное воспаление легких, сап, пироплазмоз, оспа овец, инфлюэнца, холера птиц, рожа свиней и др. Из общего числа заболевших животных ветеринарной службы охватывалось до 1927 г. не выше 45%, фактически один ветфельдшерский участок был на 50-75 населенных пунктов, а на одного ветработника приходилось в среднем 35 000 голов животных [9, С. 26].

Низкая организация ветеринарной службы, недостаток квалифицированных ветеринарных специалистов, ветеринарных учреждений, отсутствие в достаточном количестве необходимых лекарственных препаратов сказывались отрицательно на состоянии животноводства. В связи с этим в 1926 г на основании постановления СНК БМ АССР была организована ветеринарно-бактериологическая лаборатория [10, С. 10]. Руководителем и организатором учреждения был ветврач бактериолог Остроумов Н.С.

В ноябре 1929 года ветбаклаборатория была реорганизована в Ветеринарный Клинико-Бактериологический институт НКЗ имени IV съезда Советов БМАССР [11, Л. 7]. Институт имел 4 отделения: клиническое, научно-исследовательское, вакцинное и сывороточное. Организатором клинического отделения был Суетин В. Я. Большую исследовательскую работу в институте проводил известный ветврач Архангельский И.И., где выполнил работы по темам: «Реакция Кана при сапе» и «Реакция Майнеке при ПВЛ». Наряду с научно-производственной работой институт готовил I и II вакцины Ценковского, сыворотку против сибирской язвы и фармолвакцины против оспы овец для Бурятской и Якутской АССР, Читинской и Иркутской областей, Дальнего Востока и МНР [12, С. 11].

Институт существовал до июля 1932 года, а затем был переведен в г. Иркутск, где объединился с краевым Научно-исследовательским животноводческим институтом (НИЖИ).

В г. Верхнеудинске (с 1934 г. – Улан-Удэ) осталась Республиканская ветбаклаборатория, деятельность, которой сводилась к проведению диагностических мероприятий, консультационной работы для сельскохозяйственных предприятий республики. Проводимые диагностические исследования сыграли положительную роль в процессе получения практических данных, которые послужили фундаментальной базой для последующих научно-обоснованных предложений и разработок в развитии ветеринарной науки. Основное внимание лаборатория сосредоточила на диагностике инфекционных и паразитарных заболеваний. Ветеринарные специалисты лаборатории выезжали в районы республики для обследования на местах сельскохозяйственных животных на бруцеллез. Было обследовано 39 133 головы [13, Л. 4].

В сентябре 1937 года Республиканской ветбаклаборатории в Бурят-Монгольскую ветеринарно-опытную станцию (БМВОС)

[14, Л. 65]. Наиболее практическое значение для животноводства республики, в первое десятилетие работы станции, имели работы Мачульского С.Н. по пироплазмозу лошадей и работы Уласевича П.С. по бруцеллезу. На основе их исследований в республике разрабатывались мероприятия по борьбе с гемоспоридозами лошадей и бруцеллезом сельскохозяйственных животных [15, Л. 7].

В период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) станция проводила большую диагностическую работу. За 1942 г. было проведено 765 паталого-анатомических исследований, 838 микроскопических, 980 бактериологических и более 100 биологических, гистологических и капрологических исследований [16, Л. 72].

В послевоенный период на базе БМВОС в 1945 г. была организована Республиканская ветеринарно-бактериологическая лаборатория Министерства сельского хозяйства БМАССР [17, Л. 56]. С ростом ветеринарной сети расширялась и сеть научно-исследовательских учреждений. В 1946 году БМВОС реорганизуется в Бурят-Монгольскую научно-исследовательскую ветеринарную станцию (БМНИВС), которую возглавил Уласевич П.С. Диагностические исследования сыграли положительную роль в процессе получения практических данных, которые послужили фундаментальной базой для последующих научно-обоснованных предложений и разработок в развитии ветеринарной науки. В 1950 г. значительно расширился круг научно-исследовательской и производственной деятельности станции. Бурят-Монгольская научно-исследовательская ветеринарно-опытная станция в этот период являлась одним из основных научно-методических центров ветеринарной службы в Бурятии.

Научно-исследовательская и производственная деятельность ветеринарных опытных станций и лабораторий Бурят-Монгольской АССР в 1920-1950-е гг. способствовала формированию фундаментальной научной базы, реализации в практической работе научно-теоретических разработок в области сельского хозяйства. Таким образом, складываются необходимые условия для создания Бурятского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

Список источников и литературы

1. Саганов В.Б. Курс на интенсификацию сельскохозяйственного производства / В.Б. Саганов. // Бурятия шагает в коммунизм / А.А. Бадиев (отв. ред.) [и др.]. – Улан-Удэ: Бурят кн. изд-во, 1973. – С. 140

2. Филиппов В.Р. История высшей школы и науки Бурятской АССР. / В.Р. Филиппов. // В братской семье народов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – С. 48
3. Филиппов В.Р. История высшей школы и науки Бурятской АССР. / В.Р. Филиппов. // В братской семье народов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – С. 50
4. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.
5. ГАРФ. Ф. 3260. Оп. 4. Д. 96. Л. 33.
6. Саганов В.Б. Указ. соч. С.134
7. Найданов Н.Н. Овцеводство Бурятии за 20 лет. И пути дальнейшего развития отрасли. / Н.Н. Найданов. // Материалы научно-производственной конференции по овцеводству, посвященной 20-летию бурятского типа забайкальского породы овец. – Улан-Удэ, 1993. – С. 11.
8. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 67. Д. 29. Л. 23.
9. Зайцева Л.А., Попов А.П. Ректоры первого вуза Бурятии: Очерки истории БГСХА. Вып.1. / Л.А. Зайцева, А.П. Попов. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. – С. 26
10. Труды Бурятской научно-производственной ветеринарной лаборатории. – Вып.2. – Улан-Удэ, 1968. – С. 10
11. Государственный архив республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1674. Оп 1. Д. 42. Л. 7.
12. Труды Бурятской научно-производственной ветеринарной лаборатории. Указ. соч. С.11
13. ГАРБ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 8. Л. 4
14. ГАРБ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 6. Л. 65
15. ГАРБ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 42. Л. 7
16. ГАРБ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 6. Л. 72
17. ГАРБ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 6. Л. 56

Карпова Ирина Георгиевна
Бурятская государственная
сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова
Российская Федерация, Улан-Удэ
irusikkig@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА КАБАНСК

На основе опубликованных источников и литературы в статье рассматривается история села Кабанск, начиная с XVII века и до 30-х гг. XX в., проанализирована хозяйственная деятельность населения Кабанска. Приведены разные точки зрения о дате основания Кабанска. В статье подчеркивается, что с XVII в. Кабанск становится главным земледельческим районом Забайкалья.

Ключевые слова: историография, Кабанск, острог, сельское хозяйство, крестьянин, коммуна, колхоз, совхоз.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-232-235

Karpova Irina Georgievna
Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Philippov
Russian Federation, Ulan-Ude

FROM THE HISTORY OF THE KABANSK VILLAGE

Based on published sources and literature, the article examines the history of the village of Kabansk, from the 17th century until the 1930s. XX century, analyzed the economic activities of the population of Kabansk. There are different points of view about the date of foundation of Kabansk. The article emphasizes that since the 17th century Kabansk has become the main agricultural area of Zabakalye.

Key words: historiography, Kabansk, prison, agriculture, peasant, commune, collective farm, state farm.

История многих сел и деревень Бурятии связана с освоением Прибайкалья и Забайкалья русскими первопроходцами, казаками. Таким населенным пунктом является и село Кабанск, одно из старейших в республике.

Первое упоминание о Кабанске, историки и краеведы Г.Л. Санжиев, Л.А. Зайцева, А.Р. Артемьев, М.А. Лукьянов, В.И. Поломошин,

А.А. Данько и др., соотносят с разными датами. Согласно одним данным, впервые название «Кабанск» встречается в 1653 г. в отписке П. Бекетова о «новом острожке, с Байкала озера», согласно же другому источнику, впервые, «деревня Брянских селенгинских казаков», расположенная на левом берегу Селенги недалеко от устья речки Кабаньей, встречается в записках русского посла в Китай Н.Г. Спафария, бывшего здесь проездом в сентябре 1675 г. [1, С. 4; 2, С. 82].

Но все исследователи едины во мнении, что Кабанск возник как сторожевой пост на пути продвижения русских на Амур [3, С. 5]. Примерно в 60-е гг. XVII в. недалеко от речки Кабаньей появилась одноименная казачья заимка. Краевед-исследователь Кабанского района М.А. Лукьянов указывает, что в «документах 80-х гг. XVII в. Кабанья заимка именуется Казачьей» [1, С. 12]. Г.Л. Санжиев, С.Г. Жамбалова и др. приводят предание об основании Кабанского острога. Согласно этому сказанию, русским, пришедшим в Кударинскую степь из Баргузина, понравились здешние места, так и была основана казачья заимка Кабанья – первое русское поселение в этих местах. С 1692 г. Кабанск стал именоваться острогом [4, С. 550], а с начала XIX в. – слободой. Территория Кабанской слободы до 1926 г. входила в состав Ильинской волости Иркутской губернии и только в конце 20-х гг. XX в. район вошел в состав Бурят-Монгольской АССР.

Кабанский район на протяжении многих лет являлся воротами в Забайкалье. Здесь проходили все наиболее удобные пути из центра России в Даурию, Монголию и Китай. В разное время дороги посольств, путешественников, а позднее и политических ссыльных пролегали по территории села и в своих записках и заметках они по-разному описывали Кабанск. И. Идес, в 1693 г. назвал Кабанск острогом и первой даурской крепостью [2, С. 83]. Проезжая через Забайкалье в 1716 г. путешественник Лоренц Ланг, в отличие от И. Идеса, назвал Кабанский острог «большой деревней», а не крепостью, но подчеркнул, что Кабанск – один из пяти «больших населенных пунктов», лежащих на большом пути, т.е. на Московском тракте [3, С. 5, 2, С. 83]. По мнению же Г. И. Унферцагта, Кабанск был «маленьким городом» [2, С. 83].

В настоящее время, Кабанск – это административный центр Кабанского района Республики Бурятия, крупное село, расположенное в Кударинской степи на левом берегу реки Селенги.

Уже в XVII в. территория района стала «главным земледельческим районом Забайкалья» [1, С. 12], хотя исследователями отмечается, что

развитие земледелия тормозилось примитивной техникой обработки земли и сложными погодно-климатическими условиями. Несмотря на все трудности, приток населения в здешние края продолжался, что способствовало увеличению количества людей, занятых в сельском хозяйстве. Русскому крестьянину приходилось самому, используя опыт тех мест, откуда он пришел, разрабатывать забайкальскую агротехнику.

В XVIII в. прослеживается дальнейшее развитие земледелия – растет запашка, совершенствуются орудия труда и система земледелия, усиливается связь крестьян с рынком, наряду с освоением новых земель, практикуется аренда пашни у бедняков, которые в силу разных причин не могли обрабатывать землю [5, С. 27].

К концу XIX в. в Кабанской волости земледелие достигло определенных успехов, «с назыменной пашни снималось 2-3 хлеба подряд» [1, С. 12]. Расширился набор и зерновых культур, совершенствовались сельскохозяйственные орудия, в хозяйствах стали применяться самодельные молотилки и веялки, но, несмотря на рост производительности труда, даже в урожайные годы к весне население начинало закупать хлеб. Не могла прокормиться не только беднота, но и середняки, поэтому местное население занималось различными промыслами, старейшим из которых было рыболовство.

Дальнейшему хозяйственному развитию Кабанска и Кабанского района способствовало строительство Кругобайкальской железной дороги в 1891–1918 гг. [3, С. 6].

По оценке историков и краеведов Кабанского района и с. Кабанск, с окончанием Гражданской войны и с установлением советской власти наблюдаются первые попытки коллективного ведения сельского хозяйства. В основном, для совместной обработки земли, объединялись самые бедные слои населения.

К концу 20-х годов XX в. начали создаваться сельскохозяйственные артели и коммуны. Часть коммун организовывалась вновь, часть переходила из формы товарищества по обработке земли. Но такой переход, минуя артель, обычно имел негативные последствия, одним из таких неудачных примеров приводится кабанская коммуна «Байкал» [5]. В каждом селе был свой колхоз, а в Кабанске, как в крупном населенном пункте было организовано 11 колхозов, среди первых упоминаются колхозы «Новый путь» с председателем 19-летним П.И. Астраханцевым, «Красный Кабанец», состоявший из 19 домохозяйств и др. Но еще до войны колхозы начали укруп-

няться. В итоге, остался один колхоз имени Кирова, который вошел в совхоз «Кабанский» [7, С. 289]. В 1932 г. была образована Кабанская машинно-тракторная станция, которая, наравне с Тимлюйской машинно-тракторной станцией, осуществляла техническое обслуживание 62 колхозов [5, С. 28].

В период коллективизации в Кабанске, как и по всей стране, отмечается формирование новых производственных отношений, рост культурного уровня населения, наблюдается ликвидация неграмотности сельских жителей. Государство всецело поддерживало колхозы, что проявлялось в выдаче кредитов, семян, инвентаря, техники, направления в колхозы новых кадров. Авторы отмечают, что молодые коллективные хозяйства в работе не обходились без ошибок, перегибов, учились, как организовать коллективную работу [8, С. 92].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг., в районе 23 укрупненных колхоза были объединены в 4 совхоза, в Кабанске находились центры «Кабанского» и «Байкальского» совхозов.

Таким образом, Кабанск, возникший как сторожевой пост на пути исследования новых земель, со временем стал одним из крупнейших населенных пунктов Бурятии, равно как и одним из значимых сельскохозяйственных центров республики.

Список источников и литературы

1. Лукьянов М.А. Кабанск / М.А. Лукьянов, Улан-Удэ, 1970. – 50 с.
2. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. / А.Р. Артемьев, Владивосток, 1999. – 336 с.
3. Кабанский район на рубеже веков / Сост. В.Г. Котов, В.И. Поломошин и др. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2002. – 164 с., ил.
4. История Бурятии: В 3 т. Т.2 – XVII – начало XX вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 464 с.: ил.
5. Данько А.А. Село кормило покоя веков // Кабанский район на рубеже веков / Сост. В.Г. Котов, В.И. Поломошин и др. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2002. – С. 26-58.
6. Бурятия: люди, события, памятные места (путеводитель): Научн. справ.-биограф. Изд. / Л.А. Зайцева, А.Е. Карначев, Т.В. Будаева и др.; под ред. Л.А. Зайцевой; ФГОУ ВПО «БГСХА им. В.Р. Филиппова». – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2009. – 185 с., ил.
7. Любовь и гордость наша – Кабанский район. 90 вопросов и ответов о районе / авт.-сост. Л.К. Водовозова. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2017. – 360 с., ил.
8. Лукьянов М.А. Край наш Кабанский у Байкала / М.А. Лукьянов. – Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1986. – 176 с., ил.

Цыретарова Баярма Бабасановна
Бурятский республиканский институт
образовательной политики
Российская Федерация, Улан-Удэ
bayarma7a@mail.ru

СИСТЕМА ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена изучению состояния жилищно-коммунального хозяйства в годы Великой Отечественной войны. Материалы фондов Государственного архива Республики Бурятия позволили рассмотреть состояние таких объектов коммунального хозяйства как жилищный фонд, бани, прачечные, гостиницы, водопровод. Выявлены проблемы в сфере ЖКХ и особенности их решения в условиях мобилизационной экономики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, жилищно-коммунальное хозяйство, бани, прачечные, гостиницы, водопровод.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-236-241

Tsyretarova Bayarma Babasanovna
Buryat Republican Institute of Educational Policy
Russian Federation, Ulan-Ude

THE SYSTEM OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES IN WARTIME

The article is devoted to the study of the state of housing and communal services during the great Patriotic war. Materials of the funds Of the state archives of the Republic of Buryatia allowed to consider the state of public utilities such as housing, baths, laundries, hotels, water supply. Problems in the sphere of housing and communal services and features of their solution in the conditions of mobilization economy are revealed.

Keywords: Great Patriotic war, housing and communal services, baths, laundries, hotels, water supply.

В годы Великой Отечественной войны состояние жилищно-коммунального хозяйства являлось важным фактором, влиявшим на положение различных групп населения. Правительство Советского государства уделяло этой проблеме особое внимание. Но, несмотря на это, дефицит материально-сырьевого обеспечения, трудовых ресурсов, приоритет оборонных отраслей способствовали оголению социально-бытовой сферы.

Бытовое обслуживание населения в немалой степени зависело от сохранения в условиях войны жилищно-коммунального хозяйства. В состав коммунального хозяйства входили жилищный фонд, бани, прачечные, гостиницы, водопровод.

Работа коммунальных служб прямо зависела от наличия топлива. Перед войной центральным отоплением было охвачено только 17,5% всего жилого фонда г. Улан-Удэ [1, Л. 94]. Поэтому снабжение топливом являлось одной из основных задач коммунальных служб. От серьезных перебоев в обеспечении топливом зависела вся социально-бытовая инфраструктура республики. Так, в 1943 г. в г. Кяхте не приняли своевременных мер по заготовке и вывозке топлива. В результате пришлось законсервировать городскую электрическую станцию [2, Л. 15-16]. В зимний период 1943-1944 гг. в г. Улан-Удэ жильцы домов с центральным отоплением неделями сидели в холодных квартирах из-за отсутствия топлива [3, Л. 32].

Заготовка дров осуществлялась тремя леспромпхозами: Черемховским, Селенгинским, Городским и 15 аймлесзагами. На базе этих предприятий в июне 1943 г. был организован трест «Бурмонголлесзаг». Потребности в топливе рассчитывались по коммунально-бытовым учреждениям (школы, лечебные учреждения, бани и т.п.), государственным учреждениям и организациям, по промышленным предприятиям, частично или полностью снятым с централизованного водоснабжения, а также по городскому населению. Существовали определенные нормы отпуска топлива населению. В г. Улан-Удэ горожанам годовая норма топлива составляла – 0,4 куб. м дров на 1 кв. м жилплощади и для хозяйственно-бытовых расходов в размере 3,5 куб. м дров на каждую кухню [4, Л. 70 об.].

Основными потребителями угля являлись коммунально-бытовые учреждения, а дров – население городов. Поэтому местными органами власти были приняты меры по централизованной заготовке топлива, в первую очередь дров, за счет мобилизации на

лесозаготовки городского населения по специальной разнарядке. Мобилизация населения шла с большими трудностями, в 1942 г. на заготовке леса работали только 25,4% необходимого количества рабочих. Для мобилизации населения требовалось организовать питание, быт рабочих, снабдить их одеждой и обувью. Соответствующие решения принимались местными органами власти. Вне очереди мобилизованным ремонтировалась обувь, а особо нуждающимся она выделялась. Но обувь была на деревянной подошве, которой хватало лишь на месяц, и подлежала ремонту. Питание часто было одноразовым. Неудовлетворительные условия проживания мобилизованных, плохое питание приводили к тому, что рабочие сбегали с лесозаготовок. К примеру, в 1944 г. на сплавные работы по г. Улан-Удэ планировалось мобилизовать 395 чел., но из них было мобилизовано только 217 чел., а фактически работало только 154 чел. [5, Л. 27 об]. Нарушителей строго наказывали вплоть до заведения уголовного дела.

Проблематично было доставить заготовленное топливо в город. В годы войны механизированная подвозка была прекращена, и только в 1948 г. в леспромхозы стали поступать трелевочные тракторы КТ-12. Из-за проблем с транспортом приходилось оставлять топливо в местах заготовок. При заготовке дров, зимой 1944 г., из-за отсутствия людей и транспорта суточная норма вывозки дров из Хлебниковой пади составила 70 куб. м вместо запланированных 250 куб. м [6, Л. 6. об]. В 1944 г. эту ситуацию еще более осложнило решение СНК СССР от 25 февраля, запрещающий вырубку леса в зоне до 10 км. вокруг областных центров.

В годы войны значительно увеличилась заготовка топлива местной промышленностью. В БМАССР добыча угля возросла с 200 т в 1941 г. до 11900 т в 1944 г., самозаготовка дров с 271 тыс. куб. м до 506 тыс. куб. м [7, Л. 231].

Обеспечение топливом городов осуществлялось в основном силами предприятий, неработающие снабжались через райсоветы по спискам, а организации через городские топливные отделы. Порядок получения топлива населением был следующим:

- рабочие и служащие предприятий и учреждений, участвующих в дровозаготовках для города, получали дрова по коллективной заявке через Горплан из городских фондов;

- рабочие и служащие предприятий и учреждений, отнесенных к самозаготовителям топлива, получают дрова через эти организации из собственных заготовок предприятий и учреждений;

- неработающие по семейным обстоятельствам, члены семей военнослужащих, инвалидов Отечественной войны, пенсионеры труда, если они не включены в список на снабжение топливом через коллектив по месту прежней работы военнослужащего или инвалида, получали дрова через отделы гособеспечения или отделы социального обеспечения из выделяемых в распоряжении этих отделов фондов дров [8, Л. 3].

Сложной проблемой для населения являлась доставка выделенного топлива, т.к. транспорт для этой цели практически не предоставлялся. Не было строгой системы в распределении топлива среди населения. Учет печей не велся, дрова выдавались по лимитным книжкам, многие предприятия выделяли топливо своим рабочим самостоятельно. В одной квартире жили иногда несколько семей, некоторые жили в проходных комнатах. А т.к. сложно было доставить к месту назначения топливо, то многие городские жители просто разбирали деревянные заборы, изгороди, тротуары, крыши и прочие деревянные строения. Трудности с топливом приводили к тому, что в домах, имеющих холодное водоснабжение, общие коридоры, кухни не отапливались. В результате промораживались стены и размораживались водопроводы и канализация [9, Л. 11]. По этой же причине не работали жилищно-коммунальные предприятия.

Сельское население обеспечивало себя топливом самостоятельно. Для подвоза дров предоставлялась тягловая сила. Тем, кто был не в состоянии обеспечить себя самостоятельно, оказывалась помощь.

В связи со сложной санитарно-эпидемиологической обстановкой большое значение имело банное обслуживание населения. В начале войны некоторые помещения бань заняли под склады и другие цели. Вновь запустить их в работу было очень сложно. Не хватало топлива, электроэнергии для освещения, воды, тазов. Бани работали с большой нагрузкой, привычным делом стали большие очереди. Влияло на посещение бань и отсутствие мыла. В деревнях мыло заменяли щелочным раствором. В чугун засыпали золу, кипятили, и отстоявшийся раствор использовали в качестве мыла. Этот же раствор использовали при стирке белья.

В годы войны наблюдалось сокращение посещаемости населением бань. Тем не менее, жители постоянно испытывало серьезные трудности с баннным обслуживанием. Санитарные нормы по количеству обязательных помывок не выдерживались. Так, за два месяца 1944 г. план помывок в городской бане выполнен всего на 42,1%, а в бане – пропускнике на 27,6% [10, Л. 8]. Проблема банного обслуживания решалось в некоторой степени путем установок простейших дезокамер или же, как их называли «вошебоек». Они помогали в санитарно-эпидемических мероприятиях, но и их не хватало. Только 42% колхозов в 1944 г. имели простейшие камеры дезинсекторы [11, Л. 113].

Правительство БМАССР приняло постановление от 4 марта 1943 г. «О мероприятиях по улучшению работы Улан-Удэнской бани». Этим постановлением за баней закрепили десять лошадей, мобилизовали 25-30 чел. городского населения на постоянную работу, постановили также, чтобы качественным топливом баня была обеспечена не менее чем на десять дней [12, Л. 15-16].

Также в сферу коммунального хозяйства входили прачечные. Но единственная прачечная в г. Улан-Удэ обслуживала госпитали и медицинские учреждения, и от населения бельё практически не принималось. Это вызывало серьёзные затруднения, особенно для эвакуированных, живущих в общежитиях и других местах, не имеющих условий для стирки белья.

С началом войны практически прекратили свою работу такие службы коммунального хозяйства как тресты по очистке, горзеленхозтресты. Данные службы не были обеспечены техникой, материалами для ремонта, не хватало горючего, запчастей для оставшихся автомобилей. Поэтому во многих местах выгребные ямы, общественные туалеты не чистились. За первый квартал 1944 г. ассобаз план вывозки нечистот выполнил всего на 42,5%. Для поддержания порядка постоянно устраивали месячники по очистке города с привлечением городского населения. Так, в комсомольско-молодежном воскреснике по очистке и благоустройству города 25 апреля 1943 г. приняло участие 2 тыс. чел. [13, С. 2].

Таким образом, в военное время коммунальная служба республики пришла большое запустение. Не хватало средств, материалов, кадров. Война потребовала концентрации средств на решении других проблем. В таких условиях не имелось ни финансовых, ни

материальных возможностей, чтобы успешно решать проблемы быта, но несмотря на тяжелейшую обстановку, удалось сохранить социальную инфраструктуру в городах, обеспечить население городов топливом.

Список источников и литературы

1. ГАРБ. ФП. 1. Оп. 1. Д. 4203. Л. 94.
2. ГАРБ. ФР. 831. Оп. 1. Д. 18. Л. 15-16.
3. ГАРБ. ФР. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 32.
4. ГАРБ. ФР. 661. Оп. 4. Д. 39. Л.70 об.
5. ГАРБ. ФР. 661. Оп. 4. Д. 52. Л. 27 об.
6. ГАРБ. ФР. 661. Оп. 4. Д. 53. Л. 6 об.
7. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940-1950гг.) – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – 354 с.
8. ГАРБ. ФР. 661. Оп. 4. Д. 53. Л.3.
9. ГАРБ. ФР. 831. Оп. 1. Д. 21. Л.11.
10. ГАРБ. ФР. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.
11. Подсчитано по: ГАРБ. ФР. 831. Оп. 1. Д. 20. Л. 113.
12. ГАРБ. ФР. 831. Оп. 1. Д. 18. Л. 15-16.
13. Комсомольско-молодежный воскресник // Бурят-Монгольская правда. – 1943. – 30 апр. – С.2.
14. ГАРБ. ФП. 1. Оп. 1. Д. 4438. Л.13

Торяник Людмила Григорьевна
Общество русской культуры Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
toryanikl@mail.ru

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВАХМИСТРОВОЙ ДЕРЕВНИ

В статье впервые названы дата основания и имя первого жителя Вахмистровой деревни (ныне селение Нижний Саянтуй Тарбагатайского района Республики Бурятия)

Ключевые слова: Вахмистрова деревня, Нижний Саянтуй, воевода Иван Тевяшов, Леонтий Красноярров, дата основания, Тарбагатайский район, история.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-242-244

Toryanik Lyudmila Grigoryevna
Society of Russian Culture of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

THE HISTORY OF THE FOUNDING OF THE VILLAGE VAKHMISTROVO

In the article for the first time named the founding date and the name of the first inhabitant of Vakhmistrovo village (now the village of Lower Sayntui of the Tarbagatay district of the Republic of Buryatia).

Keywords: village Vakhmistrovo, Nizhny Sayantui, Lower Sayntui, governor of province, voyevode, Ivan Tevyashov, Leonti Krasnoyarov, date of foundation, history, Tarbagatay district.

На основе документов, найденных историками и краеведами в архивах России, воссоздаются хроники поселений Республики Бурятия. Многие из них были заложены казаками, в том числе и столица Бурятии – Улан-Удэ, основанная пятидесятником Гаврилой Ловцовым и десятником Осипом Васильевым «со товарищи». Кажалось бы, Вахмистрова деревня, ныне селение Нижний Саянтуй Тарбагатайского района Республики Бурятия, уже своим названием красноречиво свидетельствует о том, что история ее возникнове-

ния связанна с государевыми служилыми людьми. В книге «Топонимика Бурятии» профессора Матвея Николаевича Мельхеева мы читаем: «...называлась Вахмистрова деревня, по имени основателя селения вахмистра – офицера царского войска» [1, С. 152]. В научной литературе фигурирует и дата основания селения Нижний Саянтуй – 20 марта 1818 года [2, С. 146]. Но так ли это?

Автору статьи посчастливилось найти в фондах Государственного архива Республики Бурятия документ Верхнеудинского Земского суда, датируемый 25 июня 1813 года, в котором крестьяне Вахмистровой деревни: Степан Краснояров, Иван Вяткин, Иван Михалев, Василей Толмачев, защищая свои права на землю, рассказывают историю основания своего селения [3, Л. 54-56 об.]. С их слов, более 37 лет назад (т.е. в первой половине 1776 года), отец Степана Красноярова – разночинец Леонтий Краснояров, по повелению воеводы Ивана Тевашова (Гевяшова, Тивашова), в предместье пригорода Удинска «обзавелся с семейством своим домом, скотоводством и хлебопашеством». В скором времени по соседству с ним перешли жить, с позволения воеводы, «таковые же разночинцы Петр Коновалов, Козма Игнатъев с товарищи, всего пять семей, о именах коих за смертью некоторых не припомнить». Из их числа и Иван Вяткин. Им в «тогдашнее время» отведены были пахотные земли и сенные покосы, по повелению того же воеводы, в том числе Богородский луг, Богдановская забока, две большие забоки пониже соснового мыса и др. С того «давнего времени большое уже число населилось из разных мест, по увольнениям обществ, по неимению в прежних местах пахотных земель, крестьян, число коих мужеска, по последней нынешней ревизии, состоит 32 человека» [3, Л. 54-56 об.]. Однако стоит отметить, что верхнеудинские казаки, чьи сенные покосы находились по соседству, обвиняли крестьян деревни Вахмистровой, за исключением Красноярова, в переселении из других деревень по собственной своей воле: Иван Вяткин, Василей Толмачев из Надеиной, Василей Павлов с Бряни, Иван Михалев с Пестеревой и др. [3, Л. 43]. На основании найденных архивных документов мы можем утверждать:

1. деревня Вахмистрова, была основана в первой половине 1776 года;
2. место для будущей деревни (в 13 верстах от пригорода Удинска, на оживленном почтовом тракте, ведущем в сторону города

Селенгинска и далее к границе) было выбрано первым Воеводой Удинской провинции Иваном Тевяшовым;

3. первым жителем деревни был разночинец Леонтей Краснояр;

4. в первые десятилетия Вахмистрова деревня активно заселялась разночинцами и крестьянами из соседних селений, так что к 1813 году по ревизии в ней проживало 32 мужчины.

5. к 1813 году деревня уже именовалась «Вахмистровой».

К сожалению, нам не удалось узнать почему деревня получила столь «бравое» название. Но к 250-летию селения Нижний Саянтуй в 2026 году, возможно и эта тайна будет раскрыта. Надежду нам дает наблюдающийся в последнее десятилетие устойчивый рост интереса широких слоев россиян к истории своих семей, к истории родных поселений («земле отцов»). В читальных залах ГАРБ сегодня большая часть исследователей не научные работники, а обычные граждане, нередко специально приезжающие из других отдаленных регионов России, в поисках «своих корней».

Список источников и литературы

1. Мельхеев М.Н. Краткий топонимический словарь // Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1969. – С. 152.

2. Бреславский А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ // Мигранты и принимающее общество в Байкальской Азии : [сб. статей]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 146.

3. ГАРБ. Ф. 11. Оп. 12. Д. 7. Л. 43, 54-56 об.

Фефелов Денис Сергеевич
Средняя общеобразовательная школа № 58 г. Улан-Удэ
Российская Федерация, Улан-Удэ

**ХРОНИКА ПАСТЫРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БАМЕ:
КАЛЕНДАРЬ СОБЫТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ
СЕВЕРО-БАЙКАЛЬСКОЙ
И СОСНОВООЗЕРСКОЙ ЕПАРХИИ**

Статья посвящена хронике пастырской деятельности в первый год служения епископа Северо-Байкальского и Сосновоозерского на обширной территории севера Бурятии, где пролегает Байкало-Амурская магистраль. Пастырская деятельность архиерея рассматривается с точки зрения хроники деятельности, где в планах богослужения, поездки, встречи, организация совещаний с представителя государственными и муниципальными служб, студенческой аудиторией.

Ключевые слова: епархия, епископ, географические параметры, территория, население, миссионерская деятельность.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-245-250

Fefelov Denis Sergeevich
Secondary school № 58 in Ulan-Ude
Russian Federation, Ulan-Ude

**CHRONICLE OF PASTYRIC ACTIVITY IN BAM:
CALENDAR OF EVENTS IN THE TERRITORY OF THE
NORTH-BAIKAL AND SOTSNOVOZERSKIY DIOCESES**

The article is devoted to the chronicle of pastoral activities in the first year of the service of the Bishop of the North-Baikal and Sosnogorskogo in the vast territory of the North of Buryatia, where is the Baikal-Amur mainline. The Bishop's pastoral activity is considered from the point of view of the chronicle of activities, where the plans of worship, travel, meetings, organization of meetings with representatives of state and municipal services, students.

Key words: diocese, Bishop, geographical parameters, territory, population, missionary activity.

С созданием новой епархии, север Бурятии, территория которой сопоставима со странами Европы, впервые «получает» направленное пастырское «окормление», где население практически впервые соприкасается с православием. Из исторического прошлого о бытовании православной церкви узнаем с архивных документов периода ликвидации и закрытия храмов на севере Бурятии. С официальных строк постановления, читаем, что в виду неиспользования общиной верующих здания Никольского храма с 1930 года и за отсутствием служителя культа, отказа группы верующих от ремонта здания Никольского храма, отсутствия другой общины, желающей взять в пользование здание храма подлежит закрытию.

Далее в документе читаем «подтвердить предыдущее постановление президиума ЦИК «а» от 7 Декабря 1932 года об изъятии и ликвидации здания храма, передав его под культурные нужды населения» [1]. В 1930-е годы верующие остаются без пастыря, духовника, а села без храмов, до закрытия православных церквей в районе современного БАМа и в целом на севере Бурятии, согласно архивным данным действовало 4 православные церкви.

Действительно, если заглянуть еще глубже, территория, где определена Северобайкальская и Сосновоозерская епархия в исторической проекции, такова: «Для православных миссионеров это был очень сложный в географическом отношении край на расстоянии трех тысяч верст, представлял собой горы и долины, реки и тундры, труднопроходимую тайгу; разбросанность кочевий ороchon, от горы Иката до устья р. Котери до Яблоневого хребта. Опорой же для внедрения христианского благочестия явились владельцы: золотых приисков, центральным местом для миссионерского стана признается вершина р. Витима, при слиянии рек Витимкана и Чины, в центре приисковых селения кочевого тунгусского населения. К 1880 году согласно статистическим сведениям миссии было окрещено ороchon 1000 душ. Был сооружен православный храм, строителем стал «золотопромышленник» Г. Назаров со своим товарищем Г. Антоновым» [2, С.210]. Согласно приведенным данным, историческим фактам бытования православной церкви можно рассматривать как бывшую часть миссионерской территории Русской Православной Церкви. Это касается исторических реалий прошлого в церковной жизни территории. Кратко перечисли церкви по северной части Бурятии, это Багдаринская Петро-Павловская, миссионерская (стан

открыт в 1864 г.) по распоряжению Преосвященного Вениаминова (Благонравова), Баунтовская Николаевская, миссионерская приписанная к Багдаринской, (храм освящен в 1866 г.), Верхнеангарская Николаевская, миссионерская освящена 28 ноября 1818 г., третий храм освящен 6 сентября 1882 г., Душкачанская Богородская, приписанная к Верхнеангарской Николаевской (построена 1841г.), Нижнеангарская (Дагарская) Иоанно-Предтеченская, приписана к Верхнеангарской Николаевской (освящена) 29 августа 1869 г.), Нижнеангарская Николаевская, а в XX в. до 1930-х гг. действовало 4 церкви, что и подтверждают архивные документы ликвидационного периода в истории церкви. В 1990-е годы только начали строительство православных храмов, это храм в честь Преподобного Сергия игумена Радонежского п. Новый Уоян, храм в Нижнеангарске, кафедральный собор Казанской Божией матери в центре г. Северобайкальска.

Создание самостоятельной православной епархии на территории Бурятии и назначение Святейшим Синодом Московского патриархата настоятеля Посольского Спасо-Преображенского монастыря епископом Северо-Байкальским и Сосновоозерским явилось значимым событием в церковно-общественной жизни республики [3]. Назначение настоятеля Спасо-Преображенского Посольского монастыря игумена Николая (Кривенко), как одного из активных и целеустремленных деятелей православной церкви, на должность епископа вновь образованной епархии, был явлением неслучайным. Путь от послушника монастыря до епископского сана епархии для Николая (Кривенко) был непростым, но для нас, студентов и аспирантов Бурятского госуниверситета, логическим явлением, поскольку мы все ездили на экскурсию в монастырь, где нас встречал отец Николай, принимали участие в научно-практических конференциях, посвященных деятельности Даурской миссии, форпостом которой и являлись монастыри на южном побережье Байкала – Селенгинско-Троицкий и Посольский Спасо-Преображенский монастыри в историческом прошлом.

Исследование первых шагов пастырской деятельности епископа, теперь уже на севере Байкала, для истории церкви и общества, представляется нам актуальным. Согласно церковно-административному делению в состав Северо-Байкальской и Сосново-Озёрской епархии входят Муйский, Баунтовский, Баргузинский, Курумканский, Еравнинский, Кижингинский, Хоринский районы республики Бурятия, соответственно, наиболее крупные населен-

ные пункты: г. Северобайкальск, п. Нижнеангарск, п. Новый Уоян, п. Таксимо, п. Баргузин, с. Курумкан, п. Усть-Баргузин, с. Читкан, с. Хоринск, с. Багдарин, с. Кижинга, п. Новокижингинск, с. Романовка, с. Сосново-Озерское, которые относятся к епархии.

Первая часть территории, это в основном, станции вдоль железнодорожной магистрали, а вторая часть епархии в территориальном отношении – это северо-восточные районы Бурятии, районы, где традиционно проживали и проживают коренные народы – эвенки, буряты и по мере освоения Сибири на протяжении трех столетий, заселялись русскими поселенцами. Что предпринимает новый епископ для организации пастырской деятельности? Рассмотрим один-два месяца из пастырских поездок по епархии Правящего Архиеерея Преосвященного Николая епископа Северо-Байкальского и Сосновоозерского за 2015 г.: 19 ноября был отслужен молебен, освящены крест и купол строящегося храма Покрова Божией Матери в с. Гунда Еравнинского района, для жителей села это было важным событием [4]. Село Гунда и другие населенные пункты, относящиеся к епархии расположены в другой части, как мы отмечали выше, это восточная часть Бурятии, приведем здесь краткое описание данного села. [4, В. Семенченко]

22 ноября в Московском государственном институте международных отношений состоялась встреча Преосвященного Николая епископа Северобайкальского и Сосново-Озерского с проректором МГИМО Игорем Александровичем Логиновым. Стороны обсудили перспективные направления взаимодействия и была достигнута договоренность о сотрудничестве. В соответствии с договоренностью студенты МГИМО получают возможность стать участниками студенческого отряда для работы в сфере противодействия деятельности тоталитарных сект на территории Северобайкальской епархии.

Встреча со студентами имела и имеет достаточно веские основания, если рассмотреть религиозную ситуацию, то трасса БАМ была проложена в XX в. и люди, строители магистрали выросли в атеистическом обществе. По мнению митрополита Савватия, очень много зарегистрировано или «ведут» свою деятельность без регистрации религиозные организации других христианских деноминаций, сект.

23 декабря в администрации города Северобайкальска Глава Северобайкальской епархии Преосвященный Николай епископ Северобайкальский и Сосново-Озерский принял участие в заседании Кон-

сультативного совета по вопросам межнациональных отношений при Главе муниципального образования «город Северобайкальск». Были заслушаны доклады представителей разных конфессий о работе религиозных и национальных общественных организаций, зарегистрированных на территории муниципального образования «город Северобайкальск» по сохранению межнационального и межконфессионального благополучия и согласия. Платонова Галина Петровна – начальник Управления образования и Цыбульский Алексей Владимирович выступили с докладами «О деятельности органов образования, образовательных и молодежных организаций по воспитанию толерантности среди детей и молодежи города Северобайкальска». Консультативный совет принял решение через совместные мероприятия продолжить работу по сохранению межнационального и межконфессионального благополучия и согласия.

25 декабря в Кафедральном соборе Северобайкальска духовенство и жители города встретили икону с частицей мощей Святых благоверных князей Петра и Февронии Муромских Чудотворцев, которую привезли из Свято-Троицкого Селенгинского мужского монастыря Улан-Удэнской и Бурятской епархии.

Преосвященным Николаем епископом Северобайкальским и Сосново-Озерским был отслужен молебен «Об устроении семейной жизни», по мнению священнослужителя: «Любовь — это дар, который необходимо не только беречь, но и развивать. И препятствия на ее пути — это не беда, а испытания, которые дают нам возможность сделать любовь еще более совершенной».

27 декабря в неделю 30-ю по Пятидесятнице, святых праотец, глава Северобайкальской епархии совершил Божественную литургию в Казанском соборе города Северобайкальск. Его Преосвященству сослужили: клирики собора иеромонах Иоанн (Евтющенко) и иерей Владимир Гончаренко. Диаконский чин возглавил иеродиакон Зосима (Крылов).

В неделю святых Праотец Православная Церковь совершает празднество в честь праведников Ветхого Завета. В этот день молитвенно чествуется лик святых Праотцев — патриархов, пророков, царей и священников, живших в ветхозаветные времена, которые спасались верой в грядущего Мессию-Христа [5].

Здесь приведена только часть календарных мероприятий епископа на территории епархии, все те шаги, которые предпринял

епископ – это в первую очередь, приходы, которые действуют на сегодняшний день, верующие которые ждут богослужений с участием правящего архиерея, встречи с представителями различных государственных ведомств, где соприкасаются «области интересов», это учреждения образования, юстиции и социальной работы обширного района.

Таким образом, в поле зрения духовенства всего северного Байкала и епископа, установление куполов на храме в далеком селе Гунда и встречи со студентами МГИМО г. Москва.

Список источников и литературы

1. Выписка из протокола Заседания президиума ЦИК Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики. Стр.2, №104 от 19 января 1934 года. Постановление Президиума Всероссийского ЦИК, Президиума ЦИК БМАССР о ликвидации Никольской церкви в Верхне-Ангарске, Северо-Байкальского района. ГАРБ. ФР. 248. Оп. 3. Д. 122. Л. 2, 7.

2. Митыпова Г.С. Православие в истории и культуре Бурятии/ Г.С. Митыпова, научный редактор Б.В. Базаров; Ответ. Редактор И.А. Арзуманов. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». – 2005. – 232 с.

3. Журнал № 6, журналы заседания Священного Синода от 5 мая 2015 года, официальный сайт Русской Православной Церкви: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4067545.html>.

4. Режим доступа [http // sbk-eparh.ru](http://sbk-eparh.ru)

Село Гунда находится в 32 км/ от районного центра с. Сосново-Озёрское и в 332 км от г. Улан-Удэ, Еравнинский район. Население с. Гунда составляет 1360 человек, в том числе 697 мужчин, 663 женщин, 425 детей до 18 лет. На территории Гундинской сельской администрации находятся СПК «Гундинский», средняя школа, СДК, библиотека, маслозавод, участковая больница, отделение почтовой связи, АО «Электросвязь», аптека, 2 магазина рабкоопа и 5 частных магазинов: «Татьяна», «Восход», «Толон», «Наран», «Эржена». Окрестности Гунды представляют собой лиственный лес с отдельными участками сосны, берёзы, кедрового стланика. Леса богаты зверем, грибами, птицами. Каждый может найти великолепное место для отдыха в любом уголке нашего края. В целом климатические условия характеризуются засушливостью весеннего периода, наличием поздних заморозков весной и ранней осенью, низкими температурами, продолжительной и малоснежной зимой и коротким летом. Василий Семенченко. Режим доступа: [http\\www/ komandirovka.ru](http://www/komandirovka.ru)

5. Северобайкальская и Сосново-озерская епархия. Режим доступа:// sbk-eparh.ru

Пашинин Александр Васильевич
Улан-Удэнский авиационный завод
Российская Федерация, Улан-Удэ
a.v.pashinin@yandex.ru

**ИСТОЧНИКИ ПО ГЕНЕАЛОГИИ КРЕЩЕННЫХ
ИНОРОДЦЕВ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

Рассмотрены генеалогические особенности Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) по источникам, связанных с деятельностью миссионеров и приходских священников, позволяющие производить исследования родословных истоков населения Байкальского региона.

Ключевые слова: крещеные инородцы, источниковедческий потенциал, генеалогические источники.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-251-272

Pashinin Alexander Vasilyevich
Ulan-Ude aviation plant
Ulan-Ude, Russian Federation

**SOURCES FOR THE GENEALOGY OF THE BAPTIZED
NATIVES OF MISSIONARY ACTIVITY IN THE FUNDS OF
THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA**

Genealogical features of the state archive of the Republic of Buryatia (GARB) on sources connected with activity of missionaries and parish priests allowing to make researches of genealogical sources of the population of the Baikal region are considered.

Key words: baptized foreigners, source potential, genealogical sources.

На протяжении нескольких столетий дореволюционной истории России на современной территории Байкальского региона в лице Республики Бурятия, Иркутской и Забайкальской областей происходил сложный и многогранный процесс взаимовлияния и взаимопроникновения различных народов и конфессий. Одним из результатов смешения рус-

ского, бурятского, эвенкийского (тунгусского) и других народов явилось появление такой устойчивой культурно-социальной и этнической общности как «крещеные (оседлые) инородцы» [28, С. 64–65]. По официальным сведениям переписи 1897 г. в Иркутской губернии значилось 45 364 крещеных бурята, в Забайкальской области – 11 477, всего 56 841 [17, С. 176], что составило 41,7% от всей численности бурятского населения в Иркутской губернии и 6,4% – в Забайкальской области [6, С. 139]. Существенный вклад в процесс создания различных видов источников по генеалогии крещеных инородцев Предбайкалья, Западного и Восточного Забайкалья, в т.ч. отложенных в ГАРБ за XVIII – начало XX вв., внесли священники-миссионеры и приходские священники.

Из российских ученых, посвятивших свои работы генеалогии и источникам по изучению родовых истоков непривилегированных сословий, в т.ч. смешанного населения в России и ее регионах, можно отметить А.И. Аксенова [1972], М.Е. Бычкову [2000], О.В. Дмитриеву [1990], В.М. Кабузана [1979], М.М. Шмулевича [1985] и других [27, С. 4–13, 132–157]. По Байкальскому региону в современных историко-этнографических и источниковедческих исследованиях архивные материалы священнослужителей в ГАРБ по вопросам метизации и крещения местных народов применялись М.В. Анахиной [2000], Ф.Ф. Болоневым [2015], О.В. Бураевой [2010], Л. М. Дамешком [2013], Б.Ц. Жалсановой [2010а, 2010б, 2010в, 2011, 2012а, 2012б, 2012в, 2012г, 2013, 2015, 2016], А.Д. Жалсараевым [2015], Л.И. Запекиной [2007], В.Ф. Ивановым [2000], Л.В. Курасом [2012, 2013, 2015, 2016], Н.П. Матхановой [2016], Г.С. Митыповой [2005], А.В. Пашиным [2012, 2015, 2017, 2018], Е.Т. Санжиевой [2011, 2015], З.А. Шагжиной [2000а, 2000б] и другими [29, С. 130–131].

Тема настоящего генеалогического исследования по материалам ГАРБ охватывает административные границы только Байкальского региона. Объектами анализа, в первую очередь, являются генеалогические документы священнослужителей по крещеным бурятам и эвенкам. Цель исследования – выявление и анализ источниковедческого потенциала фондов ГАРБ для возможного использования его в дальнейшем по поиску и воссозданию родовых истоков крещеных инородцев, обстоятельств, форм, методов и мест их крещения [28, С. 65]. Исследование находится на междисциплинарном стыке генеалогии, этнографии, ономастики, топонимики, палеографии, демографии, статистики, религиоведения, отечественной истории.

Виды генеалогических источников

Изучение материалов ГАРБ показало наличие либо упоминание в них следующих законодательных, учетных и делопроизводственных письменных документов генеалогического характера общегосударственного, регионального и местного уровней различных религиозных и светских ведомств и структур: билеты и их копии («льготные»), ведомости (выбытия в крестьяне и мещане, «краткие», крещеных, «об оспе детям», оседлых, «о численности», о рождении, бракосочетании и смерти), виды, выписки (метрические, исповедные, из посемейных списков, ревизские), дневники (миссионерских путешествий и «рассуждений»), доверенности (общественные), дозволения (на бракосочетание и венчание), донесения (миссионеров, Степных дум и родовых старост о крещении, рождении, венчании, бракосочетании и смерти), журналы (миссионеров и Сибирского комитета), заключения (Иркутской казенной палаты), записи (метрические), записки (миссионеров, III отделения полиции), запросы (МВД и родовых управлений), заявления, извещения (Верхнеудинского земского суда), клятвы на Евангелие (клятвенные обещания при бракосочетании и венчании), книги («билетов и увольнений», записи крещеных, «на записку», метрические, «исповедные»), листы (формулярные), мнения (Государственного Совета), обращения (желающих крещения), объявления и их копии (о венчании, женитьбе, крещении), объяснения, описи, определения, отзывы, отношения (Верхнеудинского земского суда, МВД, миссионеров, «особые», священников), «отпуски» (Степных дум и родовых управ с разрешением венчания и бракосочетания), памяти (о венчании), переписка, перепись 1831 г., письма (Верхнеудинского земского суда, Степных дум, Иркутского и Селенгинского епископов), подписки (желающих креститься или венчаться, при венчании, предбрачные, старост по крещеным), правила (Иркутского епископа), предписания или представления (ассессора Забайкальской области, Забайкальского областного правления, Иркутской губернской канцелярии, Иркутского земского суда, Иркутской казенной палаты, МВД, окружных полицейских управлений), приговоры (общественные), приказы (Забайкальского областного правительства и Иркутского земского суда), присяги, промемории, протоколы, прошения (доверенных лиц, желающих крещения, миссионеров, о напутствии умирающим), рапорты (о бытии на исповеди, венчании, крещении, по метрическим книгам), разрешения (Иркутского миссионерского комитета), распи-

ски, регистр (именной), решения (Верхнеудинского земского суда), росписи, «сведения» («духовного отца», «крестных матерей»), о крещении, по бракосочетаниям и ревизским сказкам), свидетельства и их копии (метрические, о крещении, «увольнительные»), «сказки» (при венчании, женитбе и замужестве, ревизские), согласия (на крещение родственника, приемное от общества), сообщения (родовых управ о крещении), сопроводительные (к документам), списки и их копии (желающих креститься или выбытия в крестьяне и мещане, именные, крещеных, не бывших на исповеди, оседлых инородцев, подворные, посемейные, послужные, учеников миссионерского училища, формулярные), справки («исповедные», метрические, о рождении и смерти), таблицы (для Иркутского статистического комитета), телеграмма (архиепископа), тетради («жительствоющих инородцев»), уведомления (родовых управ), удостоверения («общественные», о венчании и смерти), указы (Иркутского губернского и Забайкальского областного правительств, Иркутского и Нерчинского земских судов, Иркутского, Верхнеудинского (Удинского заказного) и Троицкосавского духовных правлений, Иркутской казенной палаты, Синода).

Отношения священников-миссионеров как вид делопроизводственной документации направлялся в адрес Степных дум, родовых управлений, приходских священников или нижестоящих по статусу. При уведомлении о факте крещения и/или венчания, а также бракосочетания в отношениях, например, в 1800–1879 гг. прописывалось следующее: от кого и кому, когда, где и кто крестился (венчался, браком сочетался) с записью имен и фамилий до и после крещения, номера и даты записи в метрической или обыскной книге, номера билета, установочных данных, сословия и места жительства восприемников [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 8; Оп. 2. Д. 370. Л. 2, 50, 74–75; Ф. 2. Оп. 1. Д. 769. Л. 13–14; Д. 1495. Л. 8; Ф. 3. Оп. 1. Д. 193. Л. 4–5 об., 20; Ф. 4. Оп. 1. Д. 689. Л. 1, 7–7 об.; Ф. 5. Оп. 2. Д. 93. Л. 1, 9–9 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 106. Л. 1, 3–3 об., 8–8 об.; Д. 655. Л. 1–37; Ф. 12. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–5 об.; Ф. 39. Оп. 1. Д. 111. Л. 1, 2–2 об., 37–37 об.; Ф. 46. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–6; Ф. 195. Оп. 1. Д. 25. Л. 10, 72–72 об., 84–84 об.; Д. 197. Л. 24; Ф. 262. Оп. 1. Д. 393. Л. 8; Ф. 317. Оп. 1. Д. 62. Л. 30–31]. Разовое уведомление могло касаться одновременно и группы крещеных, например, четырех человек [1, Ф. 460 Оп. 1. Д. 53, Л. 27–27 об.] или нескольких бракосочетаний, например, трех [1, Ф. 39. Оп. 1. Д. 111, Л. 3–3 об.].

В некоторых случаях отношения служили сопроводительными для других документов, например, для ведомости 1820 г. о крещении [1, Ф. 180. Оп. 1. Д. 149. Л. 31–32] или свидетельств (150 шт.) и билетов крещенных за 1827 и 1851 гг. [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 3–3 об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 106. Л. 2–2 об.]. Множество отношений с раскрытием данных о заинтересованных миссионерских станах, фамилиях и именах до и после крещения, родовой принадлежности и места жительства новокрещенных, с ответами-дописками на бланках Степными думами или родовыми управами касалось в 1838–1909 гг. широкого круга корректирующих и уточняющих сведений в отношении: ревизских сказок 1851 и 1858 гг. [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 11; Ф. 6. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–1 об.; Ф. 8. Оп. 1. Д. 223. Л. 490–490 об.], подворных списков 1881 г. [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 38. Л. 2–2 об.], именных списков и справок из метрических книг [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 167. Л. 3–6; Ф. 195. Оп. 1. Д. 38. Л. 3–3 об., 16–16 об., 18–20, 79; Д. 84. Л. 2–2 об., 13–13 об., 14–14 об., 23–23 об., 25–25 об.; Д. 197. Л. 5–6 об., 17], явки на исповедь [1, Ф. 2. Оп. 1. Д. 442. Л. 6–6 об.; Ф. 12. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–2; Ф. 317. Оп. 1. Д. 62. Л. 2, 6, 7–7 об.], а также розыска некрещенных детей в смешанных семьях, беглых крещенных жен, изменения места жительства и семейного положения при бракосочетании и/или переселения, уведомления миссионеров о больных и умерших, защиты вновь крещенных, выдачи билетов и свидетельств Степными думами и родовыми управами, членов семей, общественных приговоров о выборах старост, ежемесячной и годовой статистики и прочее [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 32; Д. 2791. Л. 3–10; Ф. 4. Оп. 1. Д. 689. Л. 3; Ф. 39. Оп. 1. Д. 111. Л. 11–12; Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–15 об., 19–19 об., 22–22 об., 24–24 об., 28, 30, 32, 33–33 об.; Д. 10. Л. 1–25; Д. 16. Л. 3–134; Д. 25. Л. 2–3 об., 11–11 об., 12–12 об., 59–61 об., 64–65 об., 74–74 об., 104–105 об.; Д. 59. Л. 18–18 об., 34–35, 49–49 об.; Д. 197. Л. 7–7 об., 11–11 об.].

Билет (он же «льготный» билет, вид или свидетельство) новокрещеного в рукописном или печатном вариантах официально подтверждал присоединение к православию с причислением к какому-либо приходу церкви (миссионерскому стану) и предоставлял право на трехлетнюю льготу по освобождению от выплаты ясачного платежа. Билеты, например, в 1812–1889 гг. содержали в себе следующие данные по их «объявителям»: когда, в какой церкви, каким миссионером или священником был присоединен к христианству, ведомство, род, улус, возраст, имя и фамилия до и после крещения, тезисы о запрете «отвлечения к язычеству Ламскому и Шаманскому» с обещанием судебной

защиты за преследования по вере [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 6, 13–16, 26–27; Оп. 2. Д. 370. Л. 18, 21, 31, 39, 49, 62, 86; Ф. 2. Оп. 1. Д. 769. Л. 66–66 об., 72–72 об.; Д. 1492. Л. 10, 48–48 об.; Ф. 4. Оп. 1. Д. 544. Л. 3–3 об., 5–5 об., 9–9 об.; Д. 689. Л. 5, 8–8 об., 16–16 об.; Ф. 5. Оп. 2. Д. 93. Л. 2; Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 291–291 об.; Ф. 12. Оп. 1. Д. 98. Л. 8–8 об., 13–13 об., 14–14 об., 15–15 об., 17, 25–26 об., 27–28, 33; Ф. 46. Оп. 1. Д. 142. Л. 4; Ф. 129. Оп. 1. Д. 122. Л. 18 об.–19; Ф. 180. Оп. 1. Д. 149. Л. 1, 30; Ф. 195. Оп. 1. Д. 24. Л. 16–16 об., 27; Д. 38. Л. 51; Д. 59. Л. 8, 62; Ф. 213. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–6 об., 10–10 об.; Д. 12. Л. 39–40]. Билеты скреплялись «подписом» и сургучной печатью миссионера (священника). В одном из дел Шилотского родового управления Балаганского ведомства в 82 копиях свидетельств среди восприемников за 1877–1881 гг. перечисляются: отставной губернский секретарь, балаганский тайша, окружной исправник, инородцы, главы и старосты родов, генерал-губернатор Восточной Сибири, управляющий ведомства, архиепископ, миссионеры [1, Ф. 46. Оп. 1. Д. 127. Л. 1–97]. В ряде дел компактно расположены, например, 12 билетов от 7 миссионеров и священников за 1827–1832 гг. по Верхоленскому ведомству [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 3–4 об., 15–15 об., 16–18, 22–23, 37–39 об., 49, 73–73 об., 74–74 об.], 25 видов за 1876 г. по Аларскому ведомству [1, Ф. 39. Оп. 1. Д. 111. Л. 19–20, 24–27 об., 39–40], упоминается о 37 видах и 20 свидетельств за 1873 г. по Тункинскому ведомству [1, Ф. 317. Оп. 1. Д. 62. Л. 4–4 об., 15]. Свидетельства могли предъявляться перед венчанием [1, Ф. 2. Оп. 2. Д. 305. Л. 16–16 об.]. Об аннулировании действия билетов прошения направлялись на имя губернатора Сибири [1, Ф. 131. Оп. 1. Д. 41. Л. 4–4 об., 6–6 об., 7–7 об., 8–9].

Именные и посемейные списки (ведомости, книги записи или «на записку») новокрещенных в тех или иных вариациях включали в себя сведения: ведомство, род, улус, социальное положение (оседлый или кочевой инородец, яшашный), имя и фамилия до и после крещения, возраст (в т.ч. по ревизским сказкам 1851 и 1858 гг., от нескольких дней до 70-ти с лишним лет), национальность, члены семьи (жена, дети, братья, сестры, племянники, внуки, вскормленники, не крещенные и др.), дата и церковный приход крещения и/или венчания, расстояние до церкви в верстах, крестивший миссионер (священник), восприемники или «восприемные отцы» (социальное положение, место жительства или «местность», установочные данные), номера и даты получения билетов (видов, свидетельств), время получения и ини-

циатор предписания (отношения) о льготе в выплате ясака, номера в метрических или обыскных книгах, «особые отметки» или «объяснения». Повышенным информационным содержанием отличаются следующие списки по: Аларскому ведомству: 95 семейств в 1826–1862 гг. и 70 чел. в 1869 г. [1, Ф. 46. Оп. 1. Д. 41. Л. 10–10 об., 13–28]; Тункинскому ведомству: 230 чел. по Гужирской миссионерской церкви в 1827–1859 гг. [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–12], 87 чел. в Гужирском стане в 1831 г. [1, Ф. 317. Оп. 1. Д. 76. Л. 5–6 об.], 220 чел. в 1856 г. [1, Ф. 161. Оп. 1. Д. 91. Л. 1–9], св. 1440 чел. в 14 посемейных списках в 1862–1868 гг. [1, Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 17–18, 23–27 об., 34–37 об., 38–40, 43, 52–55, 58–65 об., 66–67 об., 68–72, 73–78, 80–82 об., 85–88 об., 89–98 об., 99–103], 122 чел. в 1873 г. [1, Ф. 317. Оп. 1. Д. 62. Л. 4–4 об., 15, 29–32, 35 об.], ученики Гужирского миссионерского училища в 1875–1876 гг. [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 26, Л. 45 об.–46, 46 об., 53 об.–54]; Балаганскому ведомству: в 1835 г. [1, Ф. 3. Оп. 1. Д. 193. Л. 59 об.–71 об.], 155 чел. в 1843–1845 гг. [1, Ф. 3. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–12], 991 чел. в 10 родах в 1878 г. [Ф. 3. Оп. 1. Д. 1471. Л. 1–189]; Хоринскому ведомству: в 1843 г. [1, Ф. 8. Оп. 1. Д. 1003. Л. 19–19 об.], 40 чел. в 1875 г. [1, Ф. 191. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–4]; Верхоленскому ведомству: в 1851 г. [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 544. Л. 1]; Ольхонскому ведомству: 46 чел. в 1859 г. [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 167. Л. 3–6], в 1865 г. [1, Ф. 214. Оп. 1. Д. 30. Л. 52–53]; Селенгинскому ведомству: 20 чел. в 1867 г. [1, Ф. 2. Оп. 2. Д. 3604. Л. 5–8]; Кудинскому ведомству: св. 200 чел. из 10 родов в 1873–1875 гг. [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–13 об., 26–27 об.; Д. 16. Л. 21–22, 131–131 об.], св. 400 чел. в 1874 г. [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 1–13], в 1879 г. [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 25. Л. 13–19 об., 20–32], около 250 чел. в 1881–1884 гг. [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 2791. Л. 1–1 об.; Ф. 195. Оп. 1. Д. 38. Л. 60–61, 63–64 об., 68–69, 70–71 об., 76–77 об., 79–81, 83–84 об., 85–85 об. и 165, 89–89 об. и 164–164 об., 90–90 об. и 163, 104–105 об. и 159–159 об., 111, 114–114 об., 118–118 об., 120–120 об. и 156–156 об., 125–125 об., 136 об. и 151]; Верхнеудинскому земскому суду: 26 чел. в 1833–1834 гг. [1, Ф. 180. Оп. 1. Д. 149. Л. 10, 15–17]; Верхнеудинской Спасской церкви в 1838 г. [1, Ф. 213. Оп. 1. Д. 11. Л. 7–7 об., 12].

Документы о венчании браков с участием новокрещеных, например, в Игацинской Спасской церкви за 1748–1800 гг. представлены памятями, сказками, клятвами на Евангелии, подписками и объявлениями. В них записывалось: фамилии, имена и отчества после крещения, социальное положение (ясашный, новокрещеный),

национальность (тунгус, «из брацкой породы»), отцы (фамилия, имя, социальное положение), девицы, восприемники, вдовы, «отцы благословенные» невест, «поезжане», «тысячки», первый («полуторой» – второй) брак, священники [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 3. Л. 30–30 об., 31, 94–95 об., 112, 125, 151, 158, 160, 163, 168а, 217–218, 235, 238, 254–255, 268, 296, 299]. Книги брачных обысков, например, Ново-Курбинской миссионерской Николаевской церкви за 1874–1888 гг. включали в себя по 48 записям в отношении новокрещеных следующие позиции, подлежащие обязательному исследованию миссионером (священником): 1) звание (фамилия, имя, отчество после крещения) и состояние (оседлые инородцы, ясачные, новокрещеные, сироты), 2) место жительства (уезд, селение, приход), 3) возраст, 4) отсутствие плотского и духовного родства и свойства, 5) семейное положение (холост, девица, вдова), 6) взаимное согласие, 7) согласие родителей или опекунов, 8) письменные документы для обыска (дозволения от родственников, воспитателей, духовного отца, Степных дум, старост, старшин; «сведения» от духовного отца и крестной матери; метрические и исповедные справки; заявления отцов; «особые» отношения Степных дум и причтов; ревизские, метрические и исповедные выписки/выписи; отзывы; подписки старост; справки о смерти, бытии на исповеди и о венчании первым браком; телеграмма архиепископа) [1, ф. 284, оп. 1, д. 10, л. 1–80]. Кроме того, для разрешения венчания и производства предбрачных обысков могли составляться рапорты, выписки из посемейных списков, удостоверения причтов, прошения, устные заверения родственников и прочие документы [1, Ф. 2. Оп. 2. Д. 305. Л. 1–1 об., 2–2 об., 16–16 об.; Ф. 13. Оп. 1. Д. 99, Л. 6–6 об.; Ф. 191. Оп. 1. Д. 23. Л. 9–10; Ф. 195. Оп. 1. Д. 24. Л. 18–18 об., 23–23 об.; Д. 38. Л. 50–50 об., 73–73 об., 99–99 об.; Д. 59. Л. 10–11; Д. 84. Л. 3–3 об., 5–5 об., 6–6 об., 8–8 об., 9–9 об., 10–10 об., 11–11 об., 12–12 об., 15–15 об., 21–22 об., 24–25, 26–26 об., 63–64, 65; Д. 197. Л. 9, 30–30 об.; Ф. 218. Оп. 1. Д. 118. Л. 4; Д. 120. Л. 10–10 об.; Ф. 340. Оп. 1. Д. 129. Л. 1, 7, 8–8 об.], а также «отпуски» и письма Степных дум, например, за 1832–1842, 1853, 1861–1862 гг. с различными справочными сведениями по дозволению и отсутствию (наличию) препятствий к венчанию и бракосочетанию в причтах в виде: ведомственной принадлежности рода, места жительства установочных данных, социального положения, возраста, количества браков жениха и невесты, данных об их родителях [1, Ф. 2. Оп. 1. Д.

940. Л. 1–2, 3–3 об., 5–5 об., 6–7, 9–10; Д. 3122. Л. 1–2, 3–3 об., 4–4 об., 5–6; Оп. 2. Д. 2500. Л. 1–4; Ф. 3. Оп. 1. Д. 499. Л. 1–12 об.; Ф. 8. Оп. 1. Д. 223. Л. 491–491 об.].

Метрические книги в количестве 293 ед.хр. за период 1834–1920 гг. отложены в ГАРБ по пяти Степным думам (Аларская, Балаганская, Верхоленская, Кударинская, Кудинская), пяти родовым управлениям (1–4-е Абаганатские, 1-е Абызаевское), двум инородным управам (Абаганатская, Харибятская), двум дацанам (Гусиноозерский, Эгетуйский) и одному волостному правлению (Аларское), а также десяти миссионерским церквям (Агинская Николаевская, Аларская Иннокентьевская, Баргузинская Успенская, Гужирская Николаевская, Ново-Курбинская Николаевская, Селенгинская Иннокентьевская, Тункинская Троицкая, Усть-Ордынская Троицкая, Хилокская Успенская и Шимковская Михайлово-Архангельская) [28, С. 65, 67–68]. Всего в ГАРБ в 78 фондах имеется около 1 тыс. метрических книг, большинство из которых приходится на 72 причта церквей, волостные и станичные правления за 1735, 1800–1929 гг. [27, С. 69–72]. В первый раздел книг о рождении и крещении заносились сведения об имени новорожденного, имени, фамилии и отчестве до и после крещения, сословии (оседлый, кочевой или почетный инородец, ясачный), ведомстве, роде, селении, национальности, возрасте, родителях и воспитанниках (фамилия, имя, отчество, сословие, селение, вера), незаконнорожденных, священниках. Во втором разделе имелись данные о бракосочетаниях: фамилия, имя, отчество до и после крещения, сословие, ведомство, род, вера, возраст, количество браков, поручители (фамилия, имя, отчество, сословие, место проживания), священники. Третий раздел представлял информацию о смерти: фамилия, имя, отчество, семейное положение (глава, жена, вдова, дети), возраст, сословие, причины смерти, священники [26, С. 43–44; 27, С. 72–73; 1, Ф. 81. Оп. 1. Д. 46. Л. 182 об.–183; Д. 48. Л. 22 об.–23; Д. 53, Л. 30; Ф. 191. Оп. 1, Д. 164. Л. 1–17; Д. 169. Л. 1–70; Ф. 207. Оп. 1. Д. 19. Л. 102–104; Ф. 214. Оп. 1. Д. 134, Л. 1–131; Д. 136. Л. 1–20; Ф. 244. Оп. 1. Д. 26. Л. 23; Ф. 284. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–118; Д. 24. Л. 1–88; Ф. 312. Оп. 1. Д. 62. Л. 30–31; Ф. 317. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–113; Д. 106. Л. 1–303; Ф. 340. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–20; Д. 167. Л. 1–97; Ф. 412. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 32, 56 об.–56 и др.]. Копии выписок (выписей) из метрических книг составлялись, например, в связи с: записью 27 новокрещенных

по Кударинскому ведомству в 1867–1868 гг. [1, Ф. 262. Оп. 1. Д. 393. Л. 1 об.–4], регистрацией причтами крещения и запросами МВД в 1873–1889 гг. [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–5 об., 40; Д. 24. Л. 16–16 об., 27; Д. 59. Л. 12–13]. В выписках размещалась информация о дате и месте крещения, фамилиях, именах и отчествах до и после крещения, сословии, ведомстве, роде, улусе, национальности, членах семьи, возрасте, восприемниках, персональных номерах по ревизской сказке 1858 г. В первом разделе некоторых книг есть отметки о выдаче свидетельств и справок о рождении для вступления в брак, например, за 1918 г. [1, Ф. 284. Оп. 1. Д. 24. Л. 12 об., 27 об.] или за 1927 г. [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 136. Л. 3 об.].

В удостоверениях о смерти вписывались сведения о ведомстве, роде, улусе, сословии, имени и фамилии после крещения, муже или отце у женщин, возрасте, причинах и дате смерти, священнослужителях [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–5 об., 6–6 об., 8–8 об.; Д. 25. Л. 59–61 об.; Д. 38, Л. 22–22 об., 81, 105; Д. 84. Л. 19–19 об., 20–20 об., 28–28 об.; Д. 197, Л. 35–35 об.].

В исповедных росписях, например, по Итацинской Спасской церкви за 1739–1755 гг. и Баргузинскому Спасскому собору за 1790–1815 гг. новокрещенные (ясашные, «брацкой породы») записывались компактно и только с фамилиями, именами и отчествами, данными после крещения. Кроме того, фиксировался весь состав семьи, в т.ч. с восприемными детьми, возраст каждого [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 2. Л. 42 об., 45 об.–46, 105, 106 об., 112, 114, 117 об., 118, 123 об., 177; Ф. 220. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.–6 об., 35 об.–36 об., 64 об.–66, 91–93, 179 об.–180]. Росписи (именные ведомости) о бывших и не бывших на исповеди направлялись миссионерами и священниками в соответствующую духовную миссию (духовное правление) [1, Ф. 186. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–1 об.; Ф. 218. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2, 3–3 об., 6–7, 10–10 об.]. В ГАРБ отложены исповедные росписи за 1866–1906 гг. по Гужирской Николаевской, Гужирской Троицкой, Ново-Курбинской Николаевской, Тункинской Троицкой и Усть-Ордынской Троицкой миссионерским церквям [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–3; Д. 175. Л. 1–4; Ф. 218. Оп. 1. Д. 8; Ф. 284. Оп. 1. Д. 4; Д. 11. Л. 1–148; Д. 13. Л. 1–127; Ф. 317. Оп. 1. Д. 41; Д. 76. Л. 1–43; Ф. 340. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–238].

Из указов, писем, приказов и предписаний наибольший интерес вызывает следующее: 1) Удинского (Верхнеудинского) духовного

правления: от 27 мая 1775 г. о сохранении в силе форм составления билетов новокрещеных и порядка предоставления их шуленгам для получения льгот при платеже ясака, от 26 марта 1783 г. об организации исповедования новокрещеных, проживающих близ приходов, от 24 января 1785 г. о внесении новокрещеных в исповедные росписи, от 12 апреля 1785 г. о крещении инородцев при наличии их желания и в присутствии восприемников [1, Ф. 329. Оп. 1. Д. 57. Л. 60–60 об., 132–132 об., 134–134 об.]; от 11 марта 1814 г. № 87 о недопустимости препятствий и удержания к принятию крещения, от 18 августа 1815 г. №366 о соблюдении христианского обряда при погребении умерших новокрещеных [1, Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 59–59 об., 99–99 об.]; 2) Иркутского земского суда: от 7 февраля 1837 г. о направлении желающих в церковь для принятия христианства, за 1838 г.: от 14.01 №808, от 23.03 № 6342, от 30.06 №13964 об исключении из 3-х летней льготы [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 2–2 об., 3, 18–18 об., 19–19 об., 23–23 об.]; 3) Верхнеудинского земского суда: от 7 января 1841 г. №985 о предоставлении Селенгинской Степной думой сведений по переписи 1831 г. [1, Ф. 2. Оп. 1. Д. 759. Л. 1–3, 5–8], об обложении в 1846 г. ясаком ввиду «поминовения» льготного времени с раскрытием ведомства, рода, фамилий и имен до и после крещения [1, Ф. 2. Оп. 1. Д. 1492. Л. 19–19 об., 21–21 об., 27–27 об., 31–31 об., 44–44 об.], от 16 июля 1851 г. №12439 о приеме фамилий крестных отцов с письменным дозволением последних [1, Ф. 8. Оп. 1. Д. 1094. Л. 2–3 об.], от 17 ноября 1853 г. № 8019 о перечислении крещеных инородцев в сословие крестьян и мещан с рассмотрением метрических свидетельств причтов и увольнительных свидетельств родов об отсутствии к этому препятствий с обозначением ведомства, рода, фамилий и имен до и после крещения, возраста, мест распределения для проживания [1, Ф. 180. Оп. 1. Д. 4939. Л. 105–107 об.]; 4) Иркутской духовной консистории: от 18 октября 1819 г. № 1316 и от 29 ноября 1894 г. о запрете венчания беглых жен инородцев [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 24. Л. 19–22 об.], от 9 ноября 1907 г. о записях в метрические книги о выходе из христианства [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 101. Л. 1, 3]; 5) Иркутского губернского правления: от 18 февраля 1838 г. № 621 и от 20 февраля 1838 г. № 732 о выдаче билетов новокрещеным [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 13–16, 26–27], от 9 апреля 1874 г. № 1828 о взятии подписок с крещеных глав семейств по явке к крещению некрещеных родственников [1,

Ф. 39. Оп. 1. Д. 111. Л. 5–6 об.]; 6) Иркутского епископа Михаила от 25 июня 1817 г. с правилами из девяти пунктов для приходов при обращении в христианскую веру [1, Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 117–117 об., 157–158]; 7) Синода от 20 февраля 1840 г. с правилами отбора показаний от желающих венчаться и бракосочетаться с внесением после крещения необходимой записи в метрическую книгу и донесением об этом в Епархию [1, Ф. 213. Оп. 1. Д. 12. Л. 5–5 об.].

Статистика крещеных показывалась по миссионерским станам, слободам, родам, управам и ведомствам в виде списков, ведомостей, табелей и таблиц. За определенные периоды и/или по отдельным годам количество крещеных, например, учитывалось по: Тарбагатайской слободе Удинского пригорода за 1746, 1747, 1750, 1764 гг. [1, Ф. 207. Оп. 1. Д. 1616. Л. 23, 34, 66, 189 об.]; Верхнеудинскому, Нижнеудинскому, Иркутскому, Киранскому уездам и г. Нерчинску за 1824 г. [1, Ф. 180. Оп. 1. Д. 110. Л. 13–14]; Гужирскому стану за 1829, 1831, 1832, 1842–1845, 1849, 1852–1854 гг. [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–12]; Балаганскому ведомству за 1878 и 1881 гг. [1, Ф. 3. Оп. 1. Д. 193. Л. 59; Д. 1471. Л. 42 об., 67 об., 89 об., 124 об., 133 об., 146 об., 161 об., 172 об., 179 об., 187 об.]; родам Капсальской управы за 1881 г. [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 38. Л. 52–53]; Цаган-Олуевскому стану за 1883–1888 гг. [1, Ф. 191. Оп. 1. Д. 81. Л. 1].

Священнослужители

По организации составления и последующей непосредственной работы с генеалогическими источниками по крещеным инородцам в ГАРБ за период 1841–1909 гг. имеются сведения в отношении следующих священников-миссионеров: Ользоновской Петро-Павловской церкви: П. Амбросимова [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 197. Л. 5–6 об., 11–11 об., 17, 24]; Агинского ведомства: Антония [1, Ф. 191. Оп. 1. Д. 23. Л. 9–10]; Хорбатовской Николаевской церкви: П. Бердникова [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–5 об.]; В. Былинского [1, Ф. 3. Оп. 1. Д. 382. Л. 1, 6 об.–7, 10 об.–11; Д. 499. Л. 1–12 об.]; иеромонаха Вениамина [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 8; 1, Ф. 284. Оп. 1. Д. 10. Л. 68–68 об.]; Голоусинского миссионерского стана: Геронтия [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 8]; иеромонаха Дмитрия [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 16. Л. 105; Д. 38. Л. 76–77 об.]; протоирея Н. Доржиева [1, Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 53 об.]; Гужирской Троицкой и Тункинской Покровской миссионерской церковей: А. Агафонова [1, Ф. 340. Оп. 1. Д. 167.

Л. 1–97], П. Грозина [1, Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 17–18, 23–27 об., 34–37 об.; Ф. 317. Оп. 1. Д. 62. Л. 2], В. Корелина [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–313], И. Косыгина [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–3 об., 6–7, 10–10 об.; Д. 26. Л. 45 об.–46 об., 53 об.–54; Д. 101. Л. 1, 3; Д. 122. Л. 17–17 об.; Д. 134. Л. 1–131; Д. 136. Л. 1–20; Ф. 317. Оп. 1. Д. 62. Л. 2, 6, 7–7 об., 30–31; Д. 106. Л. 1–303; Ф. 340. Оп. 1. Д. 129. Л. 1, 7; Д. 165. Л. 1–20; Д. 167. Л. 1–97], Е. Крутого [1, Ф. 340. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–97], Н. Никольского [1, Ф. 317. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–113], И. Пономаревского [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–313], М. Ульяновского [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 118. Л. 4; Д. 119. Л. 6; Д. 120. Л. 10–10 об.; Д. 134 Л. 27] и Г. Щапова [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–313]; Тарбагатайской миссионерской церкви: Иннокентия [1, Ф. 177. Оп. 1. Д. 326. Л. 1–4 об.]; Нукутской Иннокентьевской церкви: П. Ковригина [1, Ф. 46. Оп. 1. Д. 127. Л. 81] и Н. Ливанова [1, Ф. 46. Оп. 1. Д. 127. Л. 77, 78]; Тальянского миссионерского стана: М. Копылова [1, ф. 195, оп. 1, д. 24, л. 19–22 об.]; Шимковского миссионерского стана: М. Короткорученова [1, Ф. 340. Оп. 1. Д. 129. Л. 1, 7–8 об.]; Хогатовской Николаевской церкви: Н. Косыгина [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 38. Л. 101–101 об.] и И. Титова [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 59. Л. 8, 10–10 об.]; Усть-Ордынской Троицкой церкви: В. Ларева [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 197. Л. 5–6 об., 11–11 об., 17, 26–26 об.], А. Пляскина [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 3–8, 9–9 об.; Ф. 195. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–134; Д. 38. Л. 64–64 об., 96–96 об., 98–99 об., 105 об., 110–111, 161–161 об.; Д. 59. Л. 8, 12–13; Ф. 284. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–88], Родионова [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 1], Ф. Саввина [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 2791. Л. 1–14 об.; Д. 3429. Л. 1–13; Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 38–40, 43, 68–78, 89–103; Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–42; Д. 10. Л. 1–25; Д. 25. Л. 2–10, 12–12 об., 59–61 об., 64–65 об., 72–72 об., 74–75 об.; Д. 38. Л. 1–3 об., 16–16 об., 18–20, 22–22 об., 27–29, 28–29, 50–51, 63 об., 68–71 об., 73–73 об., 76–77 об., 79, 89–90 об., 105–105 об., 110–111] и Филарета [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 9 об.]; Балаганского ведомства: И. Ливанова [1, Ф. 3. Оп. 1. Д. 1471. Л. 53, 55, 68; Ф. 46. Оп. 1. Д. 127. Л. 77–78]; Селенгинского епископа Мартиниана [1, Ф. 191. Оп. 1. Д. 22. Л. 3 об.]; иеромонаха (архиепископа) Мелетия [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 38. Л. 68–69, 89–89 об.; Ф. 262. Оп. 1. Д. 393. Л. 1 об.–4, 11–11 об., 14–14 об.]; Ново-Курбинской Николаевской церкви: Н. Михайлова [1, ф. 284, оп. 1, д. 10, л. 1–1 об.; 76–76 об.]; Агинской Николаевской церкви: Ал. Норбоева [1, Ф. 191. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–3 об.; Д. 44. Л. 1–12;

Д. 164. Л. 1–17] и Г. Литвинцева [1, Ф. 191. Оп. 1. Д. 169. Л. 1–70]; кафедрального протоирея Ф. Петухова [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 7 об.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1492. Л. 8, 10; Ф. 3. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–12; Ф. 4. Оп. 1. Д. 689. Л. 3, 5, 8–8 об., 16–16 об.; Ф. 6. Д. 106. Л. 2–2 об.]; Д. Подгорбунского [1, Ф. 284. Оп. 1. Д. 10. Л. 54–54 об.; Д. 12. Л. 1–118]; Кульской Спасской церкви: Г. Попова [1, Ф. 284. Оп. 1. Д. 10. Л. 6–6 об., 16–16 об.] и М. Телятьева [1, Ф. 8. Оп. 1. Д. 223. Л. 490–491]; Посольской миссионерской школы: И. Попова [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2]; Аларского ведомства (Усть-Ордынского миссионерского стана): И. Преловского [1, Ф. 6. Оп. 1. Д. 655. Л. 2–37; Ф. 39. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–4, 11–13, 37–37 об.; Ф. 46. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–2, 4–5; Ф. 195. Оп. 1. Д. 24. Л. 19–22 об.; Д. 59. Л. 10–13, 18–18 об., 21, 34, 35, 40–41, 49–49 об., 52–53, 62; Д. 84. Л. 2–2 об., 14–14 об., 23–23 об., 25–25 об., Ф. 218. Оп. 1. Д. 14. Л. 6–7]; И. Радишникова [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 38. Л. 70–71 об.]; иеромонаха Сергия [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 1–2; Ф. 195. Оп. 1. Д. 16. Л. 40–40 об.; Д. 38. Л. 70–71 об., 76–77 об., 89–89 об., 105]; Акатуевской Ильинской церкви: Д. Сизыха (Сизого) [1, Ф. 131. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–3 об.]; Ниловой пустыни: Н. Соловарова [1, Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 80–82 об.]; Тункинского и Хоринского ведомств: К. Стукова [1, Ф. 8. Оп. 1. Д. 1003. Л. 19–21; Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 52–55, 58–65 об.] и Я. Чистохина [1, Ф. 218. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–3 об., 10–10 об.; Д. 134. Л. 32; Ф. 340. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–97]; Цаган-Олуевского миссионерского стана: М. Стукова [1, Ф. 191. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–2]; Анинской Николаевской церкви: С. Стукова [1, Ф. 284. Оп. 1. Д. 10. Л. 83–83 об.]; Хилокской Богородице-Владимирской церкви: И. Титова [1, Ф. 2. Оп. 1. Д. 1492. Л. 25]; Нельхайского миссионерского стана: А. Флерова [1, Ф. 46. Оп. 1. Д. 127. Л. 78] и других.

Среди приходских и прочих священников, принявших в течение 1739–1886 гг. участие в генеалогическом документообороте по крещению инородцев, в том числе, необходимо выделить: Иретской Николаевской церкви: Х. Амвросова [1, Ф. 6. Оп. 1. Д. 106. Л. 1, 3–3 об.]; Иркутской Прокопьевской церкви: А. Бобровского [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 48]; Градо-Иркутской Спасской церкви: А. Виноградова [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 3]; Никольской Николаевской церкви: Т. Вязунова [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 197. Л. 8–9]; Итацинской Спасской церкви: М. Григорьева [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 2. Л. 105, 106 об., 114, 117 об.–119 об., 123 об.; Д. 3. Л. 112, 125], Т. Григорьева

[1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 2. Л. 42 об., 45 об., 177; Д. 3. Л. 94–95 об.], И. Данилова [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 3. Л. 151, 158, 160, 163, 217–218], П. Каплина [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 3. Л. 255], И. Симеонова [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 2. Л. 42 об., 45 об., 177], К. Шергина [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 3. Л. 188а, 238, 296, 299] и И. Федорова [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 2. Л. 105, 106 об., 114, 117 об., 118, 119 об., 123]; Олонской Благовещенской церкви: В. Громова [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 74–75]; Иркутского кафедрального протоирея Н. Громова [1, Ф. 317. Оп. 1. Д. 62. Л. 6, 7–7 об.]; Кудинской Троицкой церкви: Е. Елизарьева [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 8] и П. Родионова [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 544. Л. 1, 3–3 об., 9–9 об.]; Тугутунской Петропавловской церкви: А. Журавлева [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 6, 32] и А. Копылова [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 62, 66, 73, 90–91]; из Удинского пригорода: Ф. Иоаннова [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 3. Л. 30, 31]; Косостепной Благовещенской церкви: И. Казанцева [1, Ф. 12. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–6]; Кабанской Рождественской церкви: В. Карнакова [1, Ф. 329. Оп. 1. Д. 57. Л. 60–60 об., 105–105 об., 116–116 об., 123, 132–132 об., 134–134 об.], И. Карнакова [1, Ф. 329. Оп. 1. Д. 57. Л. 145–148 об., 232–232 об.] и Ф. Карнакова [1, Ф. 329. Оп. 1. Д. 57. Л. 316–316 об.]; Балаганской Спасской церкви: С. Кароулина [1, Ф. 3. Оп. 1. Д. 193. Л. 20, 59 об.–71 об.]; Верхнеудинской Богородско-Одигитриевской церкви: М. Касаткина [1, Ф. 180. Оп. 1. Д. 149. Л. 30]; Куйтунской Николаевской церкви: Н. Качановского [1, Ф. 284. Оп. 1. Д. 10. Л. 4–4 об.]; Успенской церкви: А. Колодезника [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 21]; Богородско-Дмитриевской церкви: М. Колоткина [1, Ф. 180. Оп. 1. Д. 149. Л. 1]; Голумятско-Николаевской церкви: Копылова [1, Ф. 6. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–1 об., 17]; Кутулинской церкви: Л. Копылова [1, Ф. 46. Оп. 1. Д. 142. Л. 6]; Новохоготойской Николаевской церкви: С. Корникова [1, Ф. 180. Оп. 1. Д. 149. Л. 10]; Харатской Архангельской церкви: Ф. Костромина [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 50; Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 72] и С. Миронова [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 689. Л. 1]; Мухоршибирской Николаевской церкви: С. Кузнецова [1, Ф. 180. Оп. 1. Д. 149. Л. 31–32]; Манзурской Введенской церкви: Д. Корникова [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 544. Л. 5–5 об.], Г. Литвинцева [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 3–4 об., 16–18; Ф. 460. Оп. 1. Д. 53. Л. 27–27 об.], Н. Слобцова [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 544. Л. 1] и А. Шастина [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 31]; Селенгинской Покровской церкви: Межева [1, Ф. 2. Оп. 1. Д. 442. Л. 6–6 об.]; П. Миронова [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 74–74 об.]; Баргузинской

Спасо-Преображенской церкви: Ф. Миронова [1, Ф. 180. Оп. 1. Д. 149. Л. 15–17]; Иркутской Крестовоздвиженской церкви: А. Миротворцева [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 237, Л. 13–16, 26–27]; Градо-Иркутской Благовещенской церкви: Д. Митвигина [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 49]; Иркутских архиепископов Михаила [1, Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 117–117 об., 157–158] и Нила [1, Ф. 3. Оп. 1. Д. 382. Л. 7; Ф. 8. Оп. 1. Д. 1003. Л. 20–21]; члена Иркутской д/консистерии Г. Можарова [1, Ф. 262. Оп. 1. Д. 393. Л. 1–4 об.]; Часовинской Вознесенской церкви: Аф. Норбоева [1, Ф. 191. Оп. 1. Д. 22. Л. 1 об.–2 об.]; Качугской Вознесенской церкви: А. Орлова [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 22–23, 37–39 об.]; Селенгинской Спасской и Джидинской церквей: И. Ощепкова [1, Ф. 2. Оп. 1. Д. 769. Л. 66–66 об., 72–72 об.; Д. 940. Л. 1–3 об., 5–7, 9–10]; Осцкой Успенской церкви: Т. Парнякова [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 18]; архиепископа Иркутского и Нерчинского Парфения [1, Ф. 46. Оп. 1. Д. 41. Л. 10–10 об.; Ф. 171. Оп. 1. Д. 124. Л. 59 об.–60 об., 73–78]; Верхнеудинской Спасской церкви: А. Попова [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 3. Л. 254, 268], М. Попова [1, Ф. 213. Оп. 1. Д. 12. Л. 39–40], Н. Рубцова [1, Ф. 213. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–6 об., 7–7 об., 10–10 об., 12] и С. Трапездникова [1, Ф. 213. Оп. 1. Д. 11. Л. 16–16 об.]; Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви: В. Попова и И. Шергина [1, Ф. 2. Оп. 2. Д. 305. Л. 16–16 об.]; Батуринской Сретенской церкви: Н. Попова [1, Ф. 219. Оп. 1. Д. 3. Л. 235]; Котынской Иннокентьевской церкви: Н. Попова [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 25. Л. 84–84 об.]; П. Попова [1, Ф. 3. Оп. 1. Д. 382. Л. 5 об.–6]; Кудянской Петропавловской церкви: С. Попова [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 2, 22–23]; Верхнеудинской Соборной церкви: Х. Попова [1, Ф. 2. Оп. 1. Д. 769. Л. 13–14; Д. 1492. Л. 41–41 об.]; Коймарской Благовещенской церкви: А. Преловского [1, Ф. 195. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–8 об., 30]; Балаганской Спасской церкви: Я. Преловского [1, Ф. 3. Оп. 1. Д. 193. Л. 4–5 об.]; Иркутской Воскресенской церкви: И. Протодякова [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 4–4 об.]; Буриковской Пристанской церкви: И. Серебренникова [1, Ф. 1. Оп. 2. Д. 370. Л. 39, 86; Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 15–15 об.]; Харатской Михаило-Архангельской церкви: Д. Серебрякова [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 11; Ф. 195. Оп. 1. Д. 25. Л. 11–11 об.; Ф. 38. Л. 90–90 об.]; К. Сотникова [1, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3429. Л. 8]; Троицкосавского собора: А. Устюжаникова [1, Ф. 2. Оп. 1. Д. 1492. Л. 48–48 об.]; Иркутской Борисоглебской церкви: В. Шастина [1, Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 73–73 об.].

Из вышеперечисленных 120 лиц священнослужителями-бурятами, как минимум, являлись: А. Виноградов, Н. Громов, Н. Доржиев, И. Косыгин, И. Ливанов, С. Миронов, Ал. Норбоев, Аф. Норбоев, И. Попов, И. Преловский, Д. Сизой, К. Стуков, С. Стуков и Я. Чистохин. Смешанные бурятско-русские корни имели Н. Косыгин и П. Родионов, а также многие династии священников, например, Копыловы, Корнаковы, Литвинцевы, Подгорбунские, Телятьевы, Шастины, Шергины, Щаповы и другие [5, С. 59, 62; 18, С. 240, 165–171; 19, С. 424–425; 20, С. 124–136; 31, С. 213].

Во второй половине XIX в. в Иркутско-Нерчинской епархии наиболее целенаправленно и продуктивно оформлением письменных источников по генеалогии крещеных бурят занимался миссионер Ф. Саввин. Так, во всех ведомствах своего миссионерства его первыми шагами неизменно начиналась «точнейшая проверка» содержимого посемейных списков предшественников. Для сверки с реальным количеством новокрещеных путем направления отношений он истребывал, в т.ч. при необходимости неоднократно, данные ревизских сказок в Степных думах и родовых управлениях, лично изучал записи исповедных росписей, метрических и обыскных книг в церковных приходах ведомств [30, С. 125]. Только в 1865–1866 гг. результатом его «проверки» в Тункинском ведомстве стало выявление 760 крещеных как пропущенных по церковным документам и 110 записанных в категории некрещеных по ревизским сказкам. Миссионер установил также, что часть лиц крестилась повторно, в ревизские сказки и посемейные списки включались недостоверные сведения из предварительных списков желающих креститься и, как последствия массовых крещений, наличествовало множество совершенно одинаковых христианских имен и фамилий без обозначения прежних бурятских [33, С. 260–262; 22, Прибавление от 6.05.1867 г. № 18, С. 206–209].

Аналогичную схему «проверки» и с критикой приходских священников по «слабой» работе в смешанных семьях Ф. Саввин осуществил в Верхоленском ведомстве в 1868–1872 гг. [34, С. 37–40; 22, от 2.08.1869 г. № 31, С. 37–39]. То же самое, но уже за сорокалетний период миссионер организовал в Кудинском ведомстве в 1873–1874 гг. с подключением официальных возможностей Губернского полицейского управления и Губернского статистического комитета с итоговым созданием более 400 «бумаг разным людям

и местам», совершением около 100 поездок и полной «поверкой» посемейных списков в 11 из 19 родов [35, С. 195–196; 22, Прибавление от 26.04.1875 г. №17, С. 234; от 3.05. № 18, С. 243–244]. На примере Ф. Саввина всем миссионерам Иркутской Епархии рекомендовалось снимать копии с ревизских сказок во всех подведомственных им местах [33, С. 290].

И. Преловский основной упор сделал на составление посемейных списков с перепроверкой имеющихся сведений с приходскими метрическими книгами, в т.ч. с выявлением неучтенных детей в смешанных семьях и с последующим их целевым и индивидуальным крещением [33, С. 291; 36, С. 487].

Иннокентий переписывал новокрещеных и готовил исповедные росписи с расширенными сведениями в виде записей установочных данных до и после крещения: «по отцу плотскому и восприемному» [35, С. 301].

И. Ливанов 25 лет миссионерской работы посвятил оформлению «точных» посемейных списков новокрещеных и смешанных семейств во время поездок по улусам и родовым управлениям [35, С. 352].

П. Бердников использовал в сравнении данные ревизской сказки 1858 г. и подворных списков 1881 г. при анализе численности населения по родам. Полученные сведения лично перепроверял во время миссионерских путешествий, в одной из которых исповедовал около 100 новокрещеных. По методике Ф. Саввина списки вновь крещеных готовились им на основе ревизских сказок с производством необходимых выписей из метрических книг Тункинского ведомства за 40-летний период [35, С. 419, 422; 22, Прибавление от 24.09.1877 г. № 38, С. 493; от 1.05.1882 г. № 18, С. 226].

И. Косыгин на базе ревизских сказок Степной думы, метрических и исповедных записей причтов церковью оформлял именные списки новокрещеных, столкнувшись, при этом, с запутанностью содержащейся в них информации в связи с переездами, бракосочетаниями, несхожести имен по церковным документам, ношения многих одних и тех же имен и фамилий восприемников по причине массовых крещений. С помощью чиновников Степной думы крестил многих детей, особенно в смешанных семьях [35, С. 584–585].

А. Норбоев списки желающих креститься проверял по ревизским сказкам Степной думы и родовых управлений. В Трудах пра-

вославных миссий Восточной Сибири в 1880–1882 гг. публиковались его подробные миссионерские занятия с описанием имен, отчеств и фамилий новокрещенных, их восприемников и родовой принадлежности. В ГАРБ имеется его дневник «путешествий и рассуждений» за 1883 г. [36, С. 155–172, 348–365, 462–478; 1, Ф. 191. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–12].

Н. Косыгин через переписку со Степной думой инициировал порядок обязательного письменного его уведомления родовыми старостами о фактах рождения детей в смешанных семьях, смерти новокрещенных и их родственников [36, С. 507; 22, Прибавление от 28.05.1883 г. №22. С. 289–290].

К. Стуков обосновывал, что брачные обыски должны сверяться со сведениями Степных дум и родовых старост с выяснением отсутствия у желающих вступить в брак после крещения кровного родства до четвертой степени, наличия «совершенных лет» и самого факта состояния в супружестве еще до крещения [22, от 7.10.1867 г. № 31, С. 279–280].

По рапорту И. Попова Епархия распорядилась при проведении брачных обысков и венчания кочевых инородцев довольствоваться только одними расспросами и записями в метрической книге самих повенчанных и их поручителей, в то время как в отношении оседлых инородцев предписывалось брачные обыски осуществлять «надлежащим» образом [22, от 16.04.1877 г. № 15, С. 84–86].

Таким образом, в Государственном архиве Республики Бурятия как результат деятельности священнослужителей в лице миссионеров и приходских священников сосредоточены многообразные виды архивных источников по генеалогии крещенных бурят и эвенков дореволюционного периода, позволяющие использовать их для полноценного исследования на научно-профессиональном и краеведческом уровнях, а также в целях восстановления и реконструкции родословных истоков жителей Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (№ фонда, наименование, период, количество единиц хранения):
Ф. 1. Кудинская Степная дума. 1789–1898 гг. (3833 ед. хр.);
Ф. 2. Селенгинская Степная дума. 1825–1903 гг. (6531);
Ф. 3. Балаганская Степная дума. 1809–1902 гг. (2068);

- Ф. 4. Верхоленская Степная дума. 1821–1919 гг. (2078);
Ф. 6. Аларская Степная дума. 1832–1912 гг. (1243);
Ф. 8. Хоринская Степная дума. 1801–1898 гг. (2710);
Ф. 12. Ольхонская Степная дума. 1824–1894 гг. (1142);
Ф. 39. Хигинское родовое управление Аларского ведомства. 1862–1911 гг. (274);
Ф. 46. Шилотское родовое управление Аларского ведомства. 1859–1898 гг. (212);
Ф. 83. Мухоршибирская Николаевская церковь. 1840–1912 гг. (175);
Ф. 131. Агинское инородческое волостное правление Читинского уезда. 1904–1918 гг. (822);
Ф. 171. Тункинская Степная дума. 1844–1896 гг. (263);
Ф. 177. Кяхтинская Воскресенская церковь. 1822–1915 гг. (420);
Ф. 180. Верхнеудинский нижний земский суд. 1780–1888 гг. (14 102);
Ф. 191. Агинская миссионерская Николаевская церковь. 1869–1898 гг. (172);
Ф. 195. Усть-Ордынская миссионерская Троицкая церковь. 1870–1919 гг. (298);
Ф. 213. Верхнеудинская Спасская церковь. 1860–1922 гг. (198);
Ф. 218. Гужирская миссионерская Троицкая церковь. 1898–1908 гг. (136);
Ф. 219. Турунтаевская Спасская церковь. 1735–1918 гг. (205);
Ф. 220. Баргузинский Спасо-Преображенский собор. 1809–1915 гг. (281);
Ф. 262. Троицко-Селенгинский монастырь. 1681–1916 гг. (505);
Ф. 284. Ново-Курбинская миссионерская Николаевская церковь. 1883–1920 гг. (39);
Ф. 317. Гужирско-Николаевская миссионерская церковь. 1856–1913 гг. (108);
Ф. 329. Темлюйская Введенская церковь. 1770–1924 гг. (55);
Ф. 340. Тункинская миссионерская Троицкая церковь. 1876–1908 гг. (167);
Ф. 460. Верхоленская Степная контора Иркутского воеводства. 1782–1824 гг. (156).
2. Аксенов А.И. Генеалогия // Вопросы истории. М.: Наука, 1972. № 10. С. 206–212.
3. Анахина М.В. Русская Православная Церковь в Забайкалье (XVII – начало XX вв.). Автореф. диссерт. к.и.н. Улан-Удэ, 2000. 24 с.
4. Болонев Ф.Ф. Семейская живая старина за Байкалом. Улан-Удэ: НоваПринт, 2015. 424 с.
5. Бураева О.В. Православие у бурят (XVII – начало XX в.). // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 2010. № 1. С. 55–66.
6. Бычкова М.Е. Что значит родные. М.: Б. Печатник, 2000. 150 с.
7. Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск, 2013. 503 с.
8. Дмитриева О.В. Генеалогия. // Введение в специальность исторической дисциплины. М.: Изд. МГУ, 1990. С. 6–39.
9. Жалсанова Б.Ц. История Усть-Ордынской Троицкой миссионерской церкви в документах Национального архива Республики Бурятия (18711925 гг.). //

Православие: миссионерство и дипломатия в Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (14-15 января 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 166–174.

10. Жалсанова Б.Ц. История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия. Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. 248 с.

11. Жалсанова Б.Ц. История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия. / Б.Ц. Жалсанова, О.И. Прокопьева, А.Т. Дадаева. Улан-Удэ: Изд-во «Новапринт», 2010. 120 с.

12. Жалсанова Б.Ц. Значение документов Национального архива Республики Бурятия в проведении генеалогических исследований. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. С. 384–388.

13. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903). Иркутск: Оттиск, 2012а. 352 с.

14. Жалсанова Б. Ц. Фонды тунгусских инородных управ и родовых управлений в Государственном архиве Республики Бурятия как источники по истории тунгусов XIX – начала XX в. // Гуманитарный вектор. 2012б. № 2 (30). С. 173–178.

15. Жалсанова Б.Ц. Урульгинская Степная дума – орган местного самоуправления тунгусов Забайкальской области в XIX – начале XX в. // Вестник БНЦ СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. № 3. С. 108–121.

16. Жалсанова Б.Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск: Оттиск, 2012. – 363 с.

17. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1899 гг.). Иркутск: Оттиск, 2015. 352 с.

18. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1902 гг.). Иркутск: Оттиск, 2016. – 592 с.

19. Жалсарав А.Д. История православия в Забайкалье (середина XVII – начало XX вв.). Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2015. – 264 с.

20. Запекина Л.И. Особенности в осуществлении православного обряда крещения на территории Забайкалья (XVII–XIX века). // Новосибирск, Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 270–275.

21. Иванов В.Ф. В глубь уходящие корни. Хасурта. Улан-Удэ: НоваПринт, 2000. 248 с.

22. Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ) и Прибавления к ним. 1862–1919 гг. Центральная библиотека БНЦ СО РАН, отдел редких книг Национальной библиотеки РБ, Электронный ресурс – режим доступа: <http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru>.

23. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начала XX в. (1795–1917 гг.). // История СССР. М.: Наука, 1979. № 3. С. 25–29.

24. Матханова Н.П. Записки православных священников об изучении и освоении северных территорий Сибири в XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. Т. 23, № 3. С. 25–30.
25. Митьпова Г.С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2005. 232 с.
26. Пашинин А. В. Родословная. Иркутск: Отгиск, 2012. 176 с.
27. Пашинин А. В. Статистические источники по генеалогии крестьянских родов (семей) конца XVII – начала XX вв. в фондах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск: Отгиск, 2015. 495 с.
28. Пашинин А.В. К постановке вопроса об исследовании источников по генеалогии крещеных инородцев XVIII – начала XX в. в фондах Государственного архива Республики Бурятия. // Вестник БНЦ СО РАН. Улан-Удэ, 2017. № 1 (25). С. 64–73.
29. Пашинин А.В. Источники по генеалогии крещеных инородцев в материалах Иркутских епархиальных ведомостей (ИЕВ) за 1863–1918 гг. // Вестник БНЦ СО РАН. Улан-Удэ, 2018. № 1 (29). С. 120–131.
30. Санжиева Т.Е. Особенности распространения православия среди бурят в XIX в. // Известия ИГУ. Иркутск, 2011. № 2 (7). С. 209–215.
31. Санжиева Т.Е. Крещение бурят по материалам фондов степных дум. // Материалы конференции «Православие и дипломатия в странах АТР». Улан-Удэ: Изд. БГУ, 2015. С. 78–83.
32. Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 1: 1862–1867 гг. – Иркутск: Иркутский комитет православного миссионерского общества, 1883. – 560 с.
33. Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 2: 1868–1872 гг. – Иркутск: Иркутский комитет православного миссионерского общества, 1884. – 632 с.
34. Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 3: 1873–1877 гг. – Иркутск: Иркутский комитет православного миссионерского общества, 1885. – 600 с.
35. Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 4: 1878–1883 гг. – Иркутск: Иркутский комитет православного миссионерского общества, 1886. – 678 с.
36. Шагжина З. А. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Забайкалье, вторая половина XVII – начало XX вв. Автореф. дис. к.и.н. Улан-Удэ, 2000а. – 27 с.
37. Шагжина З. А. Христианизация Тункинских бурят в XIX в. // История, культурное и природное наследие. Улан-Удэ, 2000б. Вып. III. Ч. I. С. 142–153.
38. Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII – середина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1985. – 285 с.
39. Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 108 с.

Ткачёва Вера Юрьевна
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
vera-minaeva.1990@mail.ru

ПЕРВЫЙ ИСТОРИК-АРХИВИСТ В.П. ГИРЧЕНКО

В статье рассказывается о вкладе В.П. Гирченко в становление архивной службы Республики Бурятия.

Ключевые слова: Владимир Петрович Гирченко, Архивная служба, Архивное бюро, Сибирь, Государственный архив Республики Бурятия, Прибайкальский губернский ревком, Степные думы, Прибайкалье.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-273-277

Tkacheva Vera Yurevna
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

FIRST HISTORIAN-ARCHIVIST V.P. GIRCHENKO

The article describes the contribution of V.P. Girchenko in the formation of the archival service of the Republic of Buryatia.

Key words: Vladimir Petrovich Girchenko, Archival Service, Archival Bureau, Siberia, State Archives of the Republic of Buryatia, Pribaikalsky Provincial Revolutionary Committee, Steppe Dumas, Pribaikalye.

В 2018 г. исполняется 100 лет Государственной Архивной службе России и 95 лет Архивной службе Республики Бурятия. За годы работы был создан единой Архивный фонд Бурятии, насчитывающий более 1 млн. ед. хр. Особая заслуга в создании архивной отрасли региона принадлежит первому историку-архивисту Владимиру Петровичу Гирченко (1878-1953 гг.).

100 лет назад декретом СНК от 01 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» в советском государстве был узаконен принцип централизации управления архив-

ным делом и образован Единый государственный архивный фонд России.

Однако, на территории Сибири практическое осуществление новой системы архивного устройства, согласно Декрету, отодвинулось на несколько лет ввиду сложной военно-политической и социально-экономической обстановки в регионе.

Владимир Петрович Гирченко родился 29 июня 1878 г. в г. Верхнеудинске в купеческой семье. Окончил читинскую мужскую гимназию, затем поступил на историко-филологическое отделение Московского университета. В 1904 г. В.П. Гирченко сдал экзамены и закончил университет. До 1909 г. преподавал историю в читинской 1-й женской гимназии. С 1909 по 1917 гг. работал старшим землемером верхнеудинского землеустроительного отряда. С 1910 г. Владимир Петрович начал изучать архивы Верхнеудинска.

Владимир Петрович был членом Забайкальского отделения Русского географического общества. Он организовал сбор и научную обработку документов, опубликовал около 40 очерков и статей.

С 1917 г. занимал пост заместителя редактора газеты «Известия Верхнеудинского комитета и Совета рабочих и солдатских депутатов», в 1918 г. входил в состав редколлегии по составлению «Хрестоматии по Забайкальской области». С 1918 г. был председателем Общества изучения Прибайкалья.

С 1920 г. Владимир Петрович заведовал внешкольным отделом народного образования Верхнеудинского уезда. В 1921 г. был назначен заведующим кафедрой прибайкаловедения при Прибайкальском народном университете. Владимир Петрович руководил внештатным отделом народного образования.

Решением Прибайкальского губернского ревкома от 31 мая 1923 г. был создан первый в истории Прибайкалья архивный орган – Архивное бюро Прибайкальской губернии под руководством Владимира Петровича Гирченко.

В приказе Прибайкальского губревкома о создании Архивного бюро и назначении В.П. Гирченко его заведующим читаем:

«...С 1 июня с[его] г[ода] учреждается при Губревкоме губернское Архивное бюро со следующим штатом: 1. Заведующий бюро; 2. Помощник зав[едующего] бюро; 3. Сторож.

Гражданин Гирченко назначается заведующим Архивным бюро с июня с[его] г[ода]...» [3, Л. 5].

Следует отметить, что архивы на территории региона существовали задолго до образования Архивного бюро. Однако, дореволюционные архивы были разрознены и представляли собой материалы отдельных организаций: Степных дум, волостных правлений, контор, церквей и т.д.

В Государственном архиве Республики Бурятия сохранился список архивов Верхнеудинского уезда Забайкальской области, составленный не ранее 1913 г. Согласно этому списку, в области существовало 28 архивов, это архивы волостных правлений, церквей и Степных дум. В списке описаны размеры архивохранилищ, в каких условиях хранятся документы, а также за какие годы хранятся документы:

«1. Архив при Кубдутском волостном правлении, архив существует с 1904 г.

2. Архив Харганатского волостного правления, существует с 1904 г. <...>

4. Бывшей Хоринской Степной Думы, в особом помещении в селении Анинском Галзотской волости, размер в длину и ширину около 2 сажений, приходит в ветхость и требует ремонта и переноса в другое здание всего архива. <...>

8. Архив Покровской церкви, при Покровской церкви. <...>

20. Архив Тарбагатайской Троицкой церкви. При Тарбагатайской Троицкой церкви, занимает при церкви особую кладовую, которая не удовлетворяет своему назначению. Архив существует с 1872 г., никаких важных исторических документов нет.» [1, Л. 63-65 об.] и др.

Несомненная заслуга в организации архивного дела в республике принадлежит первому историку-архивисту В.П. Гирченко, под руководством которого архивистами проделана огромная работа по концентрации, научной обработке, хранению и использованию архивных документов.

На новой должности, В.П. Гирченко активно занимался научными исследованиями архивных документов, им был опубликован целый ряд работ по истории и этнографии народов Бурятии, о декабристах, революционном движении.

В заявлении В.П. Гирченко в Секретариат Прибайкальского губревкома о своем образовательном цензе и опыте работы в области архивного дела и краеведения (31 мая 1923 г.) читаем:

«Окончил курс Московского Университета по историко-филологическому факультету. В течение десяти последних лет занимался изучением архивов Прибайкалья. Извлеченные из архивов материалы обработал и частью издал в местных периодических изданиях («Известия кафедры Прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете», «Прибайкальский край» и «Прибайкальская правда») и отдельно («Прибайкалье. Исторический очерк», «Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских»).

В 1921 и 1922 г. занимал должность декана кафедры Прибайкальеведения при Прибайкальском народном университете и состоял уполномоченным бывшего Министерства народного просвещения Дальневосточной Республики по охране архивов Прибайкалья» [4, Л. 7].

В своей автобиографии В.П. Гирченко вспоминает о трудном детстве:

«<...> Мать моя была дочерью декабриста В.А. Бечаснова, который по отбытии каторжных работ, наравне с прочими декабристами в Петровско-Заводском каземате был водворен на поселение в сел. Смоленщину, вблизи г. Иркутска. Там же женился на местной крестьянке и занимался сельским хозяйством. <...>

Отцом моим был построен в г. Верхнеудинске дом, в котором и жила наша семья. Мне было 11 лет, когда умер отец. На руках матери осталось 6 несовершеннолетних и малолетних детей, из которых я был старшим; материальное положение нашей семьи было очень тяжелым, и мне удалось окончить курс гимназии, а затем университета, исключительно благодаря материальной поддержке со стороны знакомых покойного отца. Начиная с 4-го класса гимназии, я стал заниматься уроками (репетиторством), с учениками младших классов, чем немного помогал семье. Две моих сестры достигли совершеннолетия, поступили на службу (одна телеграфисткой, другая – сельской учительницей), и мы сообща помогали матери содержать и воспитывать трех младших членов семьи <...>» [4, Л. 32-34].

Широк диапазон научных интересов В.П. Гирченко. Это и проблемы социально-экономической истории Забайкалья XVII – XVIII вв., движения декабристов и первой революции в России. В поле зрения В.П. Гирченко находились вопросы истории и этнографии семейских, бурят и эвенков, библиографии рабочего движения и

печати, роли российских ученых и иностранных путешественников в изучении Прибайкалья. Список публикаций В.П. Гирченко насчитывает свыше 70 наименований научных статей и рецензий.

Работа по созданию Архивной службы Республики была сложной и кропотливой. Зачастую архивные материалы хранились в непригодных для архива помещениях, документы уничтожались. Бывали даже случаи использования архивных документов для упаковки товаров в магазинах г. Верхнеудинска.

Из донесения заведующего Архивным бюро В.П. Гирченко в Управление делами Бурревкома об использовании архивных документов для упаковки товаров в магазинах г. Верхнеудинска (10 ноября 1923 г.):

«По полученным Архивным бюро сведениям в некоторых торговых заведениях г. В[ерхне]удинска, проданные товары отпускаются покупателям, завернутыми в листы архивных дел Кяхтинского архива, расхищенного в 1921-1922 г[оды], по сообщению в бюро некоторых лиц местных жителей. Это практикуется в следующих торговых заведениях:

- 1) булочной, помещающейся в доме Трунева;
- 2) книжной лавке Жиркова;
- 3) магазине Дальторга <...>» [2, Л. 12].

За 95-летнюю историю, архивистами была проведена огромная работа по созданию Архивного фонда Республики Бурятия. Несомненная заслуга принадлежит первому историку-архивисту Владимиру Петровичу Гирченко, который является основателем Архивной службы Республики Бурятия.

Список источников и литературы

1. ГАРБ. Ф. 20. Оп. 3. Д. 285.
2. ГАРБ. ФР. 273. Оп. 1. Д. 14.
3. ГАРБ. ФР. 273. Оп. 1. Д. 562.
4. ГАРБ. ФР. 273. Оп. 1. Д. 649.

Шапхоева Лариса Александровна
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ

**ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ ФРОНТОВИКОВ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО АРХИВНЫМ
ДОКУМЕНТАМ БУРЯТСКОГО ОБКОМА КПСС
ЗА ПЕРИОД С 1941 ПО 1945 ГГ.)**

В статье рассматривается развернутая в военные, 1941-1945 годы, кампания по оказанию помощи семьям ушедших на фронт бойцов. На основе документов, отложившихся в фондах архива бывшего Бурят-Монгольского обкома КПСС, освещена работа партийных, советских и комсомольских органов по данному вопросу, изложены формы и методы их деятельности по оказанию помощи семьям фронтовиков.

Ключевые слова: ВКП(б), обком, горком, райком, горисполком, аймисполком, райсовет, наркомат, секретарь, прокурор, комсомольцы.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-278-287

Shaphoeva Larisa Alexandrovna
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

**ASSISTANCE TO FRONT-FAMILY FAMILIES IN THE
YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE
ARCHIVED DOCUMENTS OF THE BURYAT COMMUNE
OF THE CPSU FOR THE PERIOD
FROM 1941 TO 1945)**

The article deals with the campaign, deployed in the military, in 1941-1945, to help the families of the soldiers who went to the front. On the basis of the documents deposited in the archives of the former Buryat-Mongol CPSU regional committee, the work of Party, Soviet and Komsomol bodies on this issue is covered, forms and methods of their activity for rendering assistance to the families of front-line soldiers are outlined.

Key words: VKP (b), Regional Committee, City Committee, District Committee, City Executive Committee, Aimispolk, District Council, People's Commissariat, Secretary, Prosecutor, Komsomol.

73 года прошло со дня окончания Великой Отечественной войны и все эти годы в нашей стране, да и не только в ней, живейший интерес общественности вызывают документальные материалы военных лет. Опубликовано и издано их уже немало, но до сих пор с неослабным вниманием встречаются исследователи каждое малоизвестное свидетельство того времени, будь то документы, письма, дневники, отражающие не только военную суть тех лет, но и раскрывающие жизнь, борьбу, труд, быт народа в глубоком тылу.

Вот и по документам Бурят-Монгольских комитетов ВКП (б) (с 1953 г. – КПСС, с 1958 г. – Бурятская АССР) за 1941–1945 гг. можно ясно представить и прочувствовать чем и как жили наши земляки в то трудное время. Постановления, справки докладные записки, заявления и т.д. – они как частички огромной мозаики, складываясь воедино, создают живейшую картину жизни Бурят-Монголии в годы войны. Наша республика, как и вся невоюющая часть страны, жила напряженными, трудовыми буднями: «Все для фронта, все для победы!». Самоотверженный героический труд, добровольные, из последних сбережений, пожертвования в Фонд обороны, посылки с подарками для бойцов Красной Армии, заявления ветеранов гражданской войны и вчерашних школьников о мобилизации их в действующую армию и многое, многое другое – все это нашло отражение в архивных документах Госархива РБ. Но помощь фронту – это и действенная моральная поддержка боевого духа воинов и, конечно, этому фактору, как наиважнейшему, уделялось исключительное внимание со стороны, как тогда было принято говорить, партии и правительства. Многогранной была эта идеологическая работа, и одной из акций ее явилась развернутая кампания по оказанию помощи семьям фронтовиков.

Почти у каждого мобилизованного в Красную Армию оставалась дома семья: или жена с детьми, или престарелые родители. И с первых же дней войны семьи фронтовиков подпадают под особое внимание руководящих организаций. Как пример – одно из постановлений партийных органов (в документах сохраняются

первоначальный стиль, орфография и пунктуация, некоторые фамилии опущены).

Выписка из протокола № 66 заседания бюро Улан-Удэнского городского комитета ВКП (б) от 12 августа 1941 г. «О помощи семьям красноармейцев со стороны хозяйственных и советских организаций» (проходит под грифом «Секретно»): «...Городской комитет ВКП (б) отмечает, что многие хозяйственные и советские организации до сих пор не перестроили свою работу соответственно периоду военного времени и продолжают недооценивать политического значения – обеспечения семей красноармейцев, взятых на сборы из состава семьи».

Комсомольские организации стоят в стороне от этого вопроса и не развернули настоящего патриотического движения за оказание помощи многосемейным красноармейцам через пионерские и школьные организации.

В Горисполкоме и райсоветах до сих пор имеют место факты бездушного бюрократического отношения к семьям военнослужащих, примеров чего следующие факты: отец красноармейца гр. Б... просит снос землянки отсрочить и пока вопрос «решили» в исполкоме, землянка была сломана и старики остались без крова. Нестерпимый бюрократизм со стороны работников Горсовета (Б...х, депутат В...в) был проявлен в части оказания помощи семьям красноармейцев тт. К. и Б. Многие семьи красноармейцев не обеспечены квартирами, заявления о пенсиях разбираются медленно.

Хозяйственные и профсоюзные организации предприятий плохо создают условия для приема на работу жен военнослужащих, детские сады работают в одну смену и не удовлетворяют полных запросов желающих поступить на работу.

Для ликвидации имеющихся недостатков по оказанию помощи семьям военнослужащих

Бюро ГК ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Предложить Горисполкому т. Сабурову перестроить аппарат Жилуправления и Горсобеса соответственно полного удовлетворения нужд запросов семей военнослужащих. Предложить всем директорам предприятий, райсоветам и Горжилуправлению обеспечить квартирными условиями и ремонт жилищ в первую оче-

редь семьи военнослужащих, нуждающихся в квартирах и создать им нормальные жилищные условия.

2. Обязать директоров предприятий и руководителей учреждений принимать на работу в первую очередь жен военнослужащих и членов их семей, создать для работы на предприятиях все условия – прием детей в ясли, детсады, перевод на работу в дневные смены. Организовать обучение их по желаемым специальностям.

3. Обязать секретаря ГК ВЛКСМ т. Щекотова и райкомы ВКП(б) широко развернуть тимуровское движение среди пионеров и школьников, направив на помощь семьям военнослужащих – присмотр за детьми, оказание помощи по хозяйству и т.п. Полностью использовать опыт комсомольских и пионерских организаций областей Запада. Проводить среди жен военнослужащих партийно-массовую работу.

4. Предложить председателям райсоветов тт. Козель, Алексееву и Попову заявления о назначении пенсий разбирать в 3-х дневный срок. Предложить т. Сабурову отстранить от руководства Горсобесом Л...ву, как не способную обеспечить работу Горсобеса. Тт. Соктоеву и Сабурову укрепить Горсобес работоспособными, преданными работниками.

5. Обязать партийные, профсоюзные организации и директоров предприятий оказывать повседневную помощь семьям красногвардейцев, создавать им все условия для работы, удовлетворения их нужд и запросов, особо обратить внимание на оказание помощи в подготовке к зиме – приобретение и доставка топлива, ремонт квартир, приобретение теплой одежды для учеников. Проявлять максимум заботы и внимания о семьях красноармейцев, как этого требует военная обстановка. Горком (ВКП(б)) предупреждает всех руководителей хозяйственных, партийных, профсоюзных организаций, что за малейшее проявление бюрократизма, волокиту, бездушие к семьям военнослужащих Горком будет принимать самые суровые меры партийных взысканий.

6. Контроль за данным решением возложить на военный отдел Горкома ВКП(б)...» [1, Л. 70-73].

Такое строгое предупреждение было не голословным. Нарушая хронологический порядок представленных документов, предлагаю вниманию читателя справку другого ответственного

органа власти – Народного комиссариата юстиции, поступившую в Бурят-Монгольский обком ВКП(б) в конце 1944 г.:

«Секретно»

СПРАВКА

О привлечении к уголовной ответственности лиц, нарушающих права и интересы семей военнослужащих.

За 1943 г.

1. Прокурором Кижингинского аймака привлечена за грубое нарушение с семьями военнослужащих, за несвоевременную выплату пособий и пенсий Председатель Советского Совета депутатов трудящихся гр. М., которая нарсудом приговорена к 2 годам лишения свободы.
2. Прокурором Тункинского аймака был привлечен заведующий отделом Госбанка гр. З. за грубое нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26/VI-41 г., который осужден к 1 году принудработ.
3. Прокурором Кижингинского аймака был привлечен комендант Сульхоринского лесоучастка гр. С. за незаконные обыски у семей военнослужащих, за не предоставление транспорта семьям фронтовиков на подвозку дров, за незаконное увольнение с работы членов семей военнослужащих. Нарсудом гр. С. осужден к 2 годам лишения свободы...» [2, Л.102].

Всего, исходя из справки, осуждено по республике за 1943 г. 12 человек, за 1944 г. – 5 человек.

Комсомольцы республики активно включились в работу по оказанию помощи семьям фронтовиков, широко развернув по школам тимуровское движение. В ноябре 1941 г. на имя секретаря Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ Сахьянова поступает докладная записка от секретаря обкома ВЛКСМ Цыденовой «... о работе школ и школьников за период войны...» [3, Л. 13об. – 14]. Из нее узнаем, что к концу 1941 г. по республике функционировало 1500 тимуровских команд, в которых было задействовано 6275 пионеров и комсомольцев и обслуживали они 600 семей военнослужащих. Школьники помогали в уходе за малолетними детьми, в распиловке дров, в готовке обедов, уборке квартир и прочих домашних работах, что несомненно являлось существенной помо-

щью, если учесть, что женщины работали по 8-12 часов в сутки без отрыва от производства.

Забота о семьях фронтовиков лежала не только на плечах местных органов власти. И в действующей армии политработники придавали этому вопросу одно из первостепенных значений, понимая, что состояние боевого духа личного состава немало зависит и от того, какие вести получает солдат из дому. Не случайно много писем получено обкомом ВКП(б) как непосредственно от красноармейцев с просьбой оказать помощь его семье, так и от политруков с просьбой разобраться на месте по тому или иному вопросу, касающемуся родных и близких бойца, служащего под его началом.

На иллюстрации первая страница (из двух) письма старшего политрука в/ч п/я 242 Борисова Г. секретарю Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) Игнатьеву С.Д. о неоднократных жалобах личного состава, большинство которых уроженцы Заиграевского района Бурят-Монгольской АССР, по поводу тяжелого материального положения их семей и об отсутствии помощи со стороны местного руководства. Резолюция на письме заведующему военным отделом обкома ВКП(б):

«Тов. Игнатов, надо совершенно безотлагательно выехать в Заиграевский аймак и прекратить вражеские дела по отношению к семьям красноармейцев.

Райком и исполком (т.е. их руководителей) предупредить, что за подобные вещи они первые предстанут перед судом и обвинителем их будет парторганизация. О результатах доложите мне и ответьте комиссару части.

С. Игнатьев. 5/III-42 г.» [4, Л. 216–216 об.].

Вот одно из них:

Конечно же, одними постановлениями, наказаниями и резолюциями дело не ограничивалось. Тому свидетельство – справка заведующего военным отделом обкома ВКП(б) Николаева о ходе выполнения постановления бюро обкома ВКП(б) от 22 ноября 1944 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» [5, Л.60–61].

Вот выдержки из этой справки: «Во всех аймаках, кроме Окинского, проводятся месячники, двухнедельники, декадниги по оказанию помощи семьям военнослужащих...

... В результате проведения воскресника 26/ХІ-44 г. по неполным данным имеем следующие результаты: 1. Участвовало людей 7326... 4. Вывезено и роздано дров остронождающимся семьям – 6734 к/м... 7. Обеспечено топливом – 3728 семей... 9. Вывезено кормов для скота, находящегося в индивидуальном пользовании – 4473 цент... 11. Отремонтировано обуви – 1010 пар... 12. Собрано и выдано обуви разной – 340 пар; одежды разной – 420 предм... 17. Собрано и роздано шерсти – 2243 цент. 18. Картофеля – 134,2 цент. 19. Хлеба-зерна – 70.0 цент. 20. Молока 873 кг. 21. Мяса разного – 12 цент... 27. Выдано во временное пользование коров – 17 голов. 28. Овец и коз – 77 голов... 30. Собрано денег – 66603 руб...

... Проводится сплошная проверка семей военнослужащих в республике на предмет оказания помощи, в первую очередь остронождающихся семей и выявление детей сирот, подлежащих устройству в детдома и передаче их на патронирование в семьи трудящихся...».

Но, как и во все времена, и в те годы, наряду с высочайшими проявлениями человеческого духа, соучастия, оставалось место и халатности, а иногда и откровенной низости. Не могут оставить равнодушными некоторые строки документа, направленного уполномоченным Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Бурят-Монгольской АССР Чеснокова председателю Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Андрееву и секретарю Бурят-Монгольского Обкома ВКП(б) Кудрявцеву [6, Л. 165–177]: «... постановлением правительства для Бурят-Монголии отпущено 5 тонн шерсти на изготовление детской вяленой обуви. Еще 31 октября т.г. эта шерсть была передана валяльно-войлочной фабрике Наркомместпрома, рабочие которой взяли на себя обязательство

поделать валенки во внеурочное время. Однако из-за сутяжничества директора валяльно-войлочной фабрики т. Л. С заведующим по Гособеспечению при Совнаркоме БМАССР т. М., которые полтора месяца спорили, кому принадлежит шерсть и кто ее обязан подвозить к фабрике, изготовление валенок не было начато и на 15 декабря, хотя по решению Совнаркома БМАССР поделка валенок должна быть уже закончена... Т.о. пользуясь бесконтрольностью Совнаркома БМАССР, Наркомместпром срывает своевременное изготовление для детей погибших воинов...

По распоряжению председателя аймисполкома т. Ц. из 165 пайков, предназначенных семьям погибших воинов, семьям инвалидов Отечественной войны, а также особо нуждающихся семей военнослужащих..., семьям погибших и остро нуждающимся семьям военнослужащих не было выделено ни одного пайка... Пайки нередко получали наиболее обеспеченные инвалиды, такие как т. П. – заведующий торговым отделом аймисполкома, т. Р. – пропагандист айкома ВКП(б), т. М. – заведующий отделом аймисполкома, т. Г. – председатель колхоза и ряд других... Колхозница Ж., у которой 4 детей и К., имеющая одного ребенка получили по половине детского пайка, а колхозник С., не имеющий детей, получил полностью один паек...

Председатель ... сельсовета т. А. самовольно переделал список на выдачу детских пайков, заменив в нем 5 человек. Он включил в список гр. Я. – медработницу и исключил колхозницу Б., муж которой погиб на фронте... В список на выдачу пайков инвалидам Отечественной войны т. А. из 11 человек заменил 10, включив в него себя...

...в конце ноября т.г. у вдовы погибшего воина т. К. – колхозницы к/х «Пламя» лесообъездчик А. отобрал и увез к себе 1 воз дров, который она заготовила и вывезла из лесу... Вдова погибшего воина Н. не смогла своевременно вывезти 300 тонн угля и поэтому деньги ей возвратили обратно, а угля больше не давали...

...Считаю необходимым, чтобы бюро обкома ВКП(б) приняло меры к решительному улучшению работы советских и партийных организаций по проведению в жизнь постановления Совнаркома СССР от 21 сентября т.г...».

Вот такие суховатые строчки отчетов, справок, докладных записок, отдающие канцеляризмом, примечательны для нас своей

конкретностью, дающие богатую пищу исследователям для восстановления истории нашей страны и, в частности, нашего края.

Список источников и литературы

1. ГАРБ. ФП. 2. Оп. 2. Д. 1171.
2. ГАРБ. ФП. 1. Оп. 1. Д. 4521.
3. ГАРБ. ФП. 36. Оп. 1. Д. 1747.
4. ГАРБ. ФП. 1. Оп. 1. Д. 3791.
5. ГАРБ. ФП. 1. Оп. 1. Д. 4521.
6. ГАРБ. ФП. 1. Оп. 1. Д. 4619.

Цыремпилов Даши Владимирович
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
info.garb@govrb.ru

**ФОНД 251 «ЗАВЕДУЮЩИЙ КУТУЛИКСКИМ
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИМ ПОДРАЙОНОМ» КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ 2-ОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВВ.**

В статье исследуются особенности государственной переселенческой политики в Восточной Сибири 2-ой половины XIX-начала XX вв. На основе архивного материала выявлены основные направления деятельности переселенческих организаций в сибирском регионе, рассматривается динамика переселения крестьянского населения в Восточную Сибирь во 2-ой половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: ходоки, переселенцы, земельные участки, останочные пункты, старожилы, ссуды, пособия, внутринадельное межевание.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-288-294

Tsyrempilov Dashi Vladimirovich
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

**FUND 251 “THE DEVELOPER OF THE KUTULIK
MISCELLANEOUS SUBARION” AS A SOURCE ON THE
HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE SURGERY
OF THE SIBERIA OF THE 2-ND HALF OF THE XIX – THE
START OF THE XX CENTURIES**

The article explores the peculiarities of the state resettlement policy in Eastern Siberia of the second half of the XIX – early XX centuries. On the basis of archival material, the main activities of resettlement organizations in the Siberian region have been identified, the dynamics of the resettlement of the peasant population to Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries is considered.

Keywords: walkers, settlers, land plots, stopping points, old-timers, loans, benefits, intranational surveying.

К началу 80-х годов XIX в. тяга крестьян к переселению на свободные казенные земли, обусловленная малоземельем, заметно усилилась. Основная масса переселенцев шла из губерний Центрально-Черноземного района и Малороссии [2, С. 28]. Большинство переселенцев прибывало на новые места «самовольно». После отмены крепостного права и вплоть до 1881 г. в русском законодательстве не было общих правил, которые определяли бы порядок переселения крестьян. Признавалось право на переселение лишь за незначительной частью крестьян, которые не получили надела по реформе 1861 г. Поворот в переселенческой политике наметился на рубеже 70-80-х годов XIX века [2, С. 29].

13 июля 1889 г. был принят закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». Правительство видело в организации переселения возможность решения социальных противоречий связанных с недостатком земель в европейской части империи, а также русификацией малоосвоенных окраин как механизма колонизации земель.

В основе мотивации переселенцев лежало стремление улучшить свое экономическое положение за счет «вольных земель» Сибири. Сыграли роль и активная пропаганда переселения, развернувшаяся в эти годы и льготы, которые предоставляло государство (железнодорожный проезд по дешевому тарифу, освобождение от воинской повинности, льготное налогообложение). Но самое главное – переселенцы бесплатно получали в пользование земельный надел, величина которого в среднем равнялась 15 десятинам на 1 мужскую душу.

Переселенческие участки образовывались из земель колонизационного фонда, который был сформирован в ходе землеустроительных работ 1890-1900-х годов. Вся территория Иркутской губернии была поделена в связи с этим на переселенческие районы и подрайоны [4].

Должность Заведующих переселенческими подрайонами была учреждена в 1906 г. Заведующие подрайонами должны были утверждать границы сформированных участков, определять категорию

сложности каждого из них, исходя из природно-климатических условий и в зависимости от этого планировать размер помощи будущих поселенцам. Подрайоны составляли ежемесячно отчетные ведомости, со сведениями по каждому участку отдельно. Сведения о переселенцах, пришедших в отчетном году по проходным свидетельствам и паспортам и пришедших в предшествующие годы, а также сведения об ушедших обратно на родину и «переводворившихся» в другие подрайоны и районы, посылались Переселенческому Управлению дважды: за полгода и за год, вместе с июльской и годовой отчетными ведомостями [8, Л. 85].

В своей деятельности Заведующий подрайоном подчинялся Заведующему землеустройством и переселением в Иркутской губернии [5, Л. 19]. В 1910 г. Заведующим Кутуликским подрайоном являлся Кременер [16, Л. 5]. В 1916 г. Заведующим Кутуликским подрайоном являлся К.М. Васильев [13, Л. 5]. Резиденция и канцелярия Заведующего Кутуликским подрайоном находилась на ст. Черемхово [16, Л. 1]. Например, в 1911 г. на канцелярию уходило средств:

На жалованье письмоводителю в год 720 руб.

Писцу 480 руб.

На наем временных писцов 360 руб.

Содержание квартиры под канцелярию 240 руб.

На освещение и отопление 180 руб.

Содержание старост при канцелярии 300руб.

На канцелярские принадлежности 300 руб.

На наем ночного караульного при канцелярии 50 руб.

На телеграммы 60 руб.

Итого: 2880 руб.

[11, Л.156 об.].

Изначально специально отведенные участки осматривали «ходоки» – доверенные лица, представлявшие интересы группы семей, решившихся на переселение. Получив от чиновника карты и маршруты, ходоки осматривали предлагаемые им участки и либо записывали понравившиеся земельные наделы за своими доверителями, либо продолжали осмотр. Только после этого наступал этап собственно переселения и обустройства людей на записанных за ними землях [3, Д. 195]. Кутуликский подрайон был образован в начале 1910 г. [11, Л. 33].

Кутуликский подрайон состоял из 5 волостей:

- 1) Аларская (7 участков);
- 2) Алятская (21 участок);
- 3) Куйтинская (19 участков)
- 4) Кутуликская (6 участков) [10, Л.1-7].

На территории Кутуликского подрайона в 1910 г. стали открываться сельские общества, всего их насчитывалось 14 [11, Л. 49].

Необходимо отметить, что спрос на земли в Иркутской губернии был большой в связи с близостью к старому Московскому тракту и почти совпадающей с ним Сибирской железной дорогой, близостью к г. Иркутску и относительно высоким плодородием земель [7, Л. 64].

К 1910 году в Кутуликском подрайоне число ревизских душ составляло – 1936, старожилов мужского пола – 6677, переселенцев мужского пола – 2601, обоего пола старожилов – 11354, всего переселенцев – 4867. Число переселенцев мужского пола всех возрастов, имеющих запашки менее 1 десятины – 304, до 2-х десятин – 543, до 3-х десятин – 621, более 3-х десятин – 1133 [10, Л.1-7].

Общий характер движения ходоков и переселенцев был волнообразный. На зачисление и водворение ехали преимущественно группами из Европейской части России. Прилив европейских ходоков достиг апогея в мае, стал слегка спадать в июне и августе, значительно в сентябре и почти исчез в дальнейшем. В июле начался прилив западносибирских ходоков, достиг апогея в сентябре, в октябре спал и далее почти исчез [11, Л. 26].

По документам наблюдалось 2 случая переселения легальных ходоков с семьями, следующими по паспортам было около 10, преимущественно западносибирских. Перевозка переселенцев была медлительна, около 20 дней из западной России. Багаж часто запаздывал на 1-3 дня. Был случай засылки багажа под Томск по вине неправильно выписавшего тарифное свидетельство и случай ухода на родину багажа дальневосточного переселенца. Бывали неправильные выдачи путевых документов. В медицинской помощи при проезде по железной дороге по территории подрайона надобности не встречалось [11, Л. 26 об.].

Переселенцы прибывшие весной, летом и в начале осени, останавливались в остановочном пункте дня 3 до фактического водворения. При отъезде Заведующего подрайоном бывали случаи дней

до семи, а в апреле во время распутицы от 2-х до 4-х недель. Прибывшие поздней осенью и зимой 1910 г. наполовину размещались по переселенческим поселкам, наполовину по старожилам.

С 1910 г. действовал небольшой останочный пункт, который непрерывно функционировал с апреля и оказывал примитивную медицинскую помощь [11, Л. 27]. Особенно охотно зачислялись участки, близкие к железной дороге, с значительным количеством готовых удобных пашен и лугов с обеспеченным водоснабжением. Неохотно зачислялись обычно на отдаленные лесные, безводные, лишенные лугов участки [11, Л. 29]. Заведующие подрайонами – европейские чиновники из европейской части России были совершенно незнакомы с Сибирью [11, Л. 30].

Семьи прибывали на водворение преимущественно группами. Случаев отказов от водворения прибывших и зачисленных переселенцев было 27. Около 25 последовало вследствие боязни длинной зимы, весенних заморозков, большая часть была сильно напугана снегом, выпавшим в апреле. Переселенцы устраивались не очень прочно, по причине резкого преобладания малоземельных семей, нуждавшихся для прочного устройства в средней ссуде в 300 рублей. Так как посторонних заработков почти не существовало, а продукты первой необходимости были чрезвычайно дороги [11, Л. 33]. У старожилов Кутуликского подрайона при землеустройстве оказались кое-где крошечные излишки, на которые обыкновенно принимались живущие там же, безземельные посторонние крестьяне. Кроме того, переселенцы совершенно не обнаруживали стремления причисляться к старожилам в виду большого количества удобств, приобретаемых на многих переселенческих участках подрайона [11, Л. 38].

В 1910 г. ходокам было выдано 189 путевых ссуд на сумму в 1216 руб. Наибольший размер ссуды составлял – 13 руб. Средний – 6 руб. 43 коп., низкий – 2 руб. Ссуды выдавались ходокам за полным отсутствием средств на пропитание и обратный путь и ввиду затруднения в поиске временного заработка. В каждом случае размер ссуды слагался из стоимости проезда и составлял не более 3-х рублей на пропитание. Переселенцам было выдано 14 путевых ссуд на сумму в 94 руб. Наибольший размер ссуды – 15 руб. Средний – 6 руб. 71 коп. Низкий – 2 руб. Ссуды выдавались при полном от-

сутствии средств при возвращении на родину, или при несчастном случае при следовании на участок [11, Л. 39].

Ссуды выдавались также на внутринадельное межевание участков. Ссуды выдавались не сразу, а частями, после личного удостоверения, что деньги сельскими обществами расходуются по назначению [6, Л. 64]. Ссуды выдавались также на хозяйственное устройство: первая половина – по водворении семьи переселенца на участок или в старожильческое селение, а вторая – по удостоверении должностными лицами, выдавшими частные ссуды, действительного израсходования ее переселенцем на хозяйственное устройство [5, Л.127].

Кроме этого в Кутуликском подрайоне имелось 3 прокатных пункта сельскохозяйственных машин. Например, в 1916 г. в хозяйствах призванных на воинскую службу работали 5 жаток и 4 косилки с конными граблями. Работой сельскохозяйственных машин руководили местные Комитеты по оказанию помощи семьям призванных [15, Л. 24].

Для оказания медицинской помощи переселенцам были открыты фельдшерские пункты. На территории подрайона действовали Зонский фельдшерский пункт с 6 койками [9, Л. 23] и Алятский фельдшерский пункт с 6 койками [9, Л. 36].

В документах фонда имеются сведения о существовании школ в подрайоне: на участке Александровском было открыто училище в 1913 г. На участке Угольном училище было открыто в 1913 г. Кроме этого в с. Кутулик действовало Высшее начальное училище [14, Л. 72-72 об.]. Ранее в 1911-1913 гг. также были открыты за счет ссуд и пособий 6 школ на переселенческих участках: Бурят, Зонской волости, Иваницком, Усовском, Мариинском, Белопадском и Верхне-Голуметском Алятской волости [12]

Должность Заведующего Кутуликским переселенческим подрайоном была упразднена в 1920 г.

Таким образом, анализируя документы фонда Ф. 251 «Заведующий Кутуликским переселенческим подрайоном» можно прийти к выводу о том, что государственная переселенческая политика реализовывалась в жизнь районными переселенческими организациями в Сибири, и в Восточной Сибири в частности.

В результате переселения в сельскохозяйственный оборот были введены миллионы гектаров земли, возник рост производительных

сил, это также способствовало развитию животноводства, товарного сельского хозяйства.

Благодаря деятельности заведующих переселенческими подрайонами стало возможным прочное закрепление переселенцев на местах, значительно расширилась дорожная сеть, возросло количество школ, больниц и других инфраструктурных объектов.

Наряду с этим увеличилось число сельскохозяйственных артелей и улучшилась механизация сельского хозяйства. Важным направлением работы заведующих подрайонами стало проведение почвенно-ботанических и климатических исследований Восточной Сибири, что способствовало дальнейшему статистическому исследованию Восточной Сибири [1, С. 20].

Список источников и литературы

1. Бобылева О.М. Деятельность переселенческих организаций Восточной Сибири в 1906 – 1916 гг. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. – Иркутск, 2000.
2. Брусникин Е.М. «Переселенческая политика царизма в конце XIX века». // Вопросы истории. – 1965. – № 1
3. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 195
4. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 256
5. ГАРБ. Ф. 201. Оп. 1. Д. 2
6. ГАРБ. Ф. 201. Оп. 1. Д. 21
7. ГАРБ. Ф. 201. Оп. 1. Д. 77
8. ГАРБ. Ф. 201. Оп. 1. Д. 104
9. ГАРБ. Ф. 251. Оп. 1. Д. 15
10. ГАРБ. Ф. 251. Оп. 1. Д. 38
11. ГАРБ. Ф. 251. Оп. 1. Д. 41
12. ГАРБ. Ф. 251. Оп. 1. Д. 97
13. ГАРБ. Ф. 251. Оп. 1. Д. 189
14. ГАРБ. Ф. 251. Оп. 1. Д. 231
15. ГАРБ. Ф. 251. Оп. 3 Д. 7
16. ГАРБ. Ф. 251. Оп. 3. Д. 36

Хабдаев Олег Константинович
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
olkhabd@mail.ru

**ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В ВЫСТАВОЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА
НА ОСНОВЕ ФОТОДОКУМЕНТОВ ИЗ ЛИЧНОГО
ФОНДА СЕМЬИ ТАНСКИХ)**

На примере Государственного архива Республики Бурятия в статье раскрывается роль и значение выставок документов в деле распространения архивных знаний, говорится о развитии выставочной деятельности, описываются современные методы создания выставок исторических документов с помощью цифровых технологий. В качестве примера выставки в электронном виде, в статье содержится описание выставочного проекта на основе фотодокументов из личного фонда семьи Танских.

Ключевые слова: архивный документ, выставка, выставочная деятельность, выставочный проект, Государственный архив Республики Бурятия, Танские, фонд, электронная выставка.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-295-302

Khabdaev Oleg Konstantinovich
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

**FROM EXPERIENCE OF WORK OF THE STATE ARCHIVE
REPUBLIC OF BURYATIA IN EXHIBITION ACTIVITY
(ON THE EXAMPLE OF THE EXHIBITION PROJECT
BASED ON PHOTODOCUMENTS FROM THE PERSONAL
FUND OF THE TANSKY**

On the example of the State Archives of the Republic of Buryatia, the article reveals the role and importance of exhibitions of documents in

the dissemination of archival knowledge, talks about the development of exhibition activities, describes modern methods for creating exhibitions of historical documents with the help of digital technologies. As an example of the exhibition in electronic form, the article describes the exhibition project based on photo documents from the personal fund of the Tanskys family.

Key words: archive document, exhibition, exhibition activity, exhibition project, State Archive of the Republic of Buryatia, Tansky, fund, electronic exhibition.

Традиционные задачи деятельности архивов – комплектование, хранение и учет документов – направлены на сохранение исторических материалов. Выставочная деятельность позволяет архивам делиться накопленными знаниями, знакомить общественность с той или иной темой исторического прошлого. Цель организации выставок документов – публичная демонстрация и распространение уникальных исторических документов. «Выставка архивных документов выполняет культурно-просветительскую функцию. Она призвана привлечь внимание общественности к предложенной теме, быть визуально привлекательной, вызывать определенный эмоциональный настрой у зрителей» [1, С.1]. Выставки также способствуют повышению роли архивного фонда как информационного ресурса для проведения научных работ.

С первых лет своего образования Государственный архив Республики Бурятия уделял особое внимание выставочной деятельности. Тематика проектов была разнообразна. Выставки, как и сегодня, посвящались юбилейным датам и памятным событиям, которыми была насыщена общественно-политическая жизнь страны и республики (Рисунок 1).

Рис. 1. Выставка, посвященная X-й годовщине Октябрьской социалистической революции, подготовленная Истпартом и Архивной частью управления делами ЦИК и СНК БМАССР. В центре за столом И.М. Армянинов, заместитель заведующего ЦАУ БМАССР. г. Верхнеудинск. 1927 г. Фотофонд ГАРБ

Однако достаточно длительное время формы и способы экспонирования архивных документов были однообразны. В основном оригиналы документов просто выкладывались на столах или в выставочных витринах. Позднее с развитием фотографической техники, стали появляться экспозиции с фотокопиями документов, которые размещались на вертикальных стендах.

Другим существенным недостатком являлось отсутствие возможности демонстрировать выставки широкой аудитории. Это объясняется не столько малодоступностью некоторых архивных материалов, сколько недостаточным уровнем технического развития того времени.

С 1990-х годов содержание и форма выставок стали заметно меняться. Резко возрастает интерес к архивным материалам в связи с активизацией пропаганды исторических знаний, особенно по новейшей истории. Расширяется доступ к архивным документам. Появляются новые технические средства: цифровая, печатная и копировальная техника.

Развитие информационных технологий за последние несколько лет оказало значительное влияние на многие сферы деятельности архивных организаций, в том числе и на выставочную. Государственным архивом Республики Бурятия были освоены новые методы создания и экспонирования выставок. Наиболее распространенными становятся выставки документов в электронном виде. Цифровой формат позволяет разнообразить формы и способы экспонирования документов. В настоящее время Государственный архив Республики Бурятия использует три вида электронных выставок:

- 1) Интернет-публикации (приложение «PowerPoint»);
- 2) Печать выставочных стендов на основе электронного макета (графический редакторы «Adobe PhotoShop», «CorelDRAW»);
- 3) Запись на цифровые носители (CD, DVD).

Вышеперечисленное явилось революционным в плане популяризации архивных знаний, особенно выход в Интернет-пространство. Сегодня электронные выставки размещаются на официальном сайте Государственного архива Республики Бурятия и доступны любому пользователю.

Необходимо отметить, что по причине отсутствия единых стандартов в области виртуальных проектов методы создания и публикации электронных выставок среди отечественных архивов могут отличаться.

«Сегодня нет четкого определения, что такое электронная выставка, хотя применяются они в различных сферах и стали очень популярны (библиотеки, музеи, архивы и т.д.). Применительно к архивам, определение электронной выставки можно сформулировать так: это публичная демонстрация электронных копий архивных документов, систематизированных по определенному принципу, предназначенная для размещения в сети» [3, С.1].

В 2017 г. Государственным архивом Республики Бурятия был представлен масштабный выставочный проект в электронном виде, созданный на основе дел фонда Государственного архива Республики Бурятия ФР. 1778. «Семья Танских (1869-1980 гг.) – старожилы г. Верхнеудинска».

Документы фонда Танских поступили на государственное хранение в 1980 г. В результате научно-технической обработки сотрудниками архива было сформировано 173 дела. В личный фонд семьи

Танских вошли рукописи, рассказы, очерки, статьи, стихотворения, письма, газетные и журнальные вырезки [4, С. 5]. В фонде большое количество фотографий, альбомов и открыток, значительная часть которых представлена на выставке.

Презентации проекта прошли с 22 сентября по 31 октября 2017 г. на территории Этнографического музея народов Забайкалья (Дом Танских) и в здании Национальной библиотеки Республики Бурятия. Выставка подготовлена сотрудниками отдела публикации документов Государственного архива в рамках гранта Правительства Республики Бурятия учреждениям культуры и искусства на 2017 г. Проект размещен на официальном сайте архива в электронном виде (приложение «PowerPoint») [2].

Танские являются одной из самых известных семей Верхнеудинска – Улан-Удэ, которые внесли большой вклад в развитие здравоохранения и просвещения, а также в культурную жизнь города. Михаил Владимирович Танский – врач, библиофил, краевед, общественный деятель, депутат Верхнеудинской городской думы. Екатерина Александровна Танская – супруга М.В. Танского, кавалер ордена Ленина, заслуженный учитель Бурятской АССР, отличник санитарной обороны СССР, отличник здравоохранения. Прожив длинную и яркую жизнь, эти люди оставили городу огромное документальное наследие: рукописи, переписка, фотоальбомы, которые вошли в сокровищницу Государственного архива Республики Бурятия. Общим увлечением семьи была фотография, поэтому коллекция семьи Танских, насчитывающая несколько сотен уникальных фотоснимков с видами Верхнеудинска, семейные портреты и т.д., является своеобразной историей семьи в истории страны. Ценность проекта состоит в том, что по фотографиям можно проследить быт и нравы местной интеллигенции [2].

По своей форме выставка представляет собой слайды, на которых располагаются две (иногда одна) фотографии, сопровождаемые основаниями с указанием номера фонда, описи, дела. Аннотации, место и время съемки прилагаются не к каждому фотодокументу из-за отсутствия исходной информации (Рисунок 2).

Рис. 2. Слайд 106 первой части «Портреты» выставочного проекта на основе фотодокументов из личного фонда семьи Танских

«Выставочный проект на основе фотодокументов из личного фонда семьи Танских» состоит из трех частей: «Портреты», «Семейные фотографии», «Почтовые карточки». Каждая часть – это отдельный электронный макет. При создании выставки были отобрано и отсканировано 1261 изображение.

В первую часть «Портреты» вошли фотографии самого Михаила Владимировича Танского, его супруги Екатерины Александровны, портреты коллег, родственников, друзей. Есть также ряд изображений с неизвестными лицами. Первая часть выставочного проекта охватывает период в 96 лет (1864 – 1960 гг.). География фотодокументов не ограничивается Верхнеудинском (Улан-Удэ), некоторые портреты были сделаны в Иркутске, Казани, Красноярске, Оренбурге, Троицкосавске, Чите.

Изображения с М.В. Танским позволяют проследить биографию известного врача. На самой ранней фотографии можно увидеть Михаила Владимировича в детстве, во время учебы в первом клас-

се Иркутской гимназии (слайд 99). Фотография на слайде 6 датируется 1888 годом, Танскому уже 19 лет, он – учащийся Читинской гимназии. На слайдах 13 и 14 перед нами, заметно повзрослевший, студент естественного отделения физико-математического факультета Казанского университета. Фотоснимки сделаны в 1891-1892 годах. На слайде 60 Танский изображен уже в возрасте 67 лет.

Екатерина Александровна также представлена в разные периоды своей биографии. В первой части выставки часто встречаются портреты врачей, коллег Танских. Имена и фамилии некоторых запечатленных лиц, к сожалению, остаются неопределенными.

Вторая часть выставки «Семейные фотографии» наиболее объемная по количеству вошедших в неё изображений. Фотографии богаты по своему содержанию. Мы можем увидеть Танских среди своих родственников, друзей, коллег. Широкий охват датировки изображений позволяет проследить историю семьи вплоть до 1970-х годов. На фотографиях, сделанных в 1971 году (слайд 107) изображены внуки Е.А. Танской. Эти снимки являются наиболее поздними.

Третья часть всегда вызывает особый интерес у тех, кто знакомится с выставкой. Здесь представлены почтовые карточки, хранящиеся в личном фонде семьи Танских. Карточки датируются концом XIX – началом XX века. На них изображены виды городов, пейзажей, есть и забавные юмористические сюжеты. Некоторые экземпляры ценны сами по себе как исторические, культурные источники с письмами, автографами, почтовыми штемпелями. Например, одна из карточек с изображением озера Байкал на слайде 8 сопровождается поздравлением М.В. Танского с праздником Пасхи, датируется 28 марта 1904 года и подписана А. Новодворской. Две карточки на слайде 231 выполнены в форме политической карикатуры.

В заключении можем сказать о том, что выставочный проект на основе фотодокументов из личного фонда семьи Танских является наглядным примером преимуществ использования современных методов при создании выставок архивных документов. Электронный формат позволил представить общественности редкие исторические документы в большом объеме, достойном качестве и на длительный срок.

Список источников и литературы

1. «Организация и методика подготовки выставок документов государственных архивов» // Методические рекомендации. Комитет по делам архивов Нижегородской области, ГУСО «Центральный государственный архив Самарской области», ОГУ «Государственный архив Саратовской области», ОГУ «Государственный архив Ульяновской области». – 2010. С. 1-22.
2. Официальный сайт ГАУК РБ «Государственный архив Республики Бурятия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gbu-garb.ru/> (дата обращения: 07.06.2018).
3. Панфилова Ю.В. Выставки архивных документов на сайтах архивов. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2017/inform-i-documen-obespechenie-6/2/panfilova.pdf> (дата обращения 01.06.2018).
4. Предисловие к описи № 1 ФР. 1778. «Семья Танских (1869-1980 гг.) – старожилы г. Верхнеудинска». Л.1-7.

Токарчук Ангелина Николаевна
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
info.garb@govrb.ru

К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В 2018 году празднуется 100-летие государственной архивной службы России, а также 95-летие архивной службы Республики Бурятия. В настоящее время Государственный архив Республики Бурятия является единственным республиканским государственным историческим архивом, хранящим управленческую и научно-техническую документацию, фонды личного происхождения, а также документы по личному составу за период с 1681 по настоящее время.

Ключевые слова: Единый государственный фонд России, В.П. Гирченко, Архивное бюро БМ АССР, Центральное архивное управление, Архивной служба Бурятии.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-303-309

Tokarchuk Angelina Nikolaevna
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

ON THE 95 TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE CENTRAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF BURIATIA

In 2018, the 100th anniversary of the State Archival Service of Russia is celebrated, as well as the 95th anniversary of the archival service of the Republic of Buryatia. Currently, the State Archives of the Republic of Buryatia is the only republican state historical archive that stores management and scientific and technical documentation, funds of personal origin, as well as documents on personnel for the period from 1681 to the present.

Keywords: United State Fund of Russia, V.P. Girchenko, Archival Bureau of the BM of the Autonomous Republic of Crimea, Central Archival Administration, Archival Service of Buryatia.

1 июня 1918 г. был принят Декрет Совнаркома РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела», которым был узаконен принцип централизации управления архивным делом и образован Единый государственный фонд (ЕГАФ) России. Однако, на территории Сибири практическое осуществление новой системы архивного устройства, согласно Декрету, отодвинулось на несколько лет ввиду сложной военно-политической и социально-экономической обстановки в регионе.

Решением Прибайкальского губернского ревкома от 31 мая 1923 г. был создан первый в истории Прибайкалья архивный орган – Архивное бюро Прибайкальской губернии под руководством В.П. Гирченко. В связи с образованием в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР Прибайкальское губернское архивное бюро было переименовано в Архивное бюро БМАССР при Управлении делами Бурревкома. Постановлением ЦИК и СНК БМАССР от 29 декабря 1923 г. документальное богатство республики было объявлено достоянием народа. Создан единый архивный фонд республики.

Несомненная заслуга в организации архивного дела в республике принадлежит первому историку-архивисту В.П. Гирченко, под руководством которого архивистами проделана огромная работа по концентрации, научной обработке, хранению и использованию документального наследия республики.

Владимир Петрович Гирченко – выдающаяся личность своего времени. В основу его плодотворных занятий наукой и архивным делом легли полученные им знания в Московском государственном университете на историческом отделении историко-филологического факультета. Незадолго до окончания МГУ за участие в студенческой стачке он был арестован, шесть месяцев просидел в тюрьме г. Ирбита, а затем выслан на родину под негласный надзор полиции. В.П. Гирченко удалось сдать государственные экзамены. Некоторое время он занимался преподавательской деятельностью в Читинской женской гимназии, но его влекла мечта – познакомиться с жизнью широких народных масс, со всеми сторонами жизни Прибайкалья и в особенности с его историческим прошлым.

В период 1917-1919 гг. он был членом Президиума исполкома общественных организаций, редактором газеты «Известия» исполкома общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов в г. Верхнеудинске, заведующим статистическим отделом Прибайкальского союза кооперативов. Одновременно он возглавил Общество изучения Прибайкалья. Общество собирало литературу по истории, экономике и культуре края. В.П. Гирченко занимался обследованием местных архивов, в его ведение был передан архив бывшего полицейского управления. В феврале 1921 г. В.П. Гирченко становится деканом кафедры прибайкаловедения при Прибайкальском народном университете, который помимо организационно-учебного процесса и научной работы, занимался охраной и научной разработкой архивов.

Вот такой человек становится в 1923 г. во главе архивного дела в Бурятии в статусе заведующего Прибайкальским архивным бюро, позже Центральным архивным управлением республики (ЦАУ БМАССР). Штат Управления состоял из трех человек, причем работать на первых порах ему приходилось одному. В архивохранилищах, которые размещались в каменных лавках гостиных рядов, всего пять фондов. Работы непочатый край. В разных уголках Бурятии почти без присмотра находились бесценные архивные богатства. Первые архивисты во главе с В.П. Гирченко собирали их по обоим берегам Байкала со всех концов, включая Агинский и Усть-Ордынский бурятские автономные округа, входившие тогда в состав республики. Документы везли в Верхнеудинск и в летнюю жару, и в зимнюю стужу на подводах и санях. Учет документов производился не в делах, как это положено правилами, а в вобах, ящиках, мешках, пудах и килограммах.

Много сил и времени требовала от В.П. Гирченко организационная работа: о дополнительных площадях, которых катастрофически не хватало и которые были совершенно не приспособлены для хранения документов. Большой заслугой Владимира Петровича было выделение специально оборудованного, обширного помещения в только что построенном в 1931 г. здании I Дома Советов, где и поныне хранится значительная часть фондов Государственного архива республики.

Большую борьбу пришлось выдержать В.П. Гирченко в 1927 г., когда по инициативе местных властей, было ликвидировано ЦАУ,

превратившись в придаток Административного управления ЦИК и СНК БМАССР. Только через год с лишним удалось все восстановить в прежнем виде, но это потребовало от Гирченко больших физических и моральных сил. Кроме того, были большие сложности с кадрами, не хватало не только квалифицированных сотрудников, но элементарно грамотных людей. Тем. Не менее, несмотря на испытываемые трудности в архив ежегодно поступали десятки фондов. В 1931 г. их было уже 660, увеличился штат сотрудников, постепенно приводились в порядок документы и их уже можно было использовать. Появились первые исследователи. В.П. Гирченко в 20-е годы опубликовал более 30 научных работ, не потерявших свою актуальность и сегодня, внес весомый и неоценимый вклад в архивное дело Бурятии [2].

К концу 30-х годов задача обеспечения сохранности архивных фондов дореволюционных учреждений была в целом выполнена. В середине 30-х годов создается прочная система по комплектованию архивов и начинается ответственная работа по учету сконцентрированных фондов. Архивные документы вводятся в научный оборот и становятся источниковой базой исторической науки.

В эти годы важной составляющей постановки архивного дела в республике стало создание аймачных (районных) государственных архивов, что позволило устранить необходимость массовой перевозки материалов в г. Верхнеудинск (Улан-Удэ) и сохранить материалы по социалистической реконструкции сельского хозяйства. Первый аймачный архив был организован в Аларском аймаке в 1934 г. Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт), созданной в 1923 г. при Бурятском обкоме партии, собраны мемуары, воспоминания, материалы по истории революции, Гражданской войны и большевистской партии в количестве 1023 единиц хранения. Эти материалы заложили в будущем основу Партийного архива Бурятского Обкома КПСС, который существовал обособленно с 1938 по 1991 гг.

В период с 1938 по 1960 гг., когда архивная служба находилась в ведении НКВД-МВД БМАССР, несмотря на жесткий контроль со стороны властей в идеологическом аспекте, архивистами был проведен комплекс мероприятий по дальнейшему комплектованию, обеспечению сохранности и публикации документов в виде сбор-

ников, тематических подборок материалов на страницах периодической печати.

В 1960-1991-е гг. Архивная служба Бурятии обеспечила сохранность архивных фондов советского периода, наладила равномерное пополнение ими республиканских архивохранилищ для вечного хранения на уровне российских стандартов.

Сегодня в целом история советского периода республики имеет прочную и многостороннюю архивно-источниковую базу. В годы советской власти по единой методике, хотя и с различным уровнем, были созданы поисковые системы по документам архивов, которые до сих пор обеспечивают эффективный поиск информации [4].

В период реформ 1992-2007 гг. архивисты республик, благодаря преемственности связи многих поколений единой «семьи архивистов», самоотверженно продолжали выполнять свои функции, реализовывая потребности общества новыми видами работ таких как обеспечение сохранности документов приватизируемых, обанкротившихся предприятий и учреждений, рассекречивание архивных документов, попечительство над негосударственной частью Архивного фонда республики, сохранение и организация документов на электронных носителях, внедрение компьютерных технологий и др.

В настоящее время с 2016 г. уполномоченным органом в сфере архивного дела на территории Республики Бурятия является Министерство культуры Республик Бурятия. В структуре Министерства действует Комитет архивного дела и правовой работы. Систему Архивной службы республики представляет Государственный архив, являющийся единственным республиканским историческим архивом, хранящим управленческую и научно-техническую документацию, фонды личного происхождения, а также документы по личному составу, и 22 архивных отдела администраций муниципальных образований в Республике Бурятия.

Сегодня в республике сформирована достаточная законодательная база, регламентирующая вопросы ведения архивного дела в республике в целом и муниципалитетах, в частности: Закон Республики Бурятия «Об архивном деле в Республике Бурятия», «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований в Республике Бурятия государственными полномочиями по хранению, комплектованию, учету и использованию архивных

документов, относящихся к государственной собственности Республики Бурятия». Архивная служба Республики Бурятия выступает гарантом социальной защищенности граждан, соблюдения их конституционных прав и законных интересов. Сегодня архивом исполняется около 10 тысяч социально-правовых запросов в год. Ежегодно сотрудники архива обслуживают в читальных залах более 5 тысяч исследователей, ученых, краеведов, других граждан республики, России, а также ближнего и дальнего зарубежья.

Информационное обслуживание государственных организаций является важнейшей профессиональной обязанностью архивистов. Архивы выполняют запросы органов власти, правоохранительных и иных органов и организаций по самым разным вопросам [3]. А в связи с присоединением с 1 января 2017 г. к Государственному архиву РБ Государственного архива документов по личному составу РБ, происходит плотное сотрудничество с Пенсионным фондом РФ, Многофункциональным центром.

Сегодня архивы Бурятии являются главными сокровищами документальной памяти республики, уникальными сокровищами сведений о прошлом нашей республики и наших предков. Нет ничего страшнее, чем потерять память, забыть свои корни. Это в равной мере страшно и для отдельного человека и для целых народов. Вот почему призыв, прозвучавший в начале 1920-х гг.: «Сохраняйте архивы!» – столь же актуален и сегодня. Настоящее и будущее – сферы архивного дела модернизации и учета стремительного развития цифровых технологий.

В последние годы в республике проводится политика повышения общественного статуса архивов. В архивных учреждениях внедряются новые формы и направления деятельности, расширяется доступ к архивной информации на основе внедрения современных информационно-коммуникационных технологий. Богатейшее собрание документов, отражающее историю республики есть результат труда всех поколений архивистов республики.

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что за 95 лет произошло более 10-ти организационно-структурных изменений в управлении архивной отраслью. Происходившие изменения статуса и подчиненности архивов были показателем политики государства в отношении архивов, поиска их места и роли в системе государственной власти. Важно то, что все происходящие измене-

ния свидетельствуют о том, что архивы на протяжении всей своей истории были, остаются и продолжают оставаться неотъемлемой частью государственной системы [1].

Список источников и литературы

1. Архивная служба Бурятии. К 95-летию архивной службы Республики Бурятия. Сборник документов 1922-2017 гг. Иркутск, 2018. С. 500.
2. Семина Г.М. И был он внуком декабриста // Отчий край. № 2. Улан-Удэ, 1995. С. 114-118.
3. Лыскокова В.Ц. Архивное дело в Бурятии: история организации и развития (60-е годы XIX в.-1991 г.). Улан-Удэ, 2001. С. 5.
4. Митрохин С.А. Развитие архивного дела в Бурятии // Архивное дело в Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1960. С. 19-21, 23.

Хамаева Елена Доржиевна
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
info.garb@govrb.ru

**ФОНД 110 «ВЕРХНЕУДИНСКАЯ ТЮРЬМА»
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ
ОБЛАСТИ ВО 2-ОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

В статье рассматривается история Верхнеудинской тюрьмы Забайкальской области во 2-ой половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: тюрьма, арестант, преступления, законодательство, судопроизводство, устав, уложение, постановление.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-310-318

Khamaeva Elena Dorzhievna
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

**FUND NO 110 «VERHNEUDINSK PRISON» AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE
SYSTEM OF THE TRANS-BAIKAL REGION IN THE
SECOND HALF OF THE 19TH AND THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURIES**

In the article the history of Verhneudinsk prison of Trans-Baikal region in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries.

Keywords: prison, prisoner, crime, legislation, legal proceedings, charter, code, decree.

К концу XIX века тюрьма постепенно выходит на ведущее место среди карательных мер уголовно-исправительной системы царского правительства. Это было связано с упадком карательного значения ссылки, а также с проводимыми царским правительством

мероприятиями в уголовно-исполнительной системе, в частности, «Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных» 1832 года, который устанавливал три группы общеуголовных мест лишения свободы:

1. помещения «на съезжих дворах, при Управе благочиния, при присутствии полиции, при городническом правлении»;
2. тюремные замки или остроги в губернских городах;
3. смирительные и работные дома.

Основным местом лишения свободы в системе общеуголовных тюрем являлся губернский острог. Он находился в каждом губернском городе.

Первой тюрьмой г. Верхнеудинска можно считать тюрьму Удинского острога. Первоначально это был деревянный тюремный замок на 195 человек, в котором содержалось более 500 человек, помещение было крайне тесным и неудобным. В 1816 году закончилось строительство деревянной двухэтажной тюрьмы, к 1869 году она окончательно пришла в негодность после очередного пожара. Она располагалась в г. Верхнеудинске по улицам Селенгинской и Воздвиженской в квартале 11. [8, Л. 20]. В 15 саженьях от ворот тюрьмы проходила трактовая дорога на военный поселок Березовку, Баргузин и Троицкосавск. [19, Л. 27], [20, Л. 3]. На правом берегу реки Селенги в двух километрах от города был построен в 1887 году новый тюремный замок из камня по проекту иркутского губернского архитектора Штерн фон Гвяздовского. В [1894] году Верхнеудинский тюремный замок был переименован в тюрьму.

В своей деятельности Верхнеудинская тюрьма подчинялась Комитету и отделению общества попечения о тюрьмах, Забайкальскому областному тюремному комитету, главному тюремному управлению, тюремному отделению областного правления. [6, Л. 470], [11, Л. 1], [19, Л. 27].

Начальниками Верхнеудинской тюрьмы в 1914 году были Судак и Юхимович, в 1915 году – В. Кермин. [9, Л. 342 об.], [18, Л. 8 об.].

Штат тюрьмы состоял из начальника тюрьмы, помощников начальника тюрьмы, 1 сверхштатного надзирателя, 5 старших надзирателей, 1 старшей надзирательницы, 42 младших надзирателей, 2 младших надзирательниц, 1 писца, 1 переписчицы на пишущей машинке, 3 конторщиков, 1 священника, 1 врача, 1 фельдшера, за-

ведущего кухней, пекарей, булочников, поваров. [2, Л. 27], [10, Л. 16, 42 об, 49, 72], [14, Л. 118 об., 190 об], [15, Л. 47].

Тюрьма огораживалась тремя видами заборов: забор деревянный в один столб, дощатый с тремя воротами, с калитками в них и с тремя отдельными калитками, забор деревянный решетчатый, ограничивающий дворы смотрителя и надзирателей, с двумя воротами, забор каменный. Имелось 2 колодца с листовенничным срубом, глубиной в 12 саженой, с «перекрышкой» на 4 столбах, с колесом, валом канатом и бадьями. [21, Л.11 об.]

Главный тюремный корпус представлял собой прямоугольное здание, к боковым сторонам которого примыкали два других удлиненных прямоугольных здания (флигеля), под всем корпусом имелся подвальный этаж, покрытый цилиндрическим сводом, полы, за исключением пересыльных камер и карцеров были каменные. Первый и второй этажи с деревянными потолками и полами, за исключением коридоров во флигелях. Третий этаж имелся только над большим средним прямоугольником корпуса. Для междуэтажного сообщения имелись каменные лестницы. Весь корпус был покрыт железной кровлей, окрашенной охрой, на масле [21, Л.10-10 об., 11].

Административный корпус представлял собой прямоугольное двухэтажное каменное здание с деревянными потолками и полами, железной шатровой крышей и двумя каменными лестницами.

Верхнеудинская тюрьма состояла из следующих помещений:

1. Канцелярия;
2. Служебные помещения;
3. Хозяйственные помещения;
4. Мастерские;
5. Тюремная больница (в т.ч. аптека и амбулатория);
6. Помещения для снятия фотографических карточек;
7. Надзирательский корпус;
8. Цейхгаузы;
9. Прачечные;
10. Кухни;
11. Пекарни;
12. Бани;
13. Подвалы.
14. 4 вышки;
15. Карцер;

16. Кузница;
17. Писарская;
18. Женское отделение;
19. Общие мужские камеры.

Поэтажное расположение тюрьмы выглядело так:

1 этаж подвальный – кухня, камера-одиночка, камера пересыльных, мастерские;

2 этаж – общий коридор, западная одиночка;

3 этаж – общий коридор, церковь, западная одиночка;

4 этаж – больница, восточная одиночка;

[4, Л. 102, 113 об., 140], [5, Л. 114], [16, Л. 2], [17, Л. 4-4 об.]

Отделами тюрьмы являлись:

1. Канцелярия. Канцелярия занималась делами о приеме арестантов и их количестве.

2. Административная часть. Занималась приемом в штат работников тюрьмы. Количеством подчиненных, делами на них и залоговыми книжками.

3. Хозяйственная часть. Занималась надзирательским обмундированием и оружием, арестантской одеждой и обувью, материалами для построек, инвентарем тюрьмы. Приемом, хранением продуктов и кормов.

4. Рабочая часть. Ведением арестантских работ, заработками арестантов.

5. Касса. Приходно-расходными делами, выдачей авансов и т.д. [9, Л. 342-343].

В 1914 году тюрьма отапливалась каменным углем и антрацитом, а также дровами. Освещение производилось электричеством и газом, а также керосином. [12, Л. 27].

Тюремная больница располагалась на 3-4 этажах. Имелось 3 палаты: палата № 1 – 31 куб.м., палата № 2 – 31 куб.м., палата № 3 – 7,40 куб.м., коридор – 93,60 куб.м. Также имелись амбулаторная и аптека – 8 куб.м. В штате больницы имелся – 1 врач и 1 фельдшер. [2, Л. 27]

Тюремная церковь названная в честь иконы Божьей Матери Ветхо скорбящих радостей находилась на 3-м этаже главного здания. При церкви находилось 2 священника. [14, Л. 214 об.]

С конца 1915 года в тюрьме были введены чтения, которые проводились в коридоре. На чтениях размещалось до 200 человек

поочередно. Чтения проводились по воскресеньям, праздничным дням и когда чтецы были свободны от своих обязанностей. Заранее устанавливалась программа беседы и чтений в конторе тюрьмы в составе начальника тюрьмы, прокурора, тюремного священника и учителей реального училища.

В тюрьме имелась библиотека, которой заведовал помощник начальника тюрьмы. В библиотеке имелось 542 книги. Выписывался журнал «Русский паломник». Также имелся каталог. Книги выдавались один раз в неделю. Количество выдаваемых книг, зависело от степени грамотности арестанта [14, Л. 214 об-217].

Имеются сведения о тюремной лавке и наличии продуктов, такие как: сахар, спички, махорка, масло топленое, сливочное, колбаса чайная, простая, бумага почтовая, конверты, хлеб, сушки, мыло, марки и открытки почтовые, бумага курительная, ветчина, сало свиное, горчица, макароны. [7, Л.1-125]

Основными видами преступлений, за которые отбывали наказание, арестанты являлись: похищение казенного имущества, контрабанда, отсутствие документов (просрочка их), бродяжничество, убийство и подозрение в нем, нанесение телесных повреждений, оскорбление, разбой, грабеж, кража, укрывательство беглых и другие.

Тюрьма была рассчитана на 250 арестантов. [3, Л. 54].

Сведения о числе арестантов на 1861 год:

Арестанты	Мужчин	Женщин
Подсудимые	478	22
Пересыльные	2380	303

На 01.11.1907 год числится арестантов:

Срочных	135
Подсудимых	373
Пересыльных	8

В ноябре 1908г. насчитывалось арестантов:

Политических	5
Каторжных	5
Других категорий	528

О числе арестантов за 1914 год:

Год	Мужчин	Женщин
По состоянию на 01.01.1914	624	23
По состоянию на 01.01.1915	522	23

[12, Л. 8]

О числе арестантов за 1915 год:

Год	Мужчин	Женщин
По состоянию на 01.01.1915	522	23
По состоянию на 01.01.1916	373	19

[13, Л.3]

О числе арестантов за 1916 год:

Мужчин	350
Женщин	24

В больнице – 29;

На работах – 27.

[1, Л. 43 об.].

Ведомость о движении подследственных арестантов за 1902-1907 гг.

Год	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1902	249	239	244	242	229	234	252	255	265	254	272	270
1903	238	234	220	218	221	229	231	250	271	270	256	247
1904	244	237	229	234	243	215	213	216	232	235	230	207
1905	228	234	241	268	287	236	227	249	264	274	286	271
1906	329	349	409	345	277	298	273	280	273	292	320	346
1907	357	361	336	326	351	331	341	358	369	313	-	-

[3, Л. 51].

О числе несовершеннолетних, содержащихся в Верхнеудинской тюрьме за 1914, 1915, 1916 гг.:

	М.	Ж.
По состоянию на 01.01.1914	4	-
По состоянию на 01.01.1915	4	-

	М.	Ж.
По состоянию на 01.01.1915	4	-
По состоянию на 01.01.1916	3	2

[12, Л. 18], [13, Л. 16].

Число побегов из тюрьмы:

В 1904 году – 2, 1905 – 1, 1906 – 5.

Число арестантов проживало вне тюрьмы на внешних работах:

В 1902-13, 1903 -15, 1904 – 18, 1905 – 17, 1906 – 3.

Число побегов с внешних работ:

В 1903 – 4, 1904 – 5, 1905 – 8, 1906 – 8, 1907 – 1.

[3, Л. 54-55].

Основными положениями законодательств, согласно которым отбывали наказание, арестанты являлись: уложение о наказаниях, устав о наказаниях, устав об акцизных сборах, устав уголовного судопроизводства, свод военных постановлений, таможенный устав, положение о местностях, объявленных на военном положении, уголовное положение, положение о государственной охране.

В Верхнеудинской тюрьме существовали следующие мастерские:

1. Портняжная с 6-ю мастерами;
2. Сапожная с 5-ю мастерами;
3. Слесарная с 3-мя мастерами;
4. Кузнечная с 3-мя мастерами при 3-х молотобойцах;
5. Столярная с 5-ю мастерами.

Кроме того, имелась в незначительной степени развитая, за отсутствием мастеровых – переплетная мастерская. Выполнялись также малярные, бондарные, тележные, жестяные, шорные, земляные, кровельные, малярные работы, сушка хлеба, очистка от снега станционных путей, ремонт железнодорожных путей, разгрузка угля и шпал, распилка дров на станции Верхнеудинск, изготов-

ление подков (военные заказы). [18, Л. 1 об., 7]. Работами в мастерских были заняты преимущественно подсудимые арестанты, получавшие на свою долю 60% заработка, а 40% отчислялось в доход тюрьмы. Столярная, портняжная и сапожная мастерские имели постоянно частные заказы и удачно конкурировали с лучшими местными мастерскими. Например, на выставки в г. Хабаровск и г. Санкт-Петербург предлагалось отправить предметы мебели, образцы замков, прессов и т.д. [6, Л. 4, 4 об.].

В Верхнеудинской тюрьме велось оживленное делопроизводство. [5, Л. 1-17]. Велись книги записи приказов начальника тюрьмы, записи срочных, пересыльных, подсудимых и освобождаемых арестантов, ссыльнокаторжных, камерный алфавит арестантов, счета тюремной лавки, дела по расходам тюрьмы. [7, 10]. А также велась переписка начальника тюрьмы с прокурором Читинского окружного суда по хозяйственным и административным вопросам [6].

Составлялись разные обложки на билеты подсудимых. По прибытии в тюрьму ссыльнокаторжного, на него заводилось личное дело в синей обложке, дело заносилось в опись под особый номер, а по окончании срока и по освобождении каторжного, дело сдавалось в архив по особой архивной описи за особым номером. На ссыльнокаторжных рецидивистов, осужденных арестантов – зеленая обложка, на ссыльнокаторжных, осужденных в первый раз – синяя, состоящих под следствием по новому делу – красная, на пересыльного – белая. Правила были напечатаны в билетах. При входе в камеры ревизующих лиц, билеты должны были быть в руках арестантов. Билеты хранились в камерах в особых деревянных ящиках, прибитых к стене. Велись записки отбывающих наказание карцером, заверялись подписью начальника тюрьмы и его помощником и вешались около входа в карцер. Также заводились статистический листок на всех срочных арестантов в личных делах и опросный листок, который составлялся на всех арестантов, кроме пересыльных и вшивался в личное дело арестантов. Кроме дел, на арестантов заводились рабочие книжки, которые велись по доходным и хозяйственным работам [5, Л.2, 3, 4, 16].

Верхнеудинская тюрьма была одним из крупных учреждений уголовно-исполнительной системы Иркутской губернии, а затем

Забайкальской области, которая осуществляла важную исправительную и воспитательную роль в жизни общества.

Список источников и литературы

1. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 4534
2. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 4851
3. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5448
4. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5450
5. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5452
6. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5539
7. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5549
8. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5550
9. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5578
10. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5586
11. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5589
12. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5595
13. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5596
14. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5597
15. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5824
16. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5827
17. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5862
18. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5869
19. ГАРБ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 5881
20. ГАРБ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 91
21. ГАРБ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 157

Ламуева Надежда Сергеевна
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
dubadel1990@mail.ru

**БАБУШКИН ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ –
ВИДНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
НАЧАЛА XX В. В ЗАБАЙКАЛЬЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)**

В статье говорится о составе архивных документов Государственного архива Республики Бурятия, которые освещают историю жизни и становления личности Бабушкина И.В., как революционного деятеля начала XX века, организовавшего рабочие марксистские кружки и развернувшего большую организационную, агитационную и пропагандистскую работу, а также подпольную типографию и выпуск листовок и газет. Бабушкин Иван Васильевич в декабре 1905 г. Иркутским комитетом РСДРП был командирован в Читинскую область с целью транспортирования для иркутских рабочих оружия от Читинского комитета. Вошел в состав Читинского комитета и принял участие в восстании читинского пролетариата, готовил большую партию оружия для иркутских рабочих и для рабочих по станциям Забайкальской железной дороги. Бабушкин И.В. был схвачен и расстрелян без суда и следствия в г. Мысовск.

Ключевые слова: И.В. Бабушкин, пропагандистская работа, рабочий класс, марксистские кружки, забастовка, митинг, революционное движение, арест, тюрьма, Иркутский комитет, читинский пролетариат, вооруженное восстание, железная дорога, транспортировка оружия, карательный отряд, расстрел.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-319-327

Lamueva Nadezhda Sergeevna
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

**BABUSHKIN IVAN VASILIEVICH – A SEVEN
REVOLUTIONARY ACTIVENT OF THE BEGINNING OF
THE XX CENTURY IN THE TRANSBAIKAL (ON THE
MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC
OF BURYATIA)**

The article deals with the composition of archival documents Of the state archive of the Republic of Buryatia, which cover the history of life and personality of I.V. Babushkin, as a revolutionary figure of the early twentieth century, who organized Marxist circles and launched a large organizational, propaganda and propaganda work, as well as underground printing and production of leaflets and Newspapers. In December 1905, the Irkutsk Committee of the RSDRP was sent to Chita for the purpose of transportation of Irkutsk working weapons from the Chita Committee. He joined the Chita Committee and took part in the uprising of the Chita proletariat, preparing a large batch of weapons for the Irkutsk workers and workers at the stations of the TRANS-Baikal railway. Babushkin I. V. was captured and shot without trial in Mysovsk.

Keyword: I.V. Babushkin, advocacy, working-class, Marxist circles, the strike, the rally, the revolutionary movement, the arrest, prison, Irkutsk Committee of the Chita proletariat, an armed uprising, railway, transporting weapons, a punitive detachment shot.

В январе 2018 года исполнилось 145-лет со дня рождения Бабушкина Ивана Васильевича. Архивные документы Государственного архива Республики Бурятия нашли свое отражение в исследовании истории о видном революционном деятеле начала XX века.

Следует отметить, что в составе материалов Государственного архива Республики Бурятия находится не такое большое количество архивных документов, касающихся истории деятельности революционера в Забайкалье. Связано это с тем, что И.В. Бабушкин был в Верхнеудинске лишь проездом с Иркутска до Читы и обратно с целью транспортирования оружия для иркутских рабочих от Читинского комитета, но, впоследствии схваченного и расстрелянного без суда и следствия в г. Мысовск Забайкальской области (ныне г. Бабушкин Республики Бурятия).

Нужно отметить, что в составе материалов Государственного архива Республики Бурятия, есть такие, которые освещают историю

становления личности Бабушкина И.В., как соратника Ленина В.И. и как самостоятельного революционного руководителя, организовавшего рабочие марксистские кружки и развернувшего большую организационную, агитационную и пропагандистскую работу, подпольную типографию и выпуск листовок и газет, а также дальнейшую его деятельность в Забайкалье.

Октябрьская всеобщая политическая стачка 1905 года, начавшись в центре, распространилась по всей России. По своей масштабности она проникла и в Забайкалье. Забастовки рабочих и служащих начались в Иркутске, Верхнеудинске, Чите и по Забайкальской железной дороге. Одновременно с вооружением пролетариата Читинский комитет снабжал оружием железнодорожников Борзи, Оловянной, Хилка и др. станций Забайкальской железной дороги [9, С. 400 – 401].

Именно с Иваном Васильевичем Бабушкиным, ставшем во главе Читинского комитета РСДРП и возглавившим революционное движение рабочих и крестьян Забайкалья вместе с Курнатовским В.К. и Костюшко-Валюжаничем А.А., связано несколько уникальных документов, хранящихся в Государственном архиве Республики Бурятия. Основным фондом, отражающим революционную деятельность Бабушкина в Забайкалье, является партийный фонд № 20 Центр документации новейшей истории Бур. АССР (1938-1992), в котором сохранились документы РСДРП за 1905–1941 гг.

В материалах данного фонда № 20 хранится дело № 36 «Бабушкин Иван Васильевич», датированное 1941 г., содержащее статьи и биографические данные и воспоминания о нем [3]. Считаю нужным дать описание из этого дела о видном революционере начала XX века.

Иван Васильевич Бабушкин родился 15 января 1873 года в семье крестьянина-бедняка села Леденгского Вологодской губернии. Рано лишившись отца, он еще в детстве испытал нищету и голод. Десятилетним подростком приехал в Петербург и устроился в мелочную лавочку, через четыре года поступил в Кронштадтскую торпедную мастерскую, где ему вплоть до 18-летнего возраста платили по 20 копеек в день (это около 4–5 рублей в месяц). После 4-летнего пребывания в мастерских он переезжает в Петербург, где ему с огромными трудностями удается поступить на Семянниковский завод, на котором по воспоминанию самого Бабушкина, ра-

бота продолжалась по 15-20 часов в сутки. Здесь впервые в руки Ивану Васильевичу попадает первая прокламация, прочитав ее, Бабушкин стал другими глазами смотреть на свое положение, на заводские порядки. Он начинает знакомиться с жизнью рабочих других предприятий, втягивается в работу рабочих кружков, поступает в воскресную школу для взрослых. Наконец, Бабушкин попадает в кружок, руководимый Лениным В.И. (1893 г.). Участвуя в кружке Ленина – Бабушкин держит связь с другими марксистскими кружками, а после ареста Владимира Ильича самостоятельно ведет руководящую революционную работу. Став членом «Союза за освобождение рабочего класса», Бабушкин развивает энергичную деятельность за Невской заставой, создает среди рабочих кружки и библиотеки. После того, как в 1895 г. Ленин В.И. и другие видные деятели союза были арестованы, Бабушкин самостоятельно составляет и затем распространяет на заводах Питера свою первую пропагандистскую листовку под названием «Что такое социалист и государственный преступник?» [3, Л. 1-2, 6].

В 1896 г. Бабушкин подвергается первому аресту. В феврале 1897 г. он был выслан на три года под надзор полиции в Екатеринослав (ныне Днепрпетровск) и только после 13-месячного одиночного заключения, освобождается и остается в Екатеринославе. Завязывает связи с местными марксистами, знакомится с рабочими и активно включается в революционную деятельность. Вместе с Петровским Г.И. и другими социал-демократами, Бабушкин создает екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Влияние этого союза на развитие революционного движения на юге России было очень велико. Поступив на Брянский завод он развертывает большую организационную, агитационную и пропагандистскую работу, организует подпольную типографию, выпускает листовки, организует выпуск газеты «Южный рабочий». Почти на всех заводах города под его руководством были созданы марксистские кружки [3, Л. 1, 3, 6].

Из воспоминаний П. Воеводина в статье к 90-летию со дня рождения И.В. Бабушкина «Народный герой», опубликованной в газете «Правда» от 15 января 1963 г. № 15 (16236): «Мне выпало счастье работать вместе с Иваном Васильевичем в Екатеринославской социал-демократической организации. Помню его пламенную речь в защиту интересов рабочих во время открытия нового заво-

да в поселке Амур на левом берегу Днепра, теплую встречу с ним в один из вечеров на квартире моего брата. На молодых рабочих Иван Васильевич производил неотразимое впечатление» [3, Л. 6].

Когда начались массовые аресты, ему удалось тайком уехать в Петербург.

В это время В.И. Ленин, вернувшись из сибирской ссылки, приступил к созданию общерусской нелегальной марксистской газеты «Искра». Летом 1900 г. Бабушкин получает приглашение явиться в Псков на совещание по вопросу о создании газеты «Искра». Бабушкин становится одним из первых агентов «Искры» и ее активным корреспондентом. По поручению В.И. Ленина он объезжает города Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Покров, Полоцк и Шуй, устанавливает связи, организует письма от рабочих.

В конце 1901 года Иван Васильевич вторично попадает в тюрьму по делу Орехово-Зуевского комитета, заключается во Владимирский тюремный замок, откуда установив личность Бабушкина, полиция направляет его в Екатеринославскую тюрьму, но летом 1902 года ему удалось бежать из тюрьмы и уехать за границу, в Лондон. Там, по совету Владимира Ильича, он пишет свои «Воспоминания» – историю боевой жизни подпольщика.

В конце января 1903 г. вновь арестовывается и высылается в Верхоянск (Якутия). Однако вскоре в результате революционных событий 1905 г. Бабушкин по амнистии был освобожден, он переезжает в Иркутск [3, Л. 1-3, 5-6].

Как видно из архивных документов, что и в Забайкалье начинало подниматься волна забастовок, протестов. Нужны были опытные руководители, которые бы направили революционное движение в необходимое русло. И, наверное, таким, одним из опытных руководителей стал Иван Васильевич Бабушкин. Возвратившись из ссылки Бабушкин остается в Иркутске и немедленно включается в партийную работу, входит в Иркутский комитет РСДРП, проводит большую агитационную и пропагандистскую работу среди рабочих [3, Л. 4].

Еще одним интересным документом, касающимся революционной деятельности Ивана Васильевича в Забайкалье, следует отметить в фонде партархива № 20 дело № 33 «Подготовка вооруженного восстания в Чите 1905 г.», датированный 1941 г. [2], где говорится о том, что в декабре 1905 г. Иркутским комитетом

РСДРП Бабушкин Иван Васильевич был командирован в Читу с целью транспортирования для иркутских рабочих оружия от Читинского комитета. Попав в Читу в разгар подготовки там вооруженного восстания, Бабушкин не ограничивался выполнением своего прямого партийного поручения, а вошел в состав Читинского комитета и принял участие в восстании читинского пролетариата. Помогал А.А. Костюшко-Валужаничу, командовавшему вооруженными силами читинского пролетариата в деле организации и вооружения боевых рабочих дружин [2, Л. 5]. И согласно все тем же архивным данным, Бабушкин не забывал своего основного партийного поручения, полученного от Иркутского комитета, готовил большую партию оружия для иркутских рабочих и в то же время сотнями отправлял винтовки для рабочих по станциям Забайкальской железной дороги.

Несомненно, что воспоминания играют огромную роль в сохранении истории. Так, например, в Государственном архиве Республики Бурятия хранится дело № 16 «Воспоминания о революции 1905 г.», датированное 3 декабря 1924 г. – 10 декабря 1925 г. [1]. Вот, например, одно из воспоминаний Петра Михайловича Кашащцева, члена РСДРП(б) о революционном движении в г. Чите: «<...>. В 10 часов вечера после митинга предложили некоторым остаться и идти в город доставать оружие, на что многие дали согласие и организованным порядком под руководством студента Николая Николаевича (псевдоним Бабушкина), товарища Валентина и других, рабочие двинулись по направлению в город к Артиллерийскому складу, где часть часовых были уже подготовлены на сдачу оружия из склада, а остальных солдат перевязали, поставили своих часовых на посту и принялись разгружать Артиллерийский склад. Часть рабочих вооружилась и 7 декабря пришла на работу. Остальное оружие было выдано 7 и 8 числа по желанию рабочих. С первых дней октябрьской забастовки всем было известно, что организован Революционный комитет, который дает рабочим все распоряжения через представителей рабочих и все приказы выполняются как в городе, так и на железной дороге. <...>. В средних числах декабря перехватываются еще 13 вагонов винтовок прибывших из Манчжурии для войск вновь прибывших для усмирения рабочих. Эти 13 вагонов выгружаются рабочими в вагонном цехе и пустыми ставятся на товарный двор. Утром приехали из города солдаты за

винтовками, а там вагоны пустые. Это оружие читинские рабочие с согласия Революционного Комитета сейчас же начали отправлять в сторону Иркутска, как избыток» [1, Л. 80-81 а].

Вот как отзывается П. Воеводин в воспоминаниях о Бабушкине в статье к 90-летию со дня рождения И.В. Бабушкина «Народный герой», опубликованной в газете «Правда» от 15 января 1963 г. № 15 (16236) в документе из дела № 36 «Бабушкин Иван Васильевич»: «Владимир Ильич очень любил этого смелого и отважного революционера, высоко ценил его преданность революции, делу партии» [3, Л. 6].

Также к числу основных сведений о пропагандисте и революционере Бабушкине Иване Васильевиче из архивных фондов Государственного архива Республики Бурятия, можно назвать материалы, содержащие тексты лекций в деле № 1159 «Революционные события в Бурятии в период 1905-1907 гг.» и «Деятельность» первых Советов в Бурятии» в фонде ЦГА Бур АССР № 273, датировано 1984 г. [6]. Здесь имеется общая информация о революционерах Бабушкине И.В., Курнатовском В.К., Костюшко А.А. и их деятельности в Забайкалье. И.В. Бабушкин вел организационную работу среди рабочих Читинских железнодорожных мастерских. Член Читинского комитета А.А. Костюшко командовал вооруженными силами, другой выдвигающийся член комитета В.К. Курнатовский, осуществлял организационное руководство восстанием Читинского пролетариата.

Материалы фонда № 20 партархива бурятского обкома КПСС дело № 33 «Подготовка вооруженного восстания в Чите 1905 г.», включают в себя и сведения о последствиях деятельности революционеров в Забайкалье, в частности, касающихся Бабушкина Ивана Васильевича и о приостановлении сопротивления Читинского комитета [2]. Как видно из документов Государственного архива Республики Бурятия, в самый последний момент Читинский комитет решил отказаться от вооруженной защиты мастерских. Накануне занятия Читы карателями А.А. Костюшко на собрании рабочих боевых дружин призывал не сопротивляться, а спрятать оружие и готовиться к грядущим боям. А в ночь на 13 января 1906 г. Иркутский комитет РСДРП был арестован полицией. До приезда в Читу карательного поезда Ренненкамппа, Бабушкин выехал в Иркутск с вагоном винтовок для иркутских рабочих. На станции Мысовая

Кругобайкальской железной дороги он был схвачен отрядом Меллер-Закомельского [2, Л. 5]. 31 января 1906 г. Бабушкин Иван Васильевич без суда и следствия был расстрелян вместе с пятью рабочими, сопровождавшими оружие в Иркутск. Только через несколько лет стало известно о его гибели.

В архивном фонде Совета Министров Бурятской АССР № 248 имеются документы, касающиеся сохранения памяти видного революционера начала XX века в Забайкалье. Так, в материалах к постановлениям СНК БМАССР за май 1940 г., в докладной записке инструктора ОК ВКП (б) Архарова секретарю БМ ОК ВКП (б) Баханову «О постановке памятника в городе Мысовск И.В. Бабушкину» от 18 января 1940 г. говорится о необходимости переноса памятника Бабушкину И.В. и пятерым его соратникам на видное место у депо в г. Мысовск (ныне г. Бабушкин Республики Бурятия) [5, Л. 121-122]. В постановлении СНК БМАССР от 23 мая 1980 г. № 311 «Об увековечении памяти революционера-большевика Ивана Васильевича Бабушкина», СНК БМАССР просит разрешения СНК РСФСР об увековечении памяти Бабушкина И.В. и погибшим с ним пятерым большевикам: поставить памятник и выделить на это необходимые средства [4, Л. 197].

Информацию о переименовании города Мысовск (место, где был расстрелян Бабушкин) можно найти и в газетном хранилище Государственного архива Республики Бурятия. Так, в газете «Бурят-Монгольская правда» от 22 января 1941 г. № 18 указано, что 18 января 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Мысовск был переименован в город Бабушкин в связи с 35-летием со дня его гибели [8, С. 1]. На сегодня, город Бабушкин является местом, которое посещают люди, увлекающиеся историей и чтящие память о видном революционере начала XX века в Забайкалье, посещают музей им. Бабушкина И.В., который был открыт в 1973 г.

В 1940 г. в память Ивану Васильевичу в городе Улан-Удэ была переименована Центральная улица. Так, в связи с ознаменованием 20-летия освобождения Бурят-Монголии от иностранной интервенции и белогвардейщины постановлением исполнительного комитета Улан-Удэнского городского совета депутатов трудящихся от 11 февраля 1940 г. одна из оживленных улиц города улица Центральная стала носить имя И.В. Бабушкина [7, Л. 40].

Список источников и литературы

1. ГАРБ. ФП. 20. Оп. 2. Д. 16
2. ГАРБ. ФП. 20. Оп. 2. Д. 33
3. ГАРБ. ФП. 20. Оп. 2. Д. 36
4. ГАРБ. ФР. 248. Оп. 14. Д. 71
5. ГАРБ. ФР. 248 Оп. 18. Д. 36
6. ГАРБ. ФР. 273. Оп. 1. Д. 1159
7. ГАРБ. ФР. 475. Оп. 7. Д. 267
8. Бурят-Монгольская правда. № 18. 22 января 1941 (7251). 4 с.
9. История Бурят-Монгольской АССР. В двух томах. Т. I. Изд. 2-е, испр. и доп./ Ред. кол.: П.Т. Хаптаев, С.А. Токарев, П.И. Хандалов, А.П. Окладников, В.И. Шунков, В.И. Дулов, С.Д. Дылыков, П.Н. Матханов – Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное издательство, 1954. 495 с.

Барданов Нима Станиславович
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
nbardanov@mail.ru

АРХИВНАЯ СЛУЖБА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX В.

В данной статье пойдет речь о значении архивов для общества, о развитии архивной службы Республики Бурятия в последней трети XX века и ее преобразованиях в указанный период, а также кратко будет затронута деятельность Государственного архива Республики Бурятия в настоящий момент.

Ключевые слова: МВД РСФСР, Совет Министров Бурятской АССР, архив, архивное Управление, Комитет по делам архивов, XX век, Республика Бурятия.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-328-334

Bardanov Nima Stanislavovich
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

ARCHIVE SERVICE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN THE LAST THIRD OF THE XX CENTURY

This article will discuss the importance of archives for society, the development of the archival service of the Republic of Buryatia in the last third of the 20th century and its transformations in this period, and also briefly the activities of the State Archives of the Republic of Buryatia at the moment.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of the RSFSR, Council of Ministers of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic, archive, archival Office, Committee for Archives Affairs, XX century, Republic of Buryatia.

Предваряя статью, нельзя не отметить роль и значение архивов для общества: в архивах хранятся уникальные материалы минув-

шего времени и даже целых эпох, а архивные документы – бесценное хранилище информации о прошлом.

В данной статье ставится задача рассказать о деятельности архивной службы Бурятии в последней трети XX века, начиная с момента передачи архивов из ведения НКВД-МВД в подчинение Совета Министров Бурятской АССР и до 2000-х гг.

В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 25 ноября 1961 г. № 1424 постановлением Совета Министров Бурятской АССР от 31 января 1962 г. № 66 был организован Архивный отдел при Совете Министров на базе Архивного отдела Министерства внутренних дел Бурятской АССР [3, Л. 62-62 об.]. Данное постановление оказало большое значение на дальнейшее развитие Архивной службы Бурятии, так как передача архива из структуры НКВД-МВД в ведение Совета Министров Бурятской АССР ознаменовала открытие архивов для общественности. Справедливости ради стоит отметить некоторые положительные стороны, произошедшие за время нахождения архивов в составе Министерства внутренних дел: благодаря жесткому режиму управления обработка и систематизация дел, ведение делопроизводства в организациях становится на уровне союзного архивного стандарта [2, С. 79], были повышены авторитет и статус архивов, укреплена материально-техническая база [1, С. 7].

В начале 1960-х гг. архивное дело не было поставлено должным образом, об этом говорится в постановлении Совета Министров от 4 января 1963 г. № 18: «Совет Министров Бурятской АССР отмечает, что работа Архивного отдела при Совете Министров Бурятской АССР и подконтрольных ему архивов учреждений, организаций и предприятий находится в неудовлетворительном состоянии.

Центральный государственный архив крайне плохо ведет работу по концентрации и хранению документов советского периода, представляющих научно-историческую и народнохозяйственную ценность. Архивные документы многих министерств и ведомств, особенно социального обеспечения, финансов, торговли, мехстеклозавода, а также архивов Хоринского, Закаменского, Мухоршибирского, Тункинского аймаков длительное время находятся в необработанном состоянии, хранятся в непригодных помещениях. Большинство аймархивов укомплектовано малоквалифицированными кадрами, иногда случайными людьми. Вновь открытая мастерская по реставрации и микрофотокопирования докумен-

тальных материалов до сих пор не обеспечена соответствующим помещением и необходимым оборудованием [3, Л.65-66 об.].» Для улучшения работы архивов нашей республики предполагался ряд мер, как то: приведение в надлежащее состояние и организация строгого контроля за порядком хранения документальных материалов; публикация, перевод и описание наиболее важных документальных материалов старомонгольской письменности Центрального государственного архива Бурятской АССР на русский язык; проведение в 1963 г. общественного смотра государственных и ведомственных архивов [3, Л. 65-66 об.].

Принятые меры оказали благотворное влияние на развитие архивного дела нашей республики. В обзоре работы аймачных архивов за 1963 г. отмечается, что, несмотря на имеющиеся недостатки: часто документы не упорядочены и бесконтрольно уничтожаются, не лучше обстоят дела по рассмотрению заявлений, писем трудящихся об их стаже работы, плохая организация подборов кадрового состава в аймачных архивах – за истекший год аймачными архивами была проделана значительная работа по улучшению архивного дела в республике [4, Л. 1-3].

Проведенный смотр архивов выявил ряд недостатков, которые нашли отражение в постановлении Совета Министров Бурятской АССР «О проведении общественного смотра архивов-учреждений, организаций, предприятий, колхозов и совхозов Бурятской АССР» от 31 января 1966 г. № 38: плохая организация работы по обработке документальных материалов и упорядочению делопроизводства. Но вместе с тем отмечалось, что была проделана некоторая работа по приведению в порядок архивов и налаживанию делопроизводства [3, Л. 72-73].

В обращении архивистов республики к общественности республики к общественности Бурятии от 10 февраля 1966 г. говорится о потребности в обеспечении сохранности архивов, организации сдачи в государственные архивы документальных материалов по истечении сроков хранения. Также в обращении говорилось о том, что государственные архивы занимают видное место в развитии общественных наук и архивы – большая материальная и культурная ценность, а за документами стоят живые люди, что обязывает проявить заботу архивистов в отношении документации [5, Л. 65-68].

За 9 месяцев 1966 г. была проделана большая работа для исполнения постановления Совета Министров Бурятской АССР: все кол-

хозы и совхозы Мухоршибирского аймака обработали и сдали материалы в аймачный архив, дело с упорядочением материалов шло неплохо в Кабанском и Бичурском аймаках. Кроме того были упорядочены материалы колхозов и совхозов в Кабанском и Бичурском аймаках. Стоит отметить, что, несмотря на принятые меры, положение в колхозах и совхозах Баргузинского, Тункинского и Хоринского аймаков продолжало оставаться неудовлетворительным, и это ставило под угрозу срыва выполнение вышеозначенного постановления: документальные материалы совхозов и колхозов республики хранились в амбрах и сараях, делопроизводство велось плохо [4, Л. 124-125].

В дальнейшем были приняты необходимые меры по улучшению архивного дела. Работа архивистов, направленная на улучшение состояния архивного дела в республике отмечалась в постановлении Совета Министров от 4 ноября 1969 г. № 453. Совершенствованию документальной части делопроизводства стало уделяться больше внимания, значительно расширилось использование документальных материалов, принимались меры для обеспечения архивов республики помещениями, были приведены в порядок документальные материалы большинства министерств, организаций и т.д. [3, Л. 69].

Большой интерес представляет доклад Т.Г. Базарон от 25 января 1974 г. к 50-летию архивного дела в Бурятии. В вводной части доклада говорится о начальном этапе развития Архивной службы нашей республики – о сохранении и спасении архивов (в 1930 г. хранилища имели 645 фондов общим объемом 109000 ед.хр.). Благодаря большой и трудоемкой работе были сохранены ценнейшие документы по истории нашей республики с 1681 г. до наших дней:

1) дело Селенгинского Троицкого монастыря, датированного 1681 г.;

2) документы Степных дум отражают все стороны жизни бурятского населения – сведения об административном управлении, политике царского самодержавия по отношению к коренному населению, культуре и быту бурят, и многое другое;

3) документы отражающие развитие торговых отношений с Монголией и Китаем; в материалах Селенгинской Степной думы о декабристах – братьях Бестужевых и Торсоне, которые жили на поселении в Селенгинске (их сохранилось мало, и хоть сведения незначительны, документы представляют большой интерес);

4) о ходе первой буржуазно-демократической революции 1905 г. в Бурятии рассказывают прокламации и листовки, распространявшиеся Верхнеудинской группой РСДРП и многие другие документы.

Далее в докладе Т.Г. Базарон говорит о главных задачах, стоящими перед Центральным государственным архивом: всестороннее использование документальных материалов (только за 1970-1973 гг. разрабатывались темы о развитии легкой промышленности Бурятии, создании советского государственного аппарата, советско-монгольском сотрудничестве, истории педагогического образования и многое другое), справочная работа и работа с исследователями (в 1973 г. в читальном зале Центрального государственного архива занималось 240 человек).

Огромное значение в работе архива, как следует из доклада Т.Г. Базарон имеет публикационная работа. За период с 1960 по 1973 гг. Архивом был издан ряд документальных сборников: «Революционное движение в Бурят-Монголии в период революции 1905 года», «Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии». Подготовлены к печати сборники «Культурная революция в Бурятии», «История промышленности Бурятской АССР».

Были подготовлены выставки документов и фотографий, приуроченных к памятным и юбилейным датам: к 60-летию первой русской революции, к 40-летию комсомола Бурятии, к 50-летию Великого Октября, 20-летию Великой победы, к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, 300-летию г. Улан-Удэ, 50-летию Советской армии, 50-летию Бурятской АССР.

В заключение доклада Т.Г. Базарон говорит о неопределимой важности архивной службы Бурятии [6, Л. 9-18].

26 декабря 1980 г. постановлением Совета Министров Бурятской АССР Архивный отдел был преобразован в Архивное управление при Совете Министров Бурятской АССР, через 10 лет, 28 ноября 1990 г. оно было упразднено в связи с образованием Комитета по делам архивов. В указанное десятилетие началась работа по рассекречиванию документов секретных и частично секретных фондов. Сотрудниками архива была проведена разработка следующих фондов: Бурнацком, Бурнардума, Рабоче-крестьянская инспекция БМАССР, Министерство сельского хозяйства, Президиум Верховного Совета Бурятской АССР, Министерство просвещения

Бурятской АССР. С 1986 г. Центральным государственным архивом проводится работа с фотодокументами, на 1 января 1986 г. на государственном хранении находилось 10975 единиц хранения фотодокументов, которые активно использовались для выставок, при чтении лекций на предприятиях, учреждениях, в школах, техникумах.

После образования Республики Бурятия в 1992 г. происходит реорганизации в архивной службе республики. Постановлением Совета Министров Бурятской АССР от 1 июля 1992 г. № 184 на базе упраздненных Центрального государственного архива и Центра документации новейшей истории (образованного на базе Партийного архива Бурятского обкома КПСС по Указу Президента России от 24 августа 1991 г. «О партийных архивах») был образован Национальный архив Республики Бурятия. Весьма примечателен тот факт, что Постановлением Правительства Республики Бурятия от 8 февраля 1995 г. № 42 Национальный архив Республики Бурятия был отнесен к объектам Национального достояния Республики Бурятия.

В 1990-е гг. в Национальном архиве Республики Бурятия ведется активная работа по переводу документов с монгольской письменности. Так, за 1991 г. было переведено 307 листов, составлено 1046 тематических карточек. Кроме того ведутся остальные виды работ по архивному делу, так, за 1993 г. было восстановлено 214 листов с затухающим текстом, усовершенствовано 7790 дел, создавались страховые фонды на особо ценные дела, было отреставрировано 33000 листов документов.

Постановлением Правительства Республики Бурятия от 1 ноября 1994 г. № 129 был образован Комитет по делам архивов при Правительстве Республики Бурятия, в состав которого вошли: Национальный архив Республики Бурятия, архивные отделы районов и городов Улан-Удэ и Северобайкальск, районные и городские архивы. Задачами Комитета были формирование, сохранность и использование документов Архивного фонда Республики Бурятия, обеспечение функционирования государственных архивов и т.д. В сентябре 1995 г. был принят Закон № 182-1 «Об архивном фонде Республики Бурятия и архивах», который регулировал правовые отношения в области формирования, организации хранения, учета, использования архивов и архивных фондов.

В заключение хочется сказать о том, что в последней трети XX в. была проделана огромная работа, направленная на улучшение

состояния архивного дела нашей республики. Прodelанный труд архивистов привел к нынешнему состоянию архивного дела нашей республики. Сегодня Государственный архив Республики Бурятия является основным хранителем бесценного документального наследия по истории нашей республики – на 1 января 2018 г. в архиве на государственном хранении находится 3943 фонда, в которых числится более 1 миллиона дел. Ежегодно дезинфицируются и реставрируются более 27 тыс. листов, выдаются из архивохранилищ более 50 тыс. дел, проводятся проверки наличия дел и т.д. Архивисты активно занимаются организацией выставок, подготовкой радио и телепередач, публикацией статей, презентациями фондов, участвуют в международных, российских и региональных научных конференциях, а также реализуют новые проекты в сфере публикационной работы. Растет объем использования архивных документов в читальных залах архива. Также Государственный архив Республики Бурятия выполняет огромную по своей значимости работу, исполняя запросы социально-правового характера, тем самым обеспечивая социальную защищенность граждан, способствуя соблюдению их прав и интересов: ежегодно сотрудники архива исполняют около 9 тыс. социально-правовых и более 700 тематических запросов.

Список источников и литературы

1. Елаев А.А. Архивы Бурятии – 90 лет на службе государству и обществу. // Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции «Региональные архивы: история и современность», посвященной 90-летию образования Архивной службы Республики Бурятия и 135-летию со дня рождения В.П. Гирченко, историка, архивиста, организатора архивного дела в Бурятии (г. Улан-Удэ, 28 ноября 2013 г.). – г. Улан-Удэ: Изд-во «НоваПринт», 2013. – 208 с.
2. Хамисов Б.Г. История становления архивного дела в Бурятии (1920-1940 гг.) // Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции «Региональные архивы: история и современность», посвященной 90-летию образования Архивной службы Республики Бурятия и 135-летию со дня рождения В.П. Гирченко, историка, архивиста, организатора архивного дела в Бурятии (г. Улан-Удэ, 28 ноября 2013 г.). – г. Улан-Удэ: Изд-во «НоваПринт», 2013. – 208 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия. ФР. 273. Оп. 1. Д. 3
4. Там же. Д. 423
5. Там же. Д. 430
6. Там же. Д. 529

Николаева Эржена Содномдоржиевна
Государственный архив Республики Бурятия
Российская Федерация, Улан-Удэ
pearl23@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ПРИБАЙКАЛЬСКОГО НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

В данной статье освещается история возникновения и деятельности Прибайкальского народного университета (1920-1922 гг.).

Ключевые слова: культурно-просветительный отдел, местная кооперативная организация, инициативная комиссия, Правление университета, Наблюдательный совет, студенческий старостат, литературно-художественное просвещение.

DOI: 10.32363/978-5-6041443-5-0-2018-335-342

Nikolaeva Erzena Sodnomdorjievna
State Archives of the Republic of Buryatia
Russian Federation, Ulan-Ude

FROM THE HISTORY OF THE PRIBAIKALSKY PUBLIC UNIVERSITY

The article highlights the creation and work history of the Pribaikalsky Public University (1920-1922).

Keywords: cultural and educational department, local cooperative organization, initiative committee, University board, Supervisory board, student's starostat, literary and artistic education.

Прибайкальский народный университет был создан по инициативе местных лекторов и субсидировался кооперативами «Прибайкалсоюз» и «Экономия», а также областным отделом народного образования [1, Л. 1].

Мысль о создании в г. Верхнеудинске Народного университета зародилась впервые в местных кооперативных организациях. Однако неблагоприятные политические условия жизни лишили возможности кооперативной организации открыть Народный университет и побудили ограничиться на первое время открытием только школы

для взрослых, которая с перерывами просуществовала почти три года (с 1918 по 1919 гг.).

Неблагоприятные политические условия побудили закрыть школу для взрослых. Но среди взрослого населения в кооперативных организациях оставалась мысль о широкой культурно-просветительной работе. В культурно-просветительных отделах кооперативных организаций происходила внутренняя разработка вопросов внешкольного строительства. 18 января 1920 г. на заседании неторгового отдела «Прибайкальского союза кооперативов» был поставлен вопрос о создании в Прибайкалье рассадника высших знаний, взамен закрывшейся вечерней школы для взрослых. Предполагалось создание или Высшей крестьянской школы, или Народного университета, причем выбор остановился на университете. На совместном заседании культурно-просветительных отделов «Прибайкалсоюз», «Экономии» и «Кредитсоюза» был намечен план первых шагов к открытию университета [6, Л. 67].

Весной 1920 г. мысль о создании Народного университета в Верхнеудинске зарождается также в группе преподавателей бывших средних учебных заведений. Педагогами средних учебных заведений была создана инициативная комиссия, которая поставила своей задачей в ближайшую очередь привлечь к делу создания Народного университета все местные культурно-просветительные очаги («Прибайкалсоюз», «Экономия», «Кредитсоюз»). Поскольку работа и стремление инициативной комиссии педагогов, как выяснилось при переговорах, совпадали с начатой кооперативной работой по созданию университета, то вполне понятно, что последние вполне охотно откликнулись на призыв группы педагогов и вошли в инициативную комиссию вместе с представителями некоторых других организаций. Таким путем была создана организационная комиссия, получившая прочные основы для создания Прибайкальского народного университета.

При дружной совместной работе всех членов организационной комиссии дело по созданию Народного университета в городе Верхнеудинске быстро двинулось вперед. 2 июня 1920 г. была прочитана первая лекция, а потом эпизодические лекции по самым разнообразным вопросам стали читаться ежедневно в помещении бывшей I женской гимназии. Изредка чтение лекций заменялось организацией экскурсий, музыкальных вечеров, художественным чтением некоторых произведений современных классиков. Члены организационной

комиссии осознавали, что Народный университет может начать планомерную работу только с осени текущего года, и что необходимо к тому времени занять специальное помещение, подыскать кадр лекторов, разработать план осенней работы, а главное передать дело создания Народного университета местному обществу, путем создания «Общества Прибайкальского народного университета», для чего необходимо было выработать устав, зарегистрировать его, создать общество, избрать правление и т.д. Организационная работа к октябрю 1920 г. была закончена. Жилищной комиссией под Народный университет был отведен дом Розенштейна по Большой улице. При активном участии местных кооперативов в доме Розенштейна был произведен ремонт. В конце октября месяца ремонт был закончен. 31 октября состоялось торжественное открытие Народного университета. На заседании по поводу открытия Народного университета присутствовали представители всех политических партий, правительственных и общественных организаций [6, Л. 67].

На следующий день после торжественного открытия начались систематические занятия в Народном университете. Занятия производились ежедневно в вечерние часы с 16:00 до 21:00. В этот промежуток времени читалось от 3 до 6 лекций на разных факультетах и отделениях [6, Л. 67 об].

В 1920-1921 учебном году при Университете функционировали факультеты – общеобразовательный и гуманитарный с двумя отделениями – юридическим и словесно-историческим. На общеобразовательном факультете читались следующие курсы: грамматика русского языка, русская литература, психология, история, обществоведение, физика, химия, астрономия, естествоведение. К общеобразовательному факультету относились и курсы иностранных языков – французского, немецкого и английского, где занималось 116 человек [6, Л. 67 об].

Гуманитарный факультет возник в середине ноября 1920 г. Цель гуманитарного факультета заключалась в том, чтобы дать возможность слушателям познакомиться с научными дисциплинами, проходимыми в высших учебных заведениях. В 1920-1921 учебном году на юридическом отделении гуманитарного факультета читались следующие курсы: государственное право, уголовное право и практические занятия по уголовному праву, финансовое право, политическая экономия, общая теория права, уголовный прогресс.

На словесно-историческом отделении гуманитарного факультета читались курсы: история Западной Европы, Л.Н. Толстой, научная грамматика русского языка, новая история Сибирской общности, Сибиrowедение. Кроме того, в течение года функционировали курсы иностранных языков, были проведены курсы медицинской грамоты, мыловарения с практическими занятиями и курсы пчеловодства с устройством выставки по пчеловодству. [6, Л. 67 об]. Из отчета по выставке пчеловодства следует, что под названием выставки прошли три части: собственно выставка, курсы и сеансы кинематографа по пчеловодству. Выставка была открыта в течение месяца и ее посетило 402 человека. [2, Л. 43 об].

Некоторые намеченные к открытию факультеты и мероприятия не были проведены в 1920-1921 учебном году как, например, физико-математический факультет из-за недостатка лекторов не приступил к работе, а так же не удалось провести политические курсы и курсы столярного ремесла из-за отсутствия средств [6, Л. 67 об.].

Народный университет, имеющий у себя творческие силы города, не мог не отзываться на политические и общественные события. Народным университетом был устроен вечер, посвященный памяти декабристов, собравший многочисленную аудиторию. Правлением университета проводились лекции, посвященные февральской революции.

Общее число студентов университета на 1 января 1921 г. составляло 515 человек. По социальному составу студенты делились на следующие группы: рабочих – 106 человек, крестьян – 124 человек, лиц интеллигентных профессий – 285; по партийным признакам: коммунистов – 140, беспартийных – 373, представителей остальных партий – 2. По уровню образованию студенты делились следующим образом: с низшим образованием – 232, средним – 176, высшим – 6, домашним – 103 [6, Л. 67 об.].

В конце декабря 1920 г. при Прибайкальском народном университете была создана кафедра Прибайкаловедения, ставящая своей задачей изучение родного края, подготовку работников по изучению края, а также забота о правильной постановке дела изучения родного края во всех школьных и внешкольных учреждениях Прибайкальской области [6, Л. 67 об].

Всеми делами университета управляло правление. Кроме Правления, согласно устава Общества, был создан особый контрольный ор-

ган – Наблюдательный совет, в который входили представители кооперативных, общественных и просветительных учреждений. [8, Л. 2]. Также согласно Устава общества, была создана Ревизионная комиссия, которая следила за правильностью действия Правления и всех органов управления делами общества и свое заключение представляло через Правление на утверждение Общего собрания [4, Л. 85]. Общее собрание являлось высшим органом Общества [4, Л. 84 об.].

Разработкой учебных планов и программ преподавания занимался Академический совет, в состав которого входили все лектора Университета и представители студенчества. Внутреннюю жизнь студентов регулировал студенческий старостат, который состоял из представителей студентов от факультетов и членов кружков университета [6, Л. 68].

В 1920-1921 учебном году очень интенсивную деятельность проявляли студенческие кружки: юридический кружок, кружок любителей искусства, поставивший несколько вечеров и кружок любителей садоводства и огородничества, занимавшийся обработкой огорода на особом участке, специально отведенном для университета.

Правлением университета и лекторами летом 1921 г. была организована выставка по Прибайкаловедению, привлекавшая большое внимание посетителей. Выставка была открыта в течение 27 дней, и ее посетило 6936 человек. Успех выставки и значительное количество экспонатов, представленных для выставки, дали возможность организационной комиссии поднять вопрос об открытии в г. Верхнеудинске краевого музея, привлечь для решения данного вопроса местные общественные круги и таким образом положить прочное основание для работы по организации краевого музея в г. Верхнеудинске [6, Л. 68].

Летом 1921 г. при университете организован отдел искусств, который ставил своей целью создать в Верхнеудинске, в стенах университета художественный Пролетарский театр для воспитания народных масс. Предполагалось, что посещение театра будет бесплатным для всего трудового населения. [7, Л. 2]. Отдел искусств ставил спектакли в зрительном зале университета, выезжал со спектаклями в районы, где показал девять спектаклей.

При Университете было организовано литературно-художественное общество по распространению литературно-художественного просвещения среди населения, а также сельскохозяйственная секция, которая имела своё правление в составе пяти человек. Литературно-ху-

дожественное общество при Прибайкальском Народном университете ставило своей целью распространение литературно-художественного просвещения среди населения города Верхнеудинска и в других населенных пунктах Прибайкальской области. Для осуществления данной цели общество имело право организовывать различные литературные, художественные и музыкальные кружки, устраивать лекции и собеседования по вопросам искусства и литературы, организовывать студии и различные школы при помощи Прибайкальского народного университета, издавать книги и журналы, посвященные разработке вопросов искусства. [4, Л. 2]. Сельскохозяйственная секция создавала особые кружки. При секции работали кружки садоводства, огородничества, птицеводства и кролиководства. [5, Л. 383].

В университет могли поступать лица обоего пола не моложе 16 лет, вне зависимости от религии и национальности [1, Л. 4].

Дипломов о предварительном образовании от поступающих в университет лиц не требовалось, а также проверка степени предварительного образования, как общее правило, университет не производил. Но Правление университета предупреждало, что преподавание «ведётся в строго научном духе, а поэтому для успешного усвоения преподаваемых на факультете курсов и плодотворного участия в практических работах слушателям необходимо иметь развитие и знания приблизительно не ниже тех пределов, в каких они даются средними учебными заведениями» [1, Л. 4-4 об.].

Прибайкальский народный университет был просветительным учреждением, имеющим своей целью самую широкую популяризацию научных знаний среди народа. При его создании подразумевалось сделать доступным пониманию каждого высшее научное знание, то есть основные выводы предметов университетского программы преподавания. В частности он давал систематические знания тем, кто может учиться в течение 2-3 лет. В университете давались знания по отдельным предметам или циклам предметов тем, кто был лишен возможности заниматься регулярно в течение нескольких лет.

Народный университет был университетом для всех, но преимущественно он обслуживал трудовые слои населения, которые ранее были лишены возможности получить систематическое образование.

Народный университет как школа был учреждением общедоступным, обучение в нем было бесплатным. В народном университете выбор специальностей и предметов был свободный. В нем

не было экзаменов, он не выдавал дипломов. Способ преподавания был лекционным.

4 сентября 1921 года состоялось открытие отделения Прибайкальского Народного Университета в городе Троицкосавске [6, Л. 68].

В 1921-1922 учебном году (открытие систематических занятий состоялось 9 октября 1921 г.) при университете функционировали общеобразовательный факультет с двумя курсами, гуманитарный факультет с двумя отделениями, физико-математический факультет, курсы иностранных языков (французского, немецкого и латинского языков) и курсы мыловарения. Успешно шла работа в отделе искусств, поставившем уже после начала систематических занятий четыре спектакля. Были намечены к открытию курсы медицинской грамоты, курсы по подготовке культурников-кооператоров и бухгалтерские курсы, а также кафедра Прибайкаловедения, всесторонне знакомящая с краем. Народный университет чутко относился ко всем поступающим запросам и старался их удовлетворить по мере возможностей, являясь единственным внешкольным учреждением в области, ведущим широкую просветительную работу [6, Л. 68 об.].

В 1921 г. была попытка правления университета реорганизовать университет из народного в государственный. С этой целью Правление университета ходатайствовало перед Министерством народного просвещения ДВР, но ходатайство было отклонено из-за отсутствия средств [3, Л. 38-38 об.].

Из краткого отчета о деятельности Прибайкальского народного университета по состоянию на 12 ноября следует, что университет находился в тяжелом финансовом положении. Крайне низкая почасовая оплата лишила возможности привлекать лучшие лекторские силы из местных лекторов и отказываться от тех предложений, которые поступали в Народный университет со стороны некоторых лекторов Иркутского государственного университета [6, Л. 68 об.].

Прибайкальский народный университет нуждался в финансовой поддержке со стороны и Правительства, и общественных организаций. Университет был закрыт в ноябре 1922 г. ввиду отсутствия средств на его содержание.

Основной целью университета было служить широкому распространению высшего народного образования и привлечению симпатии народа к науке и знанию. Название университета «народный» указы-

вало, как на общественный источник средств его существования, так и на общественный характер его общеобразовательных задач [1, Л. 1].

Несмотря на то, что в конечном итоге Прибайкальский народный университет просуществовал недолго, нельзя не отметить тот факт, что он внес свой вклад в развитие преимущественно в культурном плане общества того времени. Безусловно, особая заслуга университета состоит в ведении широкой просветительной работы. Университет вел работу по приобщению народа к культуре и знанию, распространению знаний, общекультурных ценностей в народ. Прибайкальский народный университет, безусловно, отличался от академического университета, ведь его слушателями могли быть различные по своему социальному положению, уровню образования члены общества. Данная особенность создания университета является исторически обусловленной, ведь он отвечал насущным потребностям трудящихся, которые стремились к познанию культуры и к просвещению.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). ФР. 73. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАРБ. ФР. 73. Оп. 1. Д. 9.
3. ГАРБ. ФР. 73. Оп. 1. Д. 13.
4. ГАРБ. ФР. 73. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАРБ. ФР. 73. Оп. 1. Д. 14-а.
6. ГАРБ. ФР. 73. Оп. 1. Д. 15.
7. ГАРБ. ФР. 73. Оп. 1. Д. 17.
8. ГАРБ. ФР. 73. Оп. 1. Д. 22.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Всероссийской научно-практической конференции «Архивы в истории. История в архивах», посвященной 100-летию государственной архивной службы России, 95-летию архивной службы Республики Бурятия и 140-летию В.П. Гирченко, историка, архивиста, краеведа, основателя архивной службы Республики Бурятия

Министерство культуры Республики Бурятия и Государственный архив Республики Бурятия провели 7 июня 2018 г. Всероссийскую научно-практическую конференцию «Архивы в истории. История в архивах», посвященную 100-летию государственной архивной службы России, 95-летию архивной службы Республики Бурятия и 140-летию В.П. Гирченко, историка, архивиста, краеведа, основателя архивной службы Республики Бурятия.

На конференции были обсуждены актуальные проблемы и вопросы развития архивного дела, истории России и Бурятии. В конференции приняло участие 94 человека, было заявлено 52 доклада из разных городов России: Иркутска, Томска, Чебоксар, Абакана, Анадыря и Улан-Удэ. Модератором конференции выступила д.и.н., директор Государственного архива Республики Бурятия Б.Ц. Жалсанова. Всего было заслушано 14 докладов. В ходе конференции состоялись две презентации: учебника «Источниковедение Бурятии» и сборника архивных документов «Архивная служба Бурятии. К 95-летию Архивной службы Республики Бурятия».

Доклады, с которыми выступили участники конференции, показывают, что архивные документы остаются актуальными и востребованными. Темы, затронутые в докладах, касались истории образования и развития архивного дела в республике, состава и содержания фондов Государственного архива Бурятии, которые активно используются исследователями. Конференция подтвердила важность и необходимость объединения усилий архивных, образовательных учреждений и учреждений культуры для изучения прошлого, восстановления малоизвестных и малоизученных страниц истории.

Учитывая изложенное, конференция предлагает:

1) отметить необходимость дальнейшего тесного сотрудничества Государственного архива Республики Бурятия с научными

учреждениями по изданию сборников документов, по проведению актуальных исследовательских работ;

2) отметить необходимость продолжения работы по оцифровке архивных документов для создания фонда пользования;

3) направить усилия архивистов на развитие информационно-поисковых систем для повышения оперативности предоставления гражданам и юридическим лицам государственных услуг по информационному обеспечению, в том числе через сеть Интернет;

4) опубликовать материалы по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Архивы в истории. История в архивах», посвященной 100-летию государственной архивной службы России, 95-летию архивной службы Республики Бурятия и 140-летию В.П. Гирченко, историка, архивиста, краеведа, основателя архивной службы Республики Бурятия в электронном и печатном форматах;

5) установить к 100-летию Республики Бурятия и архивной службы республики памятник В.П. Гирченко, историка, первому архивисту и создателю архивного дела в республике.

*Оргкомитет конференции
7 июня 2018 г.*

Сведения об авторах

Байкалов Николай Сергеевич, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории Бурятии Бурятского государственного университета

Барданов Нима Станиславович, архивист 1 категории отдела публикации документов Государственного архива Республики Бурятия

Батоцыренов Эдуард Аюрович, к.г.н, научный сотрудник лаборатории геоинформационных систем Байкальского института природопользования Сибирского отделения Российской академии наук

Батуева Альбина Бадмаевна, магистрант исторического факультета Бурятского государственного университета

Боронова Маргарита Максимовна, д.и.н., профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

Васильева Светлана Владимировна, д.и.н., доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета, директор Научной библиотеки Бурятского государственного университета

Ворошилова Анна Сергеевна, главный архивист отдела научно-справочного аппарата Государственного архива Томской области

Голубцова Екатерина Валериевна, ведущий архивист отдела использования документов, организационной и методической работы Национального архива Республики Хакасия

Гусакова Татьяна Сергеевна, главный архивист отдела использования документов, организационной и методической работы Национального архива Республики Хакасии

Дамбаев Дмитрий Николаевич, аспирант кафедры истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Дамешек Лев Михайлович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета

Дамшаева Людмила Кимовна, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета

Дугаров Владимир Доржиевич, д.и.н., профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Жалсанова Бүтит Цыдыпмункуевна, д.и.н., директор Государственного архива Республики Бурятия

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Зайцева Любовь Алексеевна, д.и.н., профессор кафедры истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Ихенова Любовь Робертовна, к.и.н., старший преподаватель кафедры истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Кальмина Лилия Владимировна, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Карпова Ирина Георгиевна, аспирант кафедры истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Козлов Фёдор Николаевич, к.и.н., заместитель директора по основной деятельности Государственного исторического архива Чувашской Республики

Курас Леонид Владимирович, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Ламуева Надежда Сергеевна, ведущий архивист отдела публикации документов Государственного архива Республики Бурятия

Лыскокова Вера Цэдашиевна, д.и.н., доцент, заведующая научным архивом Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук

Малыгина Екатерина Евгеньевна, начальник отдела использования документов, организационной и методической работы Национального архива Республики Хакасия

Митыпова Гунсема Сандаковна, д.и.н, доцент кафедры религиоведения и теологии Бурятского государственного университета

Николаева Эржена Содномдоржиевна, архивист 2 категории отдела публикации документов Государственного архива Республики Бурятия

Пашинин Александр Васильевич, к.и.н., советник заместителя управляющего директора Улан-Удэнского авиационного завода

Полянская Оксана Николаевна, к.и.н, доцент, заведующая кафедрой всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Пыкин Василий Митрофанович, к.и.н., член Бурятского регионального отделения Российского общества историков-архивистов

Санданов Денис Викторович, к.б.н., старший научный сотрудник лаборатории флористики и геоботаники Института общей и экспериментальной биологии Сибирского отделения Российской академии наук

Санжиева Татьяна Ефремовна, д.и.н, профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

Семёнов Евгений Владимирович к.и.н, доцент кафедры музеологии и наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры, председатель Бурятского регионального отделения Российского общества историков-архивистов

Сыденова Римма Прокопьевна, к.и.н., доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

Ткачёва Вера Юрьевна, заместитель начальника отдела публикации документов Государственного архива Республики Бурятия

Токарчук Ангелина Николаевна, главный архивист отдела использования документов Государственного архива Республики Бурятия

Торяник Людмила Григорьевна, член региональной общественной организации «Общество русской культуры Республики Бурятия»

Фефелов Денис Сергеевич, учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы № 58 г. Улан-Удэ

Хабдаев Олег Константинович, главный архивист отдела публикации документов Государственного архива Республики Бурятия

Хамаева Елена Доржиевна, ведущий архивист отдела публикации документов Государственного архива Республики Бурятия

Цыденов Олег Баирович, магистрант юридического факультета Бурятского государственного университета

Цыремпилов Даши Владимирович, главный архивист отдела публикации документов Государственного архива Республики Бурятия

Цыретарова Баярма Бабасановна, к.и.н., доцент кафедры управления образованием, государственной и муниципальной службы Бурятского республиканского института образовательной политики

Шаламова Светлана Александровна, к.и.н., ведущий архивист отдела обеспечения сохранности и государственного учёта документов Государственного архива Иркутской области

Шапхоева Лариса Александровна, главный архивист отдела публикации документов Государственного архива Республики Бурятия

Шойдонова Алтына Мункожаргаловна, к.и.н., старший преподаватель кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово министра культуры Республики Бурятия С.Б. Дагаевой	3
<i>Курас Л.В., Жалсанова Б.Ц.</i> Документы ГАРБ о профессиональной деятельности управляющего Центральным архивным управлением БМАССР В.П. Гирченко	4
<i>Лыскова В.Ц.</i> Первые руководители архивной службы Байкальского региона (1920-1930-е гг.)	19
<i>Жамбалова С.Г.</i> Материалы Ольхонской Степной думы о торговле, зачатках промышленности, винокурении и корчемстве у бурят XIX в.	28
<i>Васильева С.В.</i> Архивное наследие старообрядцев Забайкалья.	37
<i>Ворошилова А.С.</i> Церковно-производственная документация как источник по выявлению личностных качеств духовенства Сибири начала XX в. (на примере изучения биографии В.И. Ильинского).	45
<i>Полянская О.Н.</i> Материалы по истории научной школы монголоведения в архивах России	54
<i>Дугаров В.Д.</i> Исследования «Ассоциации молодых историков» и Общественно-научного центра «Сибирь» в архиве КГБ / ФСК / ФСБ (Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Республике Бурятия) в 1990-е гг.	63
<i>Митыпова Г.С.</i> Студенческая архивная практика: приобщение к научным исследованиям.	77
<i>Санжиева Т.Е.</i> Деятельность Бурнацкома в архивных источниках.	83
<i>Пыкин В.М.</i> Из опыта работы БРО ООО «Российское общество историков-архивистов»	91
<i>Зайцева Л.А., Дамбаев Д.Н.</i> Из истории создания первого вуза Бурятии по материалам Государственного архива Республики Бурятия	95
<i>Семёнов Е.В.</i> Изучение документов государственных архивов Республики Бурятия и Забайкальского края о пребывании польских политических ссыльных в XIX в	105
<i>Кальмина Л.В.</i> «... Сейчас является... широкий простор для честной и широкой мысли».	114
<i>Батоцыренов Э.А., Санданов Д.В.</i> Вклад И.С. Котова в фенологические исследования в Бурятии	123
<i>Дамешек Л.М.</i> Ясачная политика самодержавия в Бурятии по материалам РГИА	132
<i>Козлов Ф.Н.</i> Вскрытие мощей монаха Вассиана в г. Алатырь Симбирской губернии	151

<i>Малыгина Е.Е.</i> Документальное наследие Хакасии: возможности использования в социокультурном образовании и патриотическом воспитании граждан	157
<i>Голубцова Е.В.</i> Роль отчетной документации в исследовании деятельности культурно-просветительских учреждений Хакасии в годы Великой Отечественной войны	162
<i>Гусакова Т.С.</i> Документы Национального архива Республики Хакасия по периоду политических репрессий в личном фонде Н.С. Абдина	168
<i>Шаламова С.А.</i> Клировые ведомости как источник по изучению православной церкви и причта в Восточной Сибири во II половине XIX в.	172
<i>Байкалов Н.С.</i> История БАМа по документам Государственного архива Республики Бурятия	179
<i>Шойдонова А.М.</i> Обучение монгольских студентов в Бурятии (1920-1940-е гг.)	188
<i>Боронова М.М.</i> История социально-экономического развития Бурятии 1960-1990 гг. по документам Государственного архива Республики Бурятия	194
<i>Сыденова Р.П.</i> Вопросы землепользования бурят в архивных фондах (XIX в.)	198
<i>Батуева А.Б.</i> Международная деятельность Центрального духовного управления буддистов в 1960-1970-х гг	205
<i>Цыденов О.Б.</i> Роль молодежного парламентаризма в современной российской действительности	212
<i>Дамшаева Л.К.</i> Сойоты. Государственная поддержка на современном этапе развития	221
<i>Ихенова Л.Р.</i> Развитие ветеринарных лабораторий и опытных станций в Бурят-Монгольской АССР (1920-1950-е гг.)	226
<i>Карпова И.Г.</i> Из истории села Кабанск	232
<i>Цыретарова Б.Б.</i> Система жилищно-коммунального хозяйства в условиях военного времени	236
<i>Торяник Л.Г.</i> История возникновения Вахмистровой деревни	242
<i>Фефелов Д.С.</i> Хроника пастырской деятельности на БАМе: календарь событий на территории Северо-Байкальской и Сосновоозерской епархии	245
<i>Пащинин А.В.</i> Источники по генеалогии крещеных инородцев миссионерской деятельности в фондах Государственного архива Республики Бурятия	251
<i>Ткачёва В.Ю.</i> Первый историк-архивист В.П. Гирченко	273

<i>Шапхоева Л.А.</i> Помощь семьям фронтовиков в годы Великой Отечественной войны (по архивным документам Бурятского обкома КПСС за период с 1941 по 1945 гг.)	278
<i>Цыремпилов Д.В.</i> Фонд 251 «Заведующий Кутуликским подрайоном» как источник по истории освоения Восточной Сибири 2-ой половины XIX – начала XX вв	288
<i>Хабдаев О.К.</i> Из опыта работы Государственного архива Республики Бурятия в выставочной деятельности (на примере выставочного проекта на основе фотодокументов из личного фонда семьи Танских)	295
<i>Токарчук А.Н.</i> К 95-летию со дня образования Центральной архивной службы	303
<i>Хамаева Е.Д.</i> Фонд 110 «Верхнеудинская тюрьма» как источник по истории уголовно-исполнительной системы Забайкальской области во 2-ой половине XIX – начале XX вв	310
<i>Ламуева Н.С.</i> Бабушкин Иван Васильевич – видный революционный деятель начала XX века в Забайкалье (по документам Государственного архива Республики Бурятия)	319
<i>Барданов Н.С.</i> Архивная служба Республики Бурятия в последней трети XX в.	328
<i>Николаева Э.С.</i> Из истории Прибайкальского народного университета	335
Резолюция конференции	343
Сведения об авторах	347

Архивы в истории. История в архивах

Сборник научных статей

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 31.07.2018 г.
Формат 60x84 1/16.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура Тип Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,36. Уч.-изд. л. 20,46.
Тираж 200 экз. Заказ № 0019.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irkmail.ru
www.ottisk-irk.ru

Участники Всероссийской научно-практической конференции «Архивы в истории. История в архивах», посвященной 100-летию государственной архивной службы России, 95-летию архивной службы Республики Бурятия и 140-летию В.П. Гирченко, историка, архивиста, краеведа, основателя архивной службы Республики Бурятия. г. Улан-Удэ, Дом Правительства Республики Бурятия. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах», посвященная 100-летию государственной архивной службы России, 95-летию архивной службы Республики Бурятия и 140-летию В.П. Гирченко, историка, архивиста, краеведа, основателя архивной службы Республики Бурятия. г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры
Центральной Азии ИМБТ СО РАН Л.В. Курас. г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает д.и.н., доцент, заведующая научным архивом БНЦ СО РАН В.Ц. Лыскова.
г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИМБТ СО РАН С.Г. Жамбалова.
г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает главный архивист отдела научно-справочного аппарата Государственного архива
Томской области А.С. Ворошилова. г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает д.и.н., директор Государственного архива Республики Бурятия Б.Ц. Жалсанова.
г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает д.и.н., доцент кафедры всеобщей и отечественной истории БГУ,
директор Научной библиотеки БГУ С.В. Васильева. г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает к.и.н, доцент, заведующий кафедрой истории Бурятии БГУ Н.С. Байкалов.
г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает к.и.н., член Бурятского регионального отделения Российского общества историков-архивистов В.М. Пыкин. г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает д.и.н., профессор кафедры всеобщей и отечественной истории БГУ В.Д. Дугаров.
г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает д.и.н., профессор кафедры истории БГСХА им. В.Р. Филиппова Л.А. Зайцева.
г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает д.и.н., ведущий научный сотрудник ИМБТ СО РАН С.В. Бурева. г. Улан-Удэ.
7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает д.и.н., доцент кафедры религиоведения и теологии БГУ Г.С. Митыпова.
г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах».
Выступает к.и.н., доцент, заведующая кафедрой всеобщей и отечественной истории БГУ
О.Н. Полянская. г. Улан-Удэ. 7 июня 2018 г.